This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

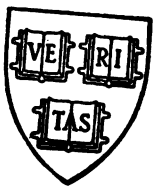
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 3243.700



HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

8785

A. J. PASSOV JURISCONSULT

ОЧЕРКИ
ЮЖНО-РУССКИХЪ АРТЕЛЕЙ
И
ОБЩИННО-АРТЕЛЬНЫХЪ ФОРМЪ.

Ф. Щербины.

Одесса.
Типо. Г. Ульриха, Красный переулокъ, домъ № 3-й.
1880.

Павлу Александровичу Гайдебурову. От автора.

ОЧЕРКИ

ЮЖНО-РУССКИХЪ АРТЕЛЕЙ

EX A. J. PASSOW JURISCONSULTI

И

ОБЩИННО-АРТЕЛЬНЫХЪ ФОРМЪ.

Ф. Щербины.

Изданіе С. Ф. Шаповалова.

ОДЕССА.

ТИПОГРАФІЯ Г. УЛЬРИХА, КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 3.

1881.

Slav 3243.700

SHCHERBINA

„OCHERKI IUZHNO-RUSS. ARTELEI"

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JAN 13 1972

Дозволено цензурою. Одесса, 9-го декабря 1880 г.

59*2

6050
87

Отъ издателя.

Будучи въ качествѣ издателя отвѣтственнымъ лицомъ предъ публикою и авторомъ, я считаю своею обязанностію сказать нѣсколько словъ о судьбѣ, постигшей изданную мною книгу. Книга эта, какъ это видно изъ цензорской помѣтки, разрѣшена къ печатанію 1-го сентября 1879 года. Авторомъ, разумѣется, она сдана мнѣ еще раньше этого времени, такъ что изданіе ея тянулось въ общей сложности около двухъ лѣтъ. И вотъ въ этомъ-то замедленіи изданія, посвященнаго почти исключительно фактическому освѣщенію одной изъ характернѣйшихъ и требующихъ неотложнаго, настоятельнаго изученія сторонъ въ жизни нашего народа, я, какъ издатель, и желаю оправдаться предъ публикою. Дѣло въ томъ, что замедленіе изданія меньше всего зависѣло именно отъ меня. Не смотря на то, что книга была разрѣшена цензурою, — въ началѣ текущаго года она была пріостановлена изданіемъ *понезависящимъ обстоятельствамъ*, и только во второй половинѣ сего года изданіе и печатаніе этой книги было разрѣшено уже Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати.

С. Шаповаловъ.

Отъ автора.

Предметомъ предлагаемыхъ очерковъ послужили артели и общинно-артельныя формы, встрѣчающіяся въ Малороссіи, Новороссійскомъ краѣ, Кубанской области и въ нѣкоторыхъ другихъ, смежныхъ съ ними мѣстностяхъ. Господствующимъ населеніемъ на всемъ этомъ пространствѣ являются малороссы, господствующія ассоціаціонныя формы—также чисто малорусскаго характера. Но такъ какъ рядомъ съ малороссами здѣсь же живутъ и другія народности и рядомъ съ малорусскими артелями встрѣчаются и артели иного характера, то поэтому, мы и дали всѣмъ встрѣчающимся на указанномъ пространствѣ артельнымъ и общинно-артельнымъ формамъ одно общее названіе «южно-русскихъ».

Предлагаемые очерки составлены большею частію по матеріаламъ, собраннымъ самимъ же мною. Многое изъ переданнаго въ очеркахъ я наблюдалъ самъ непосредственно, многое также сообщено мнѣ или участниками разнаго рода артельныхъ формъ, или же лицами, близко знакомыми съ этими формами. Нѣкоторые изъ очерковъ, именно: «Забродческія ватаги», «Крымскія соленромышленныя артели», «Косарскіе артели», «Толока», «Обычай снрягаться», «Артели половинщиковъ и артели съ части», «Гуртова», «Артель севастополь-

скихъ лодочниковъ» и «Рождественскія складки», въ нѣсколько измѣненномъ видѣ уже были помѣщены разъ въ «Недѣлѣ» за 1876 и 1877 годы. Другіе являются въ печати въ первый разъ.

Обстоятельства не позволили мнѣ изслѣдовать описанныя въ этой книгѣ ассоціаціонныя формы съ желаемою полнотою. Памятуя поговорку, что лучше что-нибудь, чѣмъ ничего, я рѣшился, поэтому, напечатать свои очерки въ томъ видѣ, въ какомъ найдетъ ихъ читатель ниже.

Собственно для нѣкоторыхъ изъ читателей, не лишне будетъ сдѣлать одну маленькую оговорку. Подробному описанію всѣхъ артельныхъ и общинно-артельныхъ формъ, я предпослалъ общій очеркъ этихъ формъ, желая такимъ образомъ освѣтить и сгруппировать ихъ основныя черты и особенности. Поэтому, тотъ, кто не пожелалъ бы знакомиться съ детальною стороною предлагаемой книги, можетъ ограничиться прочтеніемъ одного лишь перваго очерка.

Ф. Щ—на.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	Стр	Напечатано:	Вмѣсто.
8	23	анроодни	народной
30	2	проматерью	праматерью
43	26	сочитаніе	сочетаніе
46	22	*дилился*	производился
77	24	влачащіяся	влачащія
85	9	*черть*	группѣ
101	30	сила *привычки* и обыкновенія	сила обыкновенія
112	2	ассоціированныя	ассоціированья
153	15	въ звязи	въ связи
—	15	общество	общества
157	9	чумацкикъ	чумацкихъ
158	27	*мамяти*	памяти
162	7	«правитъ ухналі»	«править ухналі»
—	23	*наваренное*	навѣрное
167	29	историческаго выработаннаго	исторически выработаннаго
176	20	тамія	такія
181	14	или	шли
—	24	одно	одного
200	10	бакальйные	бакалейные
226	5	одною	одно
231	21	выпльваютъ	выпиваютъ
240	27	Бубанская	Кубанская
245	16	общиннаг,	общинчаго
—	17	носит,	носитъ
—	20	«гурьбой»в	«гурьбой»,
—	21	сеомействъ	семействъ
256	18	такія явленія,	такое явленіе,
269	23	*вв* внѣ	внѣ
356	18	деньги,	деньгами,
363	5	*п* разныхъ	у разныхъ
—	18	«*д*рать въ пріймы»	«брать въ пріймы»
—	19	«*сиріймаиька*»	«пріймаиьска»
370	32	на степу	на спину
371	34	этотъ	тотъ
372	2	Кубанской	въ Кубанской
373	25	«*п*оварчіевъ»	«товарчіевъ»
374	17	*не имѣетъ*	не минетъ
—	27	скотоірада	скотокрада
377	32	*н*аколу	паколу
379	12	собственности. Чуть ли	собственности чуть ли

ОЧЕРКИ

ЮЖНО-РУССКИХЪ АРТЕЛЕЙ

и

ОБЩИННО-АРТЕЛЬНЫХЪ ФОРМЪ.

Дозволено цензурою. Одесса, 1-го Сентября 1879 года.

ЮЖНО-РУССКІЯ АРТЕЛИ

и

ОБЩИННО-АРТЕЛЬНЫЯ ФОРМЫ.

I.

Въ ряду разнаго рода воззрѣній на малорусскую народность встрѣчается одинъ довольно странный и во всякомъ случаѣ неосновательный взглядъ. Малороссы, въ силу этого взгляда, являются представителями крайняго индивидуализма, людьми экономической розни и особничества, приверженцами личной собственности и одиночнаго веденія дѣла. Общинное начало, поэтому, имъ совершенно чуждо; артели также не въ ихъ натурѣ. Оттого даже въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ малороссъ и любитъ такъ ту жизнь, которая характеризуется его же поговоркою: «моя хата скраю — я ничого не знаю». Однимъ словомъ, въ существѣ дѣла малороссы, какъ завзятые индивидуалисты, оказываются, на основаніи этого взгляда, людьми, лишенными тѣхъ соціальныхъ задатковъ и развитія, которые составляютъ одну изъ выдающихся чертъ въ характерѣ русскаго народа.

Что малороссы индивидуалисты — это такъ, положимъ, но при всемъ томъ чортъ все таки не такъ страшенъ, какъ его малюютъ. Виды индивидуализма бываютъ

вѣдь различные. Когда человѣкъ на все смотритъ исключительно съ точки зрѣнія своего личнаго я, когда всѣ свои взаимныя отношенія съ людьми онъ мѣряетъ мѣркою: «лишь бы мнѣ, а тамъ — хоть трава не рости» или — еще хуже — изображаетъ при этомъ собаку, лежащую на чужомъ сѣнѣ; тогда, конечно, индивидуализмъ принимаетъ самый вредный и самый противообщественный характеръ. Но если понимать индивидуализмъ, какъ нѣчто противоположное стадности, въ смыслѣ личной самостоятельности, обособленности въ опредѣленныхъ родахъ дѣятельности, тогда онъ легко уживается со всякими общественными формами и интересами. Въ такомъ видѣ индивидуализмъ не мѣшаетъ ни общинному землевладѣнію, ни артельнымъ формамъ труда, и что это дѣйствительно такъ бываетъ — въ этомъ легко можно убѣдиться фактами изъ жизни тѣхъ же малороссовъ-индивидуалистовъ.

Ни въ настоящемъ, ни тѣмъ болѣе въ прошедшемъ малорусской народности положительно нельзя найдти сколько-нибудь прочныхъ основаній для того, чтобы признать за малороссами какое-то племенное, естественное нерасположеніе къ ассоціаціонному началу. Малорусская исторія полна фактами борьбы изъ-за такихъ общественныхъ формъ и отношеній, которыя во всякомъ случаѣ могутъ быть отнесены только къ высшимъ проявленіямъ соціальной жизни. Долгая и упорная борьба малороссовъ съ поляками и народныя малорусскія возстанія въ періодъ этой борьбы носятъ именно такой характеръ. Тутъ дѣло шло не только о религіи, но и о лучшемъ соціальномъ строѣ, идеаломъ котораго считалась жизнь вольнаго козачества. И нигдѣ, можетъ быть, въ Россіи проведеніе въ народ-

ную жизнь общиннаго начала и ассоціаціонной связи не получало такого крайняго и оригинальнаго примѣненія, какъ въ жизни тѣхъ же малороссовъ. Яркій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Запорожская Сичь.

Правда, малорусскому племени далеко не посчастливилось въ историческомъ прошломъ. Малороссы — историческіе страдальцы, вынесшіе на своихъ плечахъ больше превратностей, невзгодъ и горя, чѣмъ всѣ другія народности, входящія въ составъ обширнаго русскаго государства. Много вреда принесло малорусскому племени это его исключительное историческое положеніе, но оно не убило окончательно въ малороссѣ добрыхъ гражданскихъ задатковъ — стремленія къ высшимъ справедливымъ отношеніямъ въ жизни общественной и къ кооперативнымъ формамъ труда въ области экономической.

Въ Малороссіи дѣйствительно въ самомъ корнѣ подрѣзана земельная община, но въ этомъ виноваты историческія обстоятельства, лежавшія внѣ народной воли и желаній. Тамъ, гдѣ не было этихъ обстоятельствъ, земельная община оказалась такою же неотъемлимою принадлежностью въ жизни малорусскаго племени, какою она является и въ жизни великорусскаго. Внѣ собственно Малороссіи и Юго-западнаго края, земельная община встрѣчается почти повсемѣстно между малорусскимъ населеніемъ. Такимъ образомъ, эту форму землевладѣнія можно найдти, хотя и не повсемѣстно, между малороссами, въ Новороссійскомъ краѣ, т. е. въ Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерніяхъ, затѣмъ повсемѣстно въ бывшей Черноморіи, составляющей часть нынѣшней Кубанской области, мѣстами въ Самарской, Воронежской и

др. губерніяхъ.*) Въ самой Малороссіи земельная община не умерла еще окончательно. Изрѣдка, мѣстами она встрѣчается въ Кіевской, Полтавской и Черниговской губерніяхъ**). Вообще же, хотя земля давно уже здѣсь раздѣлена подворно между большинствомъ крестьянскаго населенія, но выгоны или «толока» находятся большею частію въ общинномъ пользованіи. Сохранились также мѣстами нѣкоторые виды общинной собственности, напр. общественныя мельницы, и формы общиннаго труда, напр. общинной обработки земли въ пользу церквей и общественныхъ нуждъ. Но всего знаменательнѣе тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ малороссы пришли къ мысли о замѣнѣ участковаго, подворнаго землевладѣнія общиннымъ, общественнымъ, какъ объ этомъ заявлялось печатно***).

Такимъ образомъ, отсутствіе общиннаго землевладѣнія собственно въ Малороссіи ни мало не обусловливается національными особенностями малорусскаго племени. Тѣ же малороссы, при другихъ условіяхъ, въ другихъ мѣстахъ, удержали въ своей жизни общинно-земельныя формы въ ихъ чистомъ видѣ. Самая сельская община малороссовъ представляетъ весьма много такихъ сторонъ, которыя никакъ ужъ не могутъ быть объяснены малорусскимъ индивидуализмомъ. Нигдѣ въ Россіи намъ не приходилось встрѣчать такого яснаго и разумнаго пониманія правъ и интересовъ сельской общины тамъ, гдѣ они страдаютъ отъ разныхъ стороннихъ вліяній, какъ между малорос-

*) См. указанія на этотъ счетъ между прочимъ у Васильчикова въ гл. XII его книги «Землевл. и Землед.»

**) Тамъ же.

***) «Новое Время» за 1876 г. отъ 14 декабря.

сами. Стойкость и упорство малорусскихъ «громадъ» при отстаиваньи своихъ интересовъ, выражающаяся въ извѣстной формулѣ: «мы цёго не хочемъ», вошла въ поговорку.

Еще нелѣпѣе оказывается мнѣніе о томъ, что малороссы положительно не расположены къ артельнымъ формамъ труда, что артели какъ-то не вяжутся съ самымъ складомъ и характеромъ малорусской жизни, съ замкнутою натурою малоросса. Утверждать подобное мнѣніе значитъ или вовсе не знать дѣйствительной жизни, или же преднамѣренно отрицать всякое значеніе фактовъ. Въ экономической жизни малоросса артели всегда играли весьма важную роль. Безъ нихъ не обходился ни одинъ шагъ въ поступательномъ движеніи малороссовъ-колонизаторовъ съ сѣвера на югъ. Онѣ издавна легли въ основу торговыхъ отношеній малороссовъ съ окружающими народностями. Ими съ поконъ вѣку пользовался малорусскій народъ, занимаясь въ былыя времена такими рискованными промыслами, какъ рыболовство и добыча соли. Онѣ съ незапамятныхъ временъ были приложены къ уходу за скотомъ и къ звѣринной охотѣ. Онѣ же примѣнены самымъ широкимъ образомъ къ земледѣлію, при чемъ артельное начало здѣсь часто сливается съ общиннымъ. Наконецъ, артельный принципъ легъ въ основу даже бытовыхъ явленій, какъ напр. при складчинахъ и въ нищенствѣ. И если всѣ эти факты плохо или совсѣмъ не извѣстны нашей интеллигенціи, то, конечно, въ этомъ меньше всего виноватъ самъ малорусскій народъ.

И такъ, слѣдовательно, мнѣніе о какомъ-то племенномъ нерасположеніи малорусскаго народа къ ассоціаціонному началу оказывается сущею нелѣпостью. Это одинъ

изъ тѣхъ поклеповъ на народъ, которые возможны только при положительномъ незнаніи или при безсознательномъ игнорированіи фактовъ дѣйствительной жизни. Тутъ виновато, стало быть, собственно незнаніе интеллигенціи, ея безшабашное невниманіе къ тому, что на самомъ дѣлѣ есть и что составляетъ существенныя особенности нашего народа въ данный моментъ его историческаго развитія.

Но это именно поверхностное отношеніе нашей интеллигенціи къ дѣйствительной жизни и характерно для самаго вопроса объ южно-русскихъ артеляхъ и общинно-артельныхъ формахъ. Ясно, что уже самое существованіе взглядовъ подобныхъ приведенному выше указываетъ на непочатое состояніе тѣхъ вопросовъ, которыхъ они касаются. Ясно, слѣдовательно, что и вопросъ объ южно-русскихъ артеляхъ и общинно-артельныхъ формахъ также находится въ непочатомъ состояніи. Онъ не початъ, потому что непочаты и тѣ фактическіе матеріалы, на основаніи которыхъ онъ можетъ быть постановленъ, формулированъ и уясненъ. Нужно подмѣтить, изучить и сгруппировать частности, чтобы сдѣлать потомъ изъ нихъ общіе выводы. Разъ это не сдѣлано, общіе неопредѣленные взгляды могутъ только тормозить дѣло.

Дѣйствительно, серьезное изученіе южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ соединено съ весьма значительными затрудненіями. Печатные матеріалы по этому предмету крайне ограничены и ничтожны. Ходячія понятія объ этихъ явленіяхъ пока заключены въ малоизвѣстномъ кругу народной жизни. Общихъ опредѣленныхъ взглядовъ и цѣльныхъ обобщеній на этотъ счетъ въ интеллигентной публикѣ не существуетъ. Патентованные ученые и наука

совсѣмъ не касались разсматриваемыхъ нами формъ. Самая жизнь южно-русскаго народа покрыта цѣлою сѣтью всевозможныхъ экономическихъ неурядицъ и переворотовъ. Въ добавокъ ко всему этому южно-русская исторія совершенно смела и загладила слѣды и остатки нѣкоторыхъ весьма своеобразныхъ и характерныхъ артельныхъ и общинно-артельныхъ формъ южно-русскаго народа.

Такимъ образомъ, вопросъ объ южно-русскихъ артеляхъ и общинно-артельныхъ формахъ съ перваго же разу пріобрѣтаетъ для изслѣдователя характеръ трудно разрѣшимой задачи. Въ прошломъ этотъ вопросъ не извѣстенъ, въ настоящемъ неопредѣленъ. До сихъ поръ не было ни попытокъ, ни даже возможности, безъ надлежащаго знакомства непосредственно съ самою жизнію южно-русскаго населенія, намѣтить и обслѣдовать его сколько-нибудь всесторонне и обстоятельно. И многіе, очень многіе не только изъ стоящихъ близко къ литературѣ, но и къ жизни, не подозрѣваютъ даже о самой возможности его постановки и уясненія. За исключеніемъ чумацкихъ валокъ и ватагъ и двухъ-трехъ краткихъ замѣтокъ о другихъ южно-русскихъ артеляхъ, въ русской литературѣ, сколько намъ извѣстно, не было даже и рѣчи о какихъ-нибудь другихъ артеляхъ или общинно-артельныхъ формахъ южной Россіи.

Трудно сказать, не знали ли многіе изъ выдающихся изслѣдователей южно-русской жизни, или же просто упускали изъ виду, подъ вліяніемъ другихъ задачъ, существованіе южно-русскихъ артелей и общино-артельныхъ формъ, но что касается обыкновенныхъ смертныхъ, соприкасающихся непосредственно съ жизнію южно-русскаго населенія, то они вы-

казывали и выказываютъ иногда въ этомъ отношеніи непростительное верхоглядство и неряшливость. Спросите такихъ людей: встрѣчаются ли между малорусскимъ населеніемъ какія нибудь артельныя формы или хотя бы нѣчто похожее на нихъ? —и вамъ отвѣтятъ отрицательно. Но попросите тѣхъ же лицъ, разсказать вамъ что нибудь о «толокѣ», о томъ, что значитъ у малорословъ «спрягаться« или работать «гуртовою», косить съ «круга» или съ «ланка» и пр., пр., — и эти чудаки выложатъ предъ вами иногда довольно цѣнныя и богатыя свѣдѣнія объ южно-русскихъ артеляхъ и общинно-артельныхъ формахъ. Ясно, стало быть, что тутъ дѣло въ недорозумѣніи, въ незнаніи, въ непониманіи, въ отсутствіи сколько-нибудь цѣльнаго и законченнаго міросозерцанія на явленія соціальной жизни.

А между тѣмъ артельныя и общинно-артельныя формы труда, какъ онѣ складывались и складываютя въ южной Россіи, представляютъ чрезвычайно интересныя и своеобразныя явленія народной жизни. Это — живыя памятники прошедшаго, цѣпко держащіеся за народные обычаи и традиціи, не смотря на цѣлую массу самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ; это — высшія формы труда, опирающіяся на общественную справедливость й благо; это — несомнѣнно задатки будущаго для нароодни жизни, такія явленія, которыя глубоко кроются въ самой природѣ человѣка. Организація и складъ этихъ формъ, ихъ происхожденіе и развитіе, ихъ положеніе въ экономической жизни и соціальное значеніе для народа — все это, поэтому, имѣетъ двоякій интересъ, интересъ историческій и современный, и одинаково важно какъ для науки, такъ и для публицистики.

Но необходимо намѣтить общій характеръ разсматриваемыхъ формъ, чтобы сколько-нибудь оріентироваться въ этихъ, хотя и однообразныхъ по общимъ признакамъ явленіяхъ, но весьма разнообразныхъ какъ по своему происхожденію, такъ и по тѣмъ отряслямъ дѣятельности, къ которымъ онѣ прилагаются. Всѣ артельныя и общинно-артельныя формы можно разбить въ этомъ отношеніи на нѣсколько группъ.

Есть одна, чрезвычайно рѣзкая и своеобразная черта, проглядывающая во всемъ складѣ и характерѣ самыхъ древнихъ и самыхъ оригинальнѣйшихъ изъ южнорусскихъ артелей. Она состоитъ въ томъ, что въ основѣ этихъ артелей лежитъ одинъ общій народный идеалъ общественной жизни и отношеній. Поэтому, и самая организація этихъ артелей принадлежитъ къ одному и тому же общему для всѣхъ ихъ типу. Такъ какъ самымъ крайнимъ и законченнымъ выраженіемъ этого типа можно считать собственно древнюю Запорожскую общину, то, слѣдовательно, всѣ эти артели строятся, такъ сказать, по типу Запорожской Сичи. Сюда мы относимъ: чумацкія валки и ватаги, забродческія ватаги, древнія артели запорожскихъ охотниковъ, общество днѣпровскихъ рѣчныхъ рабочихъ и матросовъ и артели малорусскихъ торговцевъ-ходебщиковъ.

Всѣ эти артели—продуктъ собственно прошлой исторической жизни южно-русскаго населенія. Въ настоящемъ своемъ видѣ онѣ представляютъ только отжившія и отживающія формы народнаго труда и торговой или промысловой дѣятельности. Тамъ, гдѣ примѣненіе артельнаго начала является существенною необходимостію и гдѣ, слѣдовательно, артели не только продолжаютъ су-

ществовать, но и прогрессировать, артели этого типа уже измѣнили свой прежній организаціонный характеръ, сообразно съ условіями и требованіями новѣйшей жизни. Такимъ именно характеромъ отличаются крымскія солепромышленныя артели и отчасти артели косарей. Первыя—формы по преимуществу переходнаго типа, вторыя отличаются смѣшаннымъ характеромъ организаціи И тѣ, и другія носятъ еще кое-какіе слѣды, дѣлающіе ихъ близкими артелямъ, построеннымъ по типу Запорожской Сичи; но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ представляютъ и много такого, чѣмъ онѣ значительно отличаются отъ этихъ послѣднихъ. Мы, поэтому, также относимъ ихъ въ особую группу.

Рядомъ съ двумя предыдущими группами артелей существуютъ и другаго рода формы, существенно розня щіяся отъ предыдущихъ какъ по своей организаціи, такъ и по происхожденію. Та общая связь, которая соединяетъ эти разнообразныя формы въ одну группу, заключается прежде всего въ томъ, что всѣ онѣ прилагаются въ области, такъ сказать, домашней жизни. Это—земледѣльческія и сельскохозяйственныя формы. Но есть затѣмъ и другая, уже болѣе важная и характерная черта, связывающая ихъ между собою еще тѣснѣе. За немногими исключеніями, всѣ эти формы носятъ какой-то двойственный характеръ подъ вліяніемъ двухъ положенныхъ въ основу ихъ началъ—артельнаго и общиннаго. Это, слѣдовательно, общинно-артельныя формы, такія формы, большинство которыхъ получило свое начало въ зависимости отъ общинно-земельныхъ отношеній или покрайней мѣрѣ, сложилось подъ прямымъ вліяніемъ вообще общинныхъ обычаевъ и традицій. Къ этой группѣ мы

относимъ: «толоку», обычай «спрягаться», артели половинщиковъ и артели съ части, артели нѣженскихъ табачницъ, «гуртову», арендаторскія артели, новѣйшія земледѣльческія артеле-общинныя формы, артели «чередниковъ» и почтовыя артели.

Слѣдующую затѣмъ группу артелей составляютъ тѣ изъ нихъ, складъ которыхъ отличается не мѣстнымъ южно-русскимъ характеромъ и особенностями. Артели этой группы отличаются отъ всѣхъ другихъ формъ тѣмъ, что въ составъ ихъ входитъ болѣе пришлый, чѣмъ мѣстный, южно-русскій людъ; рядомъ съ малороссами въ нихъ входятъ также и великороссы, и во многихъ случаяхъ это послѣдніе далеко преимуществуютъ предъ первыми. И вотъ этотъ-то пришлый велико-русскій элементъ и придалъ самому складу артелей свой національный характеръ. Это, слѣдовательно, артели скорѣе велико-русскаго типа, чѣмъ мѣстнаго мало-русскаго. Таковы: артель севастопольскихъ лодочниковъ, артели бендюжниковъ или «дрогалей» и артели плотниковъ и каменьщиковъ.

Къ послѣдней группѣ южно-русскихъ артелей можно отнести тѣ изъ нихъ, которыя не подходятъ ни подъ одну изъ четырехъ предыдущихъ группъ. Отличительную черту ихъ составляютъ не только ихъ складъ и оранизація, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя области ихъ дѣятельности. Артели этого рода несомнѣнно чисто южно-русскаго происхожденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ назначеніе и задачи не имѣютъ ничего общаго съ тѣми цѣлями, какія преслѣдуются всѣми остальными южно-русскими артелями и общинно-артельными формами. Однѣ изъ этихъ артелей прилагаются въ сферѣ такой обязательной дѣятельности, какъ

отбываніе военной повинности, другія — просто лишены всякой экономической народно-трудовой окраски. Это батальонныя артели и артели нищихъ.

Наконецъ, въ народной жизни встрѣчаются, кромѣ того, и другаго рода формы, имѣющія повидимому нѣкоторыя общія точки прикосновенія съ только-что перечисленными. Это — не артели и не общинно-артельныя формы въ точномъ смыслѣ этихъ словъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это такія формы, которымъ не чуждо также и артельное начало. Въ однѣхъ изъ этихъ формъ артельное начало совершенно уже утратило свой первоначальный характеръ и самыя формы видимо представляютъ только осколки когда-то существовавшихъ артельныхъ формъ, въ другихъ артельное начало прилагается къ дѣлу не какъ экономически-трудовой факторъ народной жизни. Такими именно формами оказываются организація чабановъ, такъ называемыя «складки» и организація конокрадовъ.

Было бы большею натяжкою ставить послѣднюю группу формъ на одну доску съ четырьмя предыдущими. Формъ этихъ нельзя назвать ни артелями, ни общинно-артельными формами въ строгомъ смыслѣ этихъ терминовъ потому, что ни одна изъ нихъ не представляетъ собою экономическаго въ положительномъ смыслѣ фактора народной жизни. Ближе всѣхъ къ перечисленнымъ выше формамъ стоитъ повидимому организація чабановъ, но она представляетъ собою только одну внѣшнюю форму артели безъ всякаго внутренняго содержанія. Что касается «складокъ» и въ особенности организаціи конокрадовъ, то, не смотря на то, что формы эти держатся на ассоціаціонномъ началѣ, онѣ всетаки представляютъ одни отрицательные

факторы въ экономической жизни народа. Все это, однимъ словомъ, такія формы, складъ и организація которыхъ заимствованъ отъ чисто артельныхъ формъ южной Россіи и приложенъ затѣмъ въ такихъ сферахъ дѣятельности, гдѣ не имѣетъ мѣста въ однихъ случаяхъ народное артельное начало, въ другихъ народный производительный трудъ. Вѣрнѣе всего, поэтому, назвать эти формы отъ-артельными формами. Въ такомъ видѣ онѣ служатъ только чѣмъ-то придаточнымъ, косвенно уясняющимъ отличительныя черты южно-русскаго артельнаго начала, какъ выразилось оно въ большинствѣ типическихъ южно-русскихъ артельныхъ формъ.

Такимъ образомъ, не принимая даже въ расчетъ южно-русскихъ отъ-артельныхъ формъ, всѣ остальныя артели и общинно-артельныя формы можно разбить на пять болѣе или менѣе отличныхъ одна отъ другой группъ, въ составъ которыхъ входитъ болѣе двадцати совершенно самостоятельныхъ формъ. Общая характеристическая черта всѣхъ этихъ формъ заключается въ томъ, что всѣ онѣ— чисто обычныя формы народной жизни, всѣ онѣ въ такомъ видѣ самымъ близкимъ и непосредственнымъ образомъ касаются народной жизни, воззрѣній и труда. Самое подраздѣленіе ихъ на группы не представляетъ чего-либо крѣпко устойчиваго, составляющаго, такъ сказать, ихъ неотъемлемую существенную принадлежность. Подраздѣленіе это — дѣло удобства для лучшей характеристики и уясненія разныхъ оттѣнковъ и особенностей въ построеніи всѣхъ этихъ формъ.

II.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію артелей первой группы, необходимо намѣтить предварительно нѣкоторыя общія черты той формы, которую нужно считать самымъ полнымъ и законченнымъ выраженіемъ общаго всѣмъ этимъ артелямъ плана построенія, необходимо очертить сначала общую организацію Запорожской Сичи. Это тѣмъ настоятельнѣе въ данномъ случаѣ, что историческое прошлое важнѣйшихъ артельныхъ формъ первой группы тѣсно переплетено съ самымъ существованіемъ Запорожской общины Тутъ важно, слѣдовательно, взаимное уясненіе цѣлаго ряда аналогичныхъ между собою формъ.

Исторія не оставила прямыхъ и точныхъ указаній на то, какъ и когда собственно возникла Запорожская Сичь. Но отсутствіе этихъ тонкостей и не представляетъ предмета особенной важности для характеристики этой своеобразнѣйшей общины. Важны собственно тѣ причины, въ зависимости отъ которыхъ находилось какъ возникновеніе Запорожской Сичи, такъ и самое ея существованіе. Важна затѣмъ преимущественно организація этой знаменитой коммуны.

Надо, впрочемъ, полагать, что Запорожская Сичь возникла никакъ не позже начала второй половины XVI столѣтія. Покрайней мѣрѣ подъ 1568 годомъ уже находится прямое указаніе въ историческихъ актахъ на нее, какъ на самостоятельно существовавшую военную общину*). Стало быть, началомъ, если не возникновенія

*). Костомаровъ. «Южная Русь и козачество», стр 39. Максимовичъ, впрочемъ, относитъ возникновеніе Запорожской Сичи къ болѣе раннему времени. «Несправедливо, говоритъ онъ, вмѣнять Дашко-

Запорожской Сичи, то укрѣпленія ея въ смыслѣ болѣе или менѣе законченной организаціи, можно считать вообще средину XVI вѣка. Это весьма знаменательная эпоха въ исторіи южно-русскаго народа; это начало всеобщаго движенія народной южно-русской массы, начало ея недовольства соціальнымъ строемъ и гнетущими политическими и экономическими условіями; это то время, когда эта недовольная масса начала постепенно выдѣлять изъ среды своей протестующее козачество. Запорожская Сичь явилась въ этомъ случаѣ только самымъ выдающимся, самымъ полнымъ и законченнымъ звеномъ въ массовомъ движеніи народа. Запорожцы были прежде всего козаками, ихъ община служила выраженіемъ козачьяго идеала свободной жизни, — а все это вмѣстѣ было завѣтной мечтой самаго народа.

Нельзя согласиться съ историкомъ Запорожской Сичи Скальковскимъ, что Сичь, представлявшая съ его точки зрѣнія нѣчто въ родѣ рыцарскаго ордена, организовалась подъ прямымъ и положительнымъ вліяніемъ поляковъ, потому что, какъ орденъ, имѣла въ виду главнымъ образомъ борьбу съ врагомъ христіанства — исламизмомъ. Вліяніе поляковъ на образованіе Запорожской Сичи несомнѣнно, но это было, во первыхъ, чисто отрицательное вліяніе, а, во вторыхъ, непосредственное вліяніе по-

---

вичу первоначальное образованіе и устроеніе запорожскихъ выходцевъ Товариство запорожское съ своимъ общиннымъ устройствомъ и съ своими отаманами существовало еще прежде, чѣмъ Дашковичъ вернулся изъ Москвы и сталъ на Руси кіевской» (Максимовичъ. Собр. сочин. т. 1-й, стр. 292), а Дашковичъ воротился изъ Москвы въ 1508 году, стало быть, Сичь, по мнѣнію Максимовича, возникла во всякомъ случаѣ раньше этого года.

ляковъ на Сичь могло существовать только послѣ возникновенія уже Запорожскаго товарищества. «Козачество Украинское или Городовое и козачество Запорожское или Низовое, говоритъ Максимовичъ, существовало за долго до 1569 года, съ котораго можно вести начало историческаго вліянія поляковъ на Украину»*). Сичь, кромѣ того, одинаково вела борьбу какъ съ турками и татарами, такъ и съ поляками. Можно сказать даже болѣе этого. Впослѣдствіи Сичь разрослась и укрѣпилась подъ прямымъ вліяніемъ польскаго деспотизма и гнета. Такъ какъ съ самаго начала польскаго владычества надъ малороссами, т. е. съ 1569 г., была масса недовольныхъ этимъ владычествомъ элементовъ въ средѣ малорусскаго народа, а одиночная, разрозненная борьба этихъ элементовъ съ Польшею не достигала бы своей цѣли, то отсюда само собою возникала необходимость въ организаціи ихъ, одинъ изъ видовъ которой и представляла Запорожская Сичь. Сюда, въ эту своеобразную военную коммуну, и уходили изъ Малороссіи, какъ въ готовый притонъ, всѣ эти недовольные польскимъ владычествомъ элементы. Сичь, стало быть, была противовѣсомъ противъ гнетущаго польскаго вліянія на малорусскую народность и, конечно, по одному уже этому она должна была быть совершенно самобытнымъ явленіемъ въ исторической жизни малорусскаго народа.

Въ самомъ дѣлѣ, если взглянуть на дѣло нѣсколько шире, то легко убѣдится въ томъ, что Сичь не только не была слѣдствіемъ польскаго вліянія, но и самая

*) Максимовичъ. Собр. соч. т. 1-й, стр. 254.

ея организація выработалась и сложилась также совершенно самобытно, а не путемъ заимствованія у католическихъ духовныхъ орденовъ, какъ предполагаетъ все тотъ же Скальковскій [1]). Нѣкотораго рода аналогію въ организаціи между Сичью и рыцарскими орденами дѣйствительно всегда можно провести, но прямыя точки соприкосновенія въ этомъ отношеніи врядъ ли когда-нибудь существовали. Даже такая общая черта, какъ отсутствіе семьи и женщинъ и въ Сичи, и въ рыцарскихъ орденахъ обусловливалась далеко не одними и тѣми же мотивами у Запорожцевъ и у рыцарей. Рыцарь давалъ чисто монашескій обѣтъ безбрачія. Запорожецъ избѣгалъ жены и семьи только въ самой Сичи и главнымъ образомъ потому, что оба эти элемента были не совмѣстимы съ строго военнымъ характеромъ его общины. Выходя изъ общины Запорожецъ женился или находилъ свою прежнюю семью и жилъ обыкновенною жизнію семьянина и отца. Сичь въ этомъ отношеніи была не единственной формой въ малорусской жизни. Отсутствіе женщинъ и семьи было общею характеристическою чертою и гайдамацкихъ, и разбойничьихъ шаекъ, и даже такихъ формъ, какъ рыболовныя или чумацкія ватаги. Черта эта обусловливалась частію самымъ характеромъ дѣятельности всѣхъ этихъ формъ, а частію была временнымъ признакомъ. Тѣ же самые Запорожцы поженились и обзавелись семьями, перешедши въ Черноморію, и такимъ образомъ съ измѣненіемъ внѣшнихъ условій измѣнили и самый характеръ своей общины.

*) А. Скальковскій, по словамъ Максимовича, «наряжаетъ наше Восточное народное рыцарство въ несвойственныя ему формы западно-рыцарскихъ орденовъ». (Максимовичъ, т. 1-й, стр. 592).

Но дѣло даже не въ различіи тѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ смотрѣли на женщину и семью сичевое товариство и католическіе рыцари. Если бы въ этомъ отношеніи между Сичью и рицарскими орденами и было что-нибудь общее, заимствованное первою у послѣднихъ, то организація Сичи все таки была бы самостоятельнымъ дѣломъ малоросса. Сичь сложилась и развилась изъ болѣе простѣйшихъ, но совершенно однохарактерныхъ съ нею и строго мало-русскихъ формъ. Въ основу этой организаціи легли казацкія шайки и промысловыя артели тогдашняго времени, а все это были такія формы, которыя уже не имѣли положительно никакого, хотя бы самаго малѣйшаго, отношенія къ духовнымъ рыцарскимъ орденамъ.

Вотъ что говоритъ между прочимъ по этому поводу Костомаровъ: «Вѣроятно, образованіе Запорожской Сичи совершилось не вдругъ, а постепенно, и возникло изъ рыболововъ и звѣролововъ, которые какъ, показываютъ акты конца XV и начала XVI вѣковъ, издавна имѣли обычай отправляться весною къ порогамъ и за пороги ловить тамъ рыбу и звѣрей, а осенью возвращались на Украйну и въ украинскихъ городахъ продавали свѣжую и просоленную рыбу и звѣриныя шкуры. Условія пустыннаго края, куда отправлялись эти промышленники, были таковы, что они невольно должны были сдѣлаться воинами. Занимаясь ловлею и соленіемъ рыбы, они каждую минуту могли ожидать нападенія татаръ, и потому каждую минуту должны были быть готовыми отражать ихъ. Такое положеніе дѣлало ихъ бодрыми, храбрыми и быстрыми. Переплывать днѣпровскіе пороги было дѣло трудное и опасное и пріучало ихъ дѣлаться отважными

мореходцами. Изъ промышленнаго товарищества неизбѣжно должно было образоваться рыцарское. Стали ходить за пороги на острова и въ поле не только за рыбою и звѣрями, но и за военною добычею, нападали на татарскіе улусы, захватывали скотъ, лошадей, брали у побѣжденныхъ конскую сбрую и вооруженіе. Была еще иная приманка для удальцевъ ходить на Низъ. Изъ Турціи чрезъ Очаковъ шелъ торговый путь въ Московское государство: этимъ путемъ проходили купеческіе караваны съ товарами. Казаки нападали на нихъ и расхищали везомое богатство. Возвращаясь съ нимъ домой, они давали и другимъ поводъ покушаться на такой промыселъ. Украинскому населенію пришлись по вкусу такіе походы. Число отправлявшихся на Низъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. Тѣ, которымъ нравилась одинокая, бурлацкая жизнь, оставались въ построенномъ укрѣпленіи зимовать; то была, такъ называемая, сирома́, то есть сѣрая голь, которой нечего было жалѣть на родинѣ и для которой жизнь была копѣйка во всякое время. Другіе возвращались на Украину, но уже не хотѣли быть тѣмъ, чѣмъ судьба опредѣлила имъ быть до того времени, то есть нести мѣщанскія и сельскія повинности; они оставались и сами себя называли казаками».*)

Такимъ же происшедшимъ самобытно явленіемъ считаетъ Запорожскую Сичъ и другой историкъ—Максимовичъ. «Внѣшніе набѣги, говоритъ онъ, и внутреннее угнетеніе Литвы и Польши въ оное время (т. е. «въ литовскій періодъ Украины», съ 1340 года) общаго хаоса служило поводомъ къ составленію казачества за порога-

*) Костомаровъ. «Южная Русь и казачество», стр. 39 и 40.

ми Днѣпровскими, тамъ, гдѣ воинственный Святославъ сложилъ свою буйную голову, сей первообразъ головъ казацкихъ!.... Запорожье было гнѣздомъ, гдѣ родилась дружная, отважная, холостая ватага вольныхъ казаковъ, плодилась безъ матери, ибо для нея была Сичь мати, а Великій Лугъ батько. Казаковъ сводила и дружила жажда воли, мести, битвы, добычи, и всякій выходецъ, кто-бы онъ ни былъ, могъ сдѣлаться ихъ братомъ, товарищемъ, только-бы, принеся съ собою боевую отвагу, онъ принялъ Греческую вѣру и языкъ ихъ» *).

Такимъ образомъ, ядро Запорожской Сичи образовала малорусская вольница, отправлявшаяся на Низъ, т. е. на нижнія части Днѣпра, воевать, грабить и промышлять. Пользуясь здѣсь неограниченной свободой и ничѣмъ несдерживаемымъ своеволіемъ, эта вольница создала свою собственную, довольно своеобразную, жизнь во вкусѣ тогдашнихъ соціальныхъ идеаловъ. Дробилась ли она въ этомъ отношеніи на отдѣльныя группы и ватаги или составляла одно общее товарищество,—основнымъ типомъ организаціи и въ томъ, и въ другомъ случаѣ служилъ союзъ вольныхъ казаковъ съ однимъ покрайней мѣрѣ выборнымъ во главѣ. «Отаманъ» и «товариство» — вотъ тѣ два элемента, безъ которыхъ необходилось въ то время ни одно товарищество этихъ бѣглецовъ и охотниковъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, какимъ образомъ получилась эта форма организаціи въ жизни южнорусскаго народа—путемъ ли пріемственнаго развитія изъ другой болѣе древней формы, напр. изъ дружины, или же самостоятельно, подъ вліяніемъ од-

*) Максимовичъ. Собр. соч. т. 1-й, стр. 837 и 838).

нихъ тогдашнихъ историческихъ условій. Разъяснить это— дѣло историковъ. Но во всякомъ случаѣ врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію тотъ фактъ, что названный типъ организаціи въ это время былъ господствующимъ и едва ли не единственнымъ типомъ въ этомъ родѣ. Сама Запорожская Сичь заимствовала изъ жизни совершенно готовымъ этотъ типъ для своей организаціи, развивъ его потомъ до крайнихъ предѣловъ. Но разсмотримъ ближе, въ чемъ состояли основныя черты организаціи Запорожскаго товарищества.

Запорожская Сичь была, какъ извѣстно, строго демократической общиной. *) Она состояла изъ совершенно равноправнаго товарищества. Вся суть заключалась прежде всего въ этомъ товариществѣ, которое строго блюло и поддерживало выработанную опытомъ и обычаями организацію. На основаніи этихъ обычаевъ, каждый членъ товарищества имѣлъ полнѣйшее право на то или другое мѣсто въ сичевой іерархіи, лишь бы только совмѣщалъ въ своей особѣ необходимыя для этого качества. Здѣсь не было ни сословій, ни даже временнаго господствующаго въ строгомъ смыслѣ этого слова класса. Заправителями и распорядителями общины были только тѣ, кого выбирала община, и разъ они приходились ей не по нраву, она замѣняла ихъ другими выборными. Рады товариства и сходки ея представителей были высшими инстанціями, заправлявшими жизнію всей общины. Такимъ образомъ, Запорожская Сичь имѣла въ общихъ чертахъ слѣдующую организацію:

*) Все нижеслѣдующее описаніе Сичи заимствовано изъ 1 тома «Исторіи Новой Сѣчи» А. Скальковскаго.

Во главѣ общины стоялъ «отаманъ», носившій названіе «кошевого отамана» или просто «кошевого». Онъ былъ верховнымъ представителемъ Сичи, совмѣщавшимъ въ себѣ военную, политическую, гражданскую и даже духовную власть. Онъ велъ, поэтому, дипломатическія сношенія съ другими государствами отъ своего имени, былъ главнымъ военачальникомъ и судьей, разрѣшавшимъ даже смертные приговоры, и главнымъ выборнымъ распорядителемъ въ сферѣ гражданской и экономической жизни общины.

За отаманомъ слѣдовали «судья», «писарь» и «осаулъ». Всѣ эти лица вмѣстѣ съ отаманомъ составляли такъ называемую «войсковую старшину», хотя и занимали болѣе низкія сравнительно съ кошевымъ мѣста въ сичевой іерархіи. Они были чѣмъ-то въ родѣ помощниковъ кошевого, и каждый изъ нихъ въ частности несъ соединенную съ его положеніемъ спеціальную службу. Судья былъ главою войсковаго суда и замѣнялъ кошевого на случай его отсутствія изъ Сичи, называясь въ такихъ случаяхъ «наказнымъ кошевымъ отаманомъ». Онъ же былъ кошевымъ казначеемъ и охранителемъ войсковаго «скарбу», т. е. казны, и «арматы», т. е. артиллеріи. Писарь былъ главнымъ сичевымъ секретаремъ, составлялъ и подписывалъ важнѣйшія бумаги. Онъ занималъ въ этомъ отношеніи нѣсколько исключительное положеніе, такъ какъ, по существовавшимъ запорожскимъ обычаямъ, войсковая старшина, за исключеніемъ писаря, должна была состоять изъ людей неграматныхъ *). Наконецъ, на осаула возлагались

*) Такъ покрайней мѣрѣ утверждаетъ Скальковскій, что однако весьма сомнительно. Въ исторіи есть прямыя указанія на то, что ко-

главнымъ образомъ полицейскія обязанности. Ему поручались преслѣдованія воровъ и гайдамакъ. Онъ производилъ иногда слѣдствія и приводилъ въ исполненіе приговоры. Въ военное время осаулъ (вмѣстѣ съ такъ называемымъ «обознымъ») былъ главнымъ помощникомъ кошевого при охраненіи порядка въ войскѣ и лагерѣ.

Но этими четырьмя должностными лицами далеко не исчерпывалась вся іерархія Сичи. Кромѣ разнаго рода мелкихъ второстепенныхъ властей, напр. «довбыша» (литаврщика), «пушкаря», «толмача» (переводчика), «кантаржея» (хранителя войсковыхъ вѣсовъ и мѣръ), разнаго рода канцеляристовъ и пр., — и въ предѣлахъ Сичи, и внѣ ея были и другія болѣе важныя должностныя лица. Такъ, все Запорожское товариство дѣлилось на 38 такъ называемыхъ «куреней» и въ каждомъ такомъ куренѣ былъ свой выборный отаманъ, который назывался «куреннымъ отаманомъ». Куренями запорожцы называли свои громаднѣйшія своеобразныя жилища, нѣчто въ родѣ казармъ, гдѣ они помѣщались въ количествѣ двухъ, трехъ, четырехъ и болѣе сотъ человѣкъ въ каждомъ куренѣ. Значитъ, куренное устройство касалось непосредственно самой обыденной жизни запорожцевъ и куренные отаманы играли, поэтому, чрезвычайно важную роль въ жизни Запорожья. Куренные отаманы, по словамъ Скальковскаго, пользовались особеннымъ уваженіемъ у запорожцевъ, имѣли сильное на нихъ вліяніе и, по всей вѣроятности, такое свое положеніе и роль удержали за собою отъ са-

---

шевыми были граматные люди, напр. Хмельницкій, человѣкъ весьма образованный по своему времени.

мыхъ древнихъ и патріархальныхъ временъ Запорожской общины. Тотъ, кто не былъ куреннымъ отаманомъ, не могъ попасть въ войсковую старши́ну. Лица, сложившія съ себя званіе войсковой старши́ны, считали для себя честью быть избранными въ куренные отаманы. Въ лицѣ куреннаго отамана соединялась власть отца и хозяина. Пользуясь этою властію, онъ заправлялъ казаками своего куреня совершенно самостоятельно и независимо и часто жестоко наказывалъ провинившихся, не спрашивая на это согласія ни у кошевого, ни вообще у войсковой старши́ны. На его рукахъ находился куренной «скарбъ». На сходахъ и радахъ товари́ства куренные отаманы играли самую важную роль, и если кошевой пользовался ихъ поддержкою, то онъ былъ совершенно застрахованъ отъ всякихъ выходокъ и нажимокъ товари́ства; въ противномъ случаѣ его власть и положеніе были до крайности шатки. Однимъ словомъ, куренные отаманы были своего рода патріархами Сичи.

Такъ какъ затѣмъ Сичь имѣла кромѣ того свои владѣнія, свои земли и угодья, заселенныя женатыми и семейными казаками, то для управленія этими послѣдними, она избирала такъ называемыхъ полковниковъ, раздѣливши всѣ свои владѣнія на нѣсколько территоріальныхъ частей, извѣстныхъ подъ именемъ «паланокъ». Должностная іерархія каждой паланки изображала въ маломъ видѣ іерархію самой Сичи. Полковникъ былъ, такъ сказать, паланочнымъ отаманомъ и вмѣстѣ съ подчиненными ему писаремъ, осауломъ, подъ-осауліемъ и подписаріемъ составлялъ полковую старши́ну. Тамъ, гдѣ существовали перевозы, игравшіе роль таможенныхъ пунктовъ, были такъ называемые «шафари», своего рода таможенные на-

чальники, составлявшіе также съ писарями, подшафаріями и подписаріями старшину войсковыхъ перевозовъ.

Такимъ образомъ, вся выборная сичевая іерархія, заправлявшая Сичью и принадлежавшими ей владѣніями, носила около 20 различныхъ званій*), при чемъ въ одномъ и томъ же званіи часто было по нѣскольку лицъ. Всѣ эти лица выбирались ежегодно изъ среды товариства. Съ этою именно цѣлію 1 генваря каждаго новаго года все запорожское товариство и собиралось обыкновенно на одну общую раду, въ которой всякій казакъ имѣлъ голосъ на равнѣ съ кошевымъ и старшиною и которая представляла въ такомъ видѣ высшую народную инстанцію. Были, кромѣ того, рады по куренямъ, по паланкамъ и военныя и войсковыя сходки, составлявшіяся изъ войсковой старшины.

Таже іерархія оставалась и въ военное время, но количество входящихъ въ нее лицъ значительно пополнялась новыми выборными. Такъ, въ составъ войсковой старшины, кромѣ кошевого, судьи, осаула и писаря, входили: «войсковый обозный», войсковый булавничій», «войсковый хорунжій», «войсковый бунчужный» и войсковый перначникъ»; кромѣ палоночныхъ полковниковъ, избирались походные полковники и пр. Но избиралась ли запорожская іерархія въ мирное или въ военное время,

*). Именно: кошевого отамана, войсковаго судьи, войсковаго писаря, войсковаго осаула, куреннаго отамана (38), полковника (7), шафаря (2), полковаго писаря (9), полковаго осаула (7), полковаго подписарія (9), полковаго подъ-осаулія (7), подшафарія (2), войсковаго подъ-осаулія, войсковаго довбыша, поддовбышняго, канцелярскихъ служителей разнаго званія (20), войсковаго пушкаря, подпушкарнаго и гармаша (8), а всѣхъ вмѣстѣ, слѣдовательно, 118 человѣкъ, какъ значилось въ сичевомъ спискѣ 1755 года.

существенныя черты іерархической организаціи оставались одни и тѣ же: во первыхъ, всѣ должностныя лица были выборными, и во вторыхъ основной планъ сичевой организаціи оставался господствующею формою во всѣхъ частяхъ этой организаціи. Существенные элементы этой организаціи составляли, съ одной стороны, отаманъ, а съ другой, равноправное во всѣхъ отношеніяхъ товариство. Въ такомъ именно первобытномъ видѣ сохранился этотъ планъ въ организаціи куреней. Тутъ было только куренный отаманъ и куренное товариство, и эту именно ячеичную форму организаціи Скальковскій считаетъ уцѣлѣвшею въ позднѣйшей Сичи съ давнихъ, потріархальныхъ временъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ между главнымъ выборнымъ и товариствомъ замѣшивались и другія должностныя лица, хотя, конечно, основной организаціонный планъ оставался все тѣмъ же и для куреней, и для паланокъ, и для всей Сичи. Этого мало. Тотъ же основной планъ организаціи, какъ мы сейчасъ увидимъ, былъ прилагаемъ запорожцами и въ повседневной ихъ экономической жизни и въ жизни промысловой.

Собственно Запорожская Сичь представляла общину безбрачныхъ членовъ. Здѣсь не было ни женщинъ, ни семьи. Кошъ, какъ главное мѣстожительство запорожцевъ, былъ такимъ мѣстомъ, куда не могла ступить нога ни одной женщины, даже сестры или матери запорожца. Здѣсь не было также ни частной собственности,*) ни частнаго хозяйства. Экономическая и промысловая жизнь общины

*) «Должно полагать, говоритъ Скальковскій, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ казакъ (запорожецъ) не имѣлъ другой собственности, кромѣ коня и оружія», Т. I-й, стр. 110, а иногда и денегъ, прибавимъ отъ себя.

носила характеръ общинной собственности и производства. Земли, угодья, сичевыя строенія — все это принадлежало всему товариству. Казаки жили въ куреняхъ большими ватагами, своего рода безбрачными семьями, и содержались здѣсь на общій счетъ куреня. Вся Сичь имѣла одно общее стадо, которымъ заправляло особое выборное лице, извѣстное подъ именемъ «войсковаго стадника». Однимъ словомъ, выражаясь языкомъ Скальковскаго, «въ составѣ всякой (запорожской) команды (т. е. мелкой общественной формы): военной, артеллерійской, провіантской, даже въ школѣ и церковномъ причтѣ одинъ и тотъ же былъ порядокъ: былъ всегда отаманъ, писарь и одинъ казакъ былъ кухаремъ, считаясь за то выше всѣхъ товарищей, исключая отамана».*)

Такъ какъ запорожскому товариству принадлежали вмѣстѣ съ тѣмъ довольно обширныя владѣнія, состоявшія изъ земель и разнаго рода угодій, и на этихъ земляхъ женатые и семейные казаки жили въ качествѣ подданства, въ качествѣ зависимаго, подчиненнаго Сичи элемента; то ежегодно, на Новый годъ, вмѣстѣ съ избраніемъ старшины и должностныхъ лицъ, запорожская рада «кидала лясы», т. е. бросала жребій на запорожскіе земли и угодья. Распредѣливши такимъ образомъ лучшія и необходимыя угодья между сичевымъ товариствомъ, община представляла остальную часть своихъ угодій въ распоряженіе подданства. И точно также какъ и во всѣхъ другихъ своихъ распорядкахъ, сичевики и къ самой экономической и промысловой жизни внѣ Коша также прилагали

*) Скальковскій. Т I-й, стр. 111 и 111.

артельную организацію, примѣняя ее къ дѣлу въ типической формѣ Запорожской Сичи. Таковы именно были запорожскія чумацкія ватаги, рыболовныя артели, артели звѣролововъ и артель днѣпровскихъ лоцмановъ, формы, которыхъ мы коснемся болѣе подробно ниже въ своемъ мѣстѣ. Наконецъ, само подданство разбивалось на множество мелкихъ общинныхъ поселеній, и каждое такое поселеніе въ миніатюрѣ также изображало собою Запорожскую Сичь: въ немъ также, какъ и въ Сичи, былъ свой отаманъ, не кошевый, а громадскій, и свое товариство, не безбрачные сичевики, а семейные громадяне.

И такъ, слѣдовательно, Запорожская Сичь представляла собою строго демократическую общину, такую форму, въ которой ассоціаціонное начало было проведено однообразно и съ строжайшею послѣдовательностью во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ, и притомъ форму чисто обычную. Сичь жила не писанными законами и регламентаціями, а обычаями и традиціями. Разъ сложившись въ болѣе или менѣе устойчивое цѣлое, эта своеобразная соціальная форма потомъ окрѣпла и развилась только подъ вліяніемъ народныхъ обычаевъ и традицій. На основаніи этихъ обычаевъ и традицій, выбирались правящія лица и собирались казачьи рады и сходки, — и въ этомъ состоялъ весь сичевой обычный кодексъ. Такимъ образомъ, и основной планъ сичевой организаціи, выразившійся въ равноправномъ товариществѣ съ выборнымъ отаманомъ во главѣ, сдѣлался также обычнымъ пріемомъ въ чисто формальномъ отношеніи при урегулированіи ея жизни. Этого мало. Какъ обычная ассоціаціонная форма, этотъ пріемъ распространился или, вѣрнѣе, жилъ и за предѣлами

самой Сичи, оставшись живучимъ даже тогда, когда разрушилась эта послѣдняя. Такой именно примѣръ пережившихъ Сичевую общину формъ представляютъ собою артели, организуемыя по типу Запорожской Сичи.

III.

Къ первой группѣ артелей, какъ мы знаемъ уже изъ предыдущаго, можно отнести собственно только шесть формъ: чумацкія валки, забродческія ватаги, артели запорожскихъ звѣролововъ, артель днѣпровскихъ лоцмановъ, артели днѣпровскихъ рѣчныхъ рабочихъ и матросовъ и артели малорусскихъ торговцевъ-ходебщиковъ. Все это — артели, организуемыя по типу Запорожской Сичи и представляющія по своему строенію извѣстную аналогію между собою. Но не всѣ онѣ имѣютъ одно и то же отношеніе къ Запорожской Сичи въ историческомъ ходѣ ихъ развитія. Однѣ изъ нихъ существовали уже раньше, чѣмъ возникла эта послѣдняя, и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ мы выше видѣли, даже послужили тѣми ячеичными формами, изъ которыхъ она и образовалась. Таковы именно рыболовныя ватаги и артели звѣролововъ. Формы эти, какъ свидѣтельствуютъ историческіе акты XV и XVI столѣтій, несомнѣнно предшествовали возникновенію Запорожской Сичи и способствовали этому возникновенію, хотя впослѣдствіи въ свою очередь и должны были испытать на себѣ непосредственное вліяніе самой Сичи, какъ болѣе совершенной и законченной формы. Точно также и чумацкія валки существовали далеко раньше возникновенія Сичи. Другія имѣли болѣе зависимое, покрайней мѣрѣ по времени, отношеніе къ Запорожской общинѣ, которая прямо

или косвенно, вмѣстѣ съ другими формами послужила для нихъ проматерью. Такъ, артель днѣпровскихъ лоцмановъ получила свое начало непосредственно въ Сичи, а артели малорусскихъ торговцевъ-ходебщиковъ навѣрное возникли тогда уже, когда Сичь доживала послѣдніе свои годы или когда, можетъ быть, она совсѣмъ перестала уже существовать. Въ первомъ случаѣ Сичь имѣла прямое и непосредственное вліяніе, а во второмъ вліяніе ея, хотя бы самое отдаленное и косвенное, могло выразиться формальнымъ образомъ на складѣ артелей, построенныхъ по общему съ нею типу. Наконецъ, артели днѣпровскихъ рѣчныхъ рабочихъ и матросовъ также вѣроятно возникли только въ относительно позднѣйшее время и, значитъ, также заимствовали свою организацію у другихъ формъ. Такимъ образомъ, если принять во вниманіе большинство артельныхъ формъ, относящихся къ первой группѣ, то ихъ можно разсматривать только какъ аналогичныя съ Запорожской общинной по строенію формы, а не какъ пріемственныя или непосредственнымъ путемъ развившіяся изъ нея. Такая точка зрѣнія на нихъ существенно важна. Дѣло въ томъ, что ни Сичь для разсматриваемыхъ здѣсь артелей, ни эти артели для Сичи не служили причинами возникновенія. Исторически многія изъ этихъ формъ дѣйствительно тѣсно переплетены между собою, но только потому, что онѣ складывались подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же историческихъ условій и обстоятельствъ. Въ дѣйствительности же Сичь отличалась отъ аналогичныхъ съ нею по строенію артелей по самому уже существу, хотя нѣкоторыя изъ артелей имѣли даже въ ней мѣсто, какъ частные факторы въ ея жизни.

Общая характеристическая черта разсматриваемыхъ формъ заключалась въ томъ, что чуть ли не съ самаго своего возникновенія онѣ носили военный характеръ, но черта эта имѣла обратное для Сичи и артелей (конечно, древнѣйшихъ) значеніе. Сичь была по преимуществу военной общиной, ходя ей не чужда была также и извѣстнаго рода промышленность, какъ экономически-трудовой факторъ въ ея жизни, ради чего она и прибѣгала къ артелямъ. Артели, наоборотъ, всегда были прежде всего промысловыми товариществами, но и въ началѣ своего существованія, и впослѣдствіи онѣ несомнѣнно носили военную организацію. Прямую задачу первой составляла война, ближайшею цѣлію вторыхъ была мирная экономическая дѣятельность. Между Сичью и артелями была повидимому въ этомъ отношеніи существенная разница, но разница эта оказывалась тѣмъ менѣе замѣтною, чѣмъ неопредѣленнѣе и неспокойнѣе, такъ сказать, были окружающія условія. Разница эта стала обнаруживаться все болѣе и болѣе только впослѣдствіи, такъ что артели пережили, наконецъ, самую Запорожскую Сичь, превращаясь постепенно въ мирныя формы труда и промысловой дѣятельности.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ достигнуть настоящаго своего развитія или, вѣрнѣе, настоящей степени своей атрофировки, артельныя формы этого рода, т. е. чумацкія и забродческія ватаги, артели звѣролововъ и артель лоцмановъ, прошли длинный искусъ самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ вліяній. Получивши полувоенный характеръ, благодаря вліянію временныхъ историческихъ условій и обстоятельствъ, онѣ не удержали его за собою

впослѣдствіи, а сохранили только одну внѣшнюю организацію, какъ слѣдствіе такого характера. Мѣнялось внутреннее содержимое и оставалась цѣлою внѣшняя форма. Стало быть, форма эта служила обычнымъ вѣковымъ пріемомъ, къ которому приноравливалъ артельное начало народъ. Стало быть, и тѣ внѣшнія причины, подъ вліяніемъ которыхъ она выроботалась и сложилась, нужно искать не въ настоящемъ или ближайшемъ къ современному строю народной жизни времени, а въ тѣ отдаленныя времена, когда малорусскій народъ выносилъ тяжелую историческую пытку войнъ, насилій и грабежей.

Если ограничить періодъ первоначальнаго существованія разсматриваемыхъ нами артельныхъ формъ XVI, XVII и большею половиною XVIII столѣтій, то положеніе покрайней мѣрѣ большинства ихъ окажется во все это время вполнѣ зависимымъ отъ военныхъ условій и обстоятельствъ. Чумацкія валки и ватаги, рыболовныя артели, ватаги звѣролововъ и артель днѣпровскихъ лоцмановъ— все это были такого рода формы, существованіе которыхъ было тѣсно связано съ крайнимъ югомъ нынѣшней Россіи по мѣсту ихъ дѣятельности, а именно крайній югъ въ эти три столѣтія и страдалъ особенно отъ разнаго рода военно-разбойничьихъ посягательствъ и неурядицъ. Жизнь и дѣятельность труженика подвергалась здѣсь опасности на каждомъ шагу. Войны, грабежи и набѣги то и дѣло переворачивали вверхъ ногами весь тогдашній экономическій строй. Промышленникъ долженъ былъ быть не только труженникомъ, но и воиномъ. Занимаясь тѣмъ или другимъ промысломъ, онъ принужденъ былъ разомъ защищать и себя, и продукты своего труда.

Къ тому же и самъ онъ превращался зачастую въ человѣка, жившаго войной и грабежомъ и смотрѣвшаго на экономическій трудъ и промыслы, какъ на подспорье для этой жизни. При такихъ условіяхъ одинокая борьба и дѣятельность были немыслимы. Можно было жить только тѣсно сплоченными группами, товариществами, дѣйствовать только коллективно, шайками. Значитъ, ставили ли южно-руссы, уходившіе въ это время на крайній югъ нынѣшней Россіи, на первомъ планѣ своей жизни войну, грабежи и набѣги, или же промыслы и экономическій трудъ, — ассоціаціонная форма жизни являлась для нихъ во всякомъ случаѣ существенною необходимостью. Безъ нея, этой формы, не мыслима была и самая жизнь. Но разъ такая форма была не избѣжна, она, въ силу той же необходимости, должна была получить специфическую окраску своего времени, сдѣлавшись чѣмъ-то общимъ и до извѣстной степени однообразнымъ, должна была получить такой складъ и характеръ, который наиболѣе соотвѣтствовалъ тогдашнимъ историческимъ условіямъ. Такимъ именно путемъ и получили разсматриваемыя здѣсь артельныя формы свою военно-дисциплинированную организацію. На нихъ отразился общій военный духъ тогдашняго неспокойнаго времени, и онѣ такимъ образомъ оказывались формами, близкими Запорожской Сичи и по духу, и по организаціи, но формами вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе мелкими, второстепенными и присущими какъ самой этой общинѣ, такъ и вообще жизни малорусскаго народа.

Что касается остальныхъ двухъ формъ — артелей днѣпровскихъ рѣчныхъ рабочихъ и матросовъ и артелей малорусскихъ крамарей-ходебщиковъ, то онѣ, очевидно,

представляютъ продуктъ позднѣйшей жизни. На это по-крайней мѣрѣ указываетъ ихъ настоящій видъ и характеръ дѣятельности. Самое происхожденіе ихъ, поэтому, совершилось внѣ того вліянія, которое отразилось на характерѣ другихъ формъ этой группы. Ни военныя обстоятельства, ни политическія и гражданскія неурядицы и неопредѣленность не играли повидимому по отношенію къ нимъ никакой существенной роли. Онѣ возникли просто потому, что возникли новые роды экономической и торговой дѣятельности, въ области которыхъ онѣ получили свое примѣненіе. Самую организацію онѣ получили путемъ заимствованія отъ другихъ артельныхъ формъ. Въ народной жизни существовала уже типическая форма ихъ организаціи, и народу просто пришлось только приложить эту форму къ вновь возникшимъ явленіямъ. Значитъ, артели днѣпровскихъ рѣчныхъ рабочихъ и матросовъ и артели малорусскихъ торговцевъ-ходебщиковъ имѣютъ ту общую точку соприкосновенія съ другими формами этой группы, что всѣмъ имъ свойственны одни и тѣ же черты построенія.

Въ чистомъ видѣ типическая организація артелей первой группы существовала главнымъ образомъ въ болѣе или менѣе отдаленныя времена, когда она имѣла не только традиціонное значеніе, но и практическій смыслъ. Тогда каждый членъ артели съ такого рода организаціей и въ особенности ея выборные члены играли ту роль, какая опредѣлена была имъ историческими условіями и обстоятельствами. Въ лицѣ отамана соединялась дѣятельность не только хозяина-распорядителя артели, но и начальника-диктатора въ извѣстныхъ случаяхъ. Обыкно-

венные члены артели были не только рядовыми рабочими, но и безусловно подчиненными, опять таки въ извѣстныхъ случаяхъ, отаману воинами. И при всемъ этомъ существовала самая строгая равноправность между всѣми членами артели и самое справедливое и послѣдовательное проведеніе артельнаго начало въ дѣло. Завѣщанная отъ этихъ отдаленныхъ временъ организація артелей имѣла такой видъ: артель состояла изъ совершенно равноправныхъ лицъ, избиравшихъ изъ среды своей отамана, заправлявшаго, на основаніи обычаевъ, всѣмъ ходомъ артельныхъ дѣлъ, и кухаря, на обязанности котораго лежала продовольственная часть. Въ отдѣльныхъ случаяхъ являлось третье посредствующее лице—осаулъ или писарь. Это именно та ячеичная форма, которою, какъ мы видѣли выше, были проникнуты всѣ роды дѣятельности запорожцевъ. Эта же форма осталась господствующею и въ современныхъ намъ артеляхъ, но роли и положенія разныхъ участвующихъ лицъ въ ней мѣнялись и видоизмѣнялись въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ и существенно пошатнулись въ послѣднее время.

Первоначально отаманъ былъ прежде всего «ватажкомъ», военнымъ главою, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и лицемъ выборнымъ. Это было, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ почтенное лице, соединявшее въ своей особѣ такія качества, которыя товарищество считало существенно необходимыми для своего представителя. Онъ долженъ былъ обладать не только личною храбростью и энергіею, но и способностями руководить другими, знаніемъ окружающихъ условій и умѣньемъ отыскать тотъ или другой практическій выходъ изъ всякаго затрудненія. Это были

качества чисто военнаго человѣка. И чѣмъ ближе артель приближалась къ военному товариществу, тѣмъ выше цѣнились эти качества. Въ тѣхъ промыслово-разбойничьихъ товариществахъ, которыя предшествовали возникновенію Запорожской Сичи, или въ шайкахъ гайдамакъ, напр., отъ отамана прежде всего требовались именно эти качества. Но въ тѣхъ товариществахъ, гдѣ военныя и разбойничьи цѣли оттѣнялись болѣе или менѣе мирными, промысловыми и экономическими задачами, кромѣ военныхъ качествъ, отъ отамана требовались и качества мирнаго труженика, умѣлаго хозяина и хорошаго знатока того промысла, къ которому артель прилагала свою дѣятельность. Такъ, если артель занималась рыболовствомъ, то, понятно, отаманъ долженъ былъ хорошо знать лучшія мѣста промысла и болѣе выгодные способы его эксплуатаціи. То же требовалось отъ отамана ватаги чумаковъ въ сферѣ его спеціальности. И чѣмъ больше значеніе артель придавала своимъ промысловымъ цѣлямъ, тѣмъ, разумѣется, выше цѣнились качества знающаго свое дѣло спеціалиста-промышленника въ лицѣ отамана. Такимъ образомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда артель преслѣдовала исключительно промысловыя и экономыческія цѣли, военныя качества отамана служили чѣмъ-то второстепеннымъ и дополнительнымъ къ достоинствамъ его, какъ опытнаго, знающаго и толковаго труженика. Онѣ необходимы были въ отаманѣ только на случай вооруженнаго столкновенія артели съ разнаго рода разбойничьими шайками того времени.

Затѣмъ двойственность роли отамана оттѣнялась въ ту или другую сторону отчасти уже самымъ характеромъ

дѣятельности древнѣйшихъ артелей. Рыболовнымъ ватагамъ и артелямъ звѣролововъ по самому роду уже дѣятельности въ мѣстностяхъ издавна неспокойныхъ, глухихъ и разбойничьихъ, приходилось чаще выдерживать вооруженныя столкновенія съ разнаго рода противниками, чѣмъ другимъ артелямъ. Эти же артели чаще заражались примѣрами грабежей и нападеній и съ своей стороны. Самая борьба съ водяной стихіей и преслѣдованіе дикихъ звѣрей требовали также отъ промышленника чисто военныхъ качествъ и снаровки. Отсюда — строго военный характеръ этихъ артелей и необходимость имѣть въ лицѣ отамана не только опытнаго промышленника, но и искуснаго вояку. Наоборотъ, въ чумацкихъ валкахъ, гдѣ торговая дѣятельность и извозъ всегда стояли на первомъ планѣ, всегда составляли самую прямую и непосредственную задачу артели, отаманъ долженъ былъ быть прежде всего знатокомъ дѣла и потомъ уже энергичнымъ и умѣлымъ отстаивателемъ интересовъ и имущества валки въ качествѣ военнаго главы. Лоцманская дѣятельность также требовала въ лицѣ отамана неустрашимаго и энергичнаго бойца съ стихіею, но она вмѣстѣ съ тѣмъ была и строго спеціальной, носившей мирный характеръ потому уже, что лоцманы для предложенія своихъ услугъ должны были вступать въ совершенно мирныя отношенія съ чуждыми имъ людьми. Наконецъ, дѣятельность днѣпровскихъ рѣчныхъ рабочихъ и матросовъ, а также и дѣятельность малорусскихъ крамарей, помимо своего мирнаго характера, возникла уже въ то время, когда самыя внѣшнія условія потеряли въ южной Россіи свой прежній неспокойный военный характеръ.

И такъ, слѣдовательно, военная роль отамана промысловыхъ артелей всегда служила чѣмъ-то второстепеннымъ и придаточнымъ въ ряду его прямыхъ обязанностей, какъ хозяина-руководителя артели въ ея экономическихъ и промысловыхъ дѣлахъ, и только при исключительно военныхъ обстоятельствахъ, эта роль была вмѣстѣ съ тѣмъ и ролью военнаго главы артели. Но по мѣрѣ того, какъ измѣнялись самыя условія, въ зависимости отъ которыхъ находилась эта послѣдняя роль, по мѣрѣ приближенія исторической жизни къ болѣе мирнымъ временамъ, военная роль отамана утрачивала все болѣе и болѣе свое прежнее значеніе и становилась излишнею. Такъ, въ XVI, XVII и первой половинѣ XVIII столѣтій, отаманъ въ чумацкихъ валкахъ всегда игралъ роль вожака-диктатора въ случаяхъ столкновенія валки съ врагами. Онъ былъ вооруженъ ружьемъ, саблей и пикой, какъ вооружены были и всѣ его ватажане, и командовалъ этими послѣдними въ качествѣ военнаго начальника. По его приказанію валка превращалась въ таборъ, производились наступленія или защита отъ нападающаго врага. Такую же роль вѣроятно нерѣдко игралъ тогда и отаманъ забродческихъ ватагъ. Промысловыя артели, въ особенности чумацкія валки, въ это время часто подвергались нападеніямъ со стороны татаръ, гайдамакъ и вообще разбойничьяго элемента, игравшаго въ этотъ историческій періодъ видную роль въ южной Россіи. Но позже, когда исчезла самая возможность подобныхъ нападеній, отаману, понятно, уже не приходилось играть роли военнаго диктатора и вожака. Для него она стала излишнею, и онъ всецѣло превращался въ главу мирной артели. А въ такихъ артеляхъ, какъ артели ма-

лорусскихъ крамарей, отаманъ и совсѣмъ уже не игралъ никогда роли военнаго представителя, потому что и самыя артели этого рода возникли совершенно при другихъ условіяхъ, исключавшихъ самую возможность военной роли со стороны отамана.

Переходя затѣмъ къ характеристикѣ роли и положенія другихъ членовъ разсматриваемыхъ артелей въ разныя времена ихъ историческаго существованія, можно замѣтить, что по отношенію къ своему древнѣйшему положенію въ артели всѣ вообще лица испытывали въ общихъ чертахъ тѣ же самыя превращенія, какія испытывали отаманы въ своемъ положеніи. Когда окружающія условія отличались неспокойнымъ характеромъ, всѣ члены той или другой древнѣйшей артели одинаково были и промышленниками, тружениками или торговцами, и воинами. Обыкновенный членъ артели, кухарь, писарь или осаулъ — всѣ они выполняли ту роль, какую требовали обстоятельства, неся вмѣстѣ къ тѣмъ каждый и спеціальныя свои обязанности. Осаулъ такъ и оставался помощникомъ отамана, приходилось ли ему быть на обычной артельной работѣ или драться съ врагомъ, хотя, впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ игралъ болѣе видную роль. Кухарь всегда былъ только кашеваромъ, но если необходимость требовала, то онъ также брался за «рушницу» или копье, какъ и всѣ другіе члены артели. Писарь всегда велъ свои счеты и расчеты, но онъ одинаково съ другими дѣйствовалъ и при обыкновенныхъ занятіяхъ артели, и въ схваткѣ ея съ врагомъ. Точно также и всѣ остальные члены направляли такъ свою дѣятельность, какъ требовали того обстоятельства: въ обыкновенное время занимались

мирными своими занятіями, всѣ вмѣстѣ, сообща или по очередно, а на случай вооруженнаго столкновенія съ врагами они составляли главную боевую силу артели. Но когда исчезли внѣшнія условія, порождавшія вооруженныя столкновенія артелей съ разнаго рода покусителями на ихъ трудъ и имущество, исчезъ, конечно, и самый характеръ защитительно-военной дѣятельности артелей, а слѣдовательно, и всѣхъ тѣхъ членовъ, которыя входили въ ихъ составъ. Само собою понятно, что въ тѣхъ артеляхъ, которыя возникли только въ послѣдующее время, когда войны и грабежи не имѣли уже своего прежняго значенія, никогда не ощущалась и самая надобность въ военной или защитительной дѣятельности ихъ членовъ.

Такимъ-то историческимъ путемъ постепенно видоизмѣнялась и утрачивала свой прежній военно-дисциплинарный характеръ та древняя организація, крайнею выразительницею которой была Запорожская Сичь, а вмѣстѣ съ тѣмъ видоизмѣнялись и утрачивали свое прежнее значеніе и роли всѣхъ тѣхъ членовъ, которые входили по обычаю въ составъ этой организаціи. Въ настоящее время основной планъ этой организаціи прилагается къ разнаго рода артелямъ, благодаря только своему исторически-традиціонному прошлому, благодаря тому крѣпкому воздѣйствію, которое всегда оказывали обычаи на народную жизнь. Своего прошлаго историческаго значенія этотъ планъ организаціи не имѣетъ уже для артелей, и не рѣдки, поэтому, случаи, когда отдѣльныя единичныя артели, прилагаемыя въ области одной и той же дѣятельности, отличаются различнымъ строеніемъ между со-

бою и многія, при этомъ различіи, не представляютъ ничего общаго съ былымъ историческимъ типомъ построенія. Такъ, чумацкія валки въ концѣ XVIII и началѣ нынѣшняго столѣтія постепенно замѣнили свою вольную и равноправную организацію большею частію на простое соединеніе нѣсколькихъ чумаковъ-наемниковъ подъ непосредственнымъ контролемъ и властію чумака-предпринимателя, который и считался такимъ образомъ отаманомъ, благодаря своему имущественному положенію. Въ настоящее время между чумаками часто не существуетъ и такой даже организаціи. Въ иныхъ случаяхъ она замѣняется обыкновеннымъ дорожнымъ товариществомъ, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Пирятинскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, вполнѣ сохранилась еще древняя типическая организація чумаковъ съ отамановъ, осауломъ, кухаремъ и ватажанами.. Забродческія ватаги, не смотря на то, что до сихъ поръ придерживаются своей древней организаціи, состоящей изъ отамана, писаря, кухаря и забродчиковъ, часто являются простымъ орудіемъ въ рукахъ кулака и капиталиста, который и играетъ роль отамана въ артели не по выбору, а по собственному желанію въ качествѣ хозяина. Въ древнюю организацію днѣпровскихъ лоцмановъ еще со времени Екатерины Второй внесенъ элементъ правительственно-административный, хотя выборный отаманъ и громада до сихъ поръ еще существуютъ. Въ артеляхъ днѣпровскихъ рѣчныхъ рабочихъ и матросовъ отаманъ, кухарь и товарищи носятъ въ иныхъ случаяхъ одно номинальное названіе, такъ какъ всѣ они служатъ на жалованьи у хозяина, а въ другихъ, гдѣ хозяинъ судна является шкиперомъ и

значитъ, отаманомъ, вмѣстѣ, ихъ организація совершенно похожа на организацію тѣхъ забродческихъ ватагъ, въ которыхъ отаманомъ также бываетъ хозяинъ. Въ артеляхъ крамарей-ходебщиковъ повидимому болѣе или менѣе сохранилась древняя типическая организація, но самыя артели представляютъ крайне микроскопическое явленіе, если только существуютъ въ настоящее время, а артели звѣролововъ и со всѣмъ уже давно исчезли. Однимъ словомъ, настоящее состояніе разсматриваемыхъ артелей ясно показываетъ, что какъ ихъ древняя типическая организація, такъ и самое артельное начало съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе разлагаются. Между организаціей артелей и ихъ внутреннимъ содержаніемъ въ большинствѣ случаевъ не существуетъ уже никакого соотвѣтствія.

Легко понять, почему въ прежнія времена между типической организаціей разсматриваемыхъ артелей и ихъ внутреннимъ содержаніемъ было больше соотвѣтствія, чѣмъ въ настоящее. Прежде и самыя условія существованія этихъ артелей были не тѣ. Примѣненіе артельнаго начала къ дѣлу въ чистомъ видѣ было существенною необходимостію, благодаря преобладающему и исключительному вліянію трудоваго начала, съ одной стороны, и неспокойнымъ военнымъ обстоятельствамъ и условіямъ, съ другой. Стойкость и самоотверженное соблюденіе артелями своихъ интересовъ возможно было только при томъ условіи, чтобы лица, составлявшія артель, одинаково бы дорожили общимъ дѣломъ. Наемникъ и батракъ-чумакъ неотстаивали бы съ такою стойкостью и усердіемъ валку, съ какою отстаивали ее совершенно равноправные и воин-

ственные чумаки-пайщики. Купить или нанять вообще самоотверженіе и отвагу нельзя было, потому что онѣ не мыслимы безъ самостоятельности и свободы, а самостоятельность и свобода въ свою очередь не совмѣстимы съ положеніемъ наемника и батрака. Значитъ, военное начало имѣло прямое вліяніе не только на характеръ организаціи, но до извѣстной степени и на строгое соотвѣтствіе этой организаціи съ артельнымъ началомъ.

Но то же военное начало само по себѣ не могло быть вѣчно регулирующимъ началомъ для мирныхъ трудовыхъ соціально-экономическихъ формъ, каковы въ сущности артели. Оно во всякомъ случаѣ было выраженіемъ насилія и разрушенія, такихъ двухъ элементовъ, которыми въ корнѣ подрывается всякая мирная трудовая и послѣдовательная экономическая жизнь и историческое развитіе ея формъ. Поэтому, по мѣрѣ того, какъ историческая жизнь южной Россіи принимала все болѣе и болѣе мирныя гражданскія формы, по мѣрѣ того, какъ военное начало, слѣдовательно, утрачивало все больше и больше свое значеніе, — и самая типическая организація артелей теряла свой прежній характеръ. То, что было прежде практически необходимо, становилось съ теченіемъ времени только обычно традиціоннымъ и, притомъ, необходимымъ только номинально. Но чтобы артельныя формы не потеряли при этомъ своего прежняго существеннаго характера, нужно было такое сочитаніе экономическихъ и гражданскихъ условій, при которомъ артельное начало представляло бы существенную необходимость въ области экономической дѣятельности, нуженъ былъ полный и ничѣмъ не стѣсняемый просторъ труду и его комбинаціямъ.

Самая историческая форма построенія артелей въ такомъ случаѣ могла бы утратить свое прежнее значеніе, но изъ нея непосредственно, путемъ органическаго развитія получились бы другія, болѣе сообразныя съ временемъ и обстоятельствами формы. Произошелъ бы самый обыкновенный актъ историческаго развитія, и артельное начало по прежнему играло бы главную роль. Но этого именно и не случилось.

Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ въ позднѣйшей жизни южной Россіи постепенно утрачивали свое историческое значеніе такія формы, какъ Запорожская Сичь, и артели, организуемыя по ея типу, по мѣрѣ того, какъ прежніе народные идеалы соціалной жизни и отношеній отживали свой вѣкъ и должны были существенно видоизмѣниться,—постепенно также зарождались и разростались такія условія, которыя были прямо противоположны не только прежнему строю народной жизни, но и преобразованію этого строя въ народномъ духѣ, сообразно съ новѣйшими жизненными требованіями и условіями. Политическая, гражданская и экономическая жизнь южной Россіи приняла положительно неблагопріятный въ этомъ отношеніи характеръ. Для народа не существовало уже болѣе прежней самостоятельности и свободы въ дѣлѣ органическаго развитія своихъ идеаловъ. Земельныя отношенія въ самой Малороссіи стали претерпѣвать сильныя внѣшнія стѣсненія въ противоположномъ такому направленію духѣ. Зарождающіяся капиталистическія тенденціи капля по каплѣ начали просачивать старый экономическій строй, занимая все болѣе и болѣе въ немъ мѣста. Короче, на смѣну преобладающаго вліянія военныхъ условій и обстоятельствъ

явились капиталистическія. Такимъ образомъ, и артельныя формы, уже значительно утратившія свое прежнее значеніе вмѣстѣ съ утратой прежней роли ихъ типической организаціи, столкнулись съ такими экономическими комбинаціями, вся сила которыхъ направлялась прямо на ихъ же разрушеніе.

Такова покрайней мѣрѣ вся фактическая подкладка разсматриваемыхъ нами артелей. Чумацкія валки, представлявшія въ болѣе отдаленныя времена совершенно свободныя торгово-извозныя и трудовыя вмѣстѣ товарищества, уже въ XVIII столѣтіи начали терять этотъ свой прежній характеръ. Въ жизнь чумачества началъ внѣдряться новый элементъ — элементъ чисто капиталистическій. Такъ какъ чумачество съ этого времени становилось все болѣе и болѣе гарантированнымъ отъ разнаго рода разбойничьихъ покушеній, то вмѣстѣ съ тѣмъ и ячеичныя его формы — ватаги, также начали постепенно утрачивать свое прежнее значеніе. Личная нажива и накопленіе капитала получили значительный просторъ. Явились чумаки-капиталисты, составлявшіе валки и ватаги на началахъ личной предпріимчивости и своихъ непосредственныхъ интересовъ въ ущербъ артельному началу. Типическая форма организаціи артелей теряла свое прежнее значеніе, артели разрушались и атрофировались. Въ то же время въ жизни быстро зарождался и, точно лавина, охватывалъ всѣ жизненныя стороны новый чисто капиталистическій строй торговыхъ отношеній, подрѣзывавшій демократическое чумачество въ самомъ корнѣ. На мѣстѣ чумаковъ стали появляться купцы, банкиры, банки и компаніи. Пароходы и желѣзныя дороги лишили чумаковъ

послѣдней почвы, отнявъ у нихъ возможность даже самаго извознаго промысла. Такимъ образомъ, то самое чумачество, которое въ XVIII, XVII, XVI столѣтіяхъ и даже ранѣе было единственнымъ торговымъ сословіемъ малорусскаго племени и неограниченно царило въ области торговли и извоза не только на всемъ югѣ нынѣшней Россіи, но и за предѣлами его, теперь уже совсѣмъ почти исчезло съ лица земли, и только въ немногихъ глухихъ мѣстахъ южной Россіи его послѣдніе могикане время отъ времени заявляютъ еще о своемъ существованіи, то конкурируя, на удивленіе всему міру, съ желѣзными дорогами и пароходами, то посылая свои валки въ Крымъ за солью.

Нѣчто подобное случилось и съ рыболовными ватагами и со всѣми другими артелями этой группы. Новыя капиталистическія тенденціи дѣйствовали на разложеніе ихъ вдвойнѣ, такъ сказать, и внутри, и снаружи. Уже въ Запорожьѣ рыболовныя ватаги были наполовину зависимыми отъ капитала артелями, не смотря даже на коммунистическій строй послѣдней Запорожской Сичи. Такъ, запорожцы нанимали пришлыхъ поденщиковъ, «аргатовъ», для своихъ ватагъ, а самый дѣлежъ добычи дѣлился такимъ образомъ, что половина добычи шла на хозяевъ рыболовныхъ снастей и снарядовъ, а половина на ватагу. Этотъ способъ дѣлежа отвоевывалъ потомъ все больше и больше себѣ мѣста и въ настоящее время сдѣлался господствующимъ и чуть ли не единственнымъ. Такимъ образомъ, и организація забродческихъ ватагъ, и примѣненіе къ нимъ артельнаго начала ставились въ зависимость отъ капиталиста-предпринимателя, и поэтому,

стали получать тотъ характеръ и окраску, который придавался имъ этимъ послѣднимъ, игравшимъ въ большинствѣ случаевъ роль неограниченнаго отамана-хозяина. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и самыя естественныя условія промысла. Рыболовство сократилось и ватаги, тянувшіяся прежде почти сплошнымъ образомъ вдоль береговъ Азовскаго и Чернаго морей, начиная отъ Тамани и оканчивая устьями Дуная, встрѣчаются теперь гораздо рѣже. Точно также артель днѣпровскихъ лоцмановъ и артели рѣчныхъ днѣпровскихъ рабочихъ и матросовъ встрѣтили сильныхъ противниковъ въ тѣхъ крупныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ и компаніяхъ, которыя забрали въ свои руки пути сообщенія. Артелямъ «крамарей» также неустоять противъ разрастающейся роли все того же капитала, если только онѣ играютъ еще какую нибудь роль...

Такимъ образомъ, вся группа артелей, организуемыхъ по типу Запорожской Сичи, представляетъ въ настоящее время группу отживающихъ формъ. Общій планъ строенія всѣхъ этихъ формъ давно уже утратилъ свое прежнее историческое значеніе. Самое соотвѣтствіе между формою и примѣненіемъ къ ней артельнаго начала также давно отжило свой вѣкъ. Однѣ изъ этихъ формъ, пока влачащіяся свое существованіе, поэтому, должны совершенно исчезнуть, какъ исчезли, напр., артели звѣролововъ. Такова именно участь самыхъ многочисленныхъ когда-то чумацкихъ артелей. Другія должны по меньшей мѣрѣ радикально видоизмѣниться, подчиняясь общимъ законамъ развитія и пріемственной передачи, что, за исключеніемъ, можетъ быть, однихъ забродческихъ ватагъ, врядъ-ли

мыслимо для остальныхъ артелей этой группы. Примѣры такого видоизмѣненія представляютъ артели уже слѣдующей группы.

IV.

Въ составъ второй группы южнорусскихъ артелей можно включить всего только двѣ формы: крымскія солепромышленныя артели и артели косарей; но каждая изъ этихъ формъ имѣетъ ежегодно сотни и тысячи случаевъ примѣненія въ области своей спеціальной дѣятельности. Такимъ образомъ, вторая группа южнорусскихъ артелей отличается прежде всего не разнообразіемъ своихъ формъ, а широкимъ примѣненіемъ однѣхъ и тѣхъ же формъ въ экономической жизни. Черта, свидѣтельствующая въ пользу особенной жизненности и пригодности этихъ артелей и служащая, слѣдовательно, для нихъ довольно важнымъ отличительнымъ признакомъ отъ артелей первой группы. Тогда какъ эти новыя артельныя формы имѣютъ повидимому несомнѣнные шансы для дальнѣйшаго своего существованія и развитія, артели предыдущей группы, какъ мы видѣли, представляютъ собою отжившія и отживающія формы артельнаго труда и комбинацій.

Но рядомъ съ этой общей отличительной чертой артелей второй группы существуетъ и нѣсколько такихъ частныхъ особенностей, которыя дѣлаютъ ихъ во многомъ несходными между собою. По времени своего возникновенія крымскія солепромышленнмя артели и косарскія круги представляютъ двѣ совершенно разновременныя формы. Первыя несомнѣнно имѣютъ за собою довольно отдаленное прошлое или, покрайней мѣрѣ, тотъ промыселъ, въ сферѣ котораго онѣ имѣютъ мѣсто, принадле-

житъ къ числу древнѣйшихъ промысловъ, существовавшихъ издавна въ южной Россіи. Вторыя могли быть продуктомъ только позднѣйшаго времени, такъ какъ и самый южнорусскій косарскій промыселъ появился въ относительно недавнее время, никакъ не раньше занятія и колонизаціи русскими крайняго юга нынѣшней Россіи. Но такое различіе этихъ двухъ формъ тѣмъ не менѣе ни мало не мѣшаетъ имъ имѣть нѣкоторыя общія точки соприкосновенія съ артелями предыдущей группы. Извѣстная связь и соотношеніе, существующая между ними и этими послѣдними, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Связь эта, какъ мы увидимъ ниже, обнаруживается въ нѣкоторыхъ общихъ чертахъ построенія тѣхъ и другихъ формъ.

Не вдаваясь въ глубокую древность, можно замѣтить, что крымскій соляной промыселъ издавна служилъ весьма важнымъ экономическимъ подспорьемъ для южно-русскаго населенія, не смотря даже на то, что промыселъ этотъ издавна также находился во враждебныхъ этому населенію рукахъ. Уже въ XVI вѣкѣ, когда промыселъ этотъ принадлежалъ крымскимъ татарамъ, южно-руссы вели довольно оживленную торговлю съ этимъ народомъ, при чемъ вывозъ соли изъ Крыма считался весьма важной статьей этой торговли. Впослѣдствіи торговыя отношенія этого рода все больше и больше развивались, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширялась и эксплуатація крымскихъ соляныхъ озеръ южно-русскими промышленниками. Когда послѣдняя Запорожская Сичь прочно утвердилась на низовьяхъ Днѣпра, между нею и крымскими татарами установились болѣе или менѣе постоянныя отношенія этого рода. Ежегодно за-

порожцы не только отправляли за солью въ Крымъ свои собственныя чумацкія ватаги, но и вообще охраняли всѣ тѣ чумацкія валки, которыя проходили чрезъ ихъ владѣнія. Крымцы съ своей стороны, каждый разъ какъ садилась соль, давали объ этомъ знать своимъ ближайшимъ сосѣдямъ запорожцамъ и приглашали ихъ и чумаковъ на промыселъ. Если судить по архивнымъ свѣдѣніямъ послѣдняго Коша Запорожскаго, то ежегодное движеніе этихъ торговцевъ-промышленниковъ въ Крымъ за солью считалось весьма важнымъ и выгоднымъ какъ для крымскаго правительства, такъ и для Запорожья, а это уже само собою указываетъ на значительный контигентъ чумаковъ-солепромышленниковъ, эксплуатировавшихъ ежегодно Перекопскія озера *).

Такимъ образомъ, въ то время, когда крымскія или точнѣе крымскія Перекопскія соляныя озера не принадлежали еще Россіи, южно-русскій соляной промыселъ былъ тѣсно связанъ съ южно-русскимъ чумачествомъ. Чумацкія валки и ватаги были вмѣстѣ съ тѣмъ и промысловыми артелями, добывавшими соль на крымскихъ озерахъ. Значитъ, и древняя типическая организація этихъ артелей въ этомъ отношеніи играла свою обычную роль. Артели для добычи соли несомнѣнно организовывались по типу Запорожской Сичи, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что сами запорожцы принимали въ этомъ промыслѣ непосредственное и дѣятельное участіе, а запорожцы, какъ извѣстно, не дѣлали ни одного шагу безъ того, чтобы не приложить къ тому или другому дѣлу артельнаго начала и, при томъ,

*) А. Скальковскій. „Исторія Новой Сичи", стр. 273—275.

въ одной и той же типической формѣ товарищества съ отаманомъ во главѣ.

Когда крымскій соляной промыселъ сталъ достояніемъ Россіи, тогда, очевидно, и самая организація этого промысла должна была принять совершенно другой характеръ. Русскіе и южно-руссы, какъ ближайшіе къ этому промыслу, могли уже непосредственно заниматься здѣсь добычею соли. Роль чумачества, поэтому, все съуживалась и съуживалась, такъ что въ настоящее время только изъ немногихъ мѣстъ южной Россіи отправляются еще чумацкія валки въ Крымъ за солью, но и онѣ добываютъ ее здѣсь не сами, а покупаютъ готовою. Торговая и извозная роли чумаковъ перешли къ купцамъ, желѣзнодорожникамъ и пароходчикамъ, а самый промыселъ превратился въ громаднѣйшее экономическое предпріятіе, въ которомъ ежегодно участвуютъ около 10 тысячъ рабочихъ, спеціально занимающихся добычею соли въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ въ году и прилагающихъ къ дѣлу артельное начало въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Какъ и когда именно возникли крымскія солепромышленныя артели въ настоящемъ ихъ видѣ — прямыхъ и точныхъ указаній на этотъ счетъ мы не имѣемъ. Но судя по тому, что мы сказали выше, теперешней организаціи этихъ артелей предшествовала типическая организація Запорожской Сичи, такъ что, слѣдовательно, новѣйшая организація получилась путемъ историческаго развитія изъ болѣе древней. Къ такому выводу можно придти и на основаніи простаго сопоставленія отличительныхъ чертъ построенія и той, и другой организаціи. Современныя намъ крымскія солепромышленныя артели представляютъ

совершенно равноправныя товарищества, избирающія изъ своей среды только двухъ выборныхъ лицъ — «артельщика» и «кухаря». Сравнивая положеніе перваго съ положеніемъ отамана въ другихъ артеляхъ, легко замѣтить, что существенная разница въ этомъ отношеніи заключается главнымъ образомъ въ одномъ названіи. И артельщикъ, и отаманъ — попреимуществу выборныя лица, и артельщикъ, и отаманъ играютъ роль неограниченныхъ хозяевъ и распорядителей въ разъ намѣченной имъ обычаемъ сферѣ дѣятельности, и артельщикъ, и отаманъ — люди всегда почтенные и авторитетные въ кругу товарищества, и артельщикъ, и отаманъ (въ забродческихъ ватагахъ) — даже получаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ двойной пай въ дѣлежѣ заработковъ. Положеніе «кухаря» въ солепромышленныхъ артеляхъ вполнѣ сходственно съ положеніемъ кухаря въ артеляхъ, организуемыхъ по типу Запорожской Сичи. Въ добавокъ ко всему этому артельное начало въ солепромышленныхъ товариществахъ проведено съ большею справедливостью и послѣдовательностью, чѣмъ въ отживающихъ артеляхъ типа Запорожской Сичи. Но это, конечно, есть уже прямой результатъ историческаго развитія и приспособленности этихъ товариществъ.

И такъ, слѣдовательно, новѣйшія солепромышленныя артели оказываются видоизмѣненными и развившимися формами труда, имѣвшими раньше нѣсколько отличную отъ существующей организацію. Въ нихъ атрофировались нѣкоторыя прежнія историческія черты, имѣвшія значеніе при другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, и въ замѣнъ ихъ развились и выдвинулись наружу новыя, болѣе при-

годныя при настоящемъ положеніи солепромышленнаго дѣла. Когда крымскій соляной промыселъ находился въ рукахъ татаръ и крайній югъ Россіи представлялъ неспокойный въ гражданскомъ отношеніи край, тогда, понятно, малорусскій солепромышленникъ, отправлявшійся въ этотъ чужой и неспокойный край съ экономическими цѣлями, долженъ былъ быть не только труженникомъ, но до извѣстной степени и воиномъ. Отсюда — и организація такихъ промышленниковъ должна была носить военно-дисциплинированный характеръ. Но когда, съ переходомъ Крыма въ число русскихъ владѣній, исчезли и прежнія неблагопріятныя условія для солепромышленности, тогда, разумѣется, отъ солепромышленника стали требоваться одни качества умѣлаго работника. Отсюда — и организація этихъ работниковъ должна была принять характеръ мирнаго промысловаго товарищества. Въ то же время къ малорусскимъ солепромышленникамъ стали присоединяться великорусскіе выходцы, внесшіе въ дѣло также и свои обычаи и традиціи, и свои артельныя формы. Въ результатѣ должно было образоваться среднее пропорціональное, тѣ современныя артельныя формы труда, которыя несомнѣнно имѣютъ извѣстную историческую связь съ мѣстными древними артелями, организуемыми по типу Запорожской Сичи, и вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти напоминаютъ собою и артели великорусскаго типа.

Нѣсколько при иныхъ условіяхъ развился косарскій промыселъ. Онъ вообще представляетъ продуктъ позднѣйшаго времени, и свой теперешній широкій характеръ пріобрѣлъ преимущественно въ послѣднія два десятилѣтія. Ему остались чужды тѣ историческія условія, которыя

положили такую рѣзкую и характерную печать на чумачество, древнее рыболовство или солепромышленность. Косарскій промыселъ, однимъ словомъ, возникъ тогда, когда на крайнемъ югѣ нынѣшней Россіи сталъ уже твердою ногою русскій колонизаторъ-поселенецъ, смѣнившій своихъ враждебныхъ предшественниковъ, когда прежніе отхожіе промыслы очутились въ болѣе мирныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Вполнѣ естественно, поэтому, что на косарскомъ промыслѣ сразу же долженъ былъ отразиться этотъ экономическій переломъ въ южномъ краѣ. Съ одной стороны, на этотъ промыселъ должны были дѣйствовать старые участники другихъ южно-русскихъ промысловъ, а съ другой, вмѣстѣ съ наплывомъ вообще рабочихъ рукъ въ южную Россію, должны были сразу же появиться и совершенные новички въ отхожемъ дѣлѣ. И дѣйствительно, вплоть до настоящаго времени въ косарскомъ промыслѣ почти сплошь и рядомъ участвуютъ тѣ же самые рабочіе, которые въ другое время года занимаются здѣсь же, на югѣ, рыболовствомъ или добичею соли. Но вмѣстѣ съ этимъ элементомъ въ сильной степени взросъ и другой элементъ вообще пришлаго изъ внутри Россіи рабочаго люда, ищущаго работъ спеціально въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ что въ концѣ-концовъ этимъ новымъ элементомъ почти совершенно сталъ поглощаться старый.

Такимъ образомъ, разъ артельное начало получило мѣсто въ косарскомъ промыслѣ, оно должно было вылиться въ той или другой артельной формѣ, сообразно съ тѣмъ, какого рода косари входили въ составъ артели. Если артель составлялась изъ тѣхъ бывалыхъ рабочихъ, которые участвовали въ другихъ южнорусскихъ отхожихъ

промыслахъ, — она навѣрное принимала типическую организацію Запорожской Сичи. Въ противномъ случаѣ артель могла получить и другую организацію. У великороссовъ она принимала обыкновенный великорусскій характеръ товарищества съ выборнымъ или самостоятельно формирующимъ артель старостою. У малороссовъ становилась просто товариществомъ односельцевъ или земляковъ безъ всякихъ выборныхъ лицъ, но съ сильнымъ вліяніемъ на дѣла артели со стороны ея старшихъ по лѣтамъ и опыту членовъ.

Всѣ эти формы дѣйствительно встрѣчаются между косарями и въ настоящее время. Такъ, въ Кубанской области передовой косарь артели, косящей «съ круга», часто носитъ названіе отамана, при чемъ на самомъ дѣлѣ онъ не играетъ роли отамана и, кажется, большею частію потому, что роль эта ограничивается при косьбѣ однимъ веденіемъ «за собою» косарей; но въ такихъ артеляхъ не рѣдко выбирается кухарь. Въ косарскихъ артеляхъ Екатеринославской губерніи, косящихъ съ «ланка́», почти всегда выбирается отаманъ, который и ходитъ также «въ первой ручкѣ». Чаще артели косарей состоятъ изъ цѣлой группы разнаго рода лицъ — мужчинъ, женщинъ и подростковъ, такъ что артель формируется изъ косарей и гребцовъ. Въ такомъ случаѣ руководящими лицами артели являются старшіе по лѣтамъ и непремѣнно мужчины — «дядьки́». Часто также артели этого второго вида составляются изъ однихъ мужчинъ, и первенствующую роль также играютъ одно, два или три лица изъ болѣе почтенныхъ и опытныхъ членовъ. Вообще же эти послѣднія артельныя формы съ своимъ домашнимъ

семейнымъ характеромъ положительно преимуществуютъ предъ первыми съ ихъ обрывками традиціонной организаціи, и если вообще косарскимъ артелямъ суждено играть сколько-нибудь видную роль при дальнѣйшемъ развитіи косарскаго промысла, то, очевидно, что будущее останется за послѣдними изъ формъ, напоминающими во многомъ домашнія общинно-артельныя формы съ ихъ семейною подкладкою.

Такимъ образомъ, малорусскія косарскія артели имѣютъ еще меньше отношенія къ древнимъ промысловымъ артелямъ южной Россіи типа Запорожской Сичи, чѣмъ даже солепромышленныя. Между ними встрѣчаются только относительно немногія формы древне-запорожскаго типа. Большинство же носитъ совершенно другое построеніе, и за этимъ большинствомъ артельныхъ формъ вѣроятнѣе всего останется будущее.

V.

Совершенную противоположность съ только что разсмотрѣнными артелями двухъ предыдущихъ группъ составляютъ тѣ изъ южнорусскихъ формъ, которыя встрѣчаются въ области земледѣльческой и сельскохозяйственной дѣятельности. Это артели по преимуществу, такъ сказать, домашняго характера, тогда какъ артели двухъ предыдущихъ группъ почти всѣ принадлежатъ къ разряду отхожихъ. Отсюда вытекаютъ и самыя различія въ построеніи артелей того и другаго рода. Не смотря на то, что нѣкоторыя изъ артелей третьей группы принадлежатъ къ числу историческихъ формъ, получившихъ свое начало въ довольно отдаленной древности, организація ихъ не отли-

чается такими совершенствами и исторически выработанною законченностію, какъ въ артеляхъ двухъ предыдущихъ группъ. И это вполнѣ понятно. Уже самъ по себѣ тотъ или другой отхожій промыселъ бываетъ соединенъ съ массою такихъ условій, какихъ совсѣмъ не оказывается въ области домашней экономической жизни. Далекая и чужая сторона, возможность заболѣть, подвергнуться обману и пр. — все это заставляетъ уходящихъ на заработки тружениковъ крѣпко держаться другъ друга. Но когда, кромѣ того, и общія гражданскія и политическія условія бываютъ таковы, какими онѣ были въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ на югѣ нынѣшней Россіи, тогда, понятно, эта близость другъ къ другу промышленниковъ въ чужомъ краю усиливается еще въ большей степени. Отсюда — подборъ вполнѣ годныхъ для того или другаго отхожаго дѣла членовъ и крѣпкая дисциплинированная организація ихъ. И выше мы дѣйствительно видѣли, какъ выразилась эта организація въ артеляхъ двухъ предыдущихъ группъ и какъ она постепенно, по мѣрѣ историческаго роста гражданскихъ условій, теряла свое прежнее значеніе. Не то — артели земледѣльческія и сельскохозяйственныя. Къ нимъ никогда не примѣнялась строго дисциплинарная организація. Личная организація членовъ въ нихъ всегда была дѣломъ второстепеннымъ. Существенно важною считалась только самая организація дѣла, практическихъ способовъ и пріемовъ его. Гарантія же членовъ отъ разнаго рода жизненныхъ случайностей, а отсюда и самое приспособленіе артельной организаціи къ такой цѣли, никогда не имѣли здѣсь мѣста. Важно было исполнить ту или другую земледѣльческую и сельско-

хозяйственную работу съ соблюденіемъ лучшихъ выгодъ— и только. Принимала ли, поэтому, артель характеръ взаимопомощи, представляла ли она простую складчину рабочихъ средствъ или соединеніе рабочихъ силъ, была ли она частнымъ примѣненіемъ къ дѣлу общиннаго труда, во всѣхъ такихъ случаяхъ имѣлась въ виду почти всегда одна и та же задача — наилучшее достиженіе обычныхъ хозяйственныхъ выгодъ. Затѣмъ личная организація членовъ и взаимныя отношенія ихъ обусловливались уже этой задачей. Такимъ образомъ, если взглянуть съ этой послѣдней точки зрѣнія на современныя земледѣльческія и сельско-хозяйственныя артели южной Россіи, то онѣ окажутся рядомъ повидимому совершенно примитивныхъ формъ, съ весьма слабой личной организаціей членовъ, а иногда и съ какимъ-то неполнымъ, отрывчатымъ примѣненіемъ къ дѣлу артельнаго начала.

По времени своего происхожденія артели третьей группы можно разбить на два разряда: древнія и новѣйшія. Начало первыхъ теряется въ той отдаленной исторической жизни южно-русскаго племени, когда общинныя отношенія играли въ этой жизни болѣе или менѣе дѣятельную роль. Таковы: «толока», обычай «спрягаться» и, можетъ быть, артели «чередниковъ». Все это такія формы, которыя имѣютъ довольно древнее происхожденіе. Другія артели этой группы носятъ характеръ видимо болѣе позднѣйшихъ по времени возникновенія формъ, а нѣкоторыя и совсѣмъ уже явились въ послѣднее время. Таковы именно: артели половинщиковъ (скопщиковъ) и артели съ части, (въ частности артели нѣженскихъ табачницъ-половинщицъ), «гуртова», арендаторскія

артели, единичные случаи новѣйшихъ земледѣльческихъ артелей и почтовыя артели. Все это такія формы, которыя могли сложиться, хотя и позже предыдущихъ формъ этой группы, но вмѣстѣ съ тѣмъ также подъ ирямымъ или косвеннымъ вліяніемъ общиннаго начала. Общей характеристической чертой всѣхъ артельныхъ формъ третьей группы служитъ, слѣдовательно, ихъ близость къ общинному началу, этому основанію народной жизни въ сферѣ своихъ ближайшихъ, домашнихъ, непосредственныхъ интересовъ. Это — общинно-артельныя формы труда, формы, близкія по своему происхожденію къ общинному началу, а по своей настоящей организаціи къ началу артельному. Говоря, поэтому, объ общинно-артельныхъ формахъ, никогда не надо упускать изъ виду этотъ двойственный ихъ характеръ.

Одинъ изъ древнѣйшихъ малорусскихъ обычаевъ представляетъ, безъ всякаго сомнѣнія, обычай «толоки» или помочей. Не смотря на свой настоящій извращенный характеръ, обычай этотъ до послѣдняго времени остался выраженіемъ взаимопомощи, а все то, что носитъ въ сельско-хозяйственной жизни характеръ взаимопомощи, отличается вмѣстѣ съ тѣмъ и чисто общинными признаками, покрайней мѣрѣ въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ. Такимъ образомъ, и толока по одному уже этому можетъ быть признана чисто общиннымъ обычаемъ, хотя и въ видоизмѣненной формѣ и приспособляемой часто къ самымъ узкимъ и эгоистическимъ цѣлямъ отдѣльныхъ личностей. Подобно тому, какъ и великорусскія помочи, толока имѣетъ прямыя подтвержденія на этотъ счетъ въ дѣйствительной жизни. Это — не только общинный обычай, но и обычай,

такъ сказать, общинно-религіозный. Еще и теперь главными лицами, въ пользу которыхъ устраивается толока, являются духовныя лица. Толокой пользуется духовенство повсемѣстно въ южной Россіи и вездѣ оно старается придать этому пользованію характеръ именно религіозно-общественнаго дѣла, какъ помощи духовнымъ со стороны общины. То обстоятельство, что толока производится большею частію въ такіе дни, какъ въ день «Паликопа», Русальчинъ Великъ-день», «Сéмена», «Иліи», и пр., въ дни народныхъ общинно-торжественныхъ празднествъ, также говоритъ въ пользу религіознаго характера толоки и вмѣстѣ указываетъ на глубокую древность этого обычая. Еще прямѣе утверждаютъ за толокою этотъ характеръ факты устройства толоки въ пользу церкви. Съ другой стороны, толока устраивается также и для общественныхъ нуждъ, напр. на нужды школы. Въ иныхъ случаяхъ она служитъ помощію бѣднымъ. Однимъ словомъ, въ народной жизни и теперь еще существуетъ цѣлая масса фактовъ, утверждающихъ за толокою характеръ общиннаго обычая или точнѣе отживающей формы когда-то существовавшаго общиннаго труда.

Другой аналогичный съ толокою южно-русскій обычай — обычай «спрягаться», («супрягаться»), также носитъ общинный характеръ и навѣрное имѣетъ довольно древнее происхожденіе. Судя по аналогичнымъ фактамъ изъ первобытной жизни народовъ, какъ напр. по фактамъ изъ настоящей жизни нѣкоторыхъ кавказскихъ горныхъ племенъ, у которыхъ существуетъ обыкновеніе производить распашку земли посредствомъ спряжки цѣлой общины, можно полагать, что и въ жизни южно-руссовъ обычай спрягаться имѣлъ раньше такой именно общинный характеръ. Въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ, какъ напр. въ Ольгопольскомъ уѣздѣ Каменецъ-Подольской губерніи, всего только тридцать-сорокъ лѣтъ тому назадъ отдѣльныя общины перестали употреблять въ дѣло общественныя спряжки для вспашки и обработки земли. Часто и теперь еще во многихъ мѣстахъ южной Россіи (какъ это было при постройкѣ церкви въ одной изъ общинъ Днѣпровскаго уѣзда и бываетъ въ Сквирскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи и пр.) спрягаются цѣлыя села и деревни, когда это требуется, напр., для вспашки церковной земли или для вспашки и обработки земли, доходы съ которой должны пойти на нужды церкви и общественныя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ спряжки являются только частнымъ выраженіемъ обычая толоки. Такъ какъ толокою обыкновенно производятся самыя разнообразныя земледѣльческія и сельско-хозяйственныя работы, то способъ спряжекъ, то есть, соединенія рабочихъ силъ, скота и орудій для вспашки и обработки земли, употребляемый при толокѣ, очевидно, является въ такихъ случаяхъ совершенно готовою формою. Значитъ, и обычай «спрягаться», подобно толокѣ, представляетъ собою видоизмѣнившуюся форму общиннаго труда, пріобрѣвшую въ послѣднее время чисто артельный характеръ.

Еще рѣзче вліяніе общиннаго начала отпечатлѣвается на артеляхъ «чередниковъ», почтовыхъ, нѣкоторыхъ арендаторскихъ и новѣйшихъ земледѣльческихъ артеляхъ. Здѣсь уже артели служатъ или прямымъ воплощеніемъ общиннаго начала, или же частнымъ случаемъ существующихъ общинныхъ порядковъ. Такъ, артели чередниковъ, пасущихъ общественныя стада — «чѐреды», всегда имѣютъ дѣло непосредственно съ цѣлой общиной или частью

ея, и самыя отношенія обѣихъ сторонъ — общины или части ея и пастуховъ — держатся на существующихъ общинныхъ обычаяхъ. Почтовыя артели Кубанской области составляются изъ лицъ, назначаемыхъ обществомъ на общественныхъ сходахъ. Общественныя аренды земель производятся также цѣлыми «громадами», а иногда въ такихъ случаяхъ и самое пользованіе арендными землями бываетъ общиннымъ. Наконецъ, бываютъ случаи, какъ напр. это было въ Полтавской губерніи и Бессарабіи, когда цѣлыя общины, пользовавшіяся до того землею подворно, начинаютъ обрабатывать ее сообща, всѣми наличными членами своей громады. Такимъ образомъ, существуетъ цѣлый рядъ весьма оригинальныхъ артелей, носящихъ несомнѣнный характеръ чисто общинныхъ формъ, и, при томъ, во многихъ случаяхъ эти формы встрѣчаютси даже тамъ, гдѣ не существуетъ самого общиннаго землевладѣнія.

Остальныя затѣмъ формы разсматриваемой группы носятъ повидимому строго артельный характеръ и не имѣютъ никакихъ непосредственныхъ точекъ соприкосновенія съ тѣмъ или другимъ выраженіемъ общиннаго начала. Таковы именно: артели половинщиковъ, артели съ части, «гуртова», нѣкоторыя арендаторскіи артели и артели нѣженскихъ тибачницъ-половинщицъ. Всѣ онѣ являются дѣломъ отдѣльныхъ лицъ, а не цѣлыхъ общинъ. Въ одномъ и томъ же селѣ, въ одной и той же общинѣ можетъ существовать по нѣскольку однѣхъ и тѣхъ же формъ этого рода, ведущихъ свои дѣла независимо, самостоятельно. Но, исключая артелей нѣженскихъ табачницъ,— служащихъ, впрочемъ, только частными формами по отношенію къ артелямъ съ половины и съ части,—всѣ осталь-

ныя формы имѣютъ въ своемъ основаніи одну и ту же общую для нихъ черту — соединеніе труда не отдѣльныхъ, единичныхъ личностей, а большею частію цѣлыхъ группъ, самостоятельныхъ рабочихъ семействъ, но это именно и есть отличительная черта обычныхъ общинныхъ формъ. Общій семейный трудъ нѣсколькихъ односельцевъ представляетъ только частный случай примѣненія общиннаго труда, а въ разсматриваемыхъ формахъ это частное выраженіе общиннаго труда обусловливается самымъ характеромъ выполняемыхъ этими артелями работъ. Артели эти большею частію не принимаютъ болѣе широкихъ размѣровъ, могшихъ поставить ихъ на степень общинныхъ предпріятій, только потому, что этому мѣшаютъ существующія экономическія условія, какъ напр. ограниченность арендуемыхъ земель, незначительность и разбросанность работъ, производимыхъ съ половины или съ части и пр. Значитъ, и эти послѣднія формы нужно считать формами, на происхожденіи и развитіи которыхъ не могло не отразиться вліяніе тѣхъ или другихъ общинныхъ обычаевъ и традицій, хотя бы во многихъ случаяхъ и косвеннымъ путемъ.

Такимъ образомъ, всѣ формы третьей группы имѣютъ то или другое отношеніе къ общинному началу и, поэтому, ихъ правильнѣе назвать общинно-артельными формами, а не просто артелями, хотя въ настоящемъ своемъ видѣ онѣ далеки отъ чисто общинныхъ формъ въ общепринятомъ смыслѣ и ближе именно стоятъ къ артельнымъ формамъ труда и отношеній. На однѣхъ изъ этихъ формъ общинное начало отразилось болѣе сильно, на другихъ менѣе. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ чередницкія и почтовыя артели Кубанской области, и теперь еще су-

ществуютъ рядомъ съ общинно-земельными порядками; большинство же ихъ встрѣчается и тамъ, гдѣ не существуетъ даже земельной общины. Однимъ словомъ, общинно-артельныя формы представляютъ собою такія явленія въ экономической жизни народа, которыя сложились подъ прямымъ или косвеннымъ, традиціоннымъ вліяніемъ общиннаго начала, — и въ этомъ обстоятельствѣ нужно искать какъ причины ихъ возникновенія, такъ и происхожденіе основныхъ чертъ ихъ организаціи.

Есть одна довольно важная черта, рѣзко разграничивающая собственно общинныя формы отъ строго артельныхъ. Дѣло въ томъ, что общинныя формы не имѣютъ той детальной обработки и строгой законченности въ организаціи, какая встрѣчается въ артельныхъ формахъ. Это — черта, на которую мы указали уже выше. Благодаря тому обстоятельству, что общинно-артельныя формы встрѣчаются большею частію въ домашней сельско-хозяйственной жизни народа, въ составъ ихъ входятъ самыя разнообразныя рабочія силы и личности. Рядомъ съ старикомъ здѣсь имѣютъ мѣсто дѣти, вмѣстѣ съ мужчинами работаютъ женщины и трудъ вполнѣ годнаго взрослаго рабочаго часто ассоціируется съ трудомъ маломочнаго еще подростка. Тутъ не бываетъ такого строгаго подбора совершенно равноправныхъ и до извѣстной степени равносильныхъ рабочихъ, какой оказывается въ большинствѣ отхожихъ артелей, и только тѣ формы составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе, которыя по самому своему характеру болѣе подходятъ къ отхожимъ артелямъ. Такимъ образомъ, на общинно-артельныя формы часто цѣликомъ переносится обыкновенная домашняя жизнь и отно-

шенія, и тамъ, гдѣ въ артеляхъ существуютъ спеціально приспособленныя къ нимъ детальныя правила, въ общинно-артельныхъ формахъ прилагаются готовыя, семейныя отношенія; поэтому, семья и семейные обычаи играютъ тутъ большую, чѣмъ гдѣ-либо въ артельныхъ формахъ, роль. И только тамъ семейныя отношенія оказываются нѣсколько слабѣе, гдѣ самая форма отличается кратковременнымъ, мимолетнымъ характеромъ или гдѣ она близка по характеру производимыхъ ею работъ къ отхожимъ артелямъ. Въ этомъ легко можно убѣдиться, разсматривая нѣсколько ближе весь рядъ общинно-артельныхъ формъ.

Такъ, толока, какъ форма кратко-временная и, притомъ, сильно видоизмѣнившаяся, повидимому совершенно лишена всякой организаціи. Во многихъ случаяхъ она представляетъ простую складчину рабочихъ силъ, орудій и скота. Одинъ идетъ на толоку въ качествѣ рабочаго, другой даетъ возъ, третій посылаетъ воловъ и такимъ образомъ составляется цѣлая ассоціація для перевозки сѣна, топлива или камыша. Въ теченіе одного дня ассоціація эта возникаетъ, организуется, исполняетъ работу и затѣмъ распадается. Каждый работаетъ, какъ временный участникъ въ дѣлѣ, заинтересованный въ одномъ — въ исполненіи необходимой общей работы, и, понятно, что при этомъ самая организація сводится къ простому сложенію силъ, другими словами, опредѣляется самымъ характеромъ работы. Но въ тѣхъ относительно немногихъ случаяхъ, когда требуется выполненіе болѣе фундаментальныхъ и прочныхъ, чѣмъ обыденныя, работъ, толока принимаетъ и болѣе организованный характеръ. При вспашкѣ церков-

ной земли цѣлой деревней или при съемкѣ и уборкѣ хлѣба и сѣна, предназначаемаго въ продажу на общественныя и церковныя нужды, когда зачастую участвуютъ въ дѣлѣ почти всѣ члены общины отъ мала до велика, — естественно и самыя работы должны принимать болѣе организованный характеръ, а отсюда сама собою вытекаетъ и необходимость въ организаціи членовъ. Здѣсь необходимы уже распорядители и подчиненіе работъ цѣлыхъ семействъ и отдѣльныхъ работниковъ одному общему плану. Такъ обрабатывались, напримѣръ, пятьдесятъ десятинъ земли въ общинѣ села Черненькой, Днѣпровскаго уѣзда Таврической губерніи, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и деньги, вырученныя отъ этихъ работъ, были употреблены на постройку церкви. Такимъ же образомъ устраивается иногда толока въ Сквирскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, для добычи общественныхъ средствъ на общественныя нужды.

Болѣе строгую организацію общинно-артельныя формы получаютъ въ томъ случаѣ, когда онѣ служатъ средствомъ къ достиженію предпріятій, въ которыхъ бываютъ заинтересованы цѣлыя общины или покрайней мѣрѣ значительное количество отдѣльныхъ участниковъ-домохозяевъ. Такой характеръ принимаютъ нѣкоторыя общественныя аренды и нѣкоторыя новѣйшія земледѣльческія артели. Когда арендуемая земля эксплуатируется цѣлою общиною, тогда, само собою понятно, для успѣшности дѣла необходима та или другая организація, соотвѣтствующая тому или другому плану дѣятельности. Отдѣльные работники и семейства должны подчинять свои работы этому плану, и чтобы привести дѣло къ концу, необходимы распорядители, заправляющіе общимъ ходомъ дѣла; потому что безъ этого не мыслима и самая эксплуатація земли. Такимъ образомъ организація общинно-артельныхъ формъ является въ этомъ

случаѣ простымъ соединеніемъ отдѣльныхъ рабочихъ полныхъ или неполныхъ семействъ подъ руководствомъ старшихъ выборныхъ членовъ. Такова, вѣроятно, арганизація участниковъ при общественной обработкѣ арендуемыхъ земель въ Черниговскомъ [1]) и Бахмутскомъ [2]) уѣздахъ. Такой же характеръ носитъ община-артель въ Полтавской губерніи [3]) и общинное пользованіе земель въ Бессарабіи [4]).

Но чѣмъ уже экономическое предпріятіе, къ которому прилагается та или другая общинно-артельная форма, чѣмъ меньше участвующихъ въ немъ лицъ, тѣмъ все болѣе и болѣе организація общинно-артельныхъ формъ теряетъ общественный характеръ и тѣмъ ближе она приближается къ строго артельнымъ формамъ труда. Появляется подборъ участниковъ и извѣстное качественное соотношеніе рабочихъ силъ и средствъ. Отдѣльныя семейства выставляютъ опредѣленное количество рабочихъ рукъ и, если то или другое семейство не имѣетъ въ наличности необходимаго числа членовъ, оно выставляетъ наемныхъ работниковъ. Дѣломъ заправляютъ старшіе члены отдѣльныхъ семействъ съ общаго согласія, но выборныхъ уже не оказывается; ихъ замѣняютъ именно старшіе представители семействъ, а самыя семейныя группы часто представляютъ собою обособленныя рабочія единицы. Весьма оригинальныя артели Пирятинскаго уѣзда, Полтавской губерніи, извѣстныя подъ именемъ «гуртовыхъ», составляются обыкновенно изъ нѣсколькихъ равносильныхъ по числу рабочихъ силъ и средствъ семействъ, такъ что каждая семья выставляетъ обыкновенно одинъ-два плуга или во всякомъ случаѣ спрягается съ другой, чтобы выставить требуемое

[1]) «Отеч. Зап.» Окт. 1878 г. ст. Варзера, стр. 203—205.
[2]) «Русская Правда» за 1879 г. № 13-й.
[3]) «Кіевскій Телегр.» за 1876 г. № 67 й.
[4]) «Землед. артели», изд. въ Кіев. брош. въ 1876 г.

количество рабочихъ силъ и средствъ. Общій ходъ дѣла при этомъ опредѣляется и регулируется старшими членами семействъ, какъ отдѣльныхъ рабочихъ группъ. Тутъ, слѣдовательно, встрѣчаются уже такіе случаи, когда въ организаціи артели участвуютъ не цѣлыя рабочія семейства, а только нѣкоторые представители ихъ.

Еще рѣзче обнаруживается эта черта въ слѣдующихъ затѣмъ общинно-артельныхъ формахъ. Такъ, при обычаѣ «спрягаться» артель составляется иногда изъ двухъ-трехъ домо-хозяевъ, при чемъ, кромѣ простаго сложенія рабочаго скота и средствъ, въ дѣлѣ участвуютъ всего два-три лица: такъ называемый «плугатырь», главный заправитель дѣла, и одинъ или два, рѣдко три «погоныча». Въ томъ случаѣ, когда спряжки принимаютъ болѣе широкіе размѣры, напр., при вспашкѣ церковной земли, въ дѣлѣ участвуетъ по нѣсколько плуговъ и, слѣдовательно, по нѣскольку отдѣльныхъ семействъ или мелкихъ спрягающихся группъ. Почтовыя артели Кубанской области составляются изъ трехъ или четырехъ домо-хозяевъ, назначаемыхъ ежегодно обществомъ на сходахъ, такъ что всѣ онѣ вмѣстѣ содержатъ тройку лошадей, экипажъ и ямщика. Чрезвычайно рѣдкія артели чередниковъ, встрѣчавшихся намъ также въ Кубанской области, составляются изъ нѣсколькихъ, четырехъ, пяти, рѣдко шести лицъ, принадлежащихъ къ двумъ или тремъ семействамъ, при чемъ младшіе члены артели подчиняются старшимъ въ силу существующихъ семейныхъ обычаевъ. Артели половинщиковъ организуются большею частію изъ семейныхъ группъ, но часто также и изъ отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ семействамъ, и тутъ также, какъ и въ другихъ общинно-артельныхъ формахъ, руководящими членами являются старшіе по возрасту, опыту и семейному положенію члены. То же повторяется

и въ артеляхъ съ части, но въ составъ этихъ артелей рѣдко входятъ отдѣльныя семейства, а чаще только единичныя личности того или другаго семейства. Намъ передавали, что въ Борзенскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, бываютъ случаи, когда въ составъ такихъ артелей входятъ однѣ женщины. Наконецъ, артели нѣженскихъ табачницъ составляются исключительно изъ однѣхъ дѣвушекъ съ «старшей» во главѣ.

И такъ, въ основѣ организаціи большинства общинно-артельныхъ формъ лежитъ семья и вытекающія изъ нея отношенія. Тѣ изъ формъ этого рода, въ составъ которыхъ входятъ единичныя личности вмѣсто семейныхъ группъ, служатъ только частными, видоизмѣненными формами по отношенію къ большинству. И только немногія, какъ артели нѣженскихъ табачницъ и кубанскія почтовыя артели, совсѣмъ уже уклоняются отъ этого типа организаціи. Но между всѣми этими формами не встрѣчается ни одной такой, организація которой была бы вполнѣ аналогичной съ организаціей южно-русскихъ отхожихъ артелей или артелей велико-русскихъ. Въ общинно-артельныхъ формахъ никогда не бываетъ ни отамановъ, ни старостъ. Въ нихъ весьма рѣдко встрѣчаются даже выборныя лица. Руководителями и представителями бываютъ большею частію старшіе по возрасту и семейному положенію члены. Конечно, и тутъ также, какъ во всѣхъ другихъ артеляхъ, положеніе распорядителя не мыслимо безъ извѣстной опытности и знаній, но такъ какъ и знанія, и опытъ всегда почти бываютъ на сторонѣ болѣе пожившихъ и пожилыхъ членомъ, то такимъ образомъ они и являются естественными руководителями въ большинствѣ общинно-артельныхъ формъ. Въ немногихъ случаяхъ, какъ напр. въ нѣкоторыхъ случаяхъ общественной толоки и при общинной обработкѣ земли, дѣлами заправляютъ тѣ или другія

выборныя лица, и только въ однихъ артеляхъ нѣженскихъ табачницъ бываетъ «старшая», напоминающая велико-русскаго артельнаго старосту или мало-русскаго артельнаго отамана. Но даже въ такихъ случаяхъ вліяніе семейныхъ началъ на организацію и взаимныя отношенія членовъ оказывается болѣе или менѣе ощутительнымъ.

Разъ семейныя отношенія ложатся въ основу такихъ экономическихъ явленій, какъ общинно-артельныя формы, онѣ неизбѣжно становятся естественными и господствующими отношеніями между разными участниками этихъ формъ. Семья такъ и остается семьей тамъ, гдѣ она цѣликомъ входитъ въ ту или другую общинно-артельную форму. Младшіе ея члены стоятъ въ такой же зависимости и отношеніяхъ къ старшинъ, какъ и въ обыкновенной жизни, и на оборотъ. Таково же отношеніе и равныхъ къ равнымъ. Но тамъ, гдѣ вмѣсто семейныхъ группъ являются отдѣльные ихъ представители, встрѣчаются только частныя проявленія тѣхъ или другихъ семейныхъ обычаевъ и отношеній. Если при вспашкѣ земли спрягаются три одинаковаго возраста лица, то ихъ обычныя обыденныя отношенія будутъ отношенія равныхъ между собою лицъ. Но если такая артель состоитъ изъ одного взрослаго члена—«плугатыря», и двухъ малолѣтковъ—«погонычей», принадлежащихъ къ различнымъ семьямъ, то плугатырь будетъ играть роль старшаго въ семьѣ. Онъ будетъ «дядькомъ» для погонычей, если онъ въ среднихъ лѣтахъ, и «дідомъ», если онъ оказывается старъ. Такъ они обыкновенно и величаютъ его, такъ къ нему и относятся. Таковы же отношенія разныхъ членовъ семьи въ «гуртовѣ», при работахъ толокой, въ нѣкоторыхъ арендаторскихъ артеляхъ и проч. На нихъ лежитъ та же печать между-семейныхъ отношеній обыденной народной жизни.

Сообразно съ этимъ самое раздѣленіе труда, распредѣленіе работъ и выгодъ также подчиняется до извѣстной степени вліянію семейныхъ началъ. Единичныя силы участниковъ приспособляются къ дѣлу такимъ образомъ, чтобы, при экономіи труда, каждый несъ посильную ношу, какъ это обыкновенно бываетъ въ семьѣ. Такъ, при спряжкахъ плугатыремъ, отъ котораго требуется и знаніе дѣла и физическія силы взрослаго рабочаго, всегда бываетъ вполнѣ развившійся физически членъ и непремѣнно мужчина, а погонычами, на оборотъ, большею частію малосильный людъ — женщины, подростки и даже дѣти. То же повторяется при вспашкѣ и обработкѣ земли «гуртовой» или при уборкѣ сѣна этого рода артелями, гдѣ косятъ мужчины, а подгребаютъ женщины и подростки. Однимъ словомъ, въ большинствѣ общинно-артельныхъ формъ каждый членъ исполняетъ посильную и большею частію вполнѣ соотвѣтствующую его возрасту и полу работу, и къ этому основному правилу пріурочивается затѣмъ самое раздѣленіе труда и распредѣленіе работъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ при распредѣленіи продуктовъ и выгодъ предпріятія каждый и получаетъ «по заслугѣ». Какимъ оказывается работникъ, таковъ бываетъ и его пай. Взрослый никогда не ставится въ этомъ отношеніи на одну доску съ малолѣтнимъ или подросткомъ, и даже женщины не представляютъ въ этомъ отношеніи исключенія; ихъ трудъ почти всегда считается половиннымъ сравнительно съ трудомъ мужчинъ. Тамъ, гдѣ общинно-артельная форма складывается изъ отдѣльныхъ семейныхъ группъ, тамъ и самое распредѣленіе продуктовъ и выгодъ равномѣрно ложится на эти сложныя единицы, такъ что каждая такая единица составляетъ равносильную во всѣхъ отношеніяхъ съ другими часть. Лучшій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ полтавская «гуртова». Но если входящія

въ составъ общинно-артельной формы семьи бываютъ не равносильны въ численномъ отношеніи, тогда бываетъ пропорціональный дѣлежъ, и въ такомъ случаѣ берутся уже во вниманіе работники, полуработники и пр. Такъ распредѣляютъ между собою денежную и натуральную плату чередники; такимъ бываетъ иногда дѣлежъ въ артеляхъ половинщиковъ и артеляхъ съ части; такимъ же онъ долженъ быть, по всей вѣроятности, и въ тѣхъ арендаторскихъ артеляхъ, которыя производятъ свои работы сообща нѣсколькими семьями. Особенно же рѣзко принципъ такого дѣлежа проглядываетъ въ тѣхъ формахъ, въ составъ которыхъ входятъ не семейныя группы, а отдѣльныя лица. Такъ, между тѣмъ какъ плугатырь при спряжкахъ пользуется большею частію пятымъ днемъ для вспашки земли въ свою пользу, на долю погоныча выпадаетъ восьмой, девятый и даже иногда двѣнадцатый день вспашки, смотря по возрасту и полу. Только въ артеляхъ нѣженскихъ табачницъ бываетъ совершенно равномѣрное распредѣленіе продуктовъ труда. И въ этомъ отношеніи артели эти стоятъ какимъ-то особнякомъ въ ряду другихъ формъ. Само собою понятно также, что тамъ, гдѣ приложеніе артельнаго принципа къ дѣлу не идетъ дальше складчины средствъ, какъ напр. въ нѣкоторыхъ случаяхъ артельныхъ арендъ и въ кубанскихъ почтовыхъ артеляхъ, или гдѣ работы исполняются сообща, артелью не для самыхъ участниковъ этихъ работъ, какъ это бываетъ при толокѣ,—тамъ не можетъ быть, конечно, и рѣчи о томъ или другомъ распредѣленіи продуктовъ. Но даже въ такихъ случаяхъ распредѣленіе прямыхъ выгодъ бываетъ нерѣдко болѣе или менѣе ощутительно и замѣтно. Такъ, когда нѣсколько домохозяевъ перевозятъ толокой, напр., камышъ или сѣно, то перевозка эта устраивается обыкновенно для каждаго участника по очередно и, слѣдовательно,

каждый участникъ получаетъ тѣ или другія прямыя выгоды болѣе или менѣе равномѣрнымъ образомъ съ другими участниками.

Такова организація и взаимныя отношенія членовъ въ разныхъ общинно-артельныхъ формахъ. Приведенныхъ выше фактовъ, полагаемъ, вполнѣ достаточно для того, чтобы придти къ тому выводу, что всѣ эти формы имѣютъ между собою извѣстную общую связь и зависимость. Связь эта обусловливается не только принадлежностью общинно-артельныхъ формъ къ одной и той же земледѣльческой и сельско-хозяйственной области дѣятельности и отношеній, но и главнымъ образомъ тою зависимостью, которую онѣ имѣютъ по отношенію къ общинному началу, общиннымъ обычаямъ и традиціямъ. Всѣ эти формы такъ или иначе представляютъ собою продуктъ вліянія на экономическую жизнь общиннаго начала и общинныхъ отношеній и распорядковъ. Какъ и когда бы тамъ не выразилось это вліяніе, фактъ его во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ. Есть, строго говоря, только одна изъ разсмотрѣнныхъ выше формъ, которая повидимому не укладывается въ общія совсѣми остальными формами рамки общиннаго характера. Это—артели нѣженскихъ табачницъ-половинщицъ, и на нихъ стоитъ нѣсколько остановиться, чтобы лучше уяснить себѣ это кажущееся отступленіе.

Дѣло въ томъ, что артели табачницъ представляютъ по своему характеру вполнѣ аналогичныя формы съ обыкновенными сельско-хозяйственными артелями половинщиковъ. И тѣ, и другія вступаютъ въ одинаковыя натуральныя отношенія съ хозяевами, т. е. обрабатываютъ земли за половину урожая: табачницы за половину табаку, а половинщики за половину земледѣльческихъ продуктовъ. Такимъ образомъ, уже одно это обстоятельство говоритъ въ пользу тождественности тѣхъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ

могли выработаться эти формы. Вся разница между ними заключается въ томъ, что артели табачницъ формируются исключительно изъ однѣхъ дѣвушекъ, а артели половинщиковъ изъ женщинъ и мужчинъ и нетолько изъ отдѣльныхъ лицъ, но также и изъ цѣлыхъ семейныхъ группъ, т. е. имѣютъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ признаковъ общинно-артельныхъ формъ. Но очень можетъ быть, что артели табачницъ также имѣютъ нѣкоторыя общинныя черты. Тѣ свѣдѣнія, которыя сообщены объ этихъ артеляхъ во второмъ выпускѣ «Сборника матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи», слишкомъ кратки и недостаточны, чтобы на основаніи ихъ сдѣлать тотъ или другой окончательный выводъ. Но намъ извѣстны изъ народной жизни факты, могущіе косвенно нѣсколько уяснить дѣло. Въ Ольгопольскомъ уѣздѣ, Каменецъ-Подольской губерніи, существуетъ обычай «прашивать буряки», т. е. очищать отъ сорныхъ травъ свеклу, артелями, состоящими исключительно изъ однѣхъ дѣвушекъ. Дѣвушки «прашуютъ» свеклу обыкновенно въ лучшихъ праздничныхъ одеждахъ, идутъ на огороды и обратно всей «гурьбой», т. е. артелью, и поютъ какъ при этомъ, такъ и при работахъ разныя пѣсни. Такъ какъ въ этомъ уѣздѣ не существуетъ общиннаго землевладѣнія, то повидимому обычай артельнаго «прашиванья» не имѣетъ никакого отношенія къ общинному началу. А между тѣмъ на дѣлѣ оказывается совершенно противное. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ здѣсь существовала общинная обработка земель, производившаяся съ пѣснями и вообще носившая, какъ и всѣ общинныя работы, торжественный характеръ, — и вотъ свидѣтелемъ этого прошлаго и остался обычай «прашивать» свеклу вышеописаннымъ способомъ. Очень можетъ быть, поэтому, что и артели табачницъ имѣютъ подобное отношеніе къ общинной жизни. Можетъ быть, раньше онѣ

носили нѣсколько иной, чѣмъ теперь, характеръ, и только съ теченіемъ времени видоизмѣнились вслѣдствіе своего развитія. Покрайней мѣрѣ другія общинно-артельныя формы представляютъ массу фактовъ въ этомъ отношеніи.

По степени своего развитія общинно-артельныя формы можно разбить на нѣсколько группъ. Есть артели, отживающія свой вѣкъ, и, поэтому, представляющія собою какіе-то обломки былаго своего существованія. Есть формы вполнѣ установившіяся. Есть, наконецъ, и такія формы, которымъ по всѣмъ видимостямъ предстоитъ дальнѣйшее развитіе.

Какъ на одну изъ отживающихъ формъ можно указать на обычай толоки. Въ настоящемъ своемъ видѣ эта форма представляетъ далеко не то, чѣмъ она была раньше. Она почти уже утеряла свой общинный характеръ. Вмѣсто того, чтобы служить средствомъ общинно-артельнаго труда для удовлетворенія общественныхъ нуждъ и помощи бѣднымъ, какъ это было несомнѣнно раньше, она сплошь и рядомъ оказывается только средствомъ эксплуатаціи бѣднаго и трудящагося люда со стороны разнаго рода духовныхъ, чиновныхъ и силу имущихъ лицъ. Ею пользуются и попы, и дьяки, и старшины, и кабатчики, и кулаки,—и, разумѣется, въ такомъ видѣ толока положительно теряетъ свое общинное обличіе. Несмотря на свою повсемѣстную распространенность по всей южной Россіи, толока только въ рѣдкихъ случаяхъ является вполнѣ общинной формой—средствомъ для удовлетворенія общественныхъ нуждъ и потребностей или общиннымъ способомъ взаимопомощи. Но даже въ этой тѣсной сферѣ прекрасный обычай толоки теряетъ все больше и больше свое прежнее значеніе. Другую отживающую форму представляютъ собою кубанскія почтовыя артели. Такъ какъ формы эти тѣсно связаны съ существованіемъ натуральной почтовой повинности, имѣвшей прочное основаніе

только въ прежней жизни Черноморскаго козачества, то, понятно, что при измѣненіи этой повинности онѣ могутъ совершенно исчезнуть, а такое именно переходное состояніе переживаетъ Кубанская область въ настоящее время, такъ что, можетъ быть, уже въ данную минуту эти формы вычеркнуты изъ народной жизни однимъ почеркомъ пера. Значитъ, почтовыя артели представляютъ отживающую форму не столько по своему внутреннему разложенію, сколько по несоотвѣтствію съ чисто внѣшними условіями.

Гораздо многочисленнѣе тѣ формы, которыя болѣе или менѣе установились и съ упорствомъ отстаиваютъ свое существованіе отъ разнаго рода вліяній. Таковъ обычай «спрягаться», артели половинщиковъ и артели съ части, «гуртова», пожалуй, артели нѣженскихъ табачницъ и артели «чередниковъ». Каждая изъ этихъ формъ имѣетъ извѣстное прошлое, а въ настоящемъ поддерживается такими условіями, которыя еще долго будутъ имѣть мѣсто въ экономической жизни южной Россіи. Часто условія эти сами по себѣ представляютъ крайне печальныя явленія въ народной жизни; и тѣмъ не менѣе онѣ способствуютъ не разложенію, а поддержкѣ той или другой формы. Такъ, въ тѣхъ мѣстахъ Молороссіи, гдѣ количество рабочаго скота относительно населенія годъ съ годомъ все уменьшается и уменьшается, гдѣ населеніе достигло крайней степени обѣднѣнія, обычай «спрягаться» служитъ единственнымъ средствомъ, съ помощію котораго отдѣльные домохозяева бѣдняки могутъ вспахивать и обрабатывать свои земли. Тутъ идутъ въ дѣло часто самыя невѣроятныя средства — быковъ «паруютъ» съ лошадьми или замѣняютъ коровами, рабочія орудія выпрашиваютъ или берутъ за отработку у другихъ, и нужно бываетъ нѣсколько домохозяевъ, чтобы составить одну спряжку,

одинъ «полный плугъ». Такими спряжками отличается вообще Малороссія. Недостаткомъ земли и плохими урожаями поддерживаются въ свою очередь работы съ половины и съ части, а, слѣдовательно, косвенно и артели половинщиковъ и артели съ части. Но главныя причины, обусловливающія существованіе той или другой изъ перечисленныхъ выше формъ, носятъ, конечно, чисто положительный характеръ. Онѣ заключаются въ привычкахъ и предрасположеніи народа къ дружному ассоціированному образу дѣйствій.

Наконецъ, нѣкоторыя общинно-артельныя формы имѣютъ по всѣмъ видимостямъ всѣ шансы къ тому, чтобы получить съ теченіемъ времени самое широкое развитіе. Сюда относятся общественныя аренды земли и особенно тѣ арендаторскія компаніи, которыя соединены съ общей артельной обработкой земли, а также и такія земледѣльческія артеле-общинныя формы, которыя организуются изъ цѣлыхъ общинъ. Судя по отрывочнымъ газетнымъ извѣстіямъ, формы эти годъ съ годомъ получаютъ больше и больше примѣненія въ народной экономической жизни. И замѣчательно, при этомъ, что всѣ такія формы появляются большею частію тамъ, гдѣ не существуетъ даже общиннаго землевладѣнія. Такъ, Варзеръ сообщаетъ о существованіи общественныхъ арендъ въ Черниговской губерніи. («Отеч. Зап. 1878 г. окт.»). Въ Полтавской губерніи возникла въ 1875 году община-артель изъ хозяевъ, владѣвшихъ и пользовавшихся до того землею подворно. Въ «Новомъ Времени» за 1876 годъ было сообщено, что въ Кіевской губерніи обнаружились прямые попытки перехода отъ подворнаго къ общинному владѣнію. Однимъ словомъ, судя даже по такимъ отрывочнымъ фактамъ, можно придти къ тому заключенію, что народъ силою естественныхъ обстоятельствъ пришелъ къ необходимости реформировать свои экономическія отношенія, со-

образно съ тѣми вѣковыми традиціонными началами, которыя извѣстны подъ именемъ общиннаго и артельнаго началъ. Значитъ, и формы, вызываемыя этими обстоятельствами, несомнѣнно представляютъ собою формы будущаго, такія формы, которымъ предстоитъ еще дѣльнѣйшее развитіе.

Такимъ образомъ, большинство общинно-артельныхъ формъ отличается своею устойчивостью и живучестью. Самыя несовершенныя изъ нихъ видимо долго еще будутъ жить въ народной жизни и упорно отстаивать свое существованіе отъ разнаго рода неблагопріятныхъ имъ вліяній. Какой нибудь въ конецъ разшатавшійся обычай толоки еще на столько живучъ, что трудно положительно сказать, когда онъ, наконецъ, совсѣмъ исчезнетъ изъ народной жизни. Народъ крѣпко держится своихъ обычаевъ и традицій, и эти обычаи и традиціи не только поддерживаютъ существующія общинно-артельныя формы труда и экономическихъ отношеній, но и способствуютъ возникновенію новыхъ формъ и новыхъ отношеній въ этомъ родѣ. Въ этомъ отношеніи общинно-артельныя формы стоятъ несравненно выше отхожихъ артелей. Несмотря на свою кажущуюся неопредѣленность и несовершенство по организаціи, онѣ успѣли уже пережить такія оригинальныя и вполнѣ законченныя съ формальной стороны формы, какъ артели, организуемыя по типу Запорожской Сичи. И, конечно, главная причина ихъ устойчивости и живучести кроется въ томъ обстоятельствѣ, что онѣ крѣпко соединены съ основами народной жизни — земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ, что онѣ тѣсно переплелись съ вѣковыми обычаями и традиціями, народа царящими въ сферѣ его общественной и домашней жизни.

VI.

Собственно говоря, предыдущими тремя группами и исчерпываются всѣ чисто малорусскія артельныя и общинно-артельныя формы, какъ явленія экономически-производительной жизни южно-русскаго народа. Встрѣчающіяся затѣмъ въ южной Россіи артели съ экономически-производительнымъ характеромъ носятъ уже иной не мѣстный складъ и происхожденіе. Это, во первыхъ, великорусскія «захожія» артели: артели плотниковъ и артели каменьщиковъ, и во вторыхъ, мѣстныя смѣшанныя артели: артели бендюжниковъ и артель севастопольскихъ лодочниковъ.

Отличительной чертой всѣхъ этихъ артелей служитъ то обстоятельство, что онѣ организуются по своему особенному типу. Имъ совершенно чужда и древняя малорусская организація въ духѣ Запорожской Сичи, и общинно-семейная подкладка земледѣльческихъ и сельско-хозяйственныхъ формъ. Но онѣ чрезвычайно близки по своему строенію къ тѣмъ артелямъ, которыя встрѣчаются въ Великороссіи, на низовьяхъ Волги и пр. И это вполнѣ естественно. Значительная ихъ доля формируется изъ великороссовъ и многія выходятъ на югъ совсѣмъ готовыми изъ великорусскихъ губерній. Значитъ, это артели чисто великорусскаго типа и характера. Но такъ какъ къ нимъ прикосновенно также и малорусское мѣстное населеніе и въ нѣкоторыхъ, какъ въ артеляхъ бендюжниковъ, въ сильной даже степени; то, очевидно, что онѣ должны быть разсматриваемы, какъ формы, хотя и чуждыя по своему характеру и происхожденію историческому складу южно-русской жизни, но на столько вообще близкія этой жизни, что оставили уже на ней свои довольно замѣтные слѣды. Однимъ словомъ, говоря объ южно-русскихъ арте-

ляхъ и общинно-артельныхъ формахъ, нельзя при этомъ обойдти молчаніемъ и эти не мѣстнаго типа формы.

Артели велико-русскаго тина встрѣчаются большею частію на крайнемъ югѣ Россіи и преимущественно въ большихъ торговыхъ городахъ. Въ частности захожія артели имѣютъ болѣе обширный районъ распространенія, чѣмъ мѣстныя смѣшанныя. Тогда какъ плотничьи артели и артели каменьщиковъ встрѣчаются и въ городахъ, и въ селахъ, и въ Малороссіи, и въ Новороссіи, и въ бывшей Слободской Украинѣ, и на Кавказѣ, — артели бендюжниковъ существуютъ исключительно въ городахъ, при гаваняхъ и на пристаняхъ, такъ что особенно богатыми ими оказываются южно-русскіе торговые порты, хотя онѣ находятся также и во внутреннихъ населенныхъ и торговыхъ городахъ. И этимъ отчасти объясняется самый племенной ихъ составъ. Между тѣмъ какъ захожія артели формируются исключительно изъ великороссовъ и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ составъ ихъ попадаютъ отдѣльныя, единичныя личности изъ малорусскаго населенія, — мѣстныя смѣшанныя артели состоятъ главнымъ образомъ изъ мѣстнаго люда. На половину онѣ пополняются малороссами, на половину въ составъ ихъ входятъ и нѣмцы, и молдаване, и армяне, и греки, и великороссы, смотря потому, какое населеніе, кромѣ малороссовъ, попадается въ томъ или другомъ пунктѣ, гдѣ имѣютъ мѣсто бендюжныя артели. Точно также и артель севастопольскихъ лодочниковъ состоитъ изъ смѣшаннаго великорусскаго и малорусскаго населенія. Но это, конечно, не говоритъ въ пользу того заключенія, что организація артелей бендюжниковъ и артели севастопольскихъ лодочниковъ мѣстнаго характера. На арганизаціи этой все таки довольно явственны слѣды великорусскихъ артельныхъ пріемовъ.

Что артели плотниковъ и каменьщиковъ великорусскаго происхожденія, это само собою ясно и понятно. Онѣ просто заходили и заходятъ въ готовомъ уже видѣ въ южную Россію вмѣстѣ съ великорусскими плотниками и каменьщиками. Идутъ эти послѣдніе на югъ на заработки и, въ силу вѣковыхъ обычаевъ и традицій, несутъ съ собою и свои излюбленныя народныя формы труда. Вотъ и все тутъ. Но разъ онѣ попали въ чуждую имъ экономическую среду, онѣ должны или подчиниться до извѣстной степени вліянію этой среды, или въ свою очередь повліять на близкія имъ явленія, имѣющія мѣсто въ этой средѣ. И дѣйствительно встрѣчаются примѣры, когда въ составъ этихъ артелей рядомъ съ великороссами попадаютъ и малороссы, не смотря вообще на крѣпкій корпоратизмъ и замкнутость великорусскихъ артельныхъ формъ; а разъ возможны единичные случаи этого рода, переходъ къ формированію артелей изъ однихъ малороссовъ не избѣженъ. И такія формы въ дѣйствительности встрѣчаются. Намъ извѣстны нѣсколько случаевъ плотничьихъ артелей съ такимъ характеромъ, имѣвшихъ мѣсто въ Кубанской области. Смѣшанныя артели этого рода встрѣчаются также въ нѣкоторыхъ южно-русскихъ портовыхъ городахъ, напр. въ Ростовѣ на Дону. Такимъ образомъ, захожія великорусскія артели плотниковъ и каменьщиковъ несомнѣнно имѣютъ уже нѣкоторое вліяніе на трудъ мѣстнаго населенія. Такъ какъ спеціальныя занятія плотниковъ и каменьщиковъ вообще не въ ходу между южно-русскимъ населеніемъ, то, можетъ быть, поэтому именно вліяніе это и оказывается крайне незначительнымъ. Но этимъ фактомъ во всякомъ случаѣ отчасти уясняется то обстоятельство, какимъ образомъ могла выработаться организація мѣстныхъ смѣшанныхъ южно-русскихъ артелей съ велико-русскимъ складомъ.

Если взглянуть съ вышеуказанной точки зрѣнія на происхожденіе этихъ послѣднихъ формъ, то, очевидно, происхожденіе это должно быть во многомъ аналогично съ указаннымъ фактомъ. Творцемъ этихъ формъ такъ или иначе долженъ быть великорусскій человѣкъ, потому что на нихъ лежитъ организаціонный отпечатокъ въ великорусскомъ духѣ. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Севастополѣ организовалась артель лодочниковъ, то она приняла чисто великорусскій характеръ, т. е. характеръ равноправнаго товарищества съ выборнымъ распорядителемъ — артельнымъ старостою, и приняла такой характеръ, конечно, потому, что въ составъ ея вошло извѣстное число великороссовъ, которымъ раньше были извѣстны типическія черты въ строеніи великорусскихъ артелей. Точно такимъ же образомъ, вѣроятно, произошла и организація бендюжныхъ артелей, покрайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя отличаются своимъ великорусскимъ складомъ, а такихъ артелей большинство. Есть одно весьма важное обстоятельство, говорящее въ пользу этого предположенія. Дѣло въ томъ, что артели бендюжниковъ или «дрогалей»—артели извозныя и, значитъ, близкія по характеру дѣятельности къ чумацкимъ валкамъ. Онѣ выполняютъ одну изъ функцій этихъ послѣднихъ. А между тѣмъ нѣтъ ни одной черты въ артеляхъ бендюжниковъ, которая напоминала бы собою организацію чумацкихъ ватагъ. Напротивъ, самое слово «дрогаль», т. е. дрягиль, указываетъ на общность ихъ происхожденія съ великорусскими дрягильскими артелями. Невозможно, поэтому, допустить, чтобы артели бендюжниковъ выработали свою организацію мѣстнымъ самобытнымъ образомъ. На нихъ такъ или иначе отразилось бы, въ силу исторической пріемственности, вліяніе чумацкой организаціи, и не можетъ быть, чтобы это вліяніе не отразилось только по-

тому, что бендюжники возятъ свои тяжести на лошадяхъ, и въ предѣлахъ города, а чумаки на быкахъ и занимаются извозомъ по преимуществу на значительныхъ растояніяхъ. Ясно, слѣдовательно, что организація артелей бендюжниковъ не мѣстнаго малорусскаго склада и происхожденія, а произошла путетъ заимствованія, отъ другихъ однохарактерныхъ съ нею формъ.

Такимъ образомъ, вся четвертая группа южно-русскихъ артелей носитъ не мѣстный, а заимствованный извнѣ складъ. Это — совершенно аналогичныя по своему строенію артели. Онѣ составляются обыкновенно изъ вполнѣ равноправныхъ между собою членовъ. Во главѣ стоитъ артельный староста или лице, напоминающее его. Староста—лице выборное и не пользуется въ артели никакими особенными правами и преимуществами. Онъ только—довѣренный артели, добровольно избранный хозяинъ-распорядитель и представитель ея, и всѣ его дѣйствія ограничиваются, поэтому, только извѣстными опредѣленными обычаемъ предѣлами. Сегодня — онъ хозяинъ, а завтра можетъ быть рядовымъ рабочимъ, и тотъ, кто раньше подчинялся его распоряженіямъ, можетъ въ свою очередь предписывать ихъ ему, разъ онъ избранъ старостою. Староста — лице почтенное и уважаемое. Онъ долженъ, поэтому обладать опытностью, практическими знаніями и снаровкою и хорошо знать условія того дѣла, за которое берется артель. Онъ долженъ давать примѣръ артели во всемъ—и въ трудѣ, и во взаимныхъ отношеніяхъ. Безъ этого нельзя быть и старостою. На этомъ держится почетъ и уваженіе къ нему. И за всѣ свои труды и услуги артельный староста не получаетъ даже никакого особаго денежнаго вознагражденія. Въ этомъ отношеніи онъ уравнивается со всѣми другими членами, и только одинъ нравственный почетъ со стороны артели служитъ ему наградою.

Взаимныя потомъ отношенія членовъ артели суть отношенія равнаго къ равному. Никто не пользуется никакими преимуществами, никто и не зависитъ отъ другаго, и одна только артель является верховнымъ судьею и истолкователемъ поступковъ и дѣйствій каждаго участника ея. Тяжести труда распредѣляются между всѣми членами по возможности равномѣрно; участіе въ матеріальныхъ затратахъ и выгодахъ также одинаково для всѣхъ. Если участники артели бендюжники по профессіи, каждый изъ нихъ долженъ располагать одинаковыми рабочими средствами и силами со всѣми другими, то есть, имѣть столько повозокъ и лошадей, сколько ихъ имѣетъ всякій другой членъ. Если же онъ не удовлетворяетъ этому условію, въ такомъ случаѣ онъ пользуется выгодами артели пропорціонально съ тѣмъ, что онъ имѣетъ и даетъ въ распоряженіе артели. Если участники артели плотники или каменьщики, въ такомъ разѣ они являются одинаковыми вкладчиками труда и капитала, а поэтому, одинаково пользуются и всѣми выгодами артельныхъ заработковъ и выручекъ. То же оказывается въ артели севастопольскихъ лодочниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ организаціи этой артели встрѣчаются нѣкоторыя особенности, которыми она отличается отъ другихъ описываемыхъ формъ. Между тѣмъ какъ въ другихъ артеляхъ бываетъ одно выборное лице—староста, въ артели севастопольскихъ лодочниковъ избирается еще писарь, на обязанности котораго лежитъ записыванье ежедневной выручки каждаго члена, особенность видимо чисто мѣстнаго южно-русскаго происхожденія. Кромѣ того, въ артели установленъ разъ на всегда порядокъ, по которому каждый членъ ея бываетъ временнымъ очереднымъ кассиромъ въ теченіе дня. Такимъ образомъ, то, что лежитъ въ другихъ артеляхъ на обязанности старосты — получка, храненіе денегъ и веденіе

счетовъ, въ артеляхъ севастопольскихъ лодочниковъ распредѣляется между особымъ выборнымъ писаремъ и временнымъ кассиромъ. Это, впрочемъ, ни мало не вліяетъ на распредѣленіе выручки между всѣми членами. Каждый вечеръ дневной заработокъ распредѣляется равномѣрно между всѣми участвовавшими въ извозѣ въ этотъ день лодочниками.

Таковъ въ общихъ чертахъ складъ и происхожденіе артелей, отнесенныхъ нами къ четвертой чертѣ. Но какъ велико значеніе этихъ формъ въ экономической жизни южной Россіи? На сколько сильно и существенно то вліяніе, какое онѣ оказываютъ на эту жизнь? И на сколько вообще устойчивы и жизненны сами эти формы?

Разсматривая этого рода артели съ послѣдней точки зрѣнія, намъ придется еще разъ указать на явленіе, отмѣченное уже выше при характеристикѣ чисто южнорусскихъ отхожихъ артельныхъ формъ. Подобно тому какъ эти послѣднія повидимому совсѣмъ уже отживаютъ свой вѣкъ, и велико-русскія захожія артели также находятся въ періодѣ разложенія. Захожихъ артелей въ настоящемъ смыслѣ этого слова встрѣчается въ южной Россіи очень мало. Здѣсь сплошь и рядомъ подъ именемъ артелей практикуютъ такія формы труда, которыя представляютъ только средство для лучшей наживы разнаго рода кулаковъ и подрядчиковъ. Это — только одни внѣшнія формы артельнаго труда, обыкновенно соединенныя чисто механическимъ образомъ группы рабочихъ, вполнѣ зависимыхъ отъ разнаго рода рядчиковъ и посредниковъ. Рядчикъ является самовольнымъ старостою и распорядителемъ артели, вступаетъ въ соглашенія съ работодателями, заключаетъ контракты и пр., и, выплачивая опредѣленную плату рабочимъ, оставляетъ въ свою пользу всѣ выгоды предпринимателя и сбереженія, благодаря артельному содержа-

нію рабочихъ. Понятно, что, при такомъ положеніи этихъ формъ, онѣ не могутъ оказывать сколько-нибудъ существеннаго вліянія на экономическую жизнь южно-русскаго трудящагося люда. Ни плотничьи, ни каменьщичьи артели не могутъ служить образцовыми формами народной организаціи труда. Имъ самимъ не достаетъ внутренней силы и развитія. И, какъ мы замѣтили уже и выше, вліяніе ихъ на экономическую жизнь южно-русскаго народа оказывается въ дѣйствительности крайне незначительнымъ. Къ указанной же причинѣ—плохому предрасположенію южно-русскаго населенія къ плотничьей и каменьщичьей спеціальностямъ, прибавляется, слѣдовательно, новая—отсутствіе устойчивости и жизненности въ самыхъ формахъ труда.

Въ лучшихъ условіяхъ стоятъ въ этомъ отношеніи артели бендюжниковъ. Какъ мѣстныя, незахожія артели, эт формы имѣютъ всѣ задатки къ тому, чтобы получить дальнѣйшее развитіе. Правда, и по отношенію къ нимъ существуетъ цѣлая масса эксплуататоровъ и посредниковъ, обирающихъ при случаѣ рабочій людъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Тутъ также бываютъ содержатели артелей, получающіе и кладущіе всѣ выгоды отъ артельнаго веденія дѣла въ свои карманы, и между такими содержателями встрѣчаются не только кулаки, но и чиновный, имѣющій власть и силу людъ. Часто, по мимо такого рода содержателей, бендюжниковъ забираютъ въ свои руки ловкіе рыночные плуты, нанимающіе всѣхъ безъ различія бендюжниковъ и потомъ распредѣляющіе ихъ по работамъ по высшимъ цѣнамъ. Но при всемъ этомъ артели бендюжниковъ все таки больше гарантированы отъ эксплуатаціи и надувательствъ, чѣмъ захожія артели, потому что представляютъ больше вполнѣ самостоятельныхъ, независимыхъ и, притомъ, разнообразныхъ формъ, чѣмъ захожія, а разнообразіе въ этомъ случаѣ является призна-

комъ неустановившагося еще состоянія и, слѣдовательно, развитія формъ. Если городской бѣднякъ бендюжникъ часто попадетъ въ лапы мѣстнаго эксплуататора и кулака, то пригородній житель, занимающійся бендюжнымъ промысломъ между дѣломъ, можетъ вступать въ товарищество съ другими лицами самостоятельно, по собственному своему почину и усмотрѣнію. Также можетъ поступать и всякій городской житель, располагающій своей собственною парою лошадей. Однимъ словомъ, бендюжныя артели потому уже устойчивѣе и живучѣе захожихъ, что въ большинствѣ случаевъ близко стоятъ къ домашней жизни рабочаго люда и всегда, поэтому, могутъ найдти ту или другую поддержку въ этой жизни.

Наконецъ, артель севастопольскихъ лодочниковъ представляетъ единичный примѣръ артели въ этомъ родѣ. Хотя въ нѣкоторыхъ городахъ также вѣроятно существуютъ артели лодочниковъ, но севастопольская артель, очевидно, не можетъ имѣть на нихъ вліянія, и въ свою очередь не можетъ также и испытывать на себѣ ихъ вліяніе, какъ прикрѣпленная къ извѣстному мѣсту и условіямъ форма. Сама же по себѣ она представляетъ всѣ задатки для дальнѣйшаго существованія.

VII.

Чтобы окончить общую характеристику южно-русскихъ артельныхъ и общинно-артельныхъ формъ, намъ остается еще разсмотрѣть, во первыхъ, артели, не подходящія по своему характеру ни подъ одну изъ разсмотрѣнныхъ уже выше рубрикъ, и во вторыхъ, такія формы народной жизни, въ основѣ которыхъ несомнѣнно лежитъ артельное начало, но которыя тѣмъ не менѣе ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы артелями въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Начнемъ съ первыхъ.

Рядомъ съ экономически-производительными формами ассоціаціоннаго труда въ народной жизни южной Россіи встрѣчаются довольно своеобразныя артели, преслѣдующія совсѣмъ непроизводительно-экономическія цѣли. Это —артели нищихъ. Существенная особенность этихъ формъ заключается въ томъ, что онѣ существуютъ на счетъ экономическаго труда и дѣятельности вообще народа и, при этомъ, имѣютъ народно-обычную подкладку. Нищенство, какъ ремесло, и нищенство, какъ общественная необходимость, одинаково находятъ въ этихъ формахъ поддержку, потому что одинаково опираются на обычай подавать милостыню, оказывать помощь бѣднымъ. Древній народный обычай тутъ часто является только средствомъ для безсовѣстной эксплуатаціи, и самая эксплуатація выражается въ артельныхъ формахъ.

Въ Кубанской области встрѣчаются и другаго рода артели, не имѣющія эксплуатирующаго характера, но тѣмъ не менѣе не вяжущіяся также съ экономически-производительнымъ характеромъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ уже выше формъ. Артели эти не имѣютъ опредѣленнаго названія у козаковъ, но ихъ можно назвать батальонными, такъ какъ онѣ организуются обыкновенно въ батальонахъ. Онѣ устраиваются исключительно съ цѣлію перевозки козачьихъ вещей и служатъ достояніемъ частныхъ козачьихъ потребностей. Такъ какъ пѣшій козакъ не можетъ унести на себѣ излишнихъ вещей или пищевыхъ матеріаловъ, то обыкновенно козаки покупаютъ въ складчину возъ и воловъ и выбираютъ такъ называемаго артельщика, который и возитъ на этой артельной подводѣ вещи за батальономъ.

Такимъ образомъ, между артелями нищихъ и батальонными артелями не существуетъ никакой внутренней общей связи. Онѣ представляютъ совершенно самостоя-

тельныя обособленныя явленія, и только одна отрицательная черта ихъ, какъ артелей, совершенно отличныхъ отъ всѣхъ другихъ южно-русскихъ формъ, позволяетъ отнести ихъ въ особую группу. Это какія-то исключенія изъ общаго правила, формы, оставшіяся отъ иного склада жизни, отъ иныхъ временъ.

Можно полагать, что артели мало-русскихъ нищихъ имѣютъ самое древнее происхожденіе. Та таинственность, которою обставляютъ свои дѣла нищіе, скрываетъ, можетъ быть, многія черты и указанія, на основаніи которыхъ можно было-бы безошибочно, съ полною достовѣрностью прослѣдить это происхожденіе. Но общеизвѣстные существующіе факты на столько вообще убѣдительны, что отъ нихъ ни мало не страдаетъ несомнѣнность самаго вывода. До послѣдняго времени въ средѣ мало-русскаго населенія встрѣчались такъ называемыя артели лирниковъ, этихъ странствующихъ пѣвцовъ и хранителей исторической старины и традицій. Достаточно простаго сопоставленія этихъ артелей съ древними артелями каликъ перехожихъ, чтобы убѣдиться, что между тѣми и другими должно существовать нѣчто общее. Народъ занесъ въ свои историческія былины факты, которые потомъ съ извѣстною постепенностью повторялись и въ послѣдующей его жизни, пока эта жизнь не получила, наконецъ, такого склада, при которомъ не мыслимо стало это повтореніе. Лирники—тѣ же калики перехожіе, такіе же странствующіе пѣвцы и божьи люди, какъ и ихъ сказочные предшественники. Они жили до тѣхъ поръ, пока существовали въ народѣ потребности въ ихъ историческихъ думахъ и поэтическихъ олицетвореніяхъ старины. Настоящее время представляетъ тотъ рубежъ, о который повидимому окончательно должны разбиться эти народныя потребности. Теперь не только артели лирниковъ, но и одиночные ни-

щіе-пѣвцы историческихъ думъ и сказаній, составляютъ рѣдкость. Настали другія времена, появились другіе люди, и нищенство приняло свой особый характеръ. Въ него также давно уже проникла язва личной наживы, и самое артельное начало, заимствованное современными нищими несомнѣнно, въ силу исторической пріемственности, отъ артелей лирниковъ, стало только средствомъ для лучшей эксплуатаціи. Въ настоящее время артели нищихъ представляютъ собою большею частію сборища пьяницъ, лѣнтяевъ, ханжей и ловкихъ плутовъ. Слѣпцы соединяются съ видящими, рядомъ съ дѣйствительными калѣками попадаются лица, искусно подражающія имъ, старики уродуютъ дѣтей, дѣти играютъ роль притворщиковъ *) — и все это соединяется воедино, образуетъ одну общую артель, чтобы лучше достигнуть главной цѣли — набрать возможно больше подачекъ и милостыни отъ сердобольныхъ людей. Понятно, что при этомъ та строгая таинственность, которою нищіе окружаютъ свои темныя дѣянія, служитъ условіемъ sine qua non существованія артелей.

Что касается батальонныхъ артелей, то происхожденіе ихъ также связано съ довольно отдаленнымъ прошлымъ. Такъ какъ черноморцы—прямые наслѣдники Запорожья, то ихъ батальонныя артели, можно полагать, имѣютъ отдаленную связь съ запорожскими обозами. Обыкновеніе запорожцевъ и вообще украинскихъ козаковъ избирать «обозныхъ» на время походовъ и войны для завѣдыванья хозяйственною частію отряда, конечно, давно уже умерло вмѣстѣ съ многими другими свободными распорядками въ козачьихъ войскахъ, распорядками, держав-

*) Впрочемъ, подобнаго рода факты встрѣчались и въ нищенствѣ древней Руси.

шимися на обычаяхъ и традиціяхъ. Но самый способъ содержать свои военные обозы «гуртомъ», артелью, для собственныхъ своихъ нуждъ пережилъ уже многія нововведенія въ козачьемъ войскѣ, принявши въ послѣднее время незатѣйливую форму батальонныхъ артелей. Козаки содержатъ «въ складчину» одну или нѣсколько собственныхъ подводъ и держатъ ихъ при себѣ, отправляясь въ «походы», изъ дому. Они вручаютъ эти подводы самимъ честнымъ, смѣтливымъ и уважаемымъ сотоварищамъ, подобно тому, какъ когда-то ихъ предки вручали обозы войсковымъ, полковымъ и др. «обознымъ», людямъ также выдающимся и уважаемымъ. Стало быть, батальонныя артели имѣютъ нѣкоторую связь вообще съ древними военными и сичевыми артелями.

Такимъ образомъ, какъ артели нищихъ, такъ и батальонныя артели козаковъ имѣютъ видимо нѣкоторую связь съ отжившей стариной. Онѣ служатъ живыми памятниками былыхъ народныхъ порядковъ и отношеній и представляютъ наглядныя доказательства живучести ассоціаціонныхъ формъ.

Слѣдующія затѣмъ три формы: мало-русскія «складки», то есть складчины, организація чабановъ и организація конокрадовъ со всѣмъ уже не укладываются въ общепринятыя рамки народныхъ артелей. Все это такія явленія народной жизни, которыя имѣютъ извѣстныя отношенія къ артельному началу, но которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отнесены къ разряду артелей. Для этого имъ недостаетъ народно-трудовой подкладки. Но онѣ тѣмъ не менѣе косвенно служатъ прекрасною иллюстраціей самыхъ оригинальнѣйшихъ изъ южнорусскихъ артельныхъ формъ, организуемыхъ по типу Запорожской Сичи. Это, такъ сказать, отъ-артельныя формы.

Разнаго рода складчины—довольно распространенныя явленія въ народной жизни. «Складываются» при случаѣ и гостьи, и кумовья, и пріятели, и односельцы. Это обыденный народный пріемъ, неразрывно связанный съ товарищескими угощеніями, гульбищами и «бесѣдами». Но собственно «складки́», какъ обычныя торжественно-праздничныя увеселенія, бываютъ только въ опредѣленное время года — въ дни заговѣньевъ, на масляницу и на святки. Въ такомъ видѣ складки считаются по преимуществу достояніемъ молодежи и имѣютъ болѣе или менѣе организованный видъ. Особенно интересны въ этомъ отношеніи оказываются такъ называемыя «різдвяні, т. е. рождественскія, складки́».

Рождественскія складчины соединяются повсемѣстно въ южной Россіи съ такъ называемыми «колядками» и «щедрівками». Обычай «колядокъ» и «щедрівокъ», какъ извѣстно, древнѣйшій обычай народной жизни. Онъ ведетъ свое начало непосредственно отъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда славяне свято чтили еще своихъ боговъ и устраивали въ честь ихъ народно-религіозныя празднества и увеселенія. Такимъ образомъ эта связь складокъ съ обычаями «колядовать» и «щедровать» ясно указываетъ на ихъ глубокое, отдаленное происхожденіе. Это—оригинальные памятники прошедшаго, до послѣдняго времени удержавшіе и свою язычески-религіозную подкладку, и обыкновеніе народа прилагать къ выдающимся сторонамъ своей жизни тѣ или другія излюбленныя ассоціаціонныя формы. И рождественскія складки дѣйствительно повсемѣстно между малороссами имѣютъ ту или другую организацію, согласную съ мѣстными обычаями и традиціями. Особенно интересный видъ такой организаціи встрѣчается въ Пирятинскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Здѣсь рождественскія складчины представляютъ цѣлую организован-

ную систему увеселеній молодежи въ древне-козачьемъ народномъ духѣ. «Парубки», т. е. парни, и дѣвушки образуютъ изъ себя двѣ группы, соединенныя во едино, и каждая такая группа имѣетъ свою собственную организацію. Во главѣ мужской группы стоитъ выборный отаманъ, краса и гордость молодежи; ему подчиняется «осаулъ», также лице выборное и выдающееся. Затѣмъ избирается кассиръ или казначей, завѣдующій во все время рождественскихъ увеселеній кассой и ведущій отчетность, и такъ называемый «світельщикъ», на обязанности котораго лежитъ сборъ и расходованье «світла», т. е. матеріала для освѣщенія. Всѣ остальные потомъ парубки составляютъ равноправное «товариство». Во главѣ дѣвичьей группы также стоитъ выборное лице—«старшая», подъ руководствомъ которой ведется вся хозяйственная кухонная часть складокъ, приготовленія разнаго рода «ласощівъ» — яичницъ, «варены», «орішківъ», «млинцівъ» и пр. Дѣвушки имѣютъ также свою собственную кассу, но въ концѣ концевъ онѣ все таки подчиняются главенству отамана. Въ ночь подъ Рождество парубки и «дівчата» колядуютъ по селу. Подъ Новый годъ дівчата щедруютъ, а парубки, кромѣ того, «водятъ козу», т. е. наряжаютъ одного изъ сотоварищей козой съ соломяными рогами, въ шубѣ шерстью вверхъ для потѣхи публики. Собранныя при посредствѣ щедрівокъ и колядокъ деньги и матеріалы и служатъ затѣмъ средствомъ для увеселеній молодежи. Самыя увеселенія регулируются выборными лицами, и въ этомъ отношеніи молодежъ держится своего обычнаго традиціоннаго кодекса, преступить который значитъ нарушить святость обычая и укоренившихся искони отношеній.

Организація чабановъ при «отарахъ» представляетъ повидимому только внѣшній остовъ существовавшей когда

то артельной организаціи. Хозяева отаръ (овечьихъ стадъ) прибѣгаютъ къ этой организаціи чисто изъ практическихъ выгодъ, ради лучшаго ухода за овцами. Такъ какъ при отарахъ бываетъ отъ трехъ до четырехъ пастуховъ, то между ними разъ на всегда установлены обычаемъ извѣстныя соподчиненныя отношенія съ строго дисциплинарнымъ характеромъ. Во главѣ всѣхъ стоитъ «лычманъ», распорядитель, своего рода отаманъ. Ему подчиняются «підпасычи», помощники, и «гарбачій», своего рода кухарь. Въ такомъ видѣ чабанская организація является повсемѣстнымъ явленіемъ, вездѣ, гдѣ существуютъ отары, т. е. крупныя овечьи стада въ нѣсколько сотъ или тысячъ головъ. Такимъ образомъ, уже самый фактъ этой распространенности однообразныхъ обычныхъ формъ указываетъ какъ на былое болѣе или менѣе отдаленное ихъ прошлое, такъ и на самый ихъ характеръ, какъ народныхъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ и въ преданіяхъ, и въ разсказахъ о старинѣ, слышанныхъ нами въ Кубанской области, можно найти указанія на то, что нынѣшняя чабанская организація была довольно распространенной формой пастушескаго хозяйства въ южной Россіи, и что во многихъ случаяхъ самая организація этихъ формъ носила несомнѣнный артельный характеръ. Чабаны были не наемнымъ людомъ какъ теперь, но и самостоятельными участниками въ дѣлѣ, а сказаніе объ одномъ изъ мѣстныхъ народныхъ разбойниковъ (Яблуковѣ) упоминаетъ о томъ, что нѣсколько лычмановъ и чабановъ, поймавшихъ этаго разбойника, имѣли даже одного выборнаго главу — отамана.

Наконецъ, организація кубанскихъ конокрадовъ и скотокрадовъ представляетъ по своему характеру такое вопіющее и безобразное явленіе, что теряетъ всякую тѣнь народной ассоціаціонной формы, несмотря на нѣкоторую

чисто формальную общность съ другими народными формами въ строеніи. Очевидно, что между конокрадствомъ и общими вѣковыми тенденціями трудовой народной жизни никогда не могло да и не можетъ быть никакой прямой связи и отношеній. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть общаго между конокрадомъ, воромъ, съ одной стороны, и труженикомъ-земледѣльцемъ, въ потѣ лица снискивающимъ хлѣбъ, съ другой? Одинъ является разрушителемъ извѣстнаго рода собственности и благосостоянія, другой производителемъ; одинъ паразитствуетъ и воруетъ, другой трудится и самое воровство считаетъ зломъ; но, главное, конокрадъ, по самой своей профессіи, является прямымъ врагомъ земледѣльца.

Повидимому въ настоящемъ своемъ видѣ организація кубанскихъ конокрадовъ имѣетъ слѣдующія общія черты: представляя обширную группу совершенно солидарныхъ между собою лицъ, широко раскинувшихъ свои сѣти въ Кубанской области и за предѣлами ея, конокрады въ частности разбиваются на отдѣльныя шайки, сообразно съ ближайшимъ мѣстомъ дѣятельности. Каждая такая шайка имѣетъ своихъ коноводовъ и обыкновенную челядь; въ каждой есть своего рода ватажокъ или отаманъ; каждая шайка, наконецъ, имѣетъ извѣстную связь и соотношеніе со всѣми другими. Въ такомъ видѣ организація этихъ ловкихъ воровъ представляетъ несомнѣнный общеизвѣстный фактъ и не составляетъ ни для кого тайны—ни для населенія, ни для властей. Въ любой козачьей станицѣ жители перечтутъ по именамъ всѣхъ своихъ конокрадовъ и скотокрадовъ, укажутъ коноводовъ и отамановъ. Но все это ни мало не парализуетъ самаго зла. Народъ ежегодно платитъ тяжелую повинность своимъ завѣдомымъ ворамъ, и только яркіе случаи народнаго самосуда обна-

руживаютъ изрѣдка всю тягость этой повинности, всю ненависть народа къ конокрадамъ.

И такъ, слѣдовательно, народъ не ограничивается проведеніемъ артельнаго начала въ однѣ свои экономическія отношенія, но прилагаетъ его и къ другимъ сторонамъ своей жизни, а отдѣльныя личности изъ среды его идутъ и того дальше, пользуясь артельными формами для достиженія самыхъ неблаговидныхъ и безобразныхъ цѣлей, какъ дѣлаютъ, напр., это конокрады. Разъ выработаны извѣстныя народныя формы, онѣ становятся всеобщимъ достояніемъ, и нельзя ручаться, чтобы та или другая форма не послужила предметомъ эксплуатаціи въ рукахъ ловкихъ людей. Форма сама по себѣ не много еще значитъ. Она можетъ быть прилагаема не только къ положительнымъ, но и къ отрицательнымъ явленіямъ народной жизни. Важенъ собственно тотъ принципъ, который кладется въ основаніе той или другой формы. Справедливъ и разуменъ такой принципъ—въ результатѣ получается высшая и цѣлесообразная форма труда, въ противномъ случаѣ и результатъ окажется противоположнымъ.

VIII.

Характеризуя всѣ описанныя нами выше формы по группамъ, мы вездѣ отмѣчали, во первыхъ, общія черты этихъ группъ, и во вторыхъ, индивидуальныя особенности входящихъ въ составъ ихъ формъ. Это дало намъ возможность лучше оріентироваться въ этихъ разнообразныхъ проявленіяхъ экономической жизни южно-русскаго народа; но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣленіе на группы какъ бы разграничиваетъ, обособляетъ нѣкоторыя формы. На самомъ же дѣлѣ всѣ южно-русскія артели и общинно-артельныя формы имѣютъ между собою болѣе близкую связь, чѣмъ какою она можетъ показаться на основаніи сказан-

наго. Всѣмъ имъ одинаково свойственна одна и та же общая черта, проходящая чрезъ нихъ красною нитью и выражающаяся въ безусловной принадлежности ихъ къ разряду строго обычныхъ явленій народной жизни, черта весьма важная и существенная, и чтобы подвести окончательный итогъ всему сказанному, намъ остается ближе ознакомиться именно съ этою чертою. Безъ этого самыя важнѣйшія особенности описанныхъ формъ могутъ остаться совершенно темными и непонятными.

И такъ, общая отличительная особенность южнорускихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ заключается въ томъ, что всѣ онѣ — чисто обычныя явленія соціальной жизни, продуктъ народнаго обычая и традицій. Это формы, выработанныя не законодательными регламентаціями и положеніями, а путемъ повседневнаго историческаго опыта и традицій. Онѣ всегда стояли внѣ вліянія и зависимости отъ писанныхъ правилъ и законовъ. Ихъ внутренней жизни и распорядкамъ совершенно чужды уставы, контракты и вообще писанные договоры и условія. Все это въ нихъ замѣняется вѣковыми народными обычаями, передаваемыми изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ отцевъ къ дѣтямъ, и видоизмѣняющимися сообразно съ общимъ развитіемъ жизни. Честное слово, разъ данное обѣщаніе, предковскіе обычаи, преданія старины являются тутъ положительнымъ закономъ. Возникновеніе и распаденіе формы, взаимныя отношенія и общепринятыя права и обязанности членовъ кроются въ самомъ обычаѣ, какъ въ неписанномъ кодексѣ, и достаточно привести въ дѣйствіе обычай, чтобы изъ него логически вытекли всѣ формальныя отношенія людей. Если два—три лица «спрягаются» для обработки земли, то уже самою формою такого труда опредѣляются взаимныя правовыя отношенія участниковъ въ дѣлѣ: каждый

будетъ занимать тутъ лушь то положеніе, которое отводитъ ему мѣстный обычай спряжекъ. То же нужно сказать и по отношенію ко всякой другой обычной формѣ. Обычная ассоціаціонная форма всегда является вполнѣ готовою, организованною, потому что обычай, на которомъ она держится, также всегда бываетъ сформировавшимся, установившимся явленіемъ, и нужно пошатнуть самый обычай, чтобы такъ или иначе подѣйствовать на соотвѣтствующія ему формы. Короче, основаніемъ, источникомъ внутренней жизни и отношеній анализируемыхъ нами формъ служатъ народные обычаи и традиціи. На обычаѣ же держатся и внѣшнія отношенія этихъ формъ къ стороннимъ лицамъ. Вступая въ извѣстныя обязательства съ сторонними людьми, только въ рѣдкихъ случаяхъ участники той или другой изъ разсматриваемыхъ формъ прибѣгаютъ къ писаннымъ контрактамъ и условіямъ. Такъ контрактуются иногда цѣлыми обществами арендуемыя ими земли. То же встрѣчается въ полтавской «гуртовѣ» и въ артеляхъ нѣженскихъ табачницъ. Но даже эти относительно немногія отступленія, — обусловливаемыя, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что народу приходится вступать въ извѣстныя отношенія большею частію съ людьми изъ совершенно чуждой ему среды, — оказываются, безъ всякаго сомнѣнія, продуктомъ только позднѣйшаго времени. Раньше онѣ не существовали, потому что не существовали и самыя тѣ причины, которыми онѣ въ настоящее время обусловливаются. Во всѣхъ же остальныхъ формахъ дѣло ведется какъ-разъ на оборотъ. Всѣ ихъ договоры и условія съ сторонними людьми держатся на честномъ словѣ и обѣщаніяхъ. Достаточно оказывается одного словеснаго принятія на себя обязательствъ со стороны участниковъ той или другой формы, чтобы участники эти считали для себя закономъ выполненіе своихъ обязательствъ. Нарушитель

этого обыкновенія считается уже преступникомъ съ точки зрѣнія народнаго обычнаго права. И, нужно замѣтить, никакія обязательства не выполняются народомъ такъ свято и честно, какъ именно обычныя. Артели не только стараются никогда не нарушать своихъ обязательствъ, но считаютъ безчестнымъ дѣломъ отрицать ихъ при полнѣйшей къ тому возможности и съ явными выгодами для себя, какъ напр. при отвѣтственности предъ судомъ. Однимъ словомъ, обычныя ассоціаціонныя формы труда являются самымъ надежнымъ ручательствомъ соблюденія народомъ словесныхъ договоровъ и обязательствъ.

Такое важное и существенное значеніе обычая въ организаціи и отправленіяхъ разсматриваемыхъ формъ налагаетъ на нихъ особенный отпечатокъ. Обычай строго отграничиваетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ ассоціаціонныхъ формъ современной экономической жизни, и нужно знать основной смыслъ и значеніе обычая, чтобы опредѣлить природу самыхъ формъ. Всякій обычай въ разсматриваемой нами области экономическихъ явленій есть прежде всего слѣдствіе внутренней жизни человѣка, реальное выраженіе способовъ удовлетворенія тѣхъ или другихъ потребностей народа, и затѣмъ уже та или другая форма экономической жизни. Человѣкъ родится съ готовыми, прирожденными способностями къ жизни и самозащитѣ, и жить для него значитъ удовлетворять свои потребности, какъ слѣдствіе этихъ способностей. Но, при удовлетвореніи потребностей, человѣкъ, какъ существо ограниченное, встрѣчаетъ массу препятствій, бороться съ которыми ему одному не подъ силу, и чѣмъ сложнѣе его потребности, тѣмъ больше оказывается для него такихъ препятствій. Отсюда — естественное влеченіе человѣка къ человѣку для совмѣстныхъ дѣйствій и труда. Уже на самыхъ раннихъ ступеняхъ своей жизни и развитія человѣкъ всту-

паетъ въ сообщество съ подобными ему существами, послѣдствіемъ чего оказываются смѣшанныя безбрачныя общины, разные виды брачнаго союза, семья и пр. Все это уже такія формы, гдѣ обычай играетъ роль общественнаго правила, какъ средства для удовлетворенія простѣйшихъ интеллектуально-этическихъ потребностей человѣка. Позже, съ развитіемъ племенной общины, первоначальныя потребности становятся все сложнѣе и сложнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ усложняются и обычные способы ихъ удовлетворенія. Когда, наконецъ, въ человѣческомъ обществѣ постепенно появляются первые проблески пастушеской, торговой, земледѣльческой и промышленной жизни, выраженіе обычныхъ ассоціаціонныхъ формъ также все болѣе и болѣе усложняется, достигая крайнихъ степеней въ своемъ обычномъ развитіи. Такимъ образомъ, и тѣ обычаи, съ которыми связано существованіе описанныхъ нами выше формъ, должны имѣть если и не особенно глубокое, то все-таки довольно древнее происхожденіе, покрайней мѣрѣ главнѣйшіе изъ нихъ. Экономическая жизнь южнорусскаго народа еще не настолько осложнилась и уклонилась отъ предшествовавшихъ ей періодовъ развитія, чтобы нельзя было найдти въ ней такихъ фактовъ и явленій, которые бы подтверждали наглядно даже въ настоящее время тотъ выводъ, что сложныя ассоціаціонныя формы труда могли образоваться первоначально прямымъ путемъ ассоціированья простыхъ формъ и только впослѣдствіи обратнымъ путемъ, т. е. путемъ распаденія сложныхъ формъ на простѣйшія. Мы отмѣтимъ здѣсь нѣсколько такихъ фактовъ въ подтвержденіе этого вывода.

Всѣмъ вѣроятно извѣстенъ тотъ фактъ, что когда пастухи нѣсколькихъ пасущихся вмѣстѣ стадъ замѣтятъ волка, то, точно по чьему-то мановенію, начинаютъ кричать, гикать и звать собакъ, направляясь въ ту сторону,

гдѣ покажется волкъ. Мальчики, пасущіе вмѣстѣ «кущанки» овецъ или «черідки» телятъ, точно также набрасываются на испуганнаго зайца. Когда вечеромъ возвращается на ночлегъ въ деревню «черідка» телятъ или «кущанка» овецъ и начинается загонка животныхъ по дворамъ, забѣгающимъ безъ толку телкомъ или овцей гоняется часто цѣлая куча дѣтей и взрослыхъ, пока не удастся имъ «залучить» бѣглянку или бѣглеца во дворъ. Съ неменьшимъ единодушіемъ гонятъ взрослые и дѣти свинью или другое какое нибудь животное, забравшееся въ поле или въ огороды. Тушить пожаръ бѣгутъ всѣ безъ различія пола и возраста. На пойманнаго вора или конокрада разомъ набрасывается вся толпа, если это случится гдѣ-нибудь въ людномъ мѣстѣ. Въ противномъ случаѣ достаточно одного восклицанія: «воръ!» чтобы въ нѣсколько минутъ собралась цѣлая толпа изъ ближайшихъ жилищъ. Однимъ словомъ, въ дѣйствительной жизни можно найдти массу такихъ фактовъ, которые служатъ выраженіемъ взаимопомощи, совмѣстнаго труда и дѣйствій въ самомъ простѣйшемъ и, такъ сказать, непосредственномъ видѣ. Человѣкъ тутъ дѣйствуетъ по первому мановенію, ассоціируетъ свои дѣйствія съ дѣйствіями другихъ подъ вліяніемъ инстинкта, минутнаго побужденія. Будетъ-ли онъ при этомъ защищать себя или свое добро, нападать или вообще производить извѣстныя полезныя дѣйствія, для него одинаково ясно и понятно бываетъ прежде всего одно, что онъ долженъ дѣйствовать вмѣстѣ съ другими — и только. Рядомъ съ простѣйшими случаями этого рода встрѣчаются и такіе, гдѣ къ первому побужденію присоединяется уже сила привычки и обыкновенія. Такъ, когда у одного земледѣльца опрокидывается возъ съ сѣномъ или хлѣбомъ, другіе ближайшіе или первые встрѣчные ставятъ снова общими усиліями возъ на колеса.

Сосѣдъ всегда поможетъ поднять тяжесть сосѣду, если поднятіе ее одному оказывается не посиламъ. Чтобы вытащить увязнувшій въ грязи возъ съ клажею, односельцы или просто сторонніе зрители помогаютъ собственными усиліями или «припрягаютъ» воловъ и лошадей. Когда малороссъ запрягаетъ въ первый разъ «быковъ-неуковъ» въ сани или въ «колоду» для выѣздки, ему точно также помогаетъ «справиться» съ непріученными животными нѣсколько случайныхъ зрителей или ближайшихъ сосѣдей. Еще шагъ — и ассоціаціонныя дѣйствія этого порядка принимаютъ болѣе сложный и законченный характеръ. Человѣкъ уже тутъ дѣйствуетъ не только вслѣдствіе привычки и обыкновенія, но часто и совсѣмъ подчиняется обычаю, имѣющему самое широкое примѣненіе въ разнородныхъ дѣйствіяхъ. Такимъ именно образомъ исполняются сосѣдями всѣ тѣ работы, которыя требуютъ значительной одновременной затраты человѣческихъ силъ. Такъ, при опусканіи «сруба» въ колодезь сосѣди добровольно помогаютъ другъ другу и сходятся часто для этого безъ всякихъ приглашеній со стороны нуждающагося. То же повторяется при установкѣ тяжелаго «журавля» надъ колодцемъ. «Гуртомъ» встаскиваютъ односельцы колоколъ на колокольню или камень на мельницу, «гуртомъ» устанавливаютъ иногда нажимательныя брусья въ маслобойняхъ или «подваживаютъ», поднимаютъ цѣлые амбары и строенія. И т. д., и т. д.

Такимъ образомъ, въ дѣйствительной жизни и теперь еще можно найдти цѣлый рядъ такихъ примитивныхъ случаевъ совмѣстнаго труда и дѣйствій, которые представляютъ постепенное осложненіе ассоціаціоннаго начала. Въ простѣйшемъ, такъ сказать, экстраординарномъ видѣ эти дѣйствія являются продуктомъ инстинкта и минутныхъ побужденій, въ болѣе сложномъ — слѣдствіемъ при-

вычки и обыкновенія, наконецъ, въ самомъ сложномъ и установившемся — результатомъ обычая. Того, что извѣстно у юристовъ подъ именемъ договорнаго права, тутъ совсѣмъ не оказывается. Все это большею частію простыя и немногосложныя дѣйствія и, какъ таковыя, не требуютъ никакихъ словесныхъ и тѣмъ болѣе письменныхъ обусловливаній, обѣщаній и соглашеній со стороны участвующихъ. Увидѣлъ человѣкъ, что нужна его помощь, участіе, онъ употребляетъ ее въ дѣло — и только. Многомного, если ему скажутъ при этомъ: «помоги!» или «а ну-те, братцы!» но это въ сущности не измѣняетъ сути дѣла; сторонній зритель и безъ того хорошо знаетъ по опыту и понимаетъ, въ чемъ дѣло и что отъ него требуется, и, конечно, ни это пониманіе, ни понуканіе или простое указаніе на дѣло никакъ нельзя считать договоромъ.

Но уже въ этихъ примитивныхъ случаяхъ ассоціаціоннаго труда и дѣйствій легко подмѣтить то, что составляетъ основную подкладку и силу обычая, какъ выраженія ассоціаціонной формы. Чѣмъ чаще повторяется одно и то же дѣйствіе и чѣмъ необходимѣе его повторяемость, тѣмъ ближе оно къ обычаю. Отъ частаго повторенія однѣхъ и тѣхъ же дѣйствій появляются привычки, а привычка, сдѣлавшаяся общественнымъ достояніемъ, становится обычаемъ. Въ сущности и подыманіе воза или вытаскиваніе его изъ грязи, и тушеніе пожара составляютъ уже обычныя дѣйствія, то есть, такія, которыя предполагаются заранѣе извѣстными, установившимися въ силу своей физической повторяемости, съ одной стороны, и человѣческихъ привычекъ, съ другой. И повторяемость, и привычка являются тутъ простымъ и постепенно увеличивающимся суммированіемъ однородныхъ дѣйствій, а общее практическое правило, вытекающее изъ такого суммиро-

ванія однородныхъ дѣйствій, и составляетъ то, что можно назвать простымъ несложнымъ обычаемъ. Но все это гораздо яснѣе обнаруживается въ слѣдующемъ затѣмъ рядѣ примѣровъ. Опусканіе «сруба» въ колодезь, встаскиванье камня на мельницу и тѣмъ болѣе колокола на колокольню представляютъ уже такія совмѣстныя дѣйствія, которыя цѣликомъ держатся на общественныхъ привычкахъ. Нужно было въ прошедшемъ постепенное возобновленіе этого рода дѣйствій, чтобы дальнѣйшая повторяемость ихъ сдѣлалась обычною, стала общественною привычкою. Но не будь у человѣка естественнаго предрасположенія къ совмѣстности въ дѣйствіяхъ, не могло бы, конечно, быть и этой повторяемости дѣйствій и вытекающихъ изъ нихъ обычаевъ и привычекъ. Стало быть, всякій обычай въ затронутой нами области явленій есть логическое обобщеніе совершенно однородныхъ фактовъ путемъ опыта, обобщеніе, сдѣлавшееся общимъ и болѣе или менѣе распространеннымъ правиломъ человѣческой жизни и вытекающее изъ самой натуры человѣка, изъ ея естественнаго предрасположенія къ ассоціаціи людей другъ съ другомъ.

Стоитъ теперь только нѣсколько расширить рамки того, что мы выше назвали примитивными случаями выраженія ассоціаціоннаго труда и дѣйствій, взять еще болѣе сложные случаи этого выраженія, и намъ станетъ понятенъ самый процессъ возникновенія и осложненія такихъ формъ, какъ южно-русскія артели и общинно-артельныя формы. Предъ нами, положимъ, обычай «толоки». Въ простѣйшемъ видѣ обычай этотъ является въ томъ случаѣ, когда при его помощи исполняется одна какая нибудь работа въ теченіе незначительнаго промежутка времени — полудня или нѣсколь-

кихъ часовъ. Сюда именно можно отнести опусканіе «сруба» въ колодезь, втаскиванье камня на мельницу или брусьевъ на строенія. Болѣе сложную форму толоки будутъ представлять уже однодневныя сельско-хозяйственныя работы. Таковы напр., возка сѣна или хлѣба съ поля на домъ въ теченіи дня, однодневная вспашка земли, однодневный сжонъ хлѣба и пр. Еще болѣе сложную форму этотъ обычай представляетъ въ томъ случаѣ, когда, при его помощи, совершается цѣлый рядъ сельскохозяйственныхъ работъ, какъ напр., вспашка, обработка и уборка хлѣба на церковномъ полѣ. Наконецъ, въ общинной обработкѣ земли толока пріобрѣтаетъ самый сложный видъ обычно-ассоціаціонной формы. Возмемъ другую форму, положимъ рыболовыя ватаги. Простѣйшій видъ этой формы представляютъ тѣ домашнія артели, съ помощью которыхъ односельцы ловятъ «волокушами» и «волоками» рыбу у себя на дому, въ «ставку», въ рѣкѣ и пр. Тѣ же артели, отправляющіяся изъ дому для ловли рыбы съ запасомъ харчей на лошадьяхъ или быкахъ, составляютъ уже болѣе сложный видъ. Наконецъ, забродческія ватаги, производящія ловъ рыбы въ теченіе цѣлаго рыбнаго сезона, являются самыми сложными и законченными формами. Точно также привычка односельцевъ держаться другъ друга при поѣздкахъ на значительныя отъ дома разстоянія пріобрѣтаетъ характеръ организованной артельной формы, когда односельцы отправляются въ путь съ одною и тою же цѣлію, напр., подряжаются подъ фуру, а артельная организація въ такомъ видѣ представляетъ одну изъ простѣйшихъ формъ по отношенію къ организаціи разнаго рода чумацкихъ ватагъ. И сколько бы мы не брали подобныхъ формъ, всегда будетъ повторяться одно и то же обстоятельство, что между извѣстнымъ рядомъ однохарактерныхъ формъ должна непремѣнно существовать

та или другая генетическая связь и зависимость. Разъ существуетъ это обстоятельство, простѣйшія формы всегда можно свести къ болѣе сложнымъ, и на оборотъ. Какъ формы прошедшаго, южнорусскія артели и общино-артельныя формы могли, конечно, произойти разными путями: во первыхъ, постепеннымъ преобразованіемъ простѣйшихъ формъ въ сложныя, во вторыхъ, распаденіемъ сложныхъ формъ на простѣйшія, и въ третьихъ, и тѣмъ и другимъ путемъ вмѣстѣ. Но не нужно забывать, что всѣ эти формы явились продуктомъ позднѣйшей болѣе сложной уже экономической жизни. Каково бы ни было, поэтому, происхожденіе каждой изъ нихъ въ частности,— то положеніе, что первоначально обычныя ассоціаціонныя формы могли произойти только при посредствѣ процесса отъ простаго къ сложному, во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнію. Такія формы, какъ напр. толока, составляютъ продуктъ позднѣйшей жизни. Ни толока въ ея настоящемъ видѣ, ни земледѣльческія артели не могли появиться раньше появленія земледѣльческой жизни вообще. Только съ постепеннымъ развитіемъ этой послѣдней могли постепенно возникать и развиваться ассоціаціонныя формы земледѣльческаго труда. Формы эти конечно, могли появиться вмѣстѣ съ тѣмъ или другимъ фазисомъ земледѣльческаго развитія, но сложность ихъ всегда обусловливалась большею или меньшею сложностью и раздѣленіемъ въ нихъ труда. Когда человѣкъ пахалъ свою ниву, положимъ, палкою или заступомъ, тогда, конечно, не мыслимъ былъ обычай спряжекъ, хотя и возможенъ былъ совмѣстный трудъ. Какъ болѣе сложная форма, обычай спрягаться могъ появиться только съ большимъ осложненіемъ самаго земледѣльческаго труда. То же должно было произойти и со всякою другою формою. Такимъ образомъ, предположивъ даже, что первобытная жизнь человѣчества

всегда и вездѣ складывалась по одному типу — типу общины, производившей всѣ свои экономическія операціи сообща, придется во всякомъ случаѣ допустить, что простѣйшія формы ассоціаціоннаго труда должны были предшествовать сложнымъ, какъ предшествовавала простѣйшая экономическая жизнь болѣе сложной.

И такъ, слѣдовательно, подводя итогъ всему сказанному относительно происхожденія обычныхъ ассоціаціонныхъ формъ, можно установить то общее положеніе, что формы эти составляютъ естественно-историческое слѣдствіе человѣческой жизни и натуры. Первичная и существенная причина ихъ происхожденія кроется въ естественныхъ способностяхъ и предрасположеніи человѣка къ ассоціаціи съ подобными ему существами. Въ простѣйшемъ непосредственномъ видѣ эти способности обнаруживаются, во первыхъ, въ мгновенныхъ и внезапныхъ дѣйствіяхъ человѣка при самозащитѣ, защитѣ своего добра, нападеніи и пр., и во вторыхъ, въ несложныхъ операціяхъ труда, требующихъ короткаго, мимолетнаго участія. Въ обоихъ случаяхъ человѣкъ дѣйствуетъ почти исключительно подъ вліяніемъ инстикта, минутнаго впечатлѣнія и очевидной необходимости въ быстрой помощи. Въ болѣе сложномъ видѣ обнаруженіе сказанныхъ способностей, благодаря частому повторенію случаевъ самаго обнаруженія, становится общественною привычкою или обычаемъ, правиломъ для извѣстнаго рода дѣйствій при извѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Развиваясь, обычай въ такой формѣ можетъ принимать новыя осложненія и, наоборотъ, разъ развившись до извѣстной степени, можетъ разлагаться и распадаться на простѣйшія формы, такъ что вообще между опредѣленнымъ рядомъ однохарактерныхъ обычныхъ ассоціаціонныхъ формъ всегда можно отыскать ту или другую генетическую связь. Такимъ образомъ, и южнорусскія

артели и общинно-артельныя формы, какъ обычныя явленія этого порядка, могли произойдти только путемъ такого естественнаго обычнаго развитія. Допустить тутъ участіе договорнаго соглашенія никакъ нельзя. Это значило бы принять слѣдствіе за причину, признать обычныя формы за юридически-договорныя. То, что у юристовъ извѣстно въ этомъ отношеніи подъ именемъ договора, является только слѣдствіемъ дальнѣйшаго развитія первоначальныхъ обычныхъ формъ да и то проявляется въ нихъ не въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ обыкновенно юристы. Чѣмъ примитивнѣе извѣстная обычная форма, тѣмъ дальше она стоитъ отъ юридически-договорныхъ формъ, и только по мѣрѣ своего развитія и усложненія вообще жизни она приближается къ нимъ. Обычаю, какъ традиціонному правилу, приходится въ каждое данное время регулировать только опредѣленный кругъ явленій, но разъ этотъ кругъ расширяется, рядомъ съ обычаемъ являются словесныя обусловливанія его, какъ слабые зачатки договорнаго соглашенія въ чисто юридической формѣ. Положимъ, въ данное время обычай «спрягаться» требуетъ, чтобы вознагражденіе распредѣлялось между трудомъ и капиталомъ въ такомъ отношеніи: одинъ день вспашки идетъ на «плугатыря», день — на плугъ, по одному дню — на каждую пару воловъ и десятый день — на «погоныча». Положимъ далѣе, что въ слѣдующемъ году погонычей оказывается мало и за десятый день никто не согласиться «спрягаться» въ качествѣ погоныча. Требуется иное распредѣленіе вознагражденія; является при каждомъ возникновеніи артели необходимость въ свободномъ словесномъ договорѣ для опредѣленія частностей, касающихся вознагражденія погоныча. Такимъ образомъ, къ обычаю тутъ уже примѣшивается временное частное соглашеніе относительно извѣстнаго пункта. Чѣмъ больше будетъ такихъ

соглашеній, тѣмъ слабѣе окажется вліяніе обычая на возникновеніе самой формы; но никогда это возникновеніе не совершается въ зависимости отъ одного свободнаго договора въ строго юридическомъ смыслѣ. Главнѣйшимъ формальнымъ основаніемъ служитъ все-таки при этомъ обычай, и подчиняться въ такихъ случаяхъ обычаю не значитъ еще установлять самую форму на основаніи свободнаго договора. Разъ обычай теряетъ такое значеніе, артельная или общинно-артельная форма становится уже не обычною [1]). Отличительная особенность обычныхъ формъ въ томъ именно и состоитъ, что каждому единичному возникновенію ихъ предшествуетъ обычай, какъ готовая формула, по которой складывается затѣмъ и самая форма. Часто, поэтому, участіе въ артеляхъ покрайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ членовъ бываетъ дѣломъ обязательнымъ, несвободнымъ. Такой именно характеръ принудительныхъ формъ носятъ общественныя аренды и запашки толокой на общественныя нужды. Но и тамъ, гдѣ обычай не играетъ такого принудительнаго значенія, онъ все-таки бываетъ обязательнымъ правиломъ, заранѣе опредѣляющимъ какъ внутреннюю жизнь, такъ и внѣшнія отношенія артелей. Участники — не свободные въ этомъ отношеніи люди; они дѣйствуютъ такъ, какъ предписываетъ имъ обычай. Однимъ словомъ, въ каждомъ единичномъ случаѣ обычай творитъ форму и люди при этомъ подчиняются ему, какъ естественному традиціонному закону. Дѣло, стало быть, въ концѣ концовъ все-таки сводится къ обычаю,

---

[1]) Какъ на примѣръ въ этомъ отношеніи, можно указать на биржевыя и отчасти желѣзнодорожныя артели, внутренняя жизнь и отношенія которыхъ регулируются не обычными, а писанными большею частію правилами, при чемъ трудовое начало вмѣсто главной регулирующей роли низведено на степень подчиненнаго, эксплуатируемаго начала.

какъ словесному, «неписанному закону», а обычаи, какъ мы замѣтили выше, складываются путемъ естественно-историческаго опыта и ассоціированья полезнѣйшихъ дѣйствій, вытекающихъ изъ самой природы человѣка.

Такой взглядъ на южно-русскія артели и общинно-артельныя формы, по нашему мнѣнію, есть единственно правильный взглядъ, потому что онъ цѣликомъ держится на фактахъ, непосредственно вытекаетъ изъ нихъ. Замѣнить его тѣми шаблонными рамками, которыя извѣстны подъ именемъ договорныхъ союзовъ, никакъ нельзя. Какую бы мы не взяли на выдержку изъ описанныхъ выше формъ, въ ней всегда найдутся такія черты, которыя не позволятъ уложить ее въ готовую мѣрку школьнаго права. Разъ дѣло коснется происхожденія формы, придется или гнуть факты въ одну какую-нибудь сторону, или же совсѣмъ обходить ихъ молчаніемъ, чтобы оставить неприкосновенными существующія на этотъ счетъ юридическія теоріи. Какъ на характернѣйшую въ этомъ отношеніи форму можно указать на толоку. Форма эта положительно противится приложенію къ ней теоріи договорнаго союза, какъ готовой мѣрки. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ толокѣ, какъ общинно-артельной формѣ, поводимому не оказывается ни начала, ни конца, и существуетъ одна только середина — одно общее артельное произведеніе работъ безъ всякаго прямаго, а иногда даже и косвеннаго участія работающихъ въ результатахъ своего собственнаго труда и часто безъ всякихъ предварительныхъ уговоровъ участвующихъ въ работахъ на счетъ общности работъ. Бѣднякъ проситъ сосѣдей помочь ему перевезти сѣно. Нѣсколько домохозяевъ изъявляютъ на это готовность, отправляются сами или посылаютъ своихъ домочадцевъ на толоку и такимъ образомъ общими силами, съ помощью артельнаго труда, перевозятъ сѣно бѣдняка, довольствуясь

при этомъ вмѣсто вознагражденія нѣсколько лучшею обыденной пищею. Церковный староста приглашаетъ прихожанъ привезти дровъ для отопленія церкви, и снова собирается подобнымъ же образомъ толока и исполняетъ артельнымъ способомъ общественную работу, производя ее часто даже безъ всякихъ угощеній, на своемъ пищевомъ довольствіи. Попробуйте въ этихъ случаяхъ приложить къ толокѣ обыкновенную точку зрѣнія юридической науки, по которой народныя артельныя формы считаются договорными товариществами, и вамъ придется сдѣлать то же, что сдѣлалъ по отношенію къ этой формѣ профессоръ Пахманъ въ своей книгѣ, т. е. сказать безъ всякихъ объясненій: «нельзя» [1]). А между тѣмъ съ выясненной нами выше точки зрѣнія обычай толоки объясняется легко. Онъ долженъ представлять одно изъ двухъ: или примитивный видъ ассоціаціоннаго труда, изъ котораго впослѣдствіи можетъ развиться болѣе совершенный, или же атрофировавшуюся, утратившую свой прежній болѣе широкій складъ форму. И какъ бы тамъ не рѣшилъ изслѣдователь, для него ясно будетъ одно, что сложиться

---

[1]) Профессоръ Пахманъ въ своей книгѣ «Обычное гражданское право въ Россіи» такъ между прочимъ обходитъ эту форму въ главѣ «Союзы товарищества (артели)»: «какъ бы ни было, говоритъ онъ, важно для науки права изслѣдованіе всякаго рода товариществъ и ассоціацій, но по отношенію собственно къ области народно-обычнаго права нельзя упускать изъ виду, что не всякое товарищество, основанное на началѣ взаимной выгоды, можетъ быть, отнесено къ разряду артелей» (стр. 255). Почему такъ должно быть — почтенный профессоръ ничего не говоритъ по этому поводу; но въ pendant къ вышесказанному онъ дѣлаетъ такую сноску: въ статьѣ «Южно-русскія артели» (Недѣля 1876 № 43), къ разряду артелей отнесена и т. п. «толока» или «помочь». И больше — ни слова. Очевидно, ученый профессоръ обходитъ молчаніемъ суть дѣла за невозможностью сказать что-либо вѣское въ пользу своего взгляда, а между тѣмъ толоку можно назвать праматерью весьма многихъ обычныхъ ассоціонныхъ формъ, изъ числа которыхъ обычай «спрягаться» самъ Пахманъ принимаетъ далѣе въ своей книгѣ за артель.

эта форма могла только естественно исторически, путемъ послѣдовательнаго ассоціированныя извѣстаго рода дѣйствій, вошедшихъ въ привычку, въ обычай народа, и что при каждомъ единичномъ возникновеніи этой формы формальнымъ основаніемъ для этого возникновенія всегда служитъ сложившійся такимъ образомъ обычай. Толока представляетъ не единичное исключеніе въ этомъ родѣ. Выше мы видѣли, что всѣ южно-русскія артели и общинно-артельныя формы представляютъ собою только разныя стадіи въ развитіи и атрофировкѣ разнаго рода формъ. Но подъ вліяніемъ какихъ условій происходило это развитіе и атрофировка — это уже другой вопросъ, другая сторона дѣла, требующая опредѣленія тѣхъ факторовъ, подъ вліяніемъ которыхъ складывался самый обычай.

Изъ предыдущаго описанія южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ легко замѣтить, что существующія и существовавшія отношенія участниковъ въ этихъ формахъ и вообще тѣ или другіе ихъ распорядки подчинялись или подчиняются вліянію трехъ началъ — трудоваго, военнаго и капиталистическаго. Каждое изъ этихъ началъ представляетъ собою нѣчто особенное, отличное отъ другаго, каждое изъ нихъ вліяло и вліяетъ на разсматриваемыя нами формы только въ опредѣленномъ направленіи, и поэтому, не всѣ указанныя начала имѣютъ одно и то же значеніе для этихъ формъ. Начало трудовое есть начало, такъ сказать, внутреннее, составляющее самую душу артелей; начало военное, совершенно утратившее въ настоящее время всякое значеніе, служило для нѣкоторыхъ формъ въ былыя времена весьма сильнымъ внѣшнимъ стимуломъ, отразившимся исключительно на личной организаціи членовъ; наконецъ, начало капиталистическое оказывается положительно враждебнымъ факторомъ для самаго существованія разсматриваемыхъ нами обычныхъ

формъ. Тѣ или другія единичныя отступленія въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ ниже, ни чуть не измѣняютъ сути дѣла.

Служа лучшимъ средствомъ для удовлетворенія экономическихъ нуждъ и потребностей народа, южно-русскія артели и общинно-артельныя формы представляютъ прежде всего одно изъ проявленій трудоваго начала. Это почти исключительно ассоціаціонныя формы труда. Только четыре изъ нихъ не подходятъ вполнѣ подъ это опредѣленіе, именно: тѣ изъ арендаторскихъ артелей, которыя организуются для одного найма земли, кубанскія почтовыя артели, артели батальонныя и, пожалуй, артели нищихъ, хотя, впрочемъ, этимъ послѣднимъ не чуждъ также въ извращенномъ видѣ своего рода трудъ. Прямое же назначеніе всѣхъ остальныхъ формъ состоитъ въ достиженіи лучшихъ результатовъ въ той или другой области дѣятельности при помощи ассоціированнаго труда, и въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія даже такія артели, какъ чумацкія валки и товарищества крамарей. Весьма рѣдко въ этихъ формахъ, какъ напр. въ обычаѣ «спрягаться», рядомъ съ участіемъ труда встрѣчается и участіе капитала, обусловливаемое естественною необходимостію производительности; но чаще всего онѣ представляютъ исключительно товарищества для совмѣстнаго труда. Стало быть, уже самый характеръ разсматриваемыхъ нами формъ, какъ формъ труда, говоритъ въ пользу существеннаго значенія для нихъ трудоваго начала. И дѣйствительно, на самыхъ раннихъ ступеняхъ своего развитія человѣкъ уже искалъ въ нихъ естественныхъ удобствъ совмѣстнаго труда и необходимыхъ условій для воспроизведенія извѣстнаго рода экономическихъ явленій. Выше мы отмѣтили то весьма важное въ этомъ отношеніи положеніе, что самое про-

исхожденіе разсматриваемыхъ обычныхъ формъ могло совершиться только путемъ усложненія и развитія примитивныхъ ассоціаціонныхъ дѣйствій человѣка, проявляющихся и теперь въ формѣ быстрой мимолетной взаимопомощи и совмѣстнаго труда. Точно-также и первоначальныя обычныя формы ассоціаціи могли быть только исключительно формами совмѣстнаго труда. Толока, — форма самая древнѣйшая, своеобразнѣйшая и близкая вообще ко всѣмъ другимъ обычнымъ формамъ, — до послѣдняго времени сохранила такой именно характеръ исключительно трудовой формы, и въ такомъ видѣ легко эксплуатируется всевозможными піявками и проходимцами въ народной жизни. Обычай «спрягаться» въ первоначальномъ своемъ видѣ имѣлъ строго трудовую форму и только впослѣдствіи въ немъ дано было мѣсто и капиталу. Самыми жизненными формами оказываются въ настоящее время тѣ именно, въ которыхъ труду принадлежитъ главное регулирующее вліяніе на дѣла и отношенія членовъ. Таковы артели крымскихъ солепромышленныхъ рабочихъ, «гуртова» и проч. Новѣйшія общинно-артельныя формы, имѣющія всѣ шансы на дальнѣйшее развитіе, какъ напр,, арендаторскія артели съ общей артельной обработкой земли, также отличаются исключительно своими трудовыми тенденціями. Однимъ словомъ, трудъ игралъ и играетъ самую главную и существенную роль при опредѣленіи обычной жизни и взаимныхъ отношеній членовъ той или другой изъ разсматриваемыхъ нами формъ. Затѣмъ вліяніе другихъ началъ оказывается, во первыхъ, чисто внѣшнимъ, механическимъ, а во вторыхъ, то второстепеннымъ, то разрушающимъ.

Въ самую цвѣтущую пору своего существованія южно-русскія артели типа Запорожской Сичи, отличавшіяся своимъ военнымъ характеромъ, все-таки не были воен-

ными предпріятіями. Главною ихъ заботою служили такія чисто экономическія цѣли, какъ рыболовство, звѣроловство и торговля, а средствомъ достиженія ассоціированный трудъ и совокупныя усилія всѣхъ, цѣлаго союза, товарищества. Военныя условія и обстоятельства были при этомъ только внѣшними общеисторическими факторами, налагавшими извѣстный отпечатокъ на эти своеобразныя артели. Военныя качества участниковъ цѣнились только «на случай», отаманъ былъ военнымъ начальникомъ только «при случаѣ», самые члены товарищества оказывались воинами опять таки только «при случаѣ». Въ обыкновенное же мирное время надъ внутреннею жизнію и порядками товарищества царили требованія одного труда: отаманъ оказывался не неограниченнымъ начальникомъ, а выборнымъ хозяиномъ - распорядителемъ, лицемъ отвѣтственнымъ и вполнѣ зависимымъ отъ товарищества, лицемъ, которое товарищество могло одинаково легко и свободно выбрать и смѣнить, которое помимо своихъ спеціальныхъ отаманскихъ обязанностей пользовалось одинаковыми со всѣми другими членами преимуществами равнаго передъ равнымъ. Товарищество было равноправнымъ и трудящимся; трудъ лежалъ въ основѣ этой равноправности, трудъ же былъ заправляющимъ факторомъ во взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ лицъ товарищества. Поэтому, какъ только измѣнились внѣшнія историческія условія, какъ только отжили свой вѣкъ войны и военныя безпокойства для труженика, — самая военная организація артелей со всѣмъ потеряла свое прежнее значеніе и отъ прежнихъ полувоенныхъ ролей ея участниковъ остались одни названія. Трудовое начало въ сущности, значитъ, не переставало играть первенствующую роль, намѣчая цѣли товарищества и опредѣляя взаимныя отношенія ея членовъ; но временно оно оттѣнялось военными условіями, вре-

менно рядомъ съ экономическимъ трудомъ и опытомъ функціонировали военныя требованія и снаровка, придававшія организаціи артелей полувоенный дисциплинированный характеръ.

Не таково вліяніе на обычныя формы начала капиталистическаго. По самому уже своему существу начало капиталистическое противоположно началу трудовому. Ростъ и накопленіе капитала возможенъ только на счетъ труда, и чѣмъ сильнѣе капиталистическія тенденціи, тѣмъ въ болѣе стѣснительныхъ условіяхъ находится обыкновенно трудъ. Такимъ образомъ и обычныя формы, какъ формы трудовыя, всегда выдерживали со стороны капиталистическаго начала одно внѣшнее неблагопріятное имъ давленіе. Таково было вліяніе капиталистическаго начала на отхожія артели типа Запорожской Сичи. Такимъ же оно оказалось и по отношенію къ общинно-артельнымъ формамъ. Оно всегда систематически давило трудъ и подтачивало тѣ ассоціаціонныя формы, въ которыхъ онъ выражался. И понятно, поэтому, что и въ этомъ случаѣ, какъ въ предыдущемъ, трудовое начало не переставало и не перестаетъ играть своей основной регулирующей роли по отношенію къ обычнымъ формамъ. Формы эти во всякомъ случаѣ остаются выраженіемъ трудоваго начала; но самое начало здѣсь подвергается гораздо большему, чѣмъ при дѣйствіи военной обстановки, давленію внѣшнихъ условій, порождаемыхъ капиталистическимъ строемъ и тенденціями. Здѣсь оно сталкивается съ началомъ прямо противоположнымъ ему по существу, и благодаря иному теченію жизни, общему неблагопріятному ходу ея, тѣ формы, въ которыхъ оно выразилось, разлагаются, атрофируются и вообще видоизмѣняются.

И такъ, значитъ, трудовое начало есть основное начало, опредѣляющее правовую жизнь и отношенія раз-

сматриваемыхъ нами формъ. Обычай является его законнымъ дѣтищемъ. Выше мы отмѣтили тотъ процессъ, который предшествуетъ обыкновенно всякому возникновенію обычая въ затронутой нами области экономическихъ явленій. Нужно повтореніе цѣлаго ряда извѣстнаго рода явленій, чтобы въ концѣ-концовъ явился обычай, какъ общественное правило для урегулированія этихъ явленій при дальнѣйшей ихъ повторяемости. Обычай, стало быть, и взаправду есть «неписанный законъ», но какъ законъ, онъ долженъ же слагаться подъ вліяніемъ какого-нибудь высшаго регулирующаго начала. Недостаточно сказать, что обычай есть результатъ постепеннаго ассоціированья однородныхъ дѣйствій. Этимъ только указывается процессъ образованія обычая. Нужно опредѣлить и то общее начало, подъ вліяніемъ котораго происходитъ самое ассоціированье однородныхъ дѣйствій, нужно уяснить самую суть этого процесса. И вотъ такимъ-то общимъ началомъ, составляющимъ суть указаннаго процесса, и оказывается трудовое начало. Мы отмѣтимъ, поэтому, нѣсколько ближе вліяніе этого начала на внутренній складъ и отношенія южнорусскихъ обычныхъ ассоціаціонныхъ формъ.

Трудовое начало, какъ начало практически доступное пониманію массы, всегда служило мѣркою для опредѣленія взаимныхъ отношеній членовъ-участниковъ между собою и отношеній ихъ къ артели въ разсматриваемыхъ нами формахъ. Тотъ, кто не можетъ или не хочетъ трудиться, не можетъ быть и членомъ артели. Каждая артель, какъ трудовая форма, возникаетъ прежде всего подъ условіемъ участія трудомъ со стороны всякаго члена. Члены рыболовной ватаги соединяютъ въ видахъ достиженія общей цѣли исключительно свой трудъ. Чумаки также основываютъ свои артельныя отношенія на трудѣ. На трудѣ въ сущности держатся отношенія крамарей-ходебщиковъ

Трудомъ измѣряется участіе односельцевъ въ толокѣ при общественныхъ работахъ. Требованіями труда руководятся «скопщики» и «половинщики», снимая вмѣстѣ, артелью землю съ половины. Трудъ связываетъ воедино работающихъ артелью съ части. Трудъ служитъ основаніемъ при формированіи «гуртовы» изъ отдѣльныхъ равносильныхъ рабочихъ группъ. Трудъ принимается главнымъ образомъ въ расчетъ бендюжниками при соединеніи ихъ въ артель, и т. д., и т. д. Тѣ отдѣльныя отступленія, которыя встрѣчаются въ этомъ отношеніи въ единичныхъ случаяхъ, не измѣняютъ существа дѣла. Онѣ или являются слѣдствіемъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій, или на самомъ дѣлѣ не требуютъ прямаго участія труда. Если почтовыя артели ограничиваются одною складчиною средствъ, то это только и требуется отъ самаго дѣла, къ которому онѣ прилагаются и которое составляетъ принудительную повинность. Точно тоже нужно сказать и объ артеляхъ батальонныхъ. Въ обычаѣ «спрягаться» рядомъ съ участіемъ труда допускается и участіе капитала въ силу необходимости; иначе не мыслима была-бы въ большинствѣ случаевъ и самая артельная комбинація. При томъ же, обычай этотъ представляетъ атрофировавшуюся форму, раньше державшуюся исключительно на трудовомъ началѣ.

То же преобладающее вліяніе трудоваго начала отражается и на личной организаціи и отношеніяхъ членовъ артелей. Главнѣйшія выборныя лица — отаманъ, староста, осаулъ и даже кухарь — избираются въ руководители и хозяева, какъ образцовые труженики и знатоки всего того, что относится къ спеціальному труду артели. Самое положеніе выборныхъ лицъ почти не обезпечивается никакими особенными матеріальными преимуществами. Сплошь и рядомъ онѣ получаютъ изъ артельныхъ заработковъ и и выручекъ одинаковый пай съ другими участниками

артели согласно своему единоличному труду. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ артелей, напр. у крымскихъ солепромышленныхъ, въ обычаѣ давать старостѣ сверхъ пая «надбавку», но «надбавка» также дается «за трудъ». Въ этихъ же артеляхъ и артеляхъ крамарей староста или отаманъ получаютъ иногда двойной пай, но въ такомъ случаѣ онѣ содержатъ лошадь съ повозкою, а если лошадь принадлежитъ рядовому рабочему, то и пай на нее получаетъ также хозяинъ лошади и повозки, а не староста. И только въ забродческихъ ватагахъ отаманъ получаетъ два пая — пай рабочаго и отаманскій, но за то въ этихъ артеляхъ на долю отамана выпадаетъ едва-ли не двойной трудъ и заботы. Относительно рядовыхъ участниковъ артелей при дѣлежѣ заработковъ существуетъ одно и то же правило: каждый получаетъ совершенно одинаковый съ другими пай сообразно своему единоличному труду взрослаго рабочаго. Правило это остается одинаково неизмѣннымъ и тогда, когда артель ведетъ свои дѣла независимо отъ хозяевъ и капиталистовъ и когда она отдаетъ половину своихъ продуктовъ этимъ посредникамъ, какъ это бываетъ, напр., въ рыболовныхъ ватагахъ или артеляхъ половинщиковъ. Въ тѣхъ артеляхъ, гдѣ рядомъ съ взрослыми участвуютъ и неполные еще работники, эти послѣдніе, сообразно съ своимъ трудомъ, получаютъ и вознагражденіе неполное. При спряжкахъ «плугатырь», какъ взрослый рабочій, на долю котораго выпадаетъ самый тяжелый трудъ, пользуется пятымъ днемъ вспашки, а малолѣтокъ-погонычъ десятымъ или одинадцатымъ. Если при этомъ бываютъ взрослые и одинаково годные къ работѣ «плугатырь» и «погонычи», то трудъ и вознагражденіе ложится на всѣхъ ихъ равномѣрно. То же встрѣчается въ артеляхъ половинщиковъ и чередниковъ. Тамъ, гдѣ рядомъ съ трудомъ существенное значеніе для

артели имѣютъ рабочія средства и орудія, артель все-таки распредѣляетъ свои выгоды сообразно количеству рабочихъ рукъ и для этого составляются отдѣльныя, совершенно равносильныя рабочія группы. Такъ бываетъ въ «гуртовѣ». И только въ единичныхъ случаяхъ, какъ при полученіи пая на лошадь и въ обычаѣ спряжекъ, гдѣ пара воловъ или плугъ приравниваются взрослому рабочему-плугатырю, существуютъ несомнѣнныя отступленія въ пользу капитала, вошедшія въ обычай [1]).

---

[1]) Впрочемъ, даже отступленія этого рода едва-ли особенно много говорятъ въ пользу регулирующаго значенія капиталистическаго начала. Пай на лошадь есть въ сущности сразу уплаченные артелью расходы на общія нужды артели. Если-бы не было лошади у одного изъ членовъ, то пришлось-бы ее содержать всѣмъ вмѣстѣ, и лошадь такимъ образомъ тутъ играетъ такую же роль въ артельномъ дѣлѣ, какую играетъ коса при кошеніи травы или топоръ въ плотничествѣ. Нѣсколько существеннѣе повидимому значеніе капиталистическаго начала въ обычаѣ спряжекъ. Но дѣло въ томъ, что обычай «спрягаться» представляетъ атрофировавшуюся форму; трудовое начало тутъ, такъ сказать, сжато чисто внѣшними неблагопріятными условіями. Дѣло всегда бываетъ поставлено такъ, что не допусти труженикъ участія капитала, не мыслима была бы и самая комбинація. Участіе въ дѣлѣ капитала и оплата его на равнѣ съ трудомъ въ сущности ничѣмъ не разнится отъ такого же участія лошади и полученія на нее пая въ другихъ артеляхъ. Въ чистомъ видѣ общественныя спряжки, какъ это было, напр., въ Ольгопольскомъ уѣздѣ, Каменецъ-Подольской губерніи, не допускали такой роли капитала. Общественныя вспашки распредѣлялись между всѣми членами «громады» по количеству рабочихъ рукъ и потребностей независимо отъ того или другаго участія въ дѣлѣ капиталомъ со стороны отдѣльныхъ домохозяевъ. Когда въ 1875 году возникла въ Полтавской губерніи община-артель изъ частныхъ собственниковъ, участники ея также порѣшили «спрягаться» всѣмъ наличнымъ количествомъ рабочихъ орудій, скота и силъ, но продукты въ концѣ-концовъ были распредѣлены пропорціонально труду и потребностямъ. Въ слѣдующій затѣмъ годъ возникли даже несогласія по этому поводу, такъ какъ болѣе состоятельные участники требовали распредѣленія продуктовъ пропорціонально количеству труда и капитала, вмѣстѣ взятыхъ, но большинство снова настояло на распредѣленіи продуктовъ сообразно съ трудомъ и потребностями, какъ на дѣлежѣ вполнѣ справедливомъ съ точки зрѣнія народныхъ обычаевъ.

Наконецъ, подъ вліяніемъ трудоваго начала опредѣляются проступки членовъ противъ артели, положеніе больныхъ въ артели и сроки существованія артелей. Лѣниваго и нерадиваго члена артели большею частію исключаютъ изъ своей среды. За прогулъ, соединенный съ пьянствомъ, налагаются штрафы, сообразно съ тѣми убытками, которые прогулявшій причиняетъ артельному труду, какъ это бываетъ, напр., въ артеляхъ солепромышленныхъ рабочихъ. Иногда прогулявшій и совсѣмъ исключается, а въ замѣнъ его принимается новый членъ. Даже больной членъ артели не получаетъ пая во время болѣзни потому только, что «не трудится», хотя при этомъ онъ и пользуется всѣми преимуществами артели и за нимъ ухаживаютъ остальные члены, какъ это бываетъ въ отхожихъ артеляхъ. Самая продолжительность существованія артели опредѣляется продолжительностью артельнаго труда. Разъ артельный трудъ прекращается, естественно прекращается и существованіе артели.

Всѣ эти факты, конечно, логически приводятъ къ тому заключенію, что трудовое начало есть основное начало, опредѣляющее обычную правовую подкладку разсматриваемыхъ нами формъ. Тотъ или другой обычай является тутъ только слѣдствіемъ цѣлаго ряда однородныхъ дѣйствій, практически выгодныхъ и полезныхъ человѣку, а трудовое начало оказывается, при этомъ, такъ сказать, опытною реальною мѣркою, которою измѣряется степень выгодности и полезности этихъ дѣйствій. Только при соотвѣтствіи однородныхъ дѣйствій съ этою мѣркою происходитъ постепенное повтореніе, ассоціація ихъ, и затѣмъ уже является самый обычай, какъ слѣдствіе теоретическаго ассоціированья однородныхъ понятій о совмѣстномъ трудѣ. Понятіе о трудовомъ началѣ такимъ образомъ оказывается тѣмъ же для обычая, чѣмъ

служитъ цементъ для каменной постройки. Оно служитъ связующимъ звеномъ для повторенія тѣхъ дѣйствій, изъ которыхъ въ концѣ концевъ слагается та или другая ассоціаціонная форма, а съ нею и тотъ или другой обычай, какъ отвлеченное общественное правило.

Послѣ всего сказаннаго само собою становится понятнымъ, подъ вліяніемъ какихъ общихъ причинъ происходило развитіе, видоизмѣненіе и атрофировка разсматриваемыхъ формъ. Такъ какъ въ основѣ существованія большинства этихъ формъ лежитъ трудовое начало, то только при условіи естественнаго, ничѣмъ нестѣсняемаго развитія этого начала возможно и самое развитіе формъ. Разъ окружающія условія таковы, что стѣсняютъ прямо или косвенно эту самостоятельность развитія, вліяніе ихъ неизбѣжно отражается или на организаціи обычныхъ формъ, или же на самомъ ихъ существѣ. Когда окружающія условія отличались своимъ неспокойнымъ военнымъ характеромъ, — южно-русскія артели также принуждены были принаравливать свою трудовую организацію къ обстоятельствамъ и времени. Появились тѣ своеобразныя формы, крайнимъ и законченнымъ выраженіемъ которыхъ служила Запорожская Сичь и ея артели. Но какъ только измѣнились окружающіе условія, лишь только въ экономической жизни получили просторъ для своего развитія капиталистическія тенденціи, тѣ же формы пришли въ непосредственное соприкосновеніе съ такимъ началомъ, которое стало дѣйствовать на нихъ прямо стѣсняющимъ и разрушающимъ образомъ. Получилось видоизмѣненіе формъ, атрофировка и окончательное ихъ разложеніе.

Въ настоящее время южно-русскія артели и общинно-артельныя формы представляютъ собою такимъ образомъ только разныя степени въ развитіи трудоваго ассоціаціоннаго начала. Все это формы самобытныя, происшедшія

естественно-историческимъ путемъ и преслѣдующія свои цѣли или прямо, — и въ такомъ случаѣ живущія одною внутреннею своею жизнію, — или же при посредствѣ обязательствъ съ сторонними лицами, — и въ такомъ случаѣ присоединяющія къ своей внутренной обычной жизни отношенія внѣшнія, держащіяся большею частію на круговой порукѣ, которая такимъ образомъ является далеко не отличительнымъ признакомъ разсматриваемыхъ формъ. Въ такомъ видѣ эти формы оказываются только періодически существующими явленіями. Онѣ возникаютъ, какъ временныя товарищества, продолжающія свои существованія только въ теченіе такого періода времени, который опредѣляется главнымъ образомъ самымъ характеромъ экономическихъ предпріятій, и носятъ на обыденномъ языкѣ большею частію названіе артелей. Артелями въ этомъ смыслѣ одинаково можно назвать и собственно артели и общинно-артельныя формы. И тѣ, и другія — явленія періодически появляющіяся. Существованіе ихъ въ каждомъ случаѣ опредѣляется извѣстнымъ срокомъ, а не обусловливается такою непрерывностью обычныхъ порядковъ, какая свойственна земельнымъ общинамъ. Это и есть собственно та внѣшняя грань, которая лежитъ между общиною и артелью. Общинно-земельныя формы суть формы безпрерывно, изъ года въ годъ существующія, а артели — только временныя, періодически появляющіяся формы.

Появляясь въ разныхъ мѣстахъ и при разнообразныхъ условіяхъ, южно-русскія артели и общинно-артельныя формы составляютъ, если и не особенно выдающееся, то все-таки довольно цѣнное явленіе въ жизни южно-русскаго народа. Въ этихъ не многихъ формахъ народнаго труда кроются несомнѣнные задатки лучшаго экономическаго строя и общественныхъ отношеній. Собственно какъ эконо-

мическій факторъ современной жизни, эти формы даютъ народу весьма мало выгодъ и преимуществъ. Это только капля въ обширномъ морѣ враждебныхъ ей житейскихъ явленій. Недостатокъ земледѣльческой собственности у большинства южно-русскихъ земледѣльцевъ, отсутствіе общиннаго землевладѣнія у кореннаго малорусскаго населенія, недостача основнаго и оборотнаго капиталовъ и несоразмѣрность доходовъ съ расходами въ крестьянскомъ хозяйствѣ, какъ слѣдствіе цѣлой суммы неблагопріятныхъ условій и различныхъ стѣсненій, необузданное торгашество трудомъ со стороны разнаго рода рядчиковъ и посредниковъ, барышническая эксплуатація южно-русскаго сырья, стѣснительное и монопольное положеніе такихъ промысловъ, какъ рыболовство и солепромышленность, цѣлый рядъ естественныхъ бѣдствій и неудобствъ въ родѣ кузки, засухъ и пр., пр., — все это такія условія, которыя положительно подрѣзываютъ въ самомъ корнѣ не только обычныя ассоціаціонныя формы труда, но и вообще всякій трудъ, производительность и хозяйство. Въ лучшей обстановкѣ артели только упорно отстаиваютъ свое существованіе и весьма немногія изъ нихъ заключаютъ сами въ себѣ прогрессивно реформирующія свойства. Ждать, поэтому, отъ нихъ противодѣйствія противъ быстро разрастающихся капиталистическихъ сѣтей и стремленій, направленныхъ на народную производительность и трудъ, конечно, никакъ нельзя. Капиталъ и капиталистическія тенденціи давятъ на нихъ извнѣ и разрушаютъ ихъ изнутри. Въ практическомъ смыслѣ разсматриваемыя формы даютъ только одно весьма существенное указаніе. Ихъ вѣковой опытъ показываетъ, что тамъ, гдѣ форма ближе стоитъ къ домашнему очагу, гдѣ она имѣетъ хоть какую-нибудь опору въ земельной собственности и сельскомъ хозяйствѣ и гдѣ вообще сильно еще вліяніе общиннаго

начала и порядковъ, тамъ она имѣетъ больше шансовъ на свое дальнѣйшее развитіе и существованіе, и на оборотъ. Такимъ образомъ общинно-артельныя формы оказывается живучѣе и устойчивѣе отхожихъ артелей, а такія формы, какъ полтавская община-артель и артели, обрабатывающія арендуемыя земли сообща, положительно образцовы и знаменательны. Но — и только. Больше этого южно-русскія артели и общинно-артельныя формы не могутъ дать. Конечно, какъ формы чисто народныя, непосредственно сросшіяся съ его жизнію и обыкновеніями, онѣ стоятъ несравненно выше разнаго рода артельныхъ сыроварень и ссудо-сберегательныхъ кассъ потому уже, что онѣ все-таки приносятъ пользу, хотя бы и микроскопическую, урывками и при случаѣ, дѣйствительно нуждающемуся и трудящемуся люду. И все-таки не имъ въ настоящемъ ихъ видѣ и при настоящихъ условіяхъ прать противъ такого рожна, какъ капиталъ, и всего того, что съ нимъ связано.

Но разсматриваемыя формы имѣютъ другое болѣе важное значеніе въ народной жизни — значеніе общественное, воспитательное. Съ ними связаны лучшіе обычаи и традиціи, нравы и привычки народа. Въ основѣ ихъ лежитъ идея братской солидарности и справедливыхъ отношеній между людьми. Имъ не чужды нѣкоторыя черты, могущія служить положительными задатками для болѣе свѣтлаго будущаго. Трудъ и его регулирующая роль на правовыя отношенія трудящихся и нетрудящихся лицъ, подчиненіе единичнаго дѣла дѣлу общему и частныхъ интересовъ интересамъ общественнымъ, нравственная солидарность лицъ и привычки къ артельному труду и комбинаціямъ — все это несомнѣнно фундаментальныя и положительныя черты этихъ формъ. Правда, все это держится на обычаяхъ и традиціяхъ, все это составляетъ слѣдствіе при-

митивной жизни и отношеній народа; но именно народные обычаи и отличаются особенною силою и живучестью. Если въ настоящее время эти обычаи повидимому носятъ отживающій характеръ, то впослѣдствіи изъ нихъ могутъ развиться и выработаться болѣе жизненныя и прогрессивныя формы, то для послѣдующаго развитія онѣ могутъ служить подготовительною почвою. Въ этомъ ихъ сила и залогъ будущаго. Какъ-бы тамъ не рисовалось будущее всѣмъ честнымъ и преданнымъ народу и его благу людямъ, въ какомъ бы видѣ оно не желательно было, артели во всякомъ случаѣ могутъ считаться положительными фактами, могущими способствовать этому будущему. Только факты этого рода да тѣ или другія стремленія прогрессивнаго люда, съ одной стороны, и неблагопріятныя общему развитію условія, съ другой, составятъ то среднее пропорціональное, въ которомъ выразится послѣдующая жизнь русскаго народа.

Суммируя въ заключеніе все сказанное въ этой главѣ, на южно-русскія артели и общинно-артельныя формы можно установить слѣдующую общую точку зрѣнія: явленія эти представляютъ собою чисто обычныя формы народной жизни. На обычаѣ держится какъ внутренняя ихъ жизнь, такъ и отношенія ихъ къ стороннимъ лицамъ. Самое происхожденіе ихъ, поэтому, можетъ быть объяснено путемъ естественно-историческаго развитія обычаевъ. Каждый обычай, соотвѣтствующій той или другой формѣ, есть прежде всего продуктъ интеллектуально-этическихъ потребностей человѣка. Въ такомъ видѣ обычай вытекаетъ непосредственно изъ самой природы человѣка, изъ естественнаго предрасположенія человѣка къ ассоціаціи съ подобными ему существами. Въ примитивномъ видѣ это предрасположеніе обнаруживается большею частію инстиктивно, полусознательно, подъ вліяніемъ очевидной не-

обходимости. Въ болѣе развитыхъ видахъ естественныя стремленія этого рода отъ частаго повторенія входятъ въ привычку, а привычка, получившая общественное значеніе, становится обычаемъ. Обычай въ свою очередь можетъ еще болѣе осложняться при своемъ развитіи, но, столкнувшись съ неблагопріятными ему условіями, онъ можетъ также регрессировать, видоизмѣняться и совсѣмъ разлагаться. Такимъ именно образомъ произошли и южнорусскія народныя формы ассоціаціи, какъ формы обычныя. Обычай до сихъ поръ еще служитъ для нихъ естественнымъ закономъ въ каждомъ единичномъ случаѣ возникновенія и признать, поэтому, формальнымъ основаніемъ такого возникновенія свободный договоръ, какъ дѣлаютъ это юристы, никакъ нельзя. Но и обычай, не есть что нибудь совершенно независимое, ничѣмъ необусловливаемое. Въ свою очередь онъ складывается подъ вліяніемъ главнымъ образомъ трудоваго начала. Такъ какъ настоящее и прошедшее разсматриваемыхъ формъ находилось и находится въ зависимости отъ трехъ началъ — трудоваго, военнаго и капиталистическаго, такъ какъ трудовому началу принадлежала всегда главная и существенная роль, роль регулирующаго и созидающаго начала, а остальнымъ двумъ только внѣшняя и частію второстепенная, частію разрушающая роль; то естественно, что трудовое начало есть основное начало, опредѣляющее всю обычную правовую сторону южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ. Это подтверждается и ближайшимъ анализомъ этихъ формъ. И на возникновеніи ихъ, и на положеніи выборныхъ лицъ, и на отношеніяхъ рядовыхъ членовъ между собою и къ артели лежитъ одна и та-же печать — печать трудоваго начала, какъ главнаго регулирующаго фактора. Трудовое начало тутъ служитъ тѣмъ связывающимъ звеномъ, къ которому приравниваются однородныя дѣйствія,

и понятіе о немъ оказывается такимъ образомъ основнымъ понятіемъ при формированіи тѣхъ общественныхъ правилъ, которыя носятъ названіе обычаевъ въ затронутой нами области явленій. Благодаря этому, самое развитіе и видоизмѣненіе формъ всегда могло совершаться только на счетъ развитія и видоизмѣненія трудоваго начала. Не было внѣшнихъ стѣсненій для этого начала — формы развивались. Измѣнялись внѣшнія благопріятныя условія — измѣнялись и самыя формы, происходила атрофировка и даже окончательное разложеніе ихъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ южно-русскія артели и общинно-артельныя формы, представляя собою явленія самобытныя и періодически повторяющіяся, въ сущности почти не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого существеннаго реформирующаго значенія въ борьбѣ съ надвигающимся капиталистическимъ строемъ и отношеніями. Имъ едва въ пору отстаиванье своего собственнаго существованія. Но за то онѣ имѣютъ другое болѣе важное и существенное значеніе для народной жизни — значеніе соціально-воспитательное. При другихъ условіяхъ онѣ могутъ послужить подготовительнымъ матеріаломъ для развитія высшихъ формъ ассоціаціоннаго труда и отношеній, и въ этомъ вся ихъ сила и залогъ для будущаго.

АРТЕЛИ ТИПА ЗАПОРОЖСКОЙ СИЧИ.

1. ЧУМАЦКІЯ ВАЛКИ И ВАТАГИ.

I.

Въ экономической жизни южной Россіи до сихъ поръ еще можно встрѣтить довольно странныя съ перваго взгляда явленія. Часто случается, что при перевозкѣ товаровъ и клажи простоватые и неуклюжіе чумаки-малороссы удачно конкурируютъ на своихъ классическихъ «мажахъ» (возахъ) и «сірыхъ, половыхъ и круторогихъ воликахъ» съ цѣлыми пароходными и желѣзнодорожными компаніями. Обыкновенно явленія этого рода объясняютъ монополіями, небрежностью, плохими расчетами, чиновничьимъ гоноромъ и многими другими непривлекательными свойствами нашихъ желѣзно-дорожныхъ и пароходныхъ управленій. Объясненіе совершенно вѣрное и, какъ нельзя болѣе, подходящее къ данному случаю, но оно касается только одной стороны дѣла. Изъ него видно, что порядки и стремленія нашихъ желѣзно-дорожныхъ и пароходныхъ обществъ плохи, нерасчетливы и неразумны. Но это еще ни мало не объясняетъ того, почему именно чумаки, а не кто-нибудь другой, конкурируютъ съ представителями благъ современной цивилизаціи. Дѣло въ томъ,

что чумаки являются въ роли соперниковъ не только потому, что оказываются безтолковыми ихъ желѣзно-дорожные и пароходные конкуренты, но и потому главнымъ образомъ, что имѣютъ на своей сторонѣ вѣковой опытъ и историческое прошлое. Чумаки — историческіе возчики и торговцы. Они сильны традиціонною практикою. Ихъ сила до сихъ поръ еще кроется въ ихъ артельной организаціи, сослужившей малорусскому народу немаловажную службу въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ и безконечныхъ бѣдствій среди враждующихъ народностей.

«Чумачество, по словамъ И. Рудченки, одна изъ любопытныхъ экономическихъ чертъ демократической Малороссіи, выработавшей торговое учрежденіе соотвѣтственно идеаламъ, которые во многихъ отношеніяхъ совпадаютъ съ современными соціальными. Чумаки — исключительно народные торговцы. Это — не каста, не замкнутое сословіе, не спеціальный даже классъ, который бы рѣзко отличался въ жизни составомъ, интересами и привычками отъ народной среды. Чумачествомъ занимались въ свободное время не только «лейстрові» козаки, но и «січовики»; занятіе это не чуждо было и мѣщанству, и даже впослѣдстіи нѣкоторые изъ мелкопомѣстныхъ малорусскихъ «панківъ» — потомки всякихъ сотниковъ, войсковыхъ и бунчужныхъ товарищей, канцеляристовъ и подканцеляристовъ — посылали свои «паровиці» въ дорогу. Условія прежняго времени вызывали организацію чумачества въ «артіль» «валку», — основы дорожной жизни, вытекшія изъ началъ идеи ассоціаціи. Поэтому, не справедливо упрекаютъ малороссовъ, будто они остались совершенно чужды этой идеѣ. Не ихъ вина, если историческія условія мѣшали развитію національнаго торговаго сословія. То, что выработала прошлая жизнь Малороссіи въ этой сферѣ, положительно говоритъ намъ не только за способность

южно-руссовъ къ торговой дѣятельности, но и за стремленіе ихъ организовать ее по идеѣ, которая стала вполнѣ живучей (?) только въ наше время» *).

И дѣйствительно, немногія, можетъ быть, артели въ Россіи имѣютъ за собою такую широкую и продолжительную дѣятельность, какая оказывается на сторонѣ чумацкихъ ватагъ. Чумачество тянется длинною нитью чрезъ всю исторію малорусскаго племени и теряется въ томъ отдаленномъ времени, съ котораго начинаются извѣстными торговыя сношенія малороссовъ съ другими народами, а съ чумачествомъ всегда были связаны чумацкія «валки» и «ватаги».

Собственно говоря, торговыя сношенія южно-русскаго племени съ другими народами начались довольно рано. Въ исторіи сохранились весьма древнія указанія на этотъ счетъ. Но само чумачество, по всей вѣроятности, получило свою типическую и вполнѣ законченную физіономію только вмѣстѣ съ обособленіемъ Малороссіи въ болѣе или менѣе самостоятельное цѣлое. Малороссы издавна были поставлены въ необходимость добывать рыбу и соль внѣ родины, въ прилегающихъ къ Малороссіи мѣстностяхъ,— и это, надо полагать, послужило одною изъ причинъ возникновенія и развитія чумачества съ его историческими валками и ватагами. Доставка названныхъ продуктовъ въ разныя мѣста Малороссіи не мыслима была безъ торговаго и извознаго промысловъ, то есть, безъ тѣхъ двухъ чертъ, которыя легли въ основу чумачества, а то обстоятельство, что малороссы должны были пріобрѣтать эти продукты внѣ своей родины, въ мѣстностяхъ, принадлежавшихъ совершенно другому народу, дѣлало торговлю взаимною, международною. Малороссы должны были пла-

*) И. Я. Рудченко. «Чумацкія нар. пѣсни», стр. IV—V.

тить за рыбу и соль деньгами или же продуктами своей страны. Такимъ образомъ, международныя торговыя сношенія и послужили собственно главною и существенною причиною для развитія чумачества. Когда въ XII вѣкѣ генуэзскіе и венеціанскіе купцы забрали въ свои руки торговыя мѣста сѣверныхъ побережій Чернаго и Азовскаго морей, русскіе вели уже съ ними довольно оживленную торговлю не только солью и рыбою, но и другими товарами. Рубриквисъ въ 1352 году уже прямо упоминаетъ о чумакахъ. По его словамъ, русскіе пріѣзжали въ Судакъ *въ крытыхъ возахъ*, *запряженныхъ волами*, привозили куницы, соболи и другіе мѣха и вымѣнивали ихъ на бумажныя и шелковыя матеріи, пряныя коренья, овощи, травы и соль». *)

Но особенно сильно стало развиваться чумачество только въ послѣдующіе затѣмъ вѣка, и чѣмъ дальше шло это развитіе, тѣмъ шире оно становилось, пока его поступательному ходу не были положены прочныя преграды новѣйшими комбинаціями и осложненіями экономической и государственной жизни нынѣшняго столѣтія. Въ этотъ періодъ своего существованія чумачество было тѣсно связано съ развитіемъ козачества вообще и Запорожской Сичи въ особенности. Подъ покровительствомъ козачества и матери Запорожской Сичи ежегодно сотни и тысячи чумацкихъ возовъ, нерѣдко принадлежавшихъ самимъ козакамъ, ходили далеко въ Польшу, въ Галицію, въ Молдавію, въ Крымъ, на Донъ и въ Великороссію. Малороссія была въ это время какъ бы центромъ, изъ котораго,

*) Тамъ же, стр. 4. «Въ кіевскомъ актѣ 1499 года, замѣчаетъ Максимовичъ, гдѣ впервые упоминаются козаки, они являются на Днѣпрѣ не въ войсковомъ дѣлѣ, а въ промыслѣ чумацкомъ, какъ торговцы рыбою». (См. Акты Зап. Россіи. Т. 1-й № 170).

какъ по радіусамъ, сновали туда и обратно въ разныя стороны чумацкія валки. Чумаки были въ это время единственными національными торговцами и возчиками въ южной Россіи. Это былъ самый цвѣтущій періодъ чумачества, періодъ, охватывавшій почти цѣлыхъ три столѣтія, начиная съ XVI и оканчивая первой половиной XIX столѣтія. Въ теченіе этихъ трехъ вѣковъ чумачество было уже вполнѣ сложившимся и законченнымъ экономическимъ факторомъ, имѣло въ своей основѣ прочныя ячеичныя артельныя формы и ѣздило по своимъ «одвічнымъ шляхамъ», т. е. по старымъ престарымъ, отъ вѣковъ существовавшимъ дорогамъ. Историкъ Запорожской Сичи Скальковскій упоминаетъ о двухъ такихъ шляхахъ — о Шпаковомъ или Черномъ шляхѣ и о Муравской дорогѣ. Первый изъ этихъ путей проходилъ съ сѣвера на югъ. Начиная съ Волыни, онъ шелъ чрезъ Умань на Балту по совершенно безлюдной мѣстности тропинками, оврагами и вдоль береговъ степныхъ рѣчекъ, изъ Балты направлялся на Ольвіополь, а отсюда на Никитину переправу, т. е. на нынѣшній Никополь. Стало быть, направленіе этого пути совпадало только въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ направленіемъ нынѣшнихъ желѣзныхъ дорогъ въ южной Россіи; онъ шелъ по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, по которымъ проходилъ прежній торговый путь изъ западныхъ губерній на Одессу. Народъ называлъ этотъ «шляхъ» Шпаковымъ по имени одного изъ чумацкихъ отамановъ Ивана Богуславца по прозванію Шпака, т. е. скворца, искуснаго вожака чумацкихъ валокъ; а Чернымъ его называли поляки по причинѣ тѣхъ опасностей, которымъ подвержены были проѣзжающіе по немъ. Другой шляхъ— Муравскій, названный такъ отъ «муравы», мелкой травы, растущей по окраинамъ дорогъ, шелъ въ томъ же направленіи, въ какомъ шелъ и Шпаковый, т. е. приблизи-

тельно съ сѣвера на югъ, но проходилъ по совершенно другимъ мѣстамъ. Въ древности онъ назывался Солонымъ. Выходя изъ глубины Малороссіи, проходя далѣе чрезъ восточныя степи Запорожья, коснувшись вершинъ рѣчекъ Ворсклы и Берестоватой, притока Самари, онъ шелъ прямо на югъ чрезъ всѣ почти паланки Запорожской Сичи до рѣки Конскія воды, служившей границею между крымскими и запорожскими владѣніями, и здѣсь переходилъ на крымскую сторону. Другіе пути*), не столь знаменитые исторически, были проложены чумаками по направленію къ Бѣлоруссіи, Польшѣ, Галиціи, Молдавіи и Великороссіи. На земляхъ крымскихъ татаръ отъ Никитиной переправы шли двѣ дороги—одна на Перекопскую «башту», т. е. башню, а другая на Очаковъ. Впослѣдствіи чумаками же были приложены и другіе пути изъ Дону на Черноморію, нынѣшнюю Кубанскую область, въ Ставропольскую губернію, въ Астрахань и пр. Однимъ словомъ, чумаки являлись въ этомъ отношеніи первыми мирными инженерами и географами. Въ народныхъ чумацкихъ пѣсняхъ, живыхъ памятникахъ чумацкой жизни и дѣяній, упоминается о Дунаѣ, Днѣстрѣ, Донѣ, Волгѣ, Хоролѣ, Салгирѣ, Самари, Крымѣ, Перекопѣ, Козловѣ, Полтавѣ, Варшавѣ, Кремень-городѣ, Азовѣ и многихъ другихъ пунктахъ и мѣстахъ, куда ходили чумацкія валки. Во всѣ эти мѣста и пункты чумаки возили главнымъ образомъ предметы первыхъ потребностей массы, какъ напр. соль

*) По словамъ капитана Павловича, издавшаго свое статистическое описаніе Екатеринославской губерніи въ 1862 году, въ это время древніе чумацкіе шляхи уже не существовали. Чумаки ѣздили по совершенно другимъ уже дорогамъ. Тамъ же, гдѣ были старые шляхи, возникли, какъ на болѣе удобныхъ мѣстахъ, цѣлыя села, деревни и хутора съ частными владѣніями. («Матеріалы для геогр. и стат. Россіи». — «Екатерин. губернія». — В. Павловичъ. 1862 г.).

и рыбу, но это ни мало не мѣшало имъ закупать и перевозить съ мѣста на мѣсто и другіе продукты тогдашней торговли. Чумаки рѣдко ѣздили съ пустыми возами, но всегда принаравливались такъ, чтобы, набравши однихъ товаровъ въ одномъ мѣстѣ, распродать ихъ потомъ въ другомъ, гдѣ снова набирали товаровъ, но уже другихъ, и везли ихъ въ первое мѣсто. Впослѣдствіи, когда торговая дѣятельность чумаковъ начала постепенно замѣняться извозною, чумаки разнообразили свою дѣятельность такимъ образомъ, что въ одинъ конецъ возили чужіе товары, а въ другой обратно свои. Набравши, напр. красныхъ и бакалейныхъ купеческихъ товаровъ въ Харьковѣ или даже въ Москвѣ, они отвозили ихъ за извѣстную плату въ Ростовъ на Дону или Таганрогъ, въ Черноморію и пр., а отсюда вывозили на собственный уже счетъ рыбу и распродавали ее въ другихъ болѣе сѣверныхъ мѣстахъ Малороссіи.

Такимъ образомъ, чумачество представляетъ собою чисто историческое явленіе, существовавшее въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Подъ вліяніемъ какихъ же условій сложилось это интересное явленіе народной жизни? Какими причинами и обстоятельствами была вызвана его своеобразная организація и артельныя формы? И чѣмъ потомъ поддерживалась необыкновенная живучесть и устойчивость этихъ формъ?

II.

Южная Россія издавна служила ареною, на которой безпрестанно дрались и плохо уживались разнаго рода народности. Тутъ попеременно обитали и скифы, и авары, и казары, и печенѣги, и половцы, и татары, и русскіе. Вся мѣстность, занятая въ настоящее время Новороссіею, Бессарабіею и Землею Войска Донскаго, представлявшая

издавна обширныя степныя пространства безъ рѣзкихъ естественныхъ преградъ, уже самымъ характеромъ своимъ способствовала этой безконечной кутерьмѣ народностей. Гражданственность, мирная трудовая жизнь здѣсь плохо были извѣстны. Вмѣсто нихъ царили войны, столкновенія, грабежи и разбои. Правъ былъ тотъ, кто оказывался сильнѣе. Грубая физическая сила служила и правомъ, и регулирующимъ экономическимъ началомъ. При такихъ условіяхъ и самыя международныя сношенія не были положительно ничѣмъ гарантированы. Торговля могла существовать только подъ прикрытіемъ той же грубой силы, того же кулака, тѣхъ же воинственныхъ привычекъ, которыя служили главными факторами во взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ народностей. Тогдашнимъ торговцамъ нужна была особенная энергія, рискъ и военная выправка, совершенно неумѣстные въ наше время. Они должны были вести свои торговыя сношенія или подъ прикрытіемъ сильныхъ военныхъ дружинъ, какъ это велось въ эпоху торговыхъ сношеній славянъ съ Византіей во времена первыхъ русскихъ князей, или же организовывать изъ самихъ себя кооперативные союзы, могшіе разомъ и вести торговлю, и отражать разбойничьи покушенія на ихъ имущество со стороны полудикихъ обитателей, населявшихъ крайній югъ нынѣшней Россіи. Историческія обстоятельства сложились такимъ образомъ, что народу пришлось избрать второй путь, создавши энергическое, дѣятельное и сильное своими артелями чумачество. Народъ поступилъ въ этомъ отношеніи, какъ самый опытный практикъ; онъ выработалъ однѣ ассоціаціонныя формы для торговыхъ сношеній съ другими народами и внутри родной страны, формы чрезвычайно оригинальныя, устойчивыя и живучія, а содержимое этихъ формъ варьировалось и перемѣнялось потомъ по мѣрѣ потребностей и

возможности. Крѣпки были собственно народные обычаи и традиціи, народные союзы и артели — «валки» и «ватаги», а самые члены этихъ ассоціаціонныхъ формъ — чумаки, не составляли чего-либо особеннаго, изолированнаго отъ народа: это былъ самъ народъ въ лицѣ своихъ предпріимчивыхъ и энергичныхъ членовъ. Безъ артелей и союзовъ не мыслимо было бы и самое чумачество, такъ какъ только благодаря этимъ ассоціаціоннымъ формамъ, народные торговцы могли отражать и побѣждать неблагопріятныя для нихъ условія и обстоятельства. Вотъ какъ Скальковскій описываетъ шаткое положеніе южно-русскаго торговца въ тѣ времена, когда стражемъ интересовъ южно-русскаго народа была могущественнѣйшая Запорожская Сичь:

«Въ Запорожьи, говоритъ онъ, чумакъ или польскій торговецъ находилъ защиту отъ гайдамакъ, пристанище у бѣлой хаты зимовника, обыкновенно стоявшей на берегу глубокой рѣки, въ уединенной балкѣ или у вырытаго колодца, обложеннаго камнемъ, съ привѣшаннымъ ведерцемъ, деревянымъ корчакомъ и жолобомъ для напоенія людей и рабочаго скота. Хозяинъ зимовника, запорожскій козакъ, обыкновенно былъ и шинкаремъ (трактирщикомъ) *) — слѣдственно, безопасность ватагъ чумацкихъ была для него не только долгомъ, но и источникомъ прибыли; онъ хорошо зналъ, что слава добраго зимовника распространяется скоро не только въ Украинѣ, но и «за границею.» Къ тому-жъ, исключая рѣдкихъ разбойничьихъ нападеній гайдамацства, и то ночью, на одинокихъ ватажанъ или неосторожныхъ молодиковъ, стерегущихъ скотину, — караваны могли быть спокойны въ Запорожьи, какъ дома. Въ случаѣ обиды всякій зналъ,

*) Шинкарь слово въ слово значитъ кабатчикъ. *Авт.*

что или панъ полковникъ пограничный, или разъѣздныя команды, или даже и войсковая старшина жестоко накажетъ «кіями» шалуна и грабителя. Но перешагнувъ за Днѣпръ, у Никитина перевоза, чумакъ мазалъ свою рубашку и одежду дегтемъ, изъ предосторожности отъ чумы и гадины; заряжалъ рушницу, добывалъ изъ воза пику, а на груди на ремешкѣ вѣшалъ гаманъ (лядунку) *), въ которомъ хранилъ «печатный» билетъ съ «казенною печатью» и подписью русскаго пограничнаго чиновника съ турецкимъ переводомъ этого ярлыка. Въ Ногайской степи уже ни селъ, ни зимовниковъ не было; хорошо, если «трава уродила» и вода въ «полевыхъ рѣчкахъ» не повысыхала; а то уже не у кого достать ни корму, ни водопоя. Отъ запорожской границы до самой Перекопской башты, не увидятъ они уже ничего, кромѣ табуновъ или стадъ татарскихъ, весь годъ блуждающихъ съ чабанами, также дикими, какъ ихъ лошади, всегда вооруженными бердышемъ и ножемъ за поясомъ. Хорошо еще, если въ какомъ-нибудь аулѣ, ага или мурзы имѣли жительство — русскій ярлыкъ охранялъ чумаковъ отъ всякаго притѣсненія. Но въ голой степи, вдали отъ аула, ногайцы не боялись никого и для нихъ зарѣзать двухъ трехъ ватажанъ, отнять скотину или хлѣбъ, считалось молодечествомъ. А сколько обмановъ на соляныхъ озерахъ, сколько обидъ въ баштѣ отъ всякаго рода дыздарей, имановъ и каймакановъ» **).

Такимъ образомъ, даже въ то время, когда чумаки были подъ прямымъ покровительствомъ русскаго прави-

---

*) Гаманъ и лядунка двѣ различныя вещи: гаманъ шьется изъ кожи для храненія денегъ и документовъ, а лядунка приготовляется изъ дерева для пороха или какой-нибудь жидкости. *Авт.*

**) А. Скальковскій, «Ист. Нов. Сичи», ч. 1-я, стр. 133 и 134.

тельства и ближайшимъ присмотромъ послѣдняго Коша Запорожскаго, ихъ передвиженія съ сѣвера на югъ и обратно мало были застрахованы отъ разнаго рода случайностей, а что же было раньше? Издавна грабили и рѣзали чумаковъ и чужіе, и даже свои — за предѣлами мало-русскихъ владѣній татары, а въ предѣлахъ гайдамацкая голытьба и бурлаки. По свидѣтельству Боплана въ его время было далеко не безопасно путешествовать безъ отряда въ сто или тысячу человѣкъ по татарскимъ степямъ, такъ какъ татары то и дѣло разъѣзжали по своимъ степямъ отрядами въ пять, шесть или десять тысячъ человѣкъ. (Боплань. «Опис. Украины», стр. 21). Народныя пѣсни живыми красками изображаютъ разнаго рода столкновенія чумаковъ и съ своими, и съ чужими «ворогами». Такъ въ одной пѣсни говорится:

Сідлай хлопче, сідлай коня,
Сідлай вороного —
Давай знати въ третю роту,
Ажъ до Кошового *)

Дѣло въ томъ, что въ то время, когда чумацкая ватага пировала, когда беззаботные чумаченьки «горілку кружали», — ихъ враги, «превражіі бусурмены», всѣхъ воловъ угнали. Нужна была скорая и немедленная помощь кошевого, при чемъ кошевой, согласно, конечно, позднѣйшимъ видоизмѣненіямъ пѣсни, оказался въ третьей ротѣ.

Въ другой пѣсни поется:

Миргородскій комендантъ
Давъ запорожцямъ знать;
Нехай біжать до Салгірі
Чумаченьківъ ратувать! **)

*) И. Я. Рудченко, «Чум. нар. пѣсни», стр. 95.
**) Тамъ же, стр. 103.

А вотъ какъ описывается столкновеніе чумацкой ватаги съ шайкой гайдамакъ:

Гей, із-за горы да із-за крутоі
Выглядаютъ гайдамаки —
Гей не богато, — сорокъ ще й четыри,
Да трохи насъ не побыли . . .
«Гей ой вы хлопці, превдалі молодці,
Да беріте дрюки въ руки,
Гей быйте, быйте, быйте, выбывайте,
Въ нові возы і складайте, —
Гей да поідемъ въ городъ у Варшаву
Да заробимъ собі славу:
Гей, що іхъ сорокъ, сорокъ і четыри
Да насъ семохъ не побылы!» *)

Варіантовъ этой пѣсни довольно много и во всѣхъ ихъ чумацкій отаманъ приказываетъ хлопцамъ бить не жалѣя гайдамакъ, разбойниковъ и пр.

Тяжела и геройска видно была историческая миссія чумаковъ, если народъ воспѣваетъ ихъ въ своихъ пѣсняхъ, какъ героевъ. Да иначе и не могло быть. Охотниковъ поживиться чужимъ добромъ всегда было много, и если факты этой поживы встрѣчаются даже въ настоящее время сплошь и рядомъ, то въ былыя времена тѣмъ болѣе. Между населеніемъ Ставропольской губерніи и Кубанской области и теперь еще ходитъ много разсказовъ и анекдотовъ о томъ, какъ иногда расправлялись чумаки съ нападавшими на нихъ разбойниками, ворами и пр. То же можно встрѣтить и вообще въ средѣ населенія южной Россіи. Астраханскіе и ставропольскіе калмыки съ ужасомъ разсказываютъ о «полтора-малахаѣ», какъ они называютъ обыкновенный земледѣльческій цѣпъ, которымъ стегали чумаки калмыковъ, заставши ихъ на мѣстѣ преступленія

*) Тамъ же, стр. 97.

за воровствомъ воловъ. Постепенно исчезающіе деревянные кресты и заросшія могилы, встрѣчающіеся среди степей и въ глухихъ мѣстахъ, также служатъ памятниками того, какъ иногда предріимчивые чумаки складывали свои энергичныя головы, торгуя или разъѣзжая въ чужой сторонѣ на глазахъ завистливыхъ «вороговъ». Кресты эти и могилы и теперь еще можно встрѣчать и на Кавказѣ, и на Кубани, и по дорогѣ изъ Бериславля на Перекопъ, и по направленію къ Астрахани, къ Ставрополю Кавказскому и пр. Они остались печальными памятниками чумацкой дѣятельности до послѣдняго времени, и не одинъ, можетъ быть, будетъ поставленъ еще крестъ на могилѣ чумака, убитаго гдѣ-нибудь на глухой окраинѣ нашего обширнаго отечества, не одинъ, можетъ быть, «чумаченько» поплатится еще своею головою прежде, чѣмъ не сойдетъ окончательно со сцены само чумачество.

Но эта именно жизнь, полная борьбы и лишеній, эти безконечныя препятствія и необходимость быть постоянно на сторожѣ и дать при случаѣ вооруженный отпоръ и создали своеобразный типъ чумацкихъ артелей съ военнымъ характеромъ и торгово-промышленною организаціею. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ борьба съ препятствіями въ одиночку, безъ сильной ассоціаціонной связи съ другими лицами, поставленными въ одинаковыя условія торговой и промысловой дѣятельности, была невозможна. Одинокій и безпомощный чумакъ-торговецъ былъ-бы окончательно затертъ и замятъ и природой, и враждебными народностями, и разнаго рода охотниками легкой наживы изъ своего же брата малоросса. Сама южная природа, казалось, только способствовала зарожденію и развитію, какъ чумацкихъ ватагъ, такъ и вообще чумачества. Благодатный югъ Россіи издавна служилъ для южно-русскаго народа и камнемъ преткновенія, и завле-

кающею приманкою. Богатая природа этого края разомъ и много сулила добра, и ставила массу преградъ при овладѣніи со стороны человѣка этимъ добромъ. Но особенно затруднительны были здѣсь, какъ и вообще во всякой первобытной странѣ, пути сообщенія. Дороги были и длинны, и безлюдны, и неудобны въ разныя времена года и въ разныхъ мѣстахъ, и даже такіе извѣстные «шляхи», какъ Черный и Муравскій, скорѣе отличались своею поэтическою обстановкою, богатою историческими воспоминаніями, чѣмъ удобствами и приспособленностью къ ѣздѣ. Превосходная лѣтняя дорога обращалась въ грязную, вязкую и топкую весною и осенью, благодаря дождямъ. Въ одномъ мѣстѣ пески, въ другомъ болота, въ третьемъ овраги, ручьи и рѣчки задерживали и тормозили передвиженія. И только тихо двигающіеся, но всепобѣждающіе волы и неуклюжія, но приспособленныя къ мѣстности «мажи» съ ихъ широкоободными колесами могли здѣсь потихоньку да полегоньку перетаскивать съ одного мѣста на другое за десятки, сотни и даже тысячи верстъ тяжести и товары. Лошадямъ была-бы здѣсь не по натурѣ такая медленная, трудная и варварская работа. При своей медлительной и методичной, тяжелой и упорной работѣ волъ вообще меньше требуетъ отъ своего хозяина, чѣмъ лошадь. Для него не требуется ни овса, ни продолжительнаго отдыха, что составляетъ существенную необходимость для лошади, и разъ заморившись и уставши, онъ быстро оправляется и становится снова годнымъ для работы, довольствуясь только подножнымъ кормомъ, тогда какъ выбившаяся изъ силъ лошадь требуетъ двухъ, трехъ и болѣе дней отдыха, чтобы оправиться вполнѣ и быть снова годной къ дѣлу.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, естественныя условія края, а съ другой, шаткое и небезопасное по-

ложеніе среди жадныхъ до наживы и враждебныхъ народностей послужили главными причинами того, что чумаки издавна организовались въ артели и союзы, отправляясь вдаль на чужую сторону для торговли и извоза. Отсюда и самый полувоинственный, полуторговый и полуизвозный характеръ этихъ артелей. Каждому чумаку предстояли прежде всего долгое странствованіе и длинная дорога, — стало быть, взаимная помощь, обязательства и необходимость организаціи обусловливались уже однимъ этимъ обстоятельствомъ. Ломался ли возъ, увязалъ ли онъ въ грязи, околѣвалъ ли быкъ, встрѣчались ли какія нибудь естественныя преграды на пути—во всѣхъ этихъ случаяхъ нужна была скорая и дружная помощь, общія работы и взаимныя услуги. Уходъ за скотомъ въ темную ночь, нагрузка и разгрузка клажи требовали того же. Но главнѣйшимъ связующимъ началомъ для чумаковъ служила общность опасностей, общность риска за свою жизнь и имущество. Это-то послѣднее обстоятельство, въ зависимости отъ мѣстныхъ топографическихъ особенностей и политическихъ обстоятельствъ, и послужило существенною причиною собственно военной организаціи чумацкихъ ватагъ.

III.

Чумацкія ватаги издавна организовывались по тому типу, крайнею и законченною формою котораго была Запорожская Сичь. Во главѣ этихъ артелей всегда стояли отаманы; ихъ организація издавна носила на себѣ характеръ военной дисциплины и соподчиненности. Самое слово ватага несомнѣнно восточнаго происхожденія, такъ какъ у татаръ это слово употребляется въ смыслѣ толпы, сборища*). Въ этомъ же смыслѣ слово ватага употребля-

*) А. Ефименко, «Сборн. объ арт.», т. 1-й, стр. 3.

ется и въ малорусскомъ нарѣчіи. Ватагой въ обыкновенной разговорной рѣчи малороссы называютъ всякую толпу или сборище людей, соединенныхъ во едино хотя-бы случайнымъ образомъ. Значитъ, слово ватага въ этомъ случаѣ имѣетъ то же самое значеніе, какое имѣетъ слово артель въ подобныхъ случаяхъ въ великорусскомъ нарѣчіи. Тѣснѣе подъ ватагой разумѣется артель, ассоціація, собраніе людей, преслѣдующихъ одну общую цѣль и соединенныхъ воедино солидарностью своихъ интересовъ. Въ такомъ именно смыслѣ слово ватага и употребляется по отношенію къ чумацкимъ артелямъ. Но для обозначенія этихъ послѣднихъ существуетъ и другое названіе — «валка». Валками также называются чумацкія артели, хотя между понятіемъ о валкѣ и понятіемъ о ватагѣ и существуетъ нѣкоторое довольно важное различіе. Валка собственно значитъ обозъ, и такъ какъ обозъ можетъ состоять изъ нѣсколькихъ совершенно самостоятельныхъ и независимыхъ одна отъ другой артелей, то валками называются, во первыхъ, или цѣлые союзы чумацкихъ артелей, или же случайно соединенные обозы такихъ артелей, и во вторыхъ собственно единичныя артели, то же самое, что называется ватагами. Въ изслѣдованіи Калачова объ артеляхъ древней и нынѣшней Россіи для обозначенія чумацкихъ артелей употребляется еще названіе «купа». Купа по малорусски значитъ собственно куча, но такого названія чумацкихъ артелей намъ ни разу не приходилось слышать въ дѣйствительной жизни. Наконецъ, чумацкія ватаги называются иногда и просто «артілями».

Какъ образовались всѣ эти названія въ малорусскомъ языкѣ, въ какомъ смыслѣ и когда именно ихъ стали употреблять для обозначенія чумацкихъ артелей — сказать трудно. Но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію тотъ фактъ, что въ разныя времена органицація чумацкихъ ар-

телей была различна, что развитіе въ этомъ отношеніи чумацкихъ ватагъ прошло разныя ступени. Самый цвѣтущій періодъ чумачества соединенъ съ самымъ оригинальнымъ и законченнымъ типомъ чумацкихъ ватагъ. Это—типъ Запорожской Сичи, это — строго демократическая и вмѣстѣ военная организація чумаковъ съ отаманомъ во главѣ.

Чумацкая ватага въ этомъ видѣ представляла ассоціацію совершенно равноправныхъ личностей. Организація ватаги служила только средствомъ для поддержки торговоизвозной дѣятельности такихъ личностей и гарантіею отъ разныхъ чисто внѣшнихъ случайностей и несчастій. Во главѣ ватаги стоялъ отаманъ, который всегда былъ лицемъ выборнымъ. Отаманомъ могъ быть любой изъ участниковъ артели, но въ дѣйствительности былъ только тотъ, кто обладалъ необходимыми для этого личными качествами и достоинствами. Извѣстная самостоятельность и энергія, знаніе мѣстности и торговыхъ обыкновеній, умѣнье ладить съ товарищами и приспособляться ко всевозможнымъ обстоятельствамъ и положеніямъ — все это, безъ сомнѣнія, служило необходимымъ условіемъ для того, чтобы быть избраннымъ въ отаманы. Отаманомъ, такимъ образомъ, всегда было лице почтенное, пользующееся довѣріемъ и авторитетомъ въ средѣ избравшаго его товарищества. Будучи разъ избраннымъ въ отаманы, избранникъ являлся хозяиномъ и полновластнымъ распорядителемъ валки въ сферѣ разъ намѣченныхъ для этого обязанностей, а въ иныхъ случаяхъ и неограниченнымъ диктаторомъ. Когда шла чумацкая валка, отаманъ непремѣнно ѣхалъ впереди всѣхъ на первомъ возу. У него на возу «сидѣлъ старый пѣтухъ, чтобы безошибочно будить усталыхъ ватажанъ, лишь только солнышко проглянетъ

съ того свѣта» *). Обычныя обыденныя занятія отамана состояли обыкновенно въ томъ, что онъ указывалъ путь, опредѣлялъ время ѣзды и отдыха, слѣдилъ за выполненіемъ очередей дневныхъ и ночныхъ сторожей, стерегшихъ воловъ, входилъ въ споры ватажанъ и пр., пр. Но лишь только ватагой предвидѣлась опасность, лишь только кто-нибудь изъ среды нея замѣчалъ злыхъ татаръ или же безшабашныхъ сорвиголовъ гайдамакъ, — отаманъ немедленно принималъ роль неограниченнаго диктатора. Валка превращалась въ таборъ, въ своего рода укрѣпленный лагерь, въ которомъ, по словамъ Скальковскаго, польскіе историки считали чумаковъ непобѣдимыми, — и чумаки дружно отражали напоръ своихъ враговъ и недоброжелатей. Проходила гроза — и отаманъ снова превращался въ обыкновеннаго чумацкаго «батька» и хозяина, заправителя валки.

Кромѣ отамана, необходимымъ должностнымъ лицемъ въ каждой ватагѣ считался еще «кухарь» **). Кухарь, то есть, поваръ, кашеваръ, готовилъ обыкновенно пищу ватажанамъ, и этимъ ограничивались всѣ его спеціальныя обязанности. «На его возу торчалъ шестъ съ тремя ножками и желѣзный (?) казанъ (т. е. котелъ) — символы его званія» ***). Всѣ остальные члены товарищества ничѣмъ не отличались другъ отъ друга по занимаемому ими положенію и отношеніямъ между собою. Каждый несъ работы и исполнялъ распоряженія батька-отамана на

*) А. Скальковскій, «Ист. Нов. Сичи», т. 1-й, стр. 290 и 291.

**) Можно навѣрняка сказать, что въ древнихъ чумацкихъ ватагахъ кромѣ отамана, былъ и «осаулъ», какъ это встрѣчается даже въ нѣкоторыхъ современныхъ ватагахъ, но прямыхъ историческихъ указаній мы не имѣемъ на этотъ счетъ.

***) А. Скальковскій, «Ист. Нов. Сичи», т. 1-й, стр. 290.

равнѣ съ другими. Каждый, по выраженію Скальковскаго, «добрый чумакъ» долженъ былъ всегда имѣть подъ ружами «рушницу», т. е. ружье, и «спису», т. е. пику, для того, чтобы изъ мирнаго торговца и возчика превратиться при случаѣ въ храбраго воина, умѣвшаго постоять и за себя, и за своихъ товарищей, и за свое имущество, и за всю свою ватагу. Чумакъ былъ на столько же мирнымъ дѣятелемъ, на сколько и воиномъ, и не даромъ въ народныхъ пѣсняхъ онъ зовется козакомъ, молодцемъ и пр.

Каковы были имущественныя отношенія этихъ своеобразныхъ артелей — сказать опредѣленно за отсутствіемъ прямыхъ указаній нельзя. Судя по тому обстоятельству, что организація этихъ артелей была построена по типу Запорожской Сичи и существовавшихъ въ ней артелей, и что сами запорожцы также занимались чумачествомъ, надо полагать, что члены ватаги были вкладчиками и трудомъ, и капиталомъ, и что ватага такимъ образомъ была паевымъ предпріятіемъ, равномѣрно ложившимся на всѣхъ участниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ исторіи извѣстно, что запорожцы играли двойную роль по отношенію къ чумачеству: во первыхъ, они защищали чумацкія ватаги отъ разнаго рода нападеній какъ въ предѣлахъ Запорожской Сичи, такъ равно и въ татарскихъ степяхъ, давали пріютъ ватагамъ у себя па дому, строили и содержали перевозы и пр., и во вторыхъ, снаряжали свои собственныя ватаги, которыя такимъ образомъ и «чумаковали» на равнѣ съ другими чумаками. Такъ, запорожцы ловили рыбу и приготовляли ее не только для себя и для продажи въ самомъ Запорожьѣ заѣзжимъ изъ Украины чумакамъ, но и для посылки ея съ своими собственными чумаками въ чужіе края и страны. По словамъ Поноччи, королевскаго секретаря, временъ

Хмельницкаго, запорожцы возили вяленую и соленую рыбу «мажами» даже во Львовъ, продавали ее тамъ съ волами, а сами возвращались домой на одноконкѣ *). Стало быть, вполнѣ естественно предположить, что запорожцы, принимавшіе такое дѣятельное участіе въ чумачествѣ, должны были наложить свой особенный характеръ и на самую организацію чумацкихъ валокъ и ватагъ, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что Запарожье вообще служило идеаломъ въ глазахъ малоросса того времени при устройствѣ своей общественной и даже частной жизни. Самое вліяніе запорожцевъ, конечно, должно было выразиться въ строгомъ проведеніи ассоціаціоннаго начала въ практику, такъ какъ вся жизнь запорожцевъ построена была на этомъ началѣ, переходившемъ зачастую въ положительный коммунизмъ. Въ ватагахъ, покрайней мѣрѣ, въ громадномъ ихъ большинствѣ, врядъ-ли, поэтому, были хозяева и рабочіе, но всѣ участники ватаги, по всей вѣроятности, пользовались совершенно одинаковыми правами во всѣхъ отношеніяхъ — и во вкладахъ, и въ трудѣ, и въ результатахъ труда и торговой дѣятельности **).

Что касается времени дѣятельности чумацкихъ ватагъ, то и въ старину, какъ въ позднѣйшее время, самая кипучая пора начиналась съ весны и оканчивалась осенью. «По времени выѣзда чумаковъ изъ дому, говоритъ Руд-

---

*) И. Я. Рудченко. «Чум. нар. пѣсни», стр. 11.

**) О самыхъ запорожскихъ чумацкихъ ватагахъ Рудченко говоритъ слѣдующее: «въ старину, на Запорожьи, чумаки безспорно занимались своимъ промысломъ на началахъ полной ассоціаціи. Этимъ торговымъ предпріятіемъ завѣдывалъ войсковый скарбъ; онъ извлекалъ изъ него барыши; онъ расплачивался за убитки. Вся прибыль отъ промысла составляла общее достояніе всего низоваго товарищества». (Стр. 33). Впрочемъ, откуда заимствовалъ Рудченко эти прямыя свѣдѣнія — онъ не говоритъ ни слова.

ченко, народъ далъ имъ особыя названія. Чумакъ бываетъ ранній, средній и пізній. Какъ только весна освободитъ землю отъ ледяной коры, какъ только «заспивае жаворонокъ у лузі» — чумакъ выходитъ въ дорогу. Это чумакъ «ранній». Проведя въ дорогѣ недѣль пять-шесть, чумакъ возвращается домой «на жнива». Хорошенько выкормивши воловъ, давши имъ и себѣ порядочный отдыхъ, — чумакъ снова идетъ въ дорогу «объ Иліі» (20 іюля). То чумакъ «средній». А «пізній» чумакъ, т. е. «осінній», ѣдетъ въ дорогу «передъ Покровою» *).

Наконецъ, самое составленіе ватагъ, ихъ формировка, изстари производилось по одному и тому же способу, какъ поется обыкновенно объ этомъ въ чумацкихъ пѣсняхъ, и отличалось довольно любопытными чертами. Въ книгѣ Рудченка есть интересныя свѣдѣнія на этотъ счетъ, свѣдѣнія, нелишенныя, впрочемъ, нѣкоторыхъ поэтическихъ вольностей и заимствованныя видимо изъ послѣдующей жизни чумачества.

«Чумаки, говорится въ этой книгѣ, имѣютъ свои, освященные вѣками, обычаи почти для всякаго дѣйствія: чумакъ выѣзжать изъ дому долженъ «по закону», — ѣхать въ дорогѣ то же «по закону»; даже останавливаться въ дорогѣ пасти воловъ слѣдуетъ «по закону». И до настоящаго времени чумаки строго наблюдаютъ за исполненіемъ обычаевъ: артель всегда бываетъ недовольна, если кто-нибудь «поломить чумацькый звычай».

«Обыкновенно чумаки одного, а иногда и нѣсколькихъ селъ условливаются между собою о времени выѣзда и о мѣстѣ сбора. Условіе непремѣнно должно быть исполнено, иначе нарушившій его чумакъ будетъ оставленъ своими

*) И. Я. Рудченко. «Чум. нар. пісни», стр. 22.

товарищами. Мѣстомъ сбора чумаковъ бываетъ почти всегда «выгінъ» за селомъ — «майданъ».

«Въ назначенный день и часъ, каждый изъ чумаковъ, поправивши хорошенько возы, выкормивши воловъ, набираетъ извѣстный — тоже условленный — запасъ пшена на кашу, муки на галушки, сала и т. п. припасовъ и выѣзжаетъ къ назначенному мѣсту — становищу. Тутъ чумакъ останавливается поджидать товарищей и проститься съ провожающей его родней.»

«Наконецъ, будущая «валка» вся собралась на становище; неподалеку отъ дороги стоятъ чумацкіе возы, укрытые кожами для сбереженія товаровъ отъ дождя; «мережані ярма» висятъ «на війяхъ» чумацкихъ огромныхъ возовъ, прикрѣпленныя новыми «притыками»; въ ярмахъ торчатъ «тернові занозы»; тутъ же, невдалекѣ, «сірі та полові» волы чумацкіе ѣдятъ взятое изъ дому сѣно, или — немного въ сторонѣ — пасутся «на травиці-муравиці», или же стоятъ — «ремегаютъ», а сами чумаки обсѣли вокругъ разведеннаго огня — варятъ «сніданьня». Возлѣ каждаго изъ чумаковъ помѣстился кто-нибудь изъ близкихъ ему родныхъ: или его «мила»; или «стара мати» сидитъ, поджавши подъ себя обѣ ноги и правою щекою опершись на правую руку, поддерживаемую лѣвой, — это любимая поза малороссіянки въ печали... Вотъ уже и каша сварена, уже «поснідали»... «Пора рушати!» прожужжало въ толпѣ»...

«Тутъ чумаки сходятся «на раду» и изъ среды своей избираютъ отамана. Избраніе его происходитъ устнымъ голосованіемъ всѣхъ чумаковъ, принадлежащихъ къ валкѣ; его избираютъ на всю дорогу» *).

---

*) Тамъ же, стр. 32—34.

Организованныя такимъ образомъ чумацкія ватаги колесили ежегодно нынѣшнюю южную Россію въ разныхъ направленіяхъ, но главнымъ образомъ онѣ ѣздили съ сѣвера на югъ и обратно, вывозя соль и рыбу изъ сѣверныхъ побережій Чернаго и Азовскаго морей. Поэтому, всѣ такія ватаги, ходившія какъ за солью въ Крымъ, такъ и за рыбою на Донъ, непремѣнно должны были переходить Запорожье. «Обыкновенно въ началѣ весны, когда уже снѣгъ и ледъ исчезнутъ, дороги сдѣлаются сухими и трава на степи покажется, — ватаги чумаковъ изъ Польши и Малороссіи, какъ передаетъ Скальковскій, начинаютъ подвигаться къ Запорожью. Всѣ почти онѣ идутъ порожнія съ цѣлію переправиться черезъ Днѣпръ и идти въ Крымъ на соляныя озера. Ихъ прибытіе такъ было важно для Запорожья, что мы во многихъ письмахъ Коша къ депутатамъ его въ Петербургъ находили вѣсти: «что ватагъ еще нѣтъ, что уже по немногу идутъ и везутъ хлѣбъ или водку», или что ихъ «такое множество, что даже припасы въ Сичи и на Никитиномъ вздорожали» и тому подобное»*). Однимъ словомъ, связь Запорожья съ чумачествомъ по всѣмъ видимостямъ была прочна.

Достигнувши запорожской границы съ сѣверной стороны въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Синюха впадала въ Бугъ, чумацкій отаманъ испрашивалъ обыкновенно разрѣшеніе у запорожскихъ властей на переходъ границы. Потомъ вся валка переправлялась черезъ Бугъ и, заплативши установленную пошлину за перевозъ, направлялась подъ прикрытіемъ запорожскаго отряда къ рѣкѣ Мертвымъ-Водамъ. Замѣнивши здѣсь первыхъ запорожскихъ провожатыхъ провожатыми изъ Ингульской паланки, валка доходила до

*) А. Скальковскій. «Ист. Новой Сичи», т. 1, стр. 273 и 274.

Никитина перевоза, если намѣрена была отправиться въ Крымъ за солью, а то до Кодака, если шла на Донъ за рыбою. За все это чумаки «платили въ кошевой скарбъ (казну) 8 руб. до Никитина и 10 руб. до Кодаку, и давали небольшой ралець (подарокъ) своимъ путеводителямъ *). «За проѣздъ же по мостамъ и за перевозы на поромахъ взымалось въ войсковой скарбъ, смотря по нагрузкѣ воза, отъ 2-хъ до 10 коп. съ фуры» **). Затѣмъ, перешагнувши снова запорожскую границу и очутившись на земляхъ татаръ, чумацкія валки и ватаги были предоставлены большею частію самимъ себѣ, своей собственной опытности, отвагѣ и силѣ. Здѣсь чумакъ-торговецъ вполнѣ уже превращался въ чумака-воина и зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не сдѣлаться добычею жадныхъ татаръ.

IV.

Итакъ, значитъ, отличительной чертой чумачества, въ періодъ его тѣсной связи съ матерью Запорожскою Сичью, служилъ чисто военный складъ его ватагъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ были торгово-извозными товариществами, возившими и распродававшими свои собственные товары, купленные на свой счетъ и рискъ. Чумаки были въ это время исключительно торговыми дѣятелями, а извозничествомъ занимались лишь на столько, на сколько этого требовала торговля. Но впослѣдствіи по мѣрѣ гражданскаго развитія Россіи и присоединенія къ ней другихъ болѣе южныхъ мѣстностей, по мѣрѣ того, какъ когда-то неспокойный и воинственный край становился все болѣе и

*) Тамъ же, стр. 282.

**) И. Я. Рудченко. «Чумац. нар. пѣсни», стр. 14.

болѣе мирнымъ, чумацкія ватаги, вмѣстѣ съ утратою своей строго военной организаціи, начали утрачивать и первоначальный самостоятельно-торговый характеръ, мѣняя все чаще и чаще торговыя дѣла на просто извозныя. Такимъ образомъ по характеру дѣятельности чумацкія ватаги распались на два разряда: 1) на ватаги чумаковъ-собственниковъ, перевозившихъ и продававшихъ собственные товары, и 2) на ватаги чумаковъ-извощиковъ, подряжавшихся перевозить чужіе товары и тяжести.

Это распаденіе чумацкой деятельности на два болѣе или менѣе спеціализировавшіеся и обособившіеся вида было вызвано такими условіями, которыя вообще отразились крайне неблагопріятно на чумачествѣ и его организаціи. Дѣло въ томъ, что болѣе спокойная и мирная жизнь въ звязи съ общими стремленіями обезпеченныхъ и привиллегированныхъ классовъ общество позволило капиталу занять въ жизни такое мѣсто, которое по справедливости можетъ принадлежать только одному трудящемуся человѣку. Благодаря спокойной и мирной жизни, капиталъ былъ гарантированъ отъ разнаго рода случайностей, которыми было такъ богато прошедшее южно-русскаго края. Въ то же время капиталистическому накопленію не было положено никакихъ границъ. Явились капиталисты. Торговля стала ихъ монополіею, привиллегіею въ пользу того, кто располагалъ большими матеріальными средствами. Прежній чумакъ-труженикъ снизошелъ на степень простаго извощика и работника. Этого мало. Въ средѣ самыхъ чумаковъ нашлись болѣе предпріимчивые, изворотливые и «загребущіе» люди, которые также превратились въ капиталистовъ, забравшихъ въ свои руки своего же брата-чумака и старавшихся пользоваться всѣми выгодами чумацкаго промысла на счетъ ближняго. Тотъ самый чумакъ, который раньше состоялъ въ ватагѣ пол-

ноправнымъ членомъ, становится къ хозяину сначала съ извѣстной части, въ качествѣ меньшаго пайщика, а впослѣдствіи и просто работникомъ-батракомъ. Такимъ способомъ нѣкоторые чумаки-капиталисты наживали громаднѣйшіе капиталы, невольно подрывая въ самомъ корнѣ какъ организацію чумацкихъ валокъ и ватагъ такъ и вообще само чумачество. Вотъ, между прочимъ, прекрасный примѣръ того, какъ расживались подобные капиталисты-чумаки, записанный однимъ изъ корреспондентовъ «Харьковскихъ Вѣдомостей»:

«Мнѣ», разсказывалъ корреспонденту одинъ чумакъ, у котораго было украдено 560 тысячъ рублей, «62 года и мой отецъ былъ богатый чѣловѣкъ; онъ ходилъ въ Крымъ и на Донъ съ 25 и болѣе своихъ собственныхъ паровицъ, на собственныя деньги покупалъ рыбу и соль. Съ 1829 г. мнѣ поручили чумацкій промыселъ, которымъ я и занимался 40 лѣтъ. Во все это время со мною никогда не ходило по рыбу меньше 50 паровицъ моихъ собственныхъ; когда же, по моимъ расчетамъ, была выгодна покупка рыбы, тогда я нанималъ по 30 и 50 чужихъ паровицъ. Покупка рыбы и соли всегда производится на наличныя деньги: на Дону рыба, а въ Крыму соль иначе не продается; да и вообще чумакъ въ кредитъ своей торговли не велъ. Расходъ чумака въ дорогѣ самый ничтожный. Въ губерніяхъ: Херсонской, Екатеринославской, Таврической и въ Землѣ Войска Донскаго въ рѣдкомъ мѣстѣ приходилось платить за пастьбу скотины по 2 и рѣдко по 5 коп. отъ штуки, а большею частію еще просили насъ пасти воловъ нашихъ на степи, такъ какъ на мѣстахъ, гдѣ паслись въ степи чумацкіе волы — на «сбоінахъ», лучше родится хлѣбъ. При 5 паровицахъ шелъ одинъ чумакъ-«наймитъ», который получалъ 25 руб. въ годъ. Нужные для чумака въ дорогѣ про-

дукты, какъ-то: сухари, крупа, пшено, сало и мука гречневая и пшеничная были своего хозяйства—непокупные. Въ послѣднее время подорожали и увеличились дорожные расходы: теперь*) приходится платить наймиту по 30 и 40 р. въ годъ, да за пастьбу воловъ среднимъ числомъ по 10 коп. отъ вола, теперь и рыба на Дону продается втрое и вчетверо дороже, чѣмъ за тридцать и сорокъ лѣтъ тому назадъ. Главный товаръ, который я по преимуществу покупалъ — чехонь; другіе же сорта рыбы, каковы: чабакъ, тарань, сула, судакъ, боковня, я покупалъ иногда много, смотря по цѣнѣ, ибо они въ продажѣ менѣе требуются. На чумацкій возъ набиралъ: чехони 4000 штукъ, чабака отъ 1100 до 1300 штукъ, сулы лучшей 1300 шт., тарани 7000 шт., судакъ 6000 шт., боковни по 3000 и 4000 штукъ. Въ 30 годахъ на заводахъ продавалась чехонь отъ 7 до 12 р. за тысячу, а по привозѣ продавали тысячу по 25 и 35 р.; чабакъ покупался отъ 20 до 30 руб., а продавался по 80 и до 100 руб. за тысячу; сула въ той же цѣнѣ, что и чабакъ; тарань покупалась отъ 2 до 6 руб., а продавалась отъ 12 до 20 руб. за тысячу; судакъ—немного дороже тарани; боковня — въ одной цѣнѣ съ таранью. До времени перемѣны ассигнацій на кредитные билеты, я изъ оборота деньгами зарабатывалъ столько, что этотъ барышъ покрывалъ всѣ дорожныя издержки, а именно: въ Кіевской губерніи, въ которой по преимуществу я продавалъ рыбу, серебряный рубль принимался въ 3 руб. 50 коп. асс., полуимперіалъ въ 18 руб. 2 коп., — на Дону же серебряный рубль принимали въ 4 руб. асс., а полуимперіалъ въ 20 руб. 60 к. Тогда я покупалъ рыбу на Дону всегда на звонкую монету: золото меньше занимало мѣста и

*) Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ.

меньше вѣсу. Въ послѣдній годъ уничтоженія старыхъ ассигнацій серебряный рубль на Дону шелъ въ 4 р. 60 коп. асс., полуимперіалъ въ 24 р. асс.; между тѣмъ какъ у насъ при продажѣ рыбы и даже при промѣнѣ ассигнацій на звонкую монету лажу не было. Иной разъ я возилъ на Донъ хлѣбъ, ибо случалось, какъ въ 1832 г., что у насъ пудъ хлѣба стоитъ 10 к., а на Дону я продавалъ по 80 коп. По большей части я покупалъ рыбу на косахъ и отмеляхъ Азовскаго моря, подлѣ городовъ Ростова и Азова. Ходилъ я за рыбою два раза въ годъ: весною въ концѣ марта или началѣ апрѣля, смотря по погодѣ, за недѣлю или за двѣ до праздника Пасхи, — если съ товаромъ, то шелъ 5 недѣль, а порожнякомъ поспѣвалъ въ $3^1/_2$ недѣли, къ Петровкѣ возвращался; — въ осеннюю ходку отправлялся послѣ Петра, возвращался къ Филипповкѣ; иной годъ ходилъ третій разъ въ Одессу съ пшеницею, откуда привозилъ соль—для чумака менѣе всего выгодный товаръ. Въ продолженіи 40 лѣтъ чумачества, я каждый годъ зарабатывалъ отъ торговли рыбою не менѣе 12 тыс. р. Кромѣ того, мы сѣяли много хлѣба и, не имѣя нужды въ деньгахъ, продавали его только тогда, когда были хорошія цѣны. При нашей трезвой и скромной жизни, если бы насъ не раззорялъ помѣщикъ, пользовавшійся своимъ крѣпостнымъ правомъ, отъ котораго мы, послѣ тяжкихъ испытаній и раззореній, избавились только въ 1848 г., мы бы до сихъ поръ имѣли милліонъ рублей». *).

Такими-то средствами располагали нѣкоторые чумаки-капиталисты и такъ вели свою торгово-чумацкую дѣятельность въ тотъ періодъ чумачества, когда оно,

*) И. Я. Рудченко «Чум. нар. пѣсни», стр. 19—21.

утративъ свой прежній военный оттѣнокъ, начало разлагаться и постепенно сходить со сцены, когда на смѣну ему выступили другія однохарактерныя съ нимъ явленія экономической жизни, отличающіяся уже чисто капиталистическимъ характеромъ. Тѣмъ не менѣе даже въ такихъ узскихъ рамкахъ чумачеству былъ присущъ до извѣстной степени духъ чисто народнаго явленія, даже въ этихъ случаяхъ древняя типическая форма въ организаціи чумацкикъ валокъ играла извѣстную роль. Правда, тутъ уже не было ни выборнаго отамана, ни равноправныхъ членовъ-вкладчиковъ. Мѣсто перваго занималъ самъ хозяинъ, а на мѣстѣ вторыхъ были наемные рабочіе — «наймиты». Но старые патріархальные нравы и «звычаи» чумачества еще были живучи даже при такихъ условіяхъ. Между хозяиномъ и наймитами никогда не лежала такая глубокая пропасть, какая лежитъ въ настоящее время между какимъ-нибудь желѣзно-дорожнымъ тузомъ и простымъ желѣзно-дорожнымъ рабочимъ, какую можно найдти въ положеніи какого-нибудь Полякова и простаго поверстнаго сторожа, служащаго на его желѣзной дорогѣ, или въ положеніи Варшавскаго и обобраннаго имъ погонца. Чумакъ-хозяинъ жилъ тою жизнію, какою жили и его чумаки-работники, работалъ столько же, сколько и эти послѣдніе, ѣлъ изъ одного съ ними котла,—однимъ словомъ, находился въ общихъ съ своими наймитами условіяхъ и, стало быть, совершенно естественно, въ силу той заботливости, которая лежала на немъ, какъ на хозяинѣ, игралъ роль батька-отамана. Онъ также указывалъ дорогу, какъ указывалъ ее въ былыя времена отаманъ прежныхъ валокъ, также слѣдилъ за порядкомъ исполненія наймитами «очередей», какъ и этотъ послѣдній, также назначалъ время ѣзды и отдыха, какъ это дѣлалъ и отаманъ самостоятельныхъ валокъ,—только кругъ дѣятельности отамана-хозяина былъ значительнѣе

и неограниченнѣе. И это было самое худшее, что можно было найдти въ постепенно разрушавшихся формахъ старого чумачества.

Чаще случалось такъ, что къ отаману-хозяину приставалъ чумакъ-наймитъ за извѣстное натуральное вознагражденіе, напр. за пару воловъ съ возомъ. Проходилъ годъ-два, наймитъ по прежнему игралъ роль наймита, но имѣлъ уже въ своемъ распоряженіи свою собственную паровицу, которую и присоединялъ къ хозяйской валкѣ за извѣстное вознагражденіе или изъ пая. Проходилъ еще годъ — у наймита являлась новая паровица или двѣ и т. д., и т. д. Проходило такимъ образомъ нѣсколько годовъ — и прежній наймитъ превращался въ болѣе или менѣе виднаго пайщика, или же совершенно отдѣлялся отъ своего прежняго хозяина, заводилъ свою собственную валку и набиралъ такихъ же наймитовъ и на такихъ условіяхъ, на какихъ когдато самъ онъ въ первый разъ поступилъ къ своему прежнему хозяину. Иногда эти натуральныя отношенія замѣнялись денежными. Наймитъ бралъ свое вознагражденіе не волами и возомъ, а просто деньгами и, прослуживъ нѣсколько лѣтъ «въ наймахъ», обзаводился собственными двумя-тремя паровицами и отправлялся «чумаковать». Для молодаго чумака-наймита подобныя отношенія были школою, изъ которой онъ выносилъ практическія свѣдѣнія и опытность для своей послѣдующей уже самостоятельной дѣятельности.

Въ моей памяти осталось нѣсколько подобныхъ фактовъ изъ недалекаго прошлаго, когда я былъ еще ребенкомъ. Послѣ достопамятной севастопольской войны, когда въ числѣ многихъ другихъ побережныхъ пунктовъ было бомбандировано и разрушено Анапское укрѣпленіе, жители этого укрѣпленія, черноморскіе козаки, выселились внутрь тогдашняго Черноморскаго войска — въ нынѣшній Ейскій

уѣздъ Кубанской области. Здѣсь они разселились частями по станицамъ — Новодеревянковской, Новощербиновской и др. Разоренные окончательно, козаки были освобождены отъ всякихъ повинностей и, по обычаю своихъ предковъ, занялись чумачествомъ. Они образовали особые кварталы въ станицахъ и были извѣстны между остальными козаками подъ именемъ анапцевъ или чумаковъ-анапцевъ. Лѣтомъ, весною и осенью они чумаковали, а зимою проживали дома, откармливая воловъ. Въ дорогѣ они организовывались въ самостоятельныя валки и ватаги, и отдѣльные хозяева часто набирали изъ анапцевъ же или «городовыківъ», т. е. иногороднихъ, такъ называемыхъ «работныківъ» на условіяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія указаны мною выше. На такихъ же условіяхъ, по разсказамъ чумаковъ, около того времени и раньше до семидесятыхъ годовъ, набирали своихъ наймитовъ и вообще чумаки-хозяева, «ходившіе» на своихъ «мажахъ» по Черноморіи, по Линіи, по Ставропольской, Астраханской губерніямъ и Землѣ Войска Донскаго и въ особенности далѣе на сѣверъ отъ всѣхъ этихъ провинцій по направленію къ Курску, Харькову и Москвѣ, а также и малорусскимъ губерніямъ.

Но рядомъ съ этими «хозяйскими валками» были и такія валки, которыя организовывались на чисто артельномъ началѣ. Такъ, по свѣдѣніямъ «журнала министерства внутренныхъ дѣлъ», чумаки Кіевской губерніи, составлявшіе въ общей массѣ до 17,500 человѣкъ при 70,000 подводъ, организовывали изъ себя въ 1856 г. валки-караваны до 300 подводъ въ каждой. «На время дороги для порядка избирается чумаками изъ среды себя староста (отаманъ?), который разбираетъ всѣ (?) споры и несогласія чумаковъ и распоряжается (?) артельными деньгами. Въ случаѣ, если падетъ волъ, то на артельныя деньги

покупается другой; однимъ словомъ, чумаки, составляющіе караванъ, какъ будто представляютъ одно путешествующее родное семейство, въ которомъ радость и горе раздѣляются по братски» *). Валки эти возили пшеницу въ Одессу съ половины апрѣля до сентября, ѣздили за солью въ Крымъ и на Бессарабскія соляныя озера и привозили рыбу съ Дону.

V.

«Въ наше время, говоритъ Рудченко, чумаки встрѣчаются вездѣ, гдѣ только слышна южно-русская рѣчь. Въ Полѣсьи, на Волынѣ, въ Подоліи и Украинѣ извѣстно названіе чумака» **). Чумачество дѣйствительно осталось довольно жизненнымъ явленіемъ въ жизни малорусскаго народа до послѣдняго времени. Народъ до сихъ поръ относится съ сердечнымъ участіемъ къ традиціямъ и воспоминаніямъ чумачества былыхъ временъ, распѣвая многочисленныя чумацкія пѣсни. Самыя слова чумакъ и чумаковать составляютъ обыденную принадлежность въ малорусскомъ языкѣ. Отправляясь куда-нибудь въ дорогу, малороссъ рѣдко когда выразится просто, что онъ ѣдетъ туда-то, но почти всегда скажетъ, что онъ отправляется туда-то «чумаковать». Когда случай сведетъ нѣсколько ѣдущихъ малороссовъ по одной и той же дорогѣ, они говорятъ другъ другу: «а давайте, лышень, чумаковать вмісті». И часто бываетъ совершенно достаточно одного этого приглашенія, чтобы возникла такимъ образомъ въ нѣсколько минутъ своего рода импровизированная валка.

---

*) Журналъ мин. внутр. дѣлъ, № 9.
**) Рудченко, «Чум. пѣсни», стр. 17.

Ѣдущіе ни однимъ словомъ не заикнутся относительно тѣхъ отношеній, въ какія они должны стать другъ къ другу, но эти отношенія сами собою подразумѣваются, какъ общеизвѣстныя, какъ обычныя, какъ такія, которыя вошли въ жизнь народа путемъ обычая и традицій, безъ всякихъ писанныхъ договоровъ и уставовъ. Каждый знаетъ, что если первую упряжку ѣдетъ въ переди «дядько» Иванъ, на своемъ возѣ, то во вторую упряжку онъ будетъ ѣхать вторымъ, а первымъ поѣдетъ дядько Грыцько или Пилипъ и т. д., и т. д., пока каждый изъ партіи не отбудетъ «очереди передняго». Всякій само собою разумѣетъ, что этотъ порядокъ расположенія возовъ при ѣздѣ обусловливается равномѣрнымъ распредѣленіемъ непріятной обязанности передоваго возчика, долженствующаго не спать во всю упряжку, смотрѣть за дорогой и постоянно подгонять воловъ. Когда ѣдущіе сдѣлаютъ привалъ и пустятъ воловъ на «пашу», и когда присматривать за волами возмется одинъ или два изъ нихъ, то это опять таки явный знакъ для всѣхъ остальныхъ, что на слѣдующемъ привалѣ «очередь» по присмотру за пасущимися волами должны будутъ взять на себя слѣдующіе два возчика и т. д., пока снова не установится круговая «очередь». Также партія поступитъ при «водопоѣ» изъ колодца, если необходимость не заставитъ взяться и другихъ за дѣло, чтобы ускорить отъѣздъ всей валки. Но вотъ дорогу ѣдущимъ пересѣкаетъ какой-нибудь «бакай» или «грузька балка». Пары воловъ не достаточно, чтобы перетащить возъ черезъ грязь и воду. Возчики живо приготовляютъ «війця», припрягаютъ по очередно другую и даже третью пару къ каждому возу, а если возъ черезчуръ ужъ «застрянетъ» въ грязи, приналягутъ и собственными плечами и грудями. Такъ «переправляютъ» они возъ за

возомъ тамъ, гдѣ возчикъ-одиночка оказался-бы совершенно безпомощнымъ и безсильнымъ. Но вотъ случилась и новая бѣда: у одного изъ возчиковъ поломалась ось; у него даже не оказалось на этотъ случай запасной оси. Тогда кто-нибудь изъ товарищей уступаетъ ему свою запасную ось или «рукавъ», другой берется за стругъ, третій за топоръ, четвертый «правитъ ухпалі» на обухѣ, остальные успѣли уже выпрячь воловъ и пустить на пашу... Проходитъ пятьнадцать-двадцать минутъ—и снова валка движется впередъ въ полномъ составѣ. А если бы не случилось ни у кого запасной оси или «рукава», т. е. части старой оси, тогда возчики приправили бы «ваговый дрюкъ» къ поломанному возу до поры до времени, пока не представился бы случай достать ось, а то и просто разобрали бы возъ и клажу и разложили бы ихъ частами по другимъ возамъ. Однимъ словомъ, каждый изъ ѣдущихъ поможетъ «въ несчастіи» сотоварищу. Этого требуетъ обычай и простой житейскій расчетъ, держащійся на взаимопомощи. И когда поздно вечеромъ такая валка остановится гдѣ нибудь въ глухой степи на ночлегъ и ея участники, принявши самыя разнообразныя позы вокругъ зажженнаго костра, «заварятъ» общую братскую кашу, давши кто пшена, кто сала, кто соли или рыбы,—тогда наваренное кто нибудь изъ среды этихъ временныхъ потомковъ чумачества помянетъ и старину, затянувши пѣсню о томъ, какъ когда-то «котылося тà сонечко по-надъ горою, понадъ тіею чумацькою та дорогою» или какъ «у Кыіві на рыночку пьють чумаки горілочку»....

Собственно по мѣстужительству Рудченко дѣлитъ современныхъ чумаковъ на два вида: чумаковъ-извощиковъ и чумаковъ-торговцевъ. «На берегахъ Стыри, Горыни и Березины, въ такъ называемомъ Полѣсьи, говоритъ онъ, чумачество уже издавна пряняло значеніе извозничества,

но въ Подоліи, право и лѣво-бережной Украинѣ (Кіевской, Полтавской, Черниговской и Харьковской губ.) чумаки образовали изъ себя особый промышленный классъ, собственно извѣстный подъ этимъ именемъ. Сбытъ лѣсныхъ продуктовъ полѣсчука заставлялъ чумака тянуться къ торговымъ пунктамъ на Днѣпрѣ, Двинѣ и Вислѣ: чумакъ нанимался доставлять туда деготь, лѣсъ, поташъ, гдѣ оставлялъ эти произведенія своей мѣстности, набиралъ, если случалось, новыхъ и возвращался домой. Совершенно иное чумачество въ Подоліи и Украинѣ: тутъ оно до настоящаго времени почти совершенно сохранилось въ своемъ первоначальномъ видѣ. Отправляясь въ Крымъ или Бессарабію за солью, на Донъ или къ Днѣпровскимъ лиманамъ за рыбою и набравши полные возы этого «добра»,—чумаки сами потомъ развозятъ его по ярмаркамъ и занимаются продажей»*). Но Рудченко, надо замѣтить, указываетъ далеко не всѣ тѣ мѣста, гдѣ встрѣчаются въ томъ или другомъ видѣ чумаки, совершенно упуская изъ виду крайній югъ и юго-востокъ Россіи. Если присоединить къ отмѣченнымъ уже имъ мѣстностямъ Новороссію, Кубанскую область, отчасти Донское войско, Воронежскую и др. губерніи, то составится такимъ образомъ довольно обширный районъ, дававшій до послѣдняго времени извѣстный контигентъ чумаковъ изъ мѣстныхъ жителей. Взятый вообще этотъ районъ врядъ-ли можно подвести подъ то дѣленіе, какое установилъ Рудченко для Полѣсья, Подоліи и Украины. Настоящіе заправскіе чумаки составляютъ теперь уже вездѣ чисто феноминальную рѣдкость. Чумакомъ сплошь и рядомъ оказывается обыкновенный малороссъ-земледѣлецъ, располагающій необходимыми средствами и временемъ для сторонняго отъ

*) И. Я. Рудченко. «Чум. нар. пѣсни», стр. 17 и 18.

земледѣлія промысла. Поэтому, и самый характеръ дѣятельности такого чумака опредѣляется довольно разнообразными условіями: сего-дня онъ возчикъ, потому что ему предстоитъ выгодная перевозка какого нибудь сырья, накупленнаго мелкимъ скупщикомъ, а чрезъ недѣлю онъ въ свою очередь покупаетъ какіе-нибудь предметы для собственнаго своего потребленія и потребленія такихъ же, какъ онъ, селянъ. Сообразно съ этимъ и самая организація современныхъ чумаковъ принимаетъ тотъ или другой характеръ, начиная съ вышеописанныхъ дорожныхъ товариществъ и оканчивая историческими формами чумацкихъ ватагъ. Въ данномъ случаѣ мы опишемъ чумацкія артели двухъ родовъ: артели чумаковъ-извощиковъ, какъ очерчены онѣ у Калачева, и валки мелкихъ чумаковъ-собственниковъ, закупающихъ въ Крыму соль для своего собственнаго потребленія и незначительныхъ распродажъ.

Главный предметъ извоза чумацкихъ артелей перваго рода составляетъ хлѣбъ, закупленный мѣстными купцами въ нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ. Хлѣбъ этотъ отправляется обыкновенно въ южные порты на воловыхъ фурахъ, а самыя фуры подряжаются за нѣсколько мѣсяцевъ раньше до отправки хлѣба въ порты. Обыкновенно хозяинъ-купецъ отправляетъ въ началѣ зимы въ глухія мѣстности губерніи своихъ приказчиковъ или, какъ называютъ ихъ малороссы, «малыхъ». Пріѣхавъ въ слободу, «малый» немедленно объявляетъ цѣль своего пріѣзда крестьянамъ, которые въ свою очередь передаютъ это другимъ своимъ односельцамъ. Новость быстро проносится по селу, и къ вечеру или рано утромъ въ хату приказчика является ужс цѣлое товарищество крестьянъ — договариться «пидъ хуру». Начинаются переговоры. Чумаки, условившись въ цѣнѣ, выговариваютъ себѣ из-

вѣстное количество «лантуховъ» или чуваловъ, а также «мостовыя» или перевозныя деньги и «магарычъ». Окончивъ уговоръ, приказчикъ даетъ задатокъ рублей по пяти на фуру, а иногда и болѣе, если того требуютъ нужды чумаковъ. Общая сумма задатка однако передается въ руки одного изъ болѣе уважаемыхъ крестьянъ, получающаго вмѣстѣ съ тѣмъ названіе артельщика или старосты*). На имя этого послѣдняго пишется и контрактъ за общимъ поручительствомъ товарищей.

«По отъѣздѣ приказчика, къ артельщику являются тотчасъ артельные и просятъ его помочь имъ въ нуждахъ: одному деньги нужны на подати, другому на необходимые домашніе расходы и пр. Артельщикъ удовлетворяетъ ихъ безпрекословно, но не безъ разбора, и ведя всему счетъ, не смотря на то, что иногда бываетъ неграмотный. По окончаніи весеннихъ посѣвовъ, артель отправляется въ торговый пунктъ для насыпки пшеницы и тутъ же запасается въ дорогу дегтемъ, солью и рыбой, которые закупаетъ артельщикъ; пшено же, сало, хлѣбъ и сухари беретъ каждый домохозяинъ изъ домашнихъ запасовъ, но все таки складываетъ ихъ въ артель. Дорогой всѣмъ распоряжается и деньги на необходимые расходы ведетъ также артельщикъ. По пріѣздѣ на мѣсто и по благополучной сдачѣ хлѣба староста получаетъ слѣдующія деньги за провозъ изъ конторы купца, и тутъ же производится ихъ дѣлежъ. Въ обратномъ пути каждый ведетъ денежные расходы самъ, потому что на заработанныя деньги покупаетъ соль и рыбу на себя, слѣдовательно, дѣлается чумакомъ-собственникомъ; харчевые же припасы остаются,

*) Названія эти приведены у Калачова, но можно положительно сомнѣваться въ томъ, чтобы чумаки предпочитали эти названія историческому названію предводителя чумацкихъ ватагъ—отамана.

попрежнему, общими. Во все лѣто, во время рабочей поры, чумаки обыкновенно не ходятъ въ дорогу; но есть и такіе, которые знаютъ одно только дѣло — чумаковать. Артели этихъ послѣднихъ даже зимуютъ вмѣстѣ со скотомъ близь торговыхъ пунктовъ; въ нихъ заведенъ уже порядокъ относительно внутреннихъ распоряженій и самые расчеты ведутся правильнѣе, такъ какъ постоянные чумаки большею частію грамотные» *).

Совершенно другой характеръ носятъ артели втораго рода, артели мелкихъ чумаковъ-собственниковъ. Мы опишемъ здѣсь чумацкія валки Пирятинскаго уѣзда Полтавской губерніи, какъ болѣе типичныя и наилучше сохранившіяся.

Настоящее существованіе пирятинскихъ чумацкихъ ватагъ тѣсно связано съ крымскимъ солянымъ промысломъ. Эти ватаги всегда обыкновенно снаряжаются въ Крымъ за солью, распродавая въ свою очередь по пути хлѣбъ или картофель, которыми они запасаются на дому. Но въ южной Россіи можно найдти много и такихъ валокъ, которыя занимаются, кромѣ того, и извозничествомъ. Такъ, чумацкія валки Херсонской и Каменецъ-Подольской губерніи конкурируютъ иногда съ одесской желѣзной дорогой при перевозкѣ въ Одессу хлѣба, сырья и пр. Подобныя же валки года-три четыре тому назадъ успѣшно конкурировали въ Кубанской области по рѣкѣ Кубани съ пароходами «Русскаго общества пароходства и торговли» также при перевозкѣ хлѣба, сырья и товаровъ.

---

*) Н. Калачовъ. «Артели въ древней и нынѣшней Россіи», стр. 41—44. Въ своемъ очеркѣ чумацкихъ артелей Калачовъ ошибочно утверждаетъ, что чумацкія артели или *купы* составляются только чумаками-извощиками и не встрѣчаются у чумаковъ-собственниковъ. Пирятинскія валки формируются обыкновенно изъ этихъ послѣднихъ.

А до проведенія одесской, таганрогской и воронежско-ростовской желѣзнодорожныхъ вѣтвей чумацкія валки, кромѣ хлѣба и сырья, перевозили также красные, бакалейные, желѣзные и др. товары вообще по всему южному краю.

Пирятинскія валки организуются каждую весну, послѣ Пасхи, и продолжаютъ свою дѣятельность до Петровки, до того времени, когда начинается обыкновенно косьба и жатва. Дома они набираютъ разнато рода хлѣбъ — преимущественно пшеницу—и картофель; продукты эти они распродаютъ потомъ по пути въ Крымъ, главнымъ образомъ въ Бериславѣ. Въ Крыму, т. е. собственно на Перекопскихъ соляныхъ озерахъ, валки для обратнаго пути закупаютъ разные сорты соли: «красну», «круглу», «арнаутку», «краснозерку», «ингулку» и пр., причемъ всегда предпочитаютъ высшіе сорты низшимъ и только въ случаѣ необходимости покупаютъ и низшіе сорты. То количество, въ какомъ покупается соль, зависитъ, конечно, отъ силы воловъ. Смотря по силамъ и лѣтамъ воловъ, чумаки кладутъ обыкновенно отъ 55 и 65 до 75 и 80 пудовъ на возъ. Набранную соль валки продаютъ потомъ на обратномъ пути по селамъ, а также на ярмаркахъ и базарахъ, разумѣется, уже по болѣе возвышеннымъ цѣнамъ сравнительно съ тѣми, по которымъ она покупается. Такъ, если «красная», положимъ, покупается по 40 к. за пудъ, то продается по 2 рубля слишкомъ, если «круглая» платится по 35 коп., то продается по 1 р. 60 к. и т. д.

Организація пирятинскихъ валокъ ни мало не утратила того историческаго выработаннаго характера, которымъ вообще отличались древнія чумацкія валки и ватаги. Во главѣ ихъ, какъ и въ этихъ послѣднихъ, стоитъ не только отоманъ, но даже бываетъ, кромѣ того, «осаулъ». Отаманъ—заправитель, глава и начальникъ валки. Въ его

непосредственномъ вѣдѣніи находятся всѣ наличные члены артели, хотя его власть въ этомъ отношеніи бываетъ заранѣе опредѣлена существующими чумацкими обычаями и вообще далеко не широкая и произвольная. Главная обязанность отамана состоитъ въ наблюденіи за работами и въ надзорѣ за точнымъ выполненіемъ чумаками извѣстныхъ службъ валки. Онъ надсматриваетъ за подмазкою возовъ, впряжкою воловъ, накладкою клажи и пр. Онъ наблюдаетъ также за добросовѣстнымъ выполненіемъ обязанностей со стороны такъ называемыхъ «чередныхъ» чумаковъ, пасущихъ воловъ, стерегущихъ ихъ ночью и т. д. На немъ лежитъ веденіе всѣхъ расходовъ валки. Наконецъ, отаманъ является главнымъ полномочнымъ лицемъ при закупкѣ и продажѣ соли. Отаманъ, поэтому, долженъ быть лицемъ опытнымъ и практичнымъ. Онъ долженъ хорошо знать дороги, условія закупки и распродажи соли и пр. Ему, однимъ словомъ, ввѣряется вся артель, хотя во многихъ случаяхъ на него и не падаетъ прямой отвѣтственности за нѣкоторые убытки артели. Какъ бы въ награду за все это, онъ исполняетъ тѣ или другія артельныя работы только по своему личному усмотрѣнію и желанію. Ему мажутъ возы, запрягаютъ и выпрягаютъ воловъ, пасутъ ихъ и поятъ другіе члены артели. Кромѣ того, отаманъ получаетъ большею частію—также за свои особенные труды и хлопоты—по пяти рублей съ каждаго участвующаго въ артели хозяина какъ бы въ видѣ награды. Разумѣется, съ своей стороны, отаманъ старается быть примѣрнымъ работникомъ и точнымъ исполнителемъ чумацкихъ обычаевъ и установленій. Въ противномъ случаѣ ему всегда грозитъ замѣна другимъ лицемъ, немедленная или по возвращеніи домой, смотря потому, на лицо ли бываютъ главные члены-хозяева (отцы) другихъ возовъ или нѣтъ. Отаманъ вмѣстѣ и казначей.

Ближайшимъ и единственнымъ помощникомъ отамана считается «осаулъ». Это, такъ сказать, вице-отаманъ, первый кандидатъ на отамана. Въ случаѣ болѣзни, смерти или отсутствія отамана, осаулъ входитъ во всѣ права этого послѣдняго, но при немъ онъ не играетъ никакой существенной роли, и только въ числѣ другихъ бываетъ чѣмъ то въ родѣ депутата отъ артели при закупкахъ, продажахъ и вообще при торговыхъ сдѣлкахъ и договорахъ отамана. Осаулъ, по этому, не получаетъ никакого особаго вознагражденія и не пользуется никакими особенными правами и преимуществами предъ другими членами артели. Онъ такой же, какъ и всѣ другіе, членъ валки, хотя и выбирается, подобно отаману, валкою или вѣрнѣе тѣми хозяевами, которымъ принадлежатъ волы и возы.

Въ каждую валку входитъ среднимъ числомъ отъ 10 до 15 хозяевъ, имѣющихъ по одному, по два и болѣе возовъ. Такіе члены-хозяева или сами отправляются чумаковать, или же посылаютъ отъ себя полномочныхъ, большею частію «парубковъ», часто своихъ семейныхъ и рѣдко наемныхъ. Иногда нѣсколько родственныхъ семействъ посылаютъ отъ себя по возу и одного чумака отъ всѣхъ. Но будутъ ли въ валкѣ участвовать сами хозяева или ихъ уполномоченные, положеніе членовъ артели и въ томъ, и въ другомъ случаѣ ничѣмъ существенно не разнится. Всѣ они—равноправные члены артели и, какъ таковые, несутъ извѣстнаго рода обязанности. Они должны участвовать одинаково, на равнѣ съ другими во всѣхъ работахъ и службахъ артели, чередоваться по порядку въ особенно положенныхъ случаяхъ. Такъ напр. при отдыхахъ, на привалѣ и ночлегѣ, очередные чумаки, назначаемые отаманомъ въ извѣстномъ порядкѣ по суточно, обязаны пасти, поить воловъ и сторожить ихъ днемъ и ночью. Для этого назначается обыкновенно по два или

по четыре очередныхъ, смотря по обстоятельствамъ, по степени опасности, по мѣстности и пр. Въ случаѣ пропажи скота или потравы хлѣба этимъ послѣднимъ отвѣтственность падаетъ на очередныхъ. Отаманъ и остальные члены валки остаются тутъ совершенно въ сторонѣ, и только по просьбѣ отамана и согласію всей валки убытки въ подобныхъ случаяхъ иногда разлагаются на всю артель. Замѣчательно между прочимъ въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что, кромѣ денежныхъ вознагражденій и уплатъ, никакихъ наказаній какъ въ этихъ случаяхъ, такъ и вообще при разныхъ провинностяхъ чумаковъ, не бываетъ... Уходъ за больными членами считается необходимою обязанностью всей валки, но расходы по лѣченію больной долженъ вести на собственный свой счетъ.

Всѣ денежные расходы валки, какъ-то: покупка дегтю, плата за попасъ, за «гребли» (гати), переправы и пр., производятся на общій счетъ артели отаманомъ, у котораго всегда обыкновенно хранятся всѣ наличныя деньги артели и документы. Сюда же входитъ и закупка провизіи въ тѣхъ случаяхъ, когда ея не достаетъ, такъ какъ каждый изъ чумаковъ запасается провизіею на все время чумачества въ опредѣленномъ количествѣ.

Весьма интересно распредѣленіе между отдѣльными членами валки тѣхъ выгодъ, которыя выпадаютъ на долю всей артели. По отношенію къ расходамъ на воловъ каждый членъ валки вноситъ въ общую сумму расхода пропорціональный количеству принадлежащихъ ему паровицъ пай. Выручкою отъ продажи хлѣба или картофеля, забираемыхъ чумаками на дому, каждый участникъ валки пользуется совершенно самостоятельно: сколько и за что продастъ, тѣмъ и пользуется. Точно также каждый чумакъ сполна получаетъ всю выручку отъ продажи куплен-

ной имъ соли. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи у чумаковъ существуютъ слѣдующія правила и обыкновенія: каждый чумакъ набираетъ столько соли, сколько повезутъ его волы и на сколько хватитъ у него денегъ, и, притомъ, такой сортъ, какой ему заблагоразсудится. Но продажа соли производится потомъ не отдѣльно каждымъ чумакомъ. Во избѣжаніе какой бы то ни было конкуренціи, чумаки продаютъ всю соль сообща, начиная по обыкновенію съ задняго воза. Продажа производится такимъ образомъ въ разныхъ мѣстахъ и по разнымъ цѣнамъ, пока чумаки не продадутъ всего предназначеннаго къ продажѣ количества соли по пути изъ Крыма въ Пирятинскій уѣздъ. Всѣ деньги отъ продажи поступаютъ въ общую сумму выручки. Затѣмъ самый дѣлежъ выручки производится пропорціально сортамъ и количеству соли у каждаго хозяина. Каждый членъ получаетъ столько денегъ, сколько продано у него соли, причемъ принимается во вниманіе и самый сортъ соли. Независимо отъ того, по какимъ бы тамъ цѣнамъ не проданъ былъ извѣстный сортъ соли, общая выручка дѣлится обыкновенно на количество пудовъ всей проданной соли этого сорта, и затѣмъ уже каждый получаетъ свою часть за проданную собственно изъ его возовъ соль по этой средней цѣнѣ. Такимъ образомъ, если одинъ, напр., продалъ пятьдесятъ пудовъ «арнаутки», а другой десять, то каждый изъ нихъ и получаетъ только такую сумму денегъ, которая соотвѣтствуетъ количеству пудовъ по средней цѣнѣ.

VI.

Таковы-то чумацкія артели въ ихъ прошедшемъ и настоящемъ. Ширина замысла и справедливость лежащаго въ основѣ ихъ принципа составляютъ отличительныя черты

этихъ оригинальныхъ созданій народнаго ума. И тѣмъ не менѣе, не смотря ни на эти черты, ни на блистательное прошлое и разительное настоящее этихъ артелей, намъ приходится за живо хоронить ихъ вмѣстѣ съ такимъ интереснѣйшимъ явленіемъ народной общественной жизни, какъ чумачество. Чумачество—отживающая форма народной жизни, и неудивительно, поэтому, если, сходя постепенно со сцены, оно уноситъ вмѣстѣ съ собою и свою артельную организацію. Еще одинъ шагъ впередъ, еще два-три десятка годовъ новой жизни — и отъ чумачества и его артелей останутся одни воспоминанія, одни слабые слѣды. Оно окончательно утратитъ свою живучесть, уступивъ мѣсто другимъ комбинаціямъ народной жизни. Его артели перестанутъ существовать, хотя народный умъ и не перестанетъ, конечно, созидать новыя соціальныя явленія въ этомъ родѣ...

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что исчезновеніе чумачества и его артелей соединено самымъ тѣснымъ образомъ съ общимъ осложненіемъ народной жизни. Выше мы отчасти уже указали, какъ въ постепенно развивавшуюся экономическую жизнь южно-русскаго народа внѣдрялся новый строй торговыхъ отношеній и всасывались капиталистическія стремленія, и какъ этотъ строй и стремленія отразились на чумачествѣ и его формахъ. Рядомъ съ чумакомъ, съ этимъ чисто народнымъ торговцемъ, явился купецъ, привиллегированный торговецъ. Рядомъ съ торгово-извозными артелями, формами лучшихъ человѣческихъ отношеній и справедливости, явилось просто капиталистическое накопленіе, исключающее самую возможность равноправныхъ отношеній. Но суть новыхъ жизненныхъ осложненій заключалась и заключается только на половину въ этомъ. Появленіе купечества, какъ особаго класса, и въ особенности «жидовъ-рындарей», которые въ свое время держали

въ рукахъ почти всѣ экономическія судьбы южно-русскаго народа, только подготовили дальнѣйшій ходъ дѣлъ. Какъ только капиталъ вошелъ въ жизнь и произвелъ нѣкоторыя измѣненія въ ея строѣ,—его дальнѣйшее увеличеніе и расширеніе его поля дѣятельности пошло съ возрастающею быстротою. Капиталъ росъ и сосредоточивался въ относительно немногихъ рукахъ, и къ его накопленію естественно было приложить тотъ же самый принципъ ассоціаціи, какой дѣйствовалъ и по отношенію къ торговымъ чумацкимъ артелямъ, но только въ иныхъ формахъ и въ болѣе узкихъ житейскихъ рамкахъ. Такимъ образомъ, когда появились новѣйшія изобрѣтенія въ примѣненіи къ путямъ сообщенія и усовершенствованія перевозочныхъ средствъ, капиталисты не замедлили воспользоваться этими изобрѣтеніями и усовершенствованіями и, ассоціировавши прежніе способы капиталистическаго накопленія съ новыми, нанесли послѣдній ударъ чумачеству. Въ этомъ заключается главнѣйшая причина разрушенія чумачества и его формъ. Самый сильный ударъ южно-русскому чумачеству, конечно, нанесенъ былъ проведеніемъ на югѣ Россіи желѣзнодорожныхъ путей по направленію къ важнѣйшимъ торговымъ пунктамъ и административнымъ центрамъ—къ Одессѣ, Ростову на Дону, Таганрогу, Кишиневу, Владикавказу и др. Чумачеству не воскреснуть уже послѣ того, какъ были проведены такія желѣзныя дороги, какъ Одесская, Кишиневская, Севастопольская, Таганрогская, Ростовская и пр., и если оно сходитъ со сцены постепенно и съ упорной борьбой, то это зависитъ главнымъ образомъ отъ самаго его характера, отъ живучести тѣхъ основныхъ артельныхъ формъ, которыя всегда составляли его главную силу.

Сожалѣть о такомъ разрушеніи народныхъ формъ какъ-то не приходится, зная силу историческихъ условій

и обстоятельствъ въ ихъ постепенной пріемственности и связи; но, всматриваясь поглубже въ самый процессъ этого разрушенія, по неволѣ приходишь къ крайне невеселымъ выводамъ и обобщеніямъ. На дѣлѣ видишь, что одни, чисто народныя формы, замѣняются другими, но уже далеко ненародными, и что конечный результатъ этихъ измѣненій ни въ какомъ случаѣ нельзя подвести подъ ту формулу, которая выражается въ словахъ «общественная польза», «народное благо». Когда существовало чумачество съ его артельными формами и народною организаціею, тогда результаты торгово-извозной дѣятельности чумаковъ все таки распредѣлялись съ большею или меньшею равномѣрностью въ народной массѣ, въ большинствѣ населенія. Зарабатывало положимъ, собственно чумачество, но то же самое чумачество составляло и народъ, его неотъемлимую, кровную часть. Когда же на мѣстѣ чумачества явилось купечество съ его капиталами торговыми и акціонерными обществами, пароходными и желѣзно-дорожными товариществами, тогда образовался цѣлый классъ людей, классъ совершенно чуждый народу, привиллегированный, обособленный въ корноративное сословіе. Это—уже не сыны народа, это—его господа и капиталисты. Народъ отъ этой замѣны не выигралъ, а проигралъ. Вмѣстѣ съ утерею торговли изъ своихъ рукъ, онъ утратилъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ своей экономической жизни, ставъ въ извѣстную зависимость отъ совершенно чуждыхъ ему, его жизни, нравамъ и привычкамъ людей. Этого мало. Народъ долженъ былъ до извѣстной степени утерять и самую практическую снаровку и пониманіе, необходимыя въ такихъ случаяхъ. На нашихъ глазахъ произошелъ весьма характерный фактъ въ этомъ послѣднемъ огношеніи. Не далѣе какъ въ послѣднюю русско-турецкую войну настоящіе сыны народа оказались ловкою игрушкою въ рукахъ раз-

наго рода аферистовъ и современныхъ представителей капитала. Мы говоримъ о малороссахъ-погонцахъ, которыхъ съ такимъ безстыдствомъ и безчеловѣчностью эксплуатировали поставщики подводъ въ дунайской арміи. Законтрактовавши погонцевъ на дому, эти капиталисты затащили ихъ за тридевять земель и здѣсь лишили многихъ изъ нихъ послѣдняго, можетъ быть, скота, поставили ихъ на самомъ театрѣ войны въ такое нищенское безвыходное положеніе, которое не позволяло имъ даже возвратиться домой, и отправили, конечно, косвеннымъ образомъ, не одного изъ нихъ на тотъ свѣтъ. Будь на мѣстѣ погонцевъ чумаки, тогда, понятно, дѣла не приняли бы такого оборота. Знающій и практичный чумакъ не далъ бы надуть себя такимъ наглымъ образомъ, и если бы армія имѣла дѣло непосредственно съ чумацкими артелями, тогда разумѣется, и этой послѣдней не пришлось бы терпѣть тѣхъ невзгодъ и нуждъ, какими ее окружили разные Варшавскіе, Коганы, Грегеры, Горвицы и другіе господа, имъ же числа нѣсть. И вотъ именно чумаковъ и ихъ образцовой исторической снаровки и практичности не оказалось. Та среда, которая раньше выдѣляла этихъ историческихъ возчиковъ дала только непрактичный, безотвѣтный людъ, безцеремонно обобранный капиталистами. Фактъ поучительный. Онъ рельефно указываетъ на ту громадную пропасть, которая легла уже между отживающими формами чисто народной жизни и ростомъ буржуазныхъ осложненій. Но тутъ важно даже не то, что эта пропасть уже существуетъ, а то, что она все болѣе и болѣе увеличивается. И было-бы, конечно, крайне прискорбно и неутѣшительно замѣчать одни такія явленія, если бы не существовало никакихъ шансовъ на лучшее, если бы не было вѣры въ народный умъ, силы и развитіе.

2. ЗАБРОДЧЕСКІЯ ВАТАГИ.

1.

«Забродческими ватагами» называются въ южной Россіи рыбачьи артели. Такое названіе эти артели получили отъ слова «забродъ», которое приблизительно означаетъ рыболовство, рыбачество. По производству же отъ этого слова и самые участники артелей называются «забродчиками», хотя, впрочемъ, подъ этимъ именемъ извѣстны на югѣ Россіи и вообще рыболовы.

Но и забродчики, и ихъ своеобразныя ватаги — достояніе исторіи, продуктъ прошедшаго. То, что можно найдти въ настоящее время въ этомъ отношеніи, составляетъ только переходныя формы раньше существовавшихъ явленій, только послѣдующую ступень въ развитіи одной изъ сторонъ экономической жизни народа. Изъ исторіи извѣстно, что берега Азовскаго моря и сѣверныя побережья Чернаго, съ ихъ заливами, лиманами и низовьями впадающихъ въ нихъ рѣкъ, издавна служили приманкою для южно-русскаго племени, что въ эти мѣста русскіе отправлялись цѣлыми партіями и товариществами на рыбные промыслы, что татія партіи и товарищества послужили, по всѣмъ вѣроятіямъ, ячеичными формами для образованія Запорожской Сичи и что, наконецъ, эта послѣдняя ежегодно организовала многочисленныя забродческія ватаги для рыболовства какъ въ предѣлахъ своихъ владѣній, такъ даже и внѣ ихъ. Стало быть, для того, чтобы лучше уяснить себѣ настоящій складъ и характеръ современныхъ забродческихъ артелей, необходимо предварительно ознакомиться съ предшествовавшими имъ историческими формами, а также отчасти и съ самымъ южно-русскимъ рыболовнымъ промысломъ.

Рыболовные промыслы Азовскаго моря и сѣверныхъ побережій Чернаго занимаютъ собою довольно обширное пространство вдоль береговъ этихъ морей, начиная съ Анапы и устьевъ Кубани и заканчивая устьями Прута включительно. Въ составѣ этого района входятъ такимъ образомъ всѣ мѣста, получившія историческую извѣстность своими рыбными ловами. Такъ, если раздѣлить Азовское море на двѣ области—восточную и западную, то къ восточнымъ берегамъ этого моря будутъ примыкать между прочимъ слѣдующія рыболовныя мѣста: Таманскій полуостровъ или древняя Тмутаракань съ устьями рѣки Кубани, Бугазскимъ и Ахтанизовскимъ лиманами, далѣе на сѣверъ ачуевскіе ловы и Сладкіе лиманы, еще далѣе ахтарскіе и брыньковскіе ловы съ Брыньковскимъ лиманомъ и рѣкою Бейсугъ, затѣмъ Камышеватская и Долгая косы, Ейскій лиманъ и, наконецъ, устья Дона. Въ западной области по берегамъ того же моря будутъ находиться: таганрогскіе, маріупольскіе и бердянскіе ловы, далѣе арабатскіе по Арабатской стрѣлкѣ и, наконецъ, знаменитыя керченскія ловли. Отсюда начинается уже область собственно черноморскихъ рыбныхъ промысловъ. Рыболовство въ слабой степени существуетъ вдоль всего крымскаго берега, въ болѣе сильной около такихъ мѣстъ, какъ Ѳеодосія и Севастополь, по настоящее, достопамятное для русскихъ своимъ историческимъ прошлымъ, рыболовство находится собственно въ области Днѣпра, Буга, Днѣстра и Прута. Сюда принадлежатъ ловли по низовьямъ Днѣпра и Днѣпровскаго лимана, кинбургскія и одесскія, затѣмъ на Днѣстрѣ, его лиманѣ и Прутѣ. До севастопольской кампаніи Россіи принадлежала также богатая рыболовствомъ Дунайская область, отошедшая снова къ Россіи послѣ послѣдней русско-турецкой войны. Кромѣ того, существуетъ цѣлая масса другихъ, болѣе мелкихъ рыболовныхъ

мѣстъ, разбросанныхъ по всему описанному выше району и тянущихся вверхъ по большимъ рѣкамъ, мѣстъ, частію утратившихъ свое прежнее значеніе, а частію совершенно исчезнувшихъ.

Главнѣйшія изъ вышеуказанныхъ мѣстъ были извѣстны своими рыбными ловами въ самой глубокой древности. По словамъ Геродота, грекамъ былъ извѣстенъ Борисѳенъ или нижній Днѣпръ своими осетрами, какъ предметомъ торговли. Ольвійскіе осетры, приготовлявшіеся въ колоніи милетскихъ грековъ, Ольвіи, находившейся при впаденіи Буга въ Днѣпровскій лиманъ, «такъ цѣнились въ Греціи и Римѣ, что, по сказанію современныхъ историковъ, ихъ подавали невольники, увѣнчанные цвѣтами, при звукѣ флейтъ, на блюдахъ, украшенныхъ букетами»*). Страбонъ упоминаетъ о рыбѣ, ловимой въ устьѣ Танаиса или нынѣшняго Дона и на берегахъ большаго и малаго Рамбитиса или теперешнихъ Ейскаго и Ачуевскаго лимановъ. Древняя Пантикапея или нынѣшняя Керчь славилась своими балыками. Какъ рыболовныя мѣста извѣстны были также Согдай или Солдай (Судакъ) и Херсонесъ Таврическій или нынѣшній Севастополь. Наконецъ, древнимъ извѣстенъ былъ и Тилигульскій лиманъ, какъ рыболовное мѣсто, гдѣ существовала колонія Ордисосъ **). Объ южнорусскихъ рыболовныхъ мѣстахъ упоминаютъ затѣмъ писатели XII, XIV, XV и XVI столѣтій. Когда въ XIII и XIV стол. итальянцы основали свои колоніи на южномъ берегу Крыма и въ устьяхъ Дона, «то въ числѣ главныхъ статей своей отпускной торговли они считали и рыбу въ разныхъ ея видахъ» ***). Русскіе также, надо полагать,

*) А. Скальковскій. «Опытъ стат. опис. Новор. края», ч. 11 стр. 395.

**) Тамъ же, стр. 394—398.

***) Тамъ же, стр. 401.

искони знали и цѣнили рыболовныя мѣста Азовскаго моря и сѣверныхъ побережій Чернаго. За это говорятъ такіе историческіе факты, какъ существованіе Тмутараканскаго княжества, торговый путь въ Грецію, походы Святослава и пр. Но настоящее болѣе или менѣе постоянное и регулярное эксплуатированіе русскими азовскихъ и черноморскихъ рыбныхъ ловлей началось только съ XVI вѣка. По словамъ Костомарова, изъ историческихъ актовъ конца XV и начала XVI вѣковъ видно, что южно-руссы «издавна имѣли обычай отправляться весною къ порогамъ и за пороги (Днѣпра) ловить тамъ рыбу и звѣрей». Здѣсь, организовавшись въ ватаги, они занимались не только рыболовствомъ и звѣроловствомъ, но предавались разбоямъ и грабежамъ.

Отличительная черта рыболовныхъ артелей этого періода, какъ и вообще всѣхъ другихъ артелей того времени—охотничьихъ, чумацкихъ и др., заключалась въ томъ, что онѣ носили чисто военный характеръ и организацію. Черта эта обусловливалась тогдашними неспокойными обстоятельствами. Собственность въ это время не пользовалась тѣми правами гражданства, какія она получила впослѣдствіи. Результаты годичнаго труда въ нѣсколько часовъ грабежа становились добычею воина. Сама человѣческая жизнь вообще была плохо застрахована отъ разнаго рода случайностей. Благодаря всему этому, забродческія ватаги того времени должны были преслѣдовать разомъ двѣ одинаково важныя цѣли—промысловыя и охранительныя. Забродчики, кто бы они ни были — мирные ли промышленники, или же бѣглецы и гайдамаки, должны были разомъ и ловить рыбу, и беречься отъ того, чтобы не сдѣлаться самимъ добычею какихъ-нибудь татарскихъ наѣздниковъ. Рыболовная сѣть и рыбачья лодка не могли существовать безъ по

кровительства ружья, сабли и пики, и плохъ былъ тотъ промышленникъ, который не умѣлъ съ одинаковою ловкостію владѣть и лодочнымъ весломъ, и ружьемъ или саблею. Все это считалось тѣмъ необходимѣе, если артель, кромѣ своихъ промысловыхъ цѣлей, преслѣдовала и такія, какъ грабежи и набѣги. Вполнѣ естественно, поэтому, что тогдашняя забродческая ватага носила совершенно военный, строго дисциплинированный строй и организацію. Во главѣ ватаги, по обычаю того времени, долженъ былъ стоять отаманъ, лице выборное, но пользовавшееся въ нѣкоторыхъ случаяхъ неограниченною властью. Каждый изъ членовъ долженъ былъ точно исполнять постановленія всего товарищества вообще и распоряженія отамана въ частности. Безъ этихъ двухъ условій не мыслимо было самое существованіе ватаги, потому что въ противномъ случаѣ она не устояла бы предъ дружнымъ напоромъ разнаго рода враждебныхъ случайностей. То обстоятельство, что ватаги составлялись изъ всевозможныхъ искателей приключеній и отважныхъ, предпріимчивыхъ воякъ, указываетъ также и на полнѣйшую равноправность членовъ. Иначе, покрайней мѣрѣ, нельзя представить себѣ артелей этого рода, тѣмъ болѣе, что онѣ были вполнѣ аналогичны съ такими формами, какъ гайдамацкія шайки послѣдующаго времени, и несомнѣнно легли въ основу такой могущественной общины, какъ Запорожская Сичь.

Послѣдующія затѣмъ формы забродческихъ ватагъ, существовавшія во времена послѣдней Запорожской Сичи, видимо уже значительно разнятся по своему характеру отъ только-что описанныхъ. Дѣло въ томъ, что для рыболовныхъ артелей въ это время не было уже тѣхъ приволій й простора, какія существовали раньше. Низовьями Днѣпра и лучшими рыболовными мѣстами владѣлъ уже такой полновластный и крутой хозяинъ, какъ Запорож-

ская Сичь. Для запорожцевъ рыбные ловы представляли видную статью ихъ общественнаго и частнаго хозяйства, и для лучшаго эксплуатированья ихъ, Сичь ввела, поэтому, всюду строгіе и однообразные порядки, далеко, конечно, не дружелюбно раздѣлываясь съ тѣми, кто дерзалъ нарушать эти порядки. Въ началѣ каждаго новаго года запорожцы обыкновенно бросали «лясы», т. е. кидали жребій, на всѣ тѣ рыбныя угодья, которыя находились въ предѣлахъ ихъ владѣній, распредѣляя такимъ образомъ ихъ съ извѣстною равномѣрностью между «товариствомъ». Но, по словамъ Скальковскаго, нѣкоторыя запорожскія паланки, т. е. «вооруженные посты», нарочито устраивались даже внѣ запорожскихъ владѣній съ тою цѣлію, чтобы покровительствовать рыболовамъ и поддерживать въ средѣ ихъ извѣстный порядокъ. Таковы были Ингульская, Бугогардовская и Кальміусская паланки. Каждая изъ этихъ паланокъ управлялась особымъ полковникомъ и двумя старшинами съ командою. Главный рыбакъ или надзиратель надъ рыболовствомъ въ одной изъ такихъ паланокъ назывался «гардовничимъ» отъ слова «гардъ», т. е. язъ или запоръ для рыбы; въ непосредственномъ вѣдѣніи гардовничаго находились какъ всѣ рыболовы паланки, такъ и «таровничіе», управлявшіе «таромъ», т. е. неводомъ. Вообще же рыболовныя ватаги Запорожской Сичи по своей организаціи, надо полагать, были двухъ родовъ: 1) организовывавшіяся собственно изъ запорожцевъ и 2) такъ называемыя «тафы». «Тафы или рыболовныя партіи, по словамъ Скальковскаго, управлялись «господарями» (хозяевами), которые обыкновенно принадлежали къ числу извѣстныхъ куренныхъ хозяевъ. Такія партіи были постояннымъ пристанищемъ не только козаковъ, но и всякого рода бродягъ или аргатовъ (поденщиковъ), не хотѣвшихъ записываться въ войско, чтобы

не брать билетовъ или паспортовъ и не отбывать повинностей. Кошъ строго воспрещалъ держать такихъ людей, но хозяева неводовъ находили средства скрывать своихъ работниковъ при посѣщеніи осаула или другой объѣздной команды. Неводы (т. е. рыболовныя сѣти, а вмѣстѣ и притоны *) для ловли) были отчизною и истиннымъ гнѣздомъ гайдамацтва, ибо зимою праздные и къ опасной, пьяной жизни привыкшіе бурлаки отъ разврата, нужды и подговора злодѣевъ пускались, ожидая весны, на жизнь бродяжническую и преступную. Но должно отдать имъ справедливость, что тамъ же формировались и тѣ отличные мореходы и лодочники, которыми въ древнія времена славилось Запорожье. Тамъ войско набирало свою пѣхоту на лодки и лоцмановъ для своихъ пороговъ»**). Что же касается другаго сорта ватагъ, организовывавшихся изъ самыхъ запорожцевъ, то они, по всей вѣроятности, носили нѣсколько коммунистическій характеръ. Рыболовные снаряды вѣроятно были общими, дѣлежъ добычи равномѣрнымъ, права членовъ равносильными.

Какъ бы тамъ ни было, впрочемъ, но запорожцы, унаслѣдовавъ древнюю организацію рыболовныхъ ватагъ, должны были удержать эту форму труда до самаго разрушенія Запорожской Сичи, какъ удержали они прототипъ этой организаціи во всемъ строѣ своей жизни. Когда остатки запорожскаго козачества были переселены на Кубань, въ Черноморію, переселенцы занесли вмѣстѣ съ собою и въ эти мѣста обычай производить рыбную ловлю ватагами. Днѣпръ, какъ извѣстно, составлялъ главнѣйшую

*) Это объясненіе Скальковскимъ слова «неводъ» едвали вѣрно, судя потому, что впослѣдствіи у черноморцевъ, прямыхъ наслѣдниковъ запорожцевъ, въ смыслѣ притона употреблялось одно слово «забродъ» или позже «заводъ»; «неводами» же назывались однѣ рыболовныя сѣти

**) А. Скальковскій. «Ист. Новой Сичи», т. 1-й, стр. 232—234.

арену дѣятельности запорожскаго козачества и забродческія ватаги и въ настоящее время покрываютъ его отъ устьевъ далеко къ верховьямъ. Намъ не извѣстно происхожденіе донскихъ забродческихъ ватагъ, но ихъ однохарактерность и связь вообще съ южно-русскими рыболовными ватагами не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ нихъ, какъ и въ этихъ послѣднихъ, сохранились основныя черты запорожско-сичевой организаціи съ отаманомъ во главѣ. Такимъ образомъ, забродческія ватаги сдѣлались основной и главной формой рыбнаго промысла въ южной Россіи. Въ настоящее время ихъ можно найдти на всемъ пространствѣ береговъ Чернаго и Азовскаго морей, начиная отъ Анапы и оканчивая устьями Дуная. Однимъ словомъ, онѣ встрѣчаются по берегамъ нашихъ южныхъ морей во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живетъ или куда заходитъ на заработки, «въ забродъ», мало-русское населеніе, а также на рыболовныхъ промыслахъ такихъ рѣкъ, какъ Днѣпръ, Донъ и пр.

II.

Забродческія ватаги въ современной намъ формѣ организуются въ южной Россіи по одному и тому же типу. Въ нихъ страннымъ образомъ соединены интересы капиталиста-предпринимателя и рабочихъ-артельныхъ. Онѣ представляютъ собою на столько же артели на сколько и капиталистическія предпріятія. Обыкновенно каждая такая артель состоитъ изъ хозяина-предпринимателя и артельныхъ-забродчиковъ. Хозяинъ обязывается поставлять на артель рыболовныя снасти и муку для пищи; со стороны же забродчиковъ требуется одна рабочая сила; внутренній распорядокъ артели цѣликомъ зависитъ отъ самыхъ забродчиковъ или, вѣрнѣе, отъ существующихъ на этотъ

счетъ обычаевъ; добыча дѣлится пополамъ между хозяиномъ и артелью. Такова общая типическая форма южнорусскихъ забродческихъ ватагъ. Въ разныхъ мѣстахъ, разумѣется, эта форма принимаетъ тѣ или другія, весьма, впрочемъ, незначительныя видоизмѣненія. Что же касается артелей, организующихся изъ однихъ только забродчиковъ, безъ всякаго участія капиталистовъ-хозяевъ, то онѣ встрѣчаются весьма рѣдко и большею частію очень ничтожны и по численному своему составу и по производимымъ ими операціямъ *). Онѣ составляютъ какъ бы исключеніе изъ общаго правила. Поэтому, мы обратимъ вниманіе главнымъ образомъ на артели перваго рода, болѣе распространенныя и, пожалуй, болѣе живучія.

Забродческія ватаги или рука объ руку съ историческими обстоятельствами и ихъ своеобразный характеръ вызванъ былъ чисто мѣстными причинами. Дѣло въ томъ, что онѣ всегда составлялись, главнымъ образомъ, изъ людей бездомныхъ и безпаспортныхъ. Одно уже этого обстоятельства было достаточно для того, чтобы рыболовныя ватаги приняли съ теченіемъ времени полу-артельный оттѣнокъ. Различнаго рода пришлецы точно также, какъ уходящій и въ настоящее время на отхожіе промыслы людъ, очевидно, не имѣли ни средствъ, ни правъ заниматься рыбнымъ промысломъ въ чужихъ для нихъ мѣстахъ. Хозяинъ, такимъ образомъ, съ рыболовными снастями и правомъ ловли являлся необходимымъ лицомъ для предпріятія, и забродчики становились въ извѣстныя къ нему

*) Артели съ подобнымъ характеромъ намъ приходилось встрѣчать въ Ейскомъ уѣздѣ Кубанской области въ районѣ такъ называемыхъ «брыньковскихъ» рыбныхъ промысловъ. Онѣ составлялись козаками изъ двухъ-трехъ, много-много четырехъ или пяти хозяевъ и носили характеръ простаго сотрудничества сосѣдей или односельцевъ, причемъ и трудъ и капиталъ равномѣрно ложился на всѣхъ членовъ.

отношенія и зависимость. Ватаги, слѣдовательно, теряли свой чистый артельный характеръ. Въ этомъ отношеніи забродческія ватаги позднѣйшаго времени имѣли много общаго съ запорожскими «тафами». Такъ шло дѣло, напр., въ Черноморіи, значительная часть населенія которой, какъ извѣстно, образовалась изъ разнаго рода Ивановъ-непомнящихъ родства, бродягъ и бѣглецовъ. На всемъ протяженіи принадлежавшихъ ей береговъ Чернаго и Азовскаго морей, отъ Анапы и до города Ейска и станицы Старо-Щербиновской, т. е. на растояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, были устроены въ ней такъ называемые рыболовные «заводы». Это были простыя, незатѣйливыя, почти цѣликомъ ушедшія въ землю лачужки или, какъ называются онѣ на мѣстѣ, «землянки». Здѣсь обыкновенно жили забродчики, народъ въ большинствѣ случаевъ безпаспортный и бездомный; здѣсь же хранились разнаго рода «солила», «буты» (довольно большіе деревянные чаны), «неводы», «крючья», «вентери» и пр.

Такимъ образомъ, благодаря тому обстоятельству, что въ забродческія ватаги шелъ главнымъ образомъ бездомный, ничѣмъ необезпеченный людъ,—артели этого рода почти съ самаго своего возникновенія были поставлены въ полнѣйшую зависимость отъ хозяевъ-предпринимателей. Только буйный и неуступчивый забродчикъ съумѣлъ отстоять вмѣстѣ съ этимъ и свою вольную организацію артели. Хозяева обладали рабочими средствами и правами; забродчики являлись рабочею силою. Смотря по тому, какимъ способомъ производилась ловля рыбы, и самыя ватаги можно разбить на нѣсколько группъ. Наиболѣе распространенныя изъ нихъ были ватаги, производившія рыбную ловлю неводами и «волокушами». Другую, не менѣе распространенную группу представляли ватаги «крючниковъ», производившихъ ловъ рыбы посредствомъ крюч-

ковъ или самолововъ. Наконецъ, третью и послѣднюю группу представляли ватаги забродчиковъ, ловящихъ рыбу такъ называемыми «вентерями». Это, впрочемъ, была самая малозначительная группа, и ватаги, входившія въ ея составъ, были весьма малочислены по своему составу, но въ этой группѣ встрѣчались артели въ болѣе чистомъ видѣ, безъ хозяевъ-промышленниковъ. Встрѣчались, кромѣ того, артели такъ называемыхъ «таловирщиковъ», занимавшихся собственно обработкою рыбы—соленіемъ, копченіемъ и пр.; но эти артели были просто самыми обыкновенными компаніями кулаковъ, производившихъ зачастую всѣ свои операціи при помощи наемныхъ рабочихъ.

Артели набирались два раза въ годъ—раннею весною и въ началѣ осени. Въ нашей памяти осталось нѣсколько характеристическихъ сценъ изъ былаго прошлаго черноморскаго войска, сценъ, представлявшихъ собою наборъ и организацію забродческихъ ватагъ. Наборъ обыкновенно производился частію въ кабакахъ, а частію на дому или въ квартирѣ отамана. Самый процессъ комплектованія артели происходилъ такимъ образомъ. Предприниматель-хозяинъ, становившійся впослѣдствіи отаманомъ, или же извѣстный отаманъ, «приговоренный» рыбопромышленникомъ, объявлялъ «хлопцямъ» въ кабакѣ, возлѣ «сборни», т. е. станичнаго правленія, а то и просто при выходѣ изъ церкви о томъ, что онъ набираетъ ватагу, подговаривалъ знакомыхъ и незнакомыхъ забродчиковъ, сообщалъ имъ тѣ условія, въ какихъ должна была состоять артель по отношенію къ хозяину, потребное количество членовъ и назначалъ для окончательной организаціи ватаги въ извѣстный день общій сходъ желающихъ въ кабакѣ или у себя на дому, что случалось сравнительно чаще. Утромъ въ назначенный день, большею частію въ праздничный или воскресный, забродчики собирались на домъ или квар-

тиру отамана, захвативши съ собою и тѣхъ, которыхъ они «присогласили» по мимо отамана. Здѣсь они разсаживались обыкновенно по лавкамъ вдоль стѣнокъ, причемъ отаманъ и хозяинъ или хозяйка, если они были на лицо, занимали самое почетное мѣсто у стола. Когда всѣ предполагаемыя лица оказывались въ сборѣ, первымъ начиналъ говорить отаманъ. Онъ сообщалъ условія, въ какія должна была стать ватага по отношенію къ хозяину, мѣсто рыболовства и пр. и въ заключеніе ставилъ вопросъ въ такой формѣ: «ну, шо жъ, хлопці! Чи всі вы согласні на те, шо я сказавъ, чи ні? Якъ шо ні, то кажіть!»— Наставала минутная тишина, предвѣщавшая въ большинствѣ случаевъ одну изъ тѣхъ шумныхъ сценъ, какими обыкновенно отличаются народные сходы и совѣщанія. «Согласны!» отвѣчали забродчики, если дѣло было для всѣхъ ясно и хозяйскія условія подходящими, и тѣмъ не менѣе начинали громогласно обсуждать предстоящее имъ дѣло. Въ противномъ случаѣ забродчиками ставились вопросы и слѣдовали отвѣты со стороны отамана или хозяевъ. Чрезъ нѣсколько времени, когда шумъ и гулъ голосовъ маленько стихалъ, а отаманъ успѣлъ переговорить со всѣми тѣми, которые согласились «идти въ забродъ» къ приглашающему хозяину,—отаманъ снова провозглашалъ: «такъ давайте жъ, хлопці, молиться Богу та запивать могорычь». Забродчики поднимались съ лавокъ, становились лицемъ по направленію къ иконѣ, крестились и отвѣшивали поклоны, и затѣмъ тѣ, кто вступалъ въ артель, подходили къ отаману или хозяину и били по рукамъ. Этимъ и заканчивался договоръ между хозяиномъ или его представителемъ и забродчиками. Въ слѣдъ за этимъ на столѣ являлись «сулія», т. е. большая бутыль, съ водкою и хлѣбъ съ солью. Это былъ магарычъ, который всегда ставилъ хозяинъ или отаманъ на хозяйскій

счетъ. Магарычъ распивался обыкновенно всѣми присутствующими въ хатѣ, независимо отъ того, шли ли они «въ забродъ» или нѣтъ.

Дальнѣйшая организація ватаги производилась уже во время и послѣ распитія магарыча. Вѣрнѣе она слагалась сама собою, какъ обычай, какъ разъ установленныя и освященныя временемъ отношенія. Разъ набиралась ватага, внутренняя ея организація подразумѣвалась сама собою. Послѣ отамана, котораго въ большинствѣ случаевъ забродчикамъ приходилось только «признать», утвердить, а не выбирать, избирались писарь и кухарь. Иногда, впрочемъ, случалось и такъ, что отаманъ избирался изъ среды забродчиковъ, независимо отъ того уполномоченнаго хозяиномъ забродчика, который набиралъ ватагу. Въ такихъ случаяхъ хозяинъ-предприниматель бываетъ обыкновенно вкладчикомъ только капиталомъ. Вообще же комплектованіе артели рѣдко производилось самыми хозяевами. Ихъ мѣсто въ большинствѣ случаевъ занимали уполномоченные, становившіеся потомъ почти всегда отаманами, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда отаманъ былъ и хозяиномъ, артель набиралась самимъ хозяиномъ. Поэтому, и артели также были двухъ родовъ: въ однѣхъ хозяева участвовали въ качествѣ только капиталистовъ, въ другихъ—въ качествѣ капиталистовъ-предпринимателей и рабочихъ на ряду съ другими. Тѣмъ не менѣе и въ первомъ, и во второмъ случаяхъ артельные порядки—одни и тѣ же. Разница заключалась только въ дѣлежѣ добычи. И въ первомъ, и второмъ случаяхъ на долю хозяина всегда шла половина добычи, но во второмъ онъ получалъ, кромѣ того, свой «заработанный» пай, какъ отаманъ.

Вообще относительно условій и обязательствъ между хозяевами и забродчиками существовали разъ навсегда установленныя правила, освященныя обычаемъ и перешед-

шія въ традиціи. Добыча всегда дѣлилась пополамъ между хозяиномъ и артелью. Но смотря по мѣсту и времени, хозяева выговаривали, кромѣ того, въ свою пользу нѣкоторыя привиллегіи и доходы. Сюда относились такъ называемая «красная тоня», вознагражденіе за раньше приготовленную хозяиномъ муку для пищи забродчиковъ и пр. Красною тонею называли первый уловъ. Онъ всегда шелъ въ пользу хозяина и сопровождался нѣкотораго рода церемоніями. «Волокушу» или неводъ везли, напр., на волахъ къ мѣсту лова, при чемъ на неводѣ непремѣнно должна была сидѣть хозяйка. Самая выгрузка невода или волокуши съ рыбою сопровождалась щедрымъ угощеніемъ водкою со стороны хозяина. Красная тоня всегда считалась весьма выгодной статьей и хозяева зачастую одною красною тонею оплачивали всѣ издержки, напр., по ремонтировкѣ рыболовныхъ снастей.

Таковы были въ общихъ чертахъ отношенія ватагъ къ ихъ хозяевамъ. Такими они остались въ большинствѣ случаевъ и до настоящаго времени. Не смотря на то, что количество и размѣры самыхъ ватагъ значительно сократились въ настоящее время, благодаря сильному упадку рыбнаго промысла, — ихъ образованіе, зависимость отъ капитала, отношенія къ нему остались одни и тѣ же. Точно также организація и внутренніе порядки забродческихъ ватагъ остались неприкосновенными, въ прежнемъ ихъ видѣ.

Каждая ватага состоитъ обыкновенно изъ забродчиковъ, отамана, писаря и кухаря. Отаманъ—глава и представитель ватаги. Въ рѣдкихъ случаяхъ онъ избирается забродчиками или замѣняется по желанію ихъ другимъ. Являясь организаторомъ ватаги самъ или по порученію хозяина-предпринимателя, онъ становится потомъ силою обстоятельствъ въ положеніе представителя ватаги. Ота-

манъ—лице всегда извѣстное въ околодкѣ. Онъ долженъ быть опытенъ, честенъ и неутомимъ въ работѣ. Отъ него всегда требуется нетолько обыкновенное знаніе дѣла и смѣтливость, но и долголѣтняя практика на ряду съ знаніемъ и уваженіемъ внутреннихъ порядковъ и обыкновеній ватаги. На дѣлѣ онъ—неограниченное лице, въ нѣкоторомъ родѣ диктаторъ, и такое положеніе отамана обусловливается въ большинствѣ случаевъ самымъ дѣломъ, какъ напр., въ томъ случаѣ, когда ватага бываетъ застигнута бурею на лоднѣ въ морѣ. За свои труды отаманъ всегда беретъ два пая обыкновеннаго рабочаго-забродчика: одинъ пай, какъ работникъ, другой, какъ отаманъ, за тѣ особыя заботы, которыя требуются отъ отамана.

Въ положеніи писаря или кухаря нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, исключительнаго. Отъ писаря обыкновенно требуются два условія: знаніе грамоты и извѣстнаго рода честность, какъ гарантія исправнаго и добросовѣстнаго веденія записей. Но онъ, также какъ и всѣ другіе забродчики, долженъ «тянуть лямку» и исполнять обычныя работы рядоваго забродчика. Можетъ быть, поэтому, писарь всегда пользовался нѣкотораго рода почетомъ и уваженіемъ. Это свой же братъ забродчикъ-труженикъ. Точно таково же положеніе въ ватагѣ и «кухаря», то есть, кашевара, повара. Онъ долженъ знать хорошо свое дѣло и исправно вести его. Онъ — обыкновенный забродчикъ-рабочій, пріуроченный къ спеціальной работѣ. Иногда, кромѣ кашевара, въ ватагахъ бываетъ еще особенный помощникъ его. Такіе помощники встрѣчаются въ рыболовныхъ ватагахъ на Донцѣ и носятъ названіе «козловъ». «Козелъ» замѣняетъ собою кухаря въ случаѣ болѣзни этого послѣдняго, а въ обыкновенное время служитъ ему помощникомъ, исполняя всѣ его распоряженія и приказанія по части кухни.

Наконецъ, основную силу ватаги составляютъ забродчики. Забродчикомъ можетъ быть всякій, способный вынести иногда непомѣрный трудъ южно-русскаго рыболова, хотя, въ силу уже естественнаго хода обстоятельствъ, ватаги составляются всегда изъ людей болѣе или менѣе знающихъ другъ друга. Тѣмъ не менѣе личный составъ забродческихъ ватагъ бываетъ довольно разнообразенъ. Въ ватагѣ можно встрѣтить и малоросса, и великоросса, и грека, и молдованина, и армянина, и татарина, смотря по мѣсту рыболовства. Это своего рода южно-русская вольница съ тѣмъ отличіемъ отъ поволжской, что въ составъ ея входятъ иногда не одни труженики-рабочіе, но и лица изъ привиллегированныхъ классовъ. Здѣсь, покрайней мѣрѣ въ прежнія, близкія еще къ намъ времена, можно было встрѣтить и офицеровъ, и чиновниковъ, и «убоявшихся бездны премудрости», семинаристовъ, и исключенныхъ дьячковъ и недоучившихся гимназистовъ. Тутъ въ былыя времена находили притонъ дворянскія и купеческія дѣти на ряду съ дѣтьми «сиволапаго мужика» или горделиваго козака. Въ національномъ отношеніи преобладающимъ элементомъ всегда были и есть малороссы.

Истые забродчики — народъ вольный и разгульный. Это въ большинствѣ случаевъ или бобыли, или же бездомный, зашедшій издалека людъ. Это, какъ мы выразились выше, представители южно-русской вольницы, вольницы, между прочимъ, со всѣмъ уже сходящей со сцены и цѣликомъ переходящей въ настоящее время въ болѣе мирныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ болѣе зависимыхъ и подчиненныхъ капиталу тружениковъ. Забродчикъ былыхъ временъ— отчаянная, разудалая голова. Его можно было сразу замѣтить и отличить отъ остальнаго люда и на ярмаркѣ въ «яткахъ» (палаткахъ для продажи водки и винъ) или въ трактирахъ, и въ станицахъ у кабака или лавки, и

на базарѣ, и на толкучкѣ. Здѣсь въ день или два спускалъ онъ свой годичный заработокъ; здѣсь онъ ставилъ послѣднюю копѣйку ребромъ; здѣсь онъ напивался самъ, поилъ другихъ, безобразничалъ самъ и заставлялъ другихъ подражать ему. Шелковый платокъ служилъ ему «онучами» (портянками), цѣлая штука ситцу или какого-нибудь сатину обращалась въ поясъ, богатая шаль замѣняла шапку и вообще весь костюмъ представлялъ смѣсь дерюги съ дорогими матеріями. Удалая пѣсня, дикая пляска и крѣпкое словцо служили своего рода эстетическими удовольствіями. И все это приправлялось обыкновенно сивухою, смѣшиваемою иногда съ самыми дорогими винами. Разгулявшійся забродчикъ не хотѣлъ знать властей, не признавалъ ни паспорта, ни какихъ приписокъ, а жилъ постоянно въ ватагахъ, руководясь въ своей жизни единственно традиціями и правилами, выработанными ватагами исторически. Временами онъ показывался, какъ метеоръ, между болѣе мирными гражданами и, накуралесивши здѣсь порядкомъ, снова скрывался куда-нибудь въ заводы или «плавни», т. е. низменныя мѣста, заросшія камышемъ, кугой и другими водяными растеніями. Если же въ убѣжище забродчиковъ заглядывала полиція — какой-нибудь становой или разъѣздный (въ Черноморіи) — удалецъ-забродчикъ запасался на скорую руку провизіей и быстро исчезалъ на нѣсколько дней въ плавняхъ, или же «садился на дуба» (большую рыбачью лодку), и скрывался съ глазъ въ морѣ, гдѣ и оставался на якорѣ до тѣхъ поръ, пока флагъ или другой какой-нибудь условный знакъ не возвѣщалъ ему мановенія полицейской бури.

Въ былыя времена забродческіе заводы и притоны вели свою собственную самостоятельную жизнь, — жизнь во многихъ отношеніяхъ своеобразную и оригинальную.

Тутъ у нихъ былъ и «царевъ кабачекъ», и мелкія лавочки, и Богъ-вѣсть откуда забредшій офеня. Водка лилась зачастую рѣкой... Кабатчики наживались. Хозяева самымъ безцеремоннымъ образомъ пользовались обстоятельствами и продавали съ своей стороны пьянымъ забродчикамъ всевозможныя нужныя и ненужныя вещи за небывалыя цѣны. Благодаря подобной легкой наживѣ, рядомъ съ забродчиками наживались и другія личности, рядомъ съ забродческими «землянками» и «куренями» строились обыкновенно хаты и приспособлялись лавченки и кабачки. Такимъ образомъ получило начало множество селеній прибрежныхъ жителей. Такъ образовались, напр., Ахтарскій поселокъ, Гривенскій и др. въ Кубанской области.

Но все это, впрочемъ, «дѣла давно минувшихъ дней». Представители современныхъ намъ забродческихъ ватагъ большею частію обыкновенные труженики-рабочіе, равноправные во всемъ, что касается внутренней жизни ватаги. Это въ большинствѣ случаевъ пришлый на заработки людъ, и типическіе забродчики былыхъ временъ встрѣчаются между ними очень рѣдко. То же можно сказать и о другомъ элементѣ прежнихъ ватагъ, элементѣ, состоявшемъ изъ привиллегированныхъ лицъ. За то въ большемъ количествѣ стали входить въ составъ ватагъ мѣстные жители, что, конечно, находится въ тѣсной связи съ постепеннымъ обѣдненіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и съ большимъ раздѣленіемъ и спеціализаціею труда. Такимъ образомъ забродческія ватаги въ настоящее время составляются изъ двухъ элементовъ: мѣстнаго и пришлаго. Въ ватагахъ, существующихъ по Днѣпру, господствуетъ мѣстный элементъ; въ ватагахъ, производящихъ рыбную ловлю вблизи Одессы и Керчи, участвуетъ на половину мѣстный, на половину пришлый людъ; въ ватагахъ Кубанской области, дѣйствующихъ вблизи Ачуева, Ахтарей,

Сладкихъ лимановъ и пр., точно также оба элемента участвуютъ почти въ равной мѣрѣ, но здѣсь пришлый элементъ очень часто живетъ десятки лѣтъ сряду и такимъ образомъ почти сливается съ мѣстнымъ населеніемъ.

Вообще современныя забродческія ватаги представляютъ собою болѣе или менѣе установившіяся формы труда. Онѣ держатся не на удальствѣ и разгулѣ забродчиковъ былыхъ временъ, но исключительно на выгодахъ артельнаго веденія дѣла. Между ними далеко рѣже встрѣчается южно-русская вольница, рѣже забродитъ въ нихъ чиновникъ или купецкій сынъ, чѣмъ въ ватагахъ былыхъ временъ, но за то тѣмъ болѣе цѣнятъ ихъ тѣ постоянные труженики, которымъ онѣ даютъ насущный кусокъ хлѣба. Къ сожалѣнію, кусокъ этотъ съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе обглоданнымъ. Южно-русскій рыбный промыселъ находится въ такомъ сильномъ упадкѣ, въ какомъ онъ врядъ ли когда либо находился. Рыбы въ весьма многихъ когда то рыбныхъ мѣстахъ буквально таки нѣтъ. Нѣкоторыя изъ такихъ мѣстъ совершенно даже исчезли. Приточная вода убыла въ весьма значительной мѣрѣ, и тутъ очевидна связь между южно-русскими засухами и упадкомъ южно-русскихъ рыбныхъ промысловъ. Въ первомъ случаѣ убыль воды роковымъ образомъ вліяетъ на хлѣбопашество, во второмъ—на размноженіе рыбы. Черноморія, когда-то классическая страна рыболовства и забродческихъ ватагъ, закрыла почти всѣ свои рыбные заводы, которые могли давать въ былыя времена десятки тысячъ одного войсковаго акциза за право ловли рыбы. Понизовья Дона и прилегающія къ нимъ въ обѣ стороны берега Азовскаго моря пошли тѣмъ же путемъ. На Днѣпрѣ рыбный промыселъ, по мѣстному выраженію ватагъ, «пока держится». Около-одесскія ватаги пробиваются большею частію одною скумбріей.

Керченскій рыбный промыселъ сильно сократился. Однимъ словомъ, благодаря главнымъ образомъ тому обстоятельству, что частію вслѣдствіе культуры, а частію вслѣдствіе другихъ условій, лѣса южной Россіи, плавни и болота начали исчезать, а вмѣстѣ съ ними стала исчезать и приточная вода,—главнѣйшія рѣки обмелѣли, второстепенныя почти исчезли, и рыба не имѣетъ достаточно мѣстъ для метанія икры, оплодотворенія и вывода. Это обстоятельство и въ связи съ нимъ вообще анти-экономическіе, варварскіе способы южно-русскаго рыболовства буквально таки вытѣснили и уничтожили рыбу на южнорусскихъ побережьяхъ. Рыбный промыселъ палъ, а съ нимъ и количество забродческихъ ватагъ значительно сократилось.

Такимъ образомъ, древнія историческія ватаги забродчиковъ постепенно переходили и переходятъ въ современныя болѣе мирныя артели. Упадокъ рыбнаго промысла и измѣненіе вообще колонизаціи и гражданскихъ порядковъ въ южной Россіи вліяли и вліяютъ на этотъ переходъ двоякимъ образомъ: на численный составъ забродческихъ ватагъ и на самый типъ забродчика. Съ уменьшеніемъ общаго количества ватагъ уменьшился и самый ихъ размѣръ. Въ былыя времена ватаги состояли изъ 30, 40, 50 и болѣе человѣкъ; въ настоящее время ихъ численный составъ едва доходитъ до 20 человѣкъ; въ большинствѣ же случаевъ ограничивается 12 или 10 человѣками, падая въ иныхъ мѣстахъ до 7 и 5 человѣкъ. Это обстоятельство дало возможность мелкимъ рыбопромышленникамъ чаще являться въ качествѣ непосредственныхъ организаторовъ ватагъ, и типъ отамана-хозяина встрѣчается теперь чаще, чѣмъ въ былыя времена. Ватаги, такъ сказать, измельчали, вольница стала въ нихъ рѣдкостью и вмѣсто разнокалибернаго люда, въ ватаги стали

идти жители главнымъ образомъ Екатеринославской, Херсонской, Таврической и др. ближайшихъ губерній, а также Кубанской области и Донскаго войска. Забродъ становится заурядною обыкновенною спеціальностію; а полу-историческій типъ забродчика-удальца отодвигается все далѣе и далѣе въ глубь сѣдой старины.

3. АРТЕЛИ ЗАПОРОЖСКИХЪ ОХОТНИКОВЪ.

На ряду съ чумацкими и забродческими ватагами въ южной Россіи издавна существовали и другія древнѣйшія формы типа Запорожской Сичи. Къ числу такого рода формъ можно отнести артели запорожскихъ охотниковъ. Къ сожалѣнію, послѣдующая жизнь южной Россіи не оставила ни малѣйшихъ слѣдовъ отъ этихъ артелей. Объ охотничьихъ артеляхъ не сохранилось даже воспоминаній. И только нѣкоторые уцѣлѣвшіе древніе акты письменности даютъ кое-какія понятія о нихъ.

Дѣло въ томъ, что въ послѣднее столѣтіе южно-русскій край претерпѣлъ весьма существенныя измѣненія, которыя коснулись даже такихъ его особенностей, какъ естественный наружный видъ страны. Тамъ, гдѣ прежде существовали степныя рѣчужки, болота и плавни, теперь можно найдти одни «балки», буераки и впадины. Когда-то пустынный край представляетъ въ настоящее время довольно населенную мѣстность, и не удивительно, поэтому, если человѣкъ измѣнилъ самый характеръ этой мѣстности. Теперь нѣтъ уже тѣхъ степныхъ приволій, какими славился югъ Россіи въ былыя времена, а вмѣстѣ съ исчезновеніемъ этихъ приволій естественно было исчезнуть и

многимъ изъ тѣхъ обытателей животнаго царства, которыми также славился когда-то югъ Россіи. Теперь прежнія приволья испещрены жилыми мѣстами, и тамъ, гдѣ прежде въ изобиліи водились лисицы, олени и др. цѣнные звѣри, господствуютъ лишь одни овражки. Такимъ образомъ благодаря тому обстоятельству, что въ южной Россіи давно исчезли прежніе звѣриные промыслы, вмѣстѣ съ ними безслѣдно исчезли и самыя артели, занимавшіяся этими промыслами.

Судя по историческимъ актамъ XV и XVI в., артели звѣролововъ-охотниковъ принадлежали къ числу древнѣйшихъ артелей южно-руссовъ, такъ какъ онѣ несомнѣнно предшествовали возникновенію Запорожской Сичи. Хотя достаточныхъ указаній относительно внутренней жизни и организаціи этихъ формъ и нѣтъ, но несомнѣнно также, что онѣ отличались такимъ же складомъ, какой легъ въ основу самой Запорожской Сичи. Но о существованіи артелей звѣролововъ въ этой послѣдней остались болѣе подробныя свѣдѣнія.

По словамъ Скальковскаго *), въ Запорожьи существовалъ особый классъ козаковъ, занимавшихся звѣринымъ промысломъ. Это, такъ называемые, «лисичники», т. е. охотники за лисицами. Охотники эти занимались своимъ промысломъ на артельныхъ началахъ, имѣли по обычаю того времени своего отамана и куренное устройство и жили главнымъ образомъ въ Бугогардовской паланкѣ. Такъ какъ куренная организація изображала въ маломъ видѣ организацію самой Сичи, то, слѣдовательно, артели запорожскихъ охотниковъ представляли совершенно однохарактерныя съ забродческими и чумацкими ватагами формы.

*) А. Скальковскій. «Ист. Нов. Сичи», т. 1-й, стр. 234—236.

Лисичники занимались своимъ промысломъ въ теченіе цѣлаго года. Главнымъ мѣстомъ для этого промысла служили обширныя степи Запорожья и, благодаря этому обстоятельству, самыя артели находились въ полнѣйшемъ подчиненіи у Запорожскаго Коша, платя въ войсковой «скарбъ» этого послѣдняго, на церковь, и на ту паланку, въ предѣлахъ которой производилась охота, десятину лисьими мѣхами. Эти же мѣха служили частію тѣхъ подарковъ, которыми запорожцы ежегодно ублажали петербургскій дворъ и придворныхъ. Но главная масса лисьихъ мѣховъ шла въ Крымъ, служа довольно важною отраслью торговли съ этимъ послѣднимъ.

Обыкновенно партія лисичниковъ подъ предводительствомъ искуснаго охотника-вожака отправлялась осенью по берегамъ Буга въ мѣста, изобиловавшія пушнымъ звѣремъ. Здѣсь она рыла землянки и запасалась съѣстными продуктами на зиму, занимаясь самымъ промысломъ въ теченіе только того времени, когда бываютъ годны лисьи мѣха. Покончивши съ охотой, артель отправлялась въ «зимовникъ» какого-нибудь «гарбаря», т. е. кожевника, который и «чинилъ» для артели шкуры. И только обдѣлавши окончательно шкуры, артель производила самый «дуванъ» ихъ между членами.

Тѣ же самые лисичники ловили также зайцевъ, волковъ и даже оленей, которыми изобиловали до 1760 года лѣса Заднѣпровскаго Запорожья. Какъ народъ военный и подчиненный, лисичники часто производили охоты съ спеціальною цѣлію для добычи разнаго рода дичи по требованію высшаго начальства и петербургскаго двора. Но это были, такъ сказать, исключенія въ охотничьемъ промыслѣ, отдѣльные, единичные случаи. Главною задачею запорожскихъ охотниковъ-промышленниковъ было пріобрѣтеніе разнаго рода мѣховъ, и лично для себя охотники

даже не принаравливали охоты къ добычи звѣрей, какъ мясной пищи, питаясь по обыкновенію своею излюбленною кашею и сушенною рыбою. Такой ригоризмъ былъ въ обычаѣ истыхъ запорожцевъ, задавшихся извѣстными опредѣленными цѣлями, и онъ былъ тѣмъ обязательнѣе для запорожца-охотника, что охотничьимъ промысломъ занималась артель, изображавшая собою въ маломъ видѣ «мать Запорожскую Сѣчь».

4. ОБЩЕСТВО ДНѢПРОВСКИХЪ ЛОЦМАНОВЪ.

I.

Ниже города Екатеринославля, у пороговъ Днѣпра, и до настоящаго времени существуетъ еще нѣсколько селеній, населенныхъ особеннымъ сословіемъ — такъ называемыми днѣпровскими лоцманами. Обязанности этихъ лоцмановъ состоятъ въ проводѣ чрезъ пороги проходящихъ по Днѣпру судовъ, а самое основаніе ихъ общества въ настоящемъ его видѣ положено еще при Екатеринѣ Второй. Давая настоящую организацію обществу днѣпровскихъ лоцмановъ, Екакатерина въ сущности только видоизмѣнила нѣсколько то, что существовало уже съ болѣе отдаленныхъ временъ. Начало существованія нынѣшняго лоцманскаго промысла у пороговъ Днѣпра положили собственно запорожцы.

Играя роль посредника между Крымомъ, съ одной стороны, и Малороссіей и Польшей, съ другой, Запорожская Сичь вела свою торговлю и направляла торговые транспорты двумя путями—сухимъ путемъ, чрезъ чумаковъ, и по Днѣпру. Не смотря на то, что главная масса

товаровъ шла первымъ путемъ, Днѣпръ игралъ также роль важнаго торговаго пути. Этимъ путемъ запорожцы вели главнымъ образомъ свою внутреннюю торговлю, которая производилась сначала съ Малороссіею вообще, а послѣ и съ Ново-Сербіею. По Днѣпру шли въ Запорожье такіе продукты и товары, какъ водка, хлѣбъ и разнаго рода съѣстные припасы, табакъ, нити на невода, рыболовныя сѣти, полотна, простыя сукна и пр. Всѣ эти товары или обмѣнивались въ послѣдней Запорожской Сичи на соль, на турецкіе бакалѣйные товары и вино, въ особенности же на овечью шерсть и «смушки», главные предметы собственно запорожскаго хозяйства, или же просто продавались на деньги, которыми всегда были богаты запорожцы. Такъ какъ идущіе въ Сичь Днѣпромъ товары и продукты должны были проходить чрезъ пороги, лежавшіе выше Запорожской Сичи; то для предупрежденія опасностей на порогахъ запорожцы назначали изъ среды своей искусныхъ и опытныхъ лоцмановъ, которые и проводили чрезъ днѣпровскіе пороги отправлявшіяся въ Сичь по Днѣпру суда. Какъ и вездѣ, гдѣ запорожцы прилагали къ дѣлу не единоличный трудъ и оказывали услуги массою, они и здѣсь придали лоцманскому промыслу извѣстную артельную организацію. Здѣсь произошло точно то же, что наложило особенный отпечатокъ на чумачество и рыбный или соляной промыслы: — запорожцы придали труду артельную организацію въ духѣ своей матери Запорожской Сичи.

Существенныя черты лоцманской запорожской организаціи состояли въ томъ, что она имѣла во главѣ отамана и ставила въ извѣстныя соподчиненныя отношенія къ нему остальныхъ членовъ. Она, слѣдовательно, носила характеръ служебной артели и, подобно чумацкимъ, рыболовнымъ или охотничьимъ ватагамъ, не лишена была

нѣкоторыхъ чисто военныхъ дисциплинарныхъ правилъ и обыкновеній. Въ этомъ отношеніи она даже нѣсколько отличалась отъ другихъ однохарактерныхъ съ нею формъ. Тогда какъ организація этихъ послѣднихъ (напр. чумацкихъ валокъ и забродческихъ ватагъ), и комплектованіе въ нихъ членовъ были совершенно добровольнымъ дѣломъ самыхъ членовъ, — въ лоцманскую артель участники прямо назначались Сичью. Лоцмановъ Кошъ обыкновенно избиралъ каждый годъ преимущественно изъ козаковъ Кодацкой паланки. Самые опытные изъ лоцмановъ жили съ своими семействами въ Каменкѣ, селеніи, лежавшемъ ниже нынѣшняго Екатеринославля и выше днѣпровскихъ пороговъ, отчего и самое селеніе получило впослѣдствіи названіе Лоцманской Каменки.

Лоцманское дѣло всегда было дѣломъ не только труднымъ, но и крайне опаснымъ, требующимъ значительной отваги, энергіи, стойкости и выдержки. Лоцманами, поэтому, всегда были люди не только ловкіе и опытные, но и твердые, съ непоколебимымъ характеромъ и волею. Самые запорожцы чрезвычайно дорожили этими качествами въ лоцманахъ, и на столько вообще цѣнили ихъ услуги, что совершенно освобождали ихъ отъ всякихъ повинностей по войску за все то время, пока они исполняли лоцманскія обязанности.

Въ самомъ дѣлѣ, нужно было имѣть значительную силу воли, чтобы проводить суда чрезъ опасные днѣпровскіе пороги, особенно во времена половодія и чрезъ такія мѣста, какъ Ненасытенскій порогъ. «Эти люди, говоритъ Скальковскій, среди скалъ, кипячихъ волнъ разъяреннаго Днѣпра, съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ, перекрестясь, пускались съ огромными дубами (лодками) или плотами въ самый центръ пучины, и если не погибали сами, то вѣрно судно или плотъ, ими управляемый, доходилъ въ

цѣлости до самыхъ Кичкасъ (находившихся у Хортицкаго острова или вблизи нынѣшняго г. Александровска, Екатеринославской губерніи), даже до Сичи, которая была уже за порогами. Надобно видѣть Ненасытенскій порогъ въ концѣ апрѣля или даже въ маѣ, чтобы судить объ искусствѣ и самоотверженіи этихъ лоцмановъ» *). Однимъ словомъ, и тогдашніе, какъ теперешніе днѣпровскіе лоцмана, были людьми отваги, опыта и самоотверженія. Этихъ качествъ отъ нихъ требовало, конечно, само дѣло и собственно артельная организація лоцмановъ тутъ была ни причемъ. Она служила регулирующимъ началомъ только въ ихъ жизненныхъ отношеніяхъ.

Позже, когда была совершенно уничтожена Запорожская Сичь, днѣпровскіе лоцманы, освободившись отъ зависимости отъ этой послѣдней, представляли совершенно самостоятельную общину, живя тѣмъ не менѣе старыми запорожскими порядками и традиціями. Въ такомъ, покрайней мѣрѣ видѣ нашла лоцманское населеніе Екатерина Вторая во время своей шумной поѣздки по Новороссійскому краю. Во время этой поѣздки, по приказанію Екатерины, вольная лоцманская община и была снова обращена въ служебную, съ удержаніемъ, съ одной стороны, запорожской организаціи, и подчиненіемъ, съ другой, администраціи. Дѣло было такимъ образомъ.

II.

Въ 1787 году, въ маѣ мѣсяцѣ, Екатерина Вторая спустилась на особой флотиліи по Днѣпру изъ Кіева въ возникавшій только тогда Екатеринославъ. Отсюда фло-

*) А. Скальковскій «Ист. Нов. Сичи» т. 1-й, стр. 292 и 293.

тилія должна была двинуться дальше внизъ по Днѣпру черезъ пороги. Въ то время плывущія черезъ пороги суда проводились вольными новокодакскими и каменскими лоцманами. Этимъ-то, лоцманамъ любимецъ Екатерины, всесильный Потемкинъ, и поручилъ провести царскія суда черезъ пороги. Екатерина лично наблюдала съ берега за проводомъ судовъ и была поражена ловкостью, искусствомъ и неустрашимостью проводниковъ. Когда суда были благополучно спущены чрезъ пороги, она потребовала къ себѣ всѣхъ лоцмановъ, и тутъ же старшаго изъ нихъ произвела въ поручики, его тринадцатилѣтняго сына въ прапорщики, а изъ всѣхъ остальныхъ приказала «составить особую (?) общину днѣпровскихъ лоцмановъ»*), спеціально предназначенныхъ проводить всѣ проходящія чрезъ Днѣпровскіе пороги суда. Потемкинъ не замедлилъ привести въ исполненіе это приказаніе, освободивши вошедшихъ въ общину лицъ отъ всѣхъ повинностей. Такимъ именно образомъ и была преобразована вольная община днѣпровскихъ лоцмановъ въ служебную, при чемъ самые лоцманы составили нѣчто въ родѣ служебнаго государственнаго сословія, чѣмъ впрочемъ, благодаря неизбѣжной при этомъ ломкѣ обычной жизни и отношеній лоцмановъ, была оказана имъ далеко не благодѣтельная услуга.

Днѣпровскіе лоцманы живутъ, главнымъ образомъ, въ селѣ Лоцманской Каменкѣ и въ меньшинствѣ въ другихъ приднѣпровскихъ селеніяхъ, расположенныхъ у пороговъ. Въ 1862 году Павловичъ насчитывалъ въ средѣ лоцманскаго населенія 1.322 души мужскаго и 1.330 женскаго

*) В. Павловичъ. «Матеріалы для геор. и стат. Россіи». За неимѣніемъ подъ руками другихъ болѣе позднѣйшихъ свѣдѣній относительно настоящаго положенія днѣпровскихъ лоцмановъ, мы ограничиваемся здѣсь свѣдѣніями изъ книги Павловича, изданной въ 1862 году.

пола. Все мужское населеніе непремѣнно должно нести лоцманскія обязанности. Еще молодымъ парнемъ лоцманъ поступаетъ на службу и потомъ служитъ до тѣхъ поръ, пока позволяютъ ему силы. Только старость, дряхлость и увѣчья избавляютъ его отъ несенія лоцманской службы.

Лоцманы—тѣ же крестьяне, имѣющіе свою землю, занимающіеся хлѣбопашествомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ спеціально исполняющіе лоцманскую повинность и пользующіеся, въ силу этого, нѣкоторыми привиллегіями. Подобно тому, какъ и другія малорусскія сельскія общества, они имѣютъ свою «громаду», коллективное юридическое лице. Громада эта и заправляетъ обыкновенною общественною жизнію лоцмановъ. Она же избираетъ и старшаго изъ лоцмановъ—отамана. Но дѣятельность лоцманской громады нѣсколько ограниченнѣе обыкновенныхъ сельскихъ громадъ. Главнымъ заправляющимъ органомъ у лоцмановъ служитъ такъ называемая лоцманская контора, состоящая изъ членовъ и отамана и зависящая отъ особаго начальника изъ губернской администраціи.

Такимъ образомъ, въ организаціи лоцмановъ перемѣшано обыкновенное сельское устройство съ административнымъ управленіемъ конторы, при чемъ въ основѣ всего лежитъ типическая форма запорожской организаціи съ отаманомъ во главѣ. Самые лоцманы по степени своей опытности и искуства дѣлятся на три разряда. Къ первому разряду принадлежатъ старѣйшіе и опытнѣйшіе изъ нихъ, проводящіе чрезъ пороги барки и другія болѣе или менѣе большія и цѣнныя суда. Второй разрядъ лоцмановъ занимается главнымъ образомъ проводовъ плотовъ. Наконецъ, въ третій разрядъ зачисляются всѣ тѣ изъ лоцмановъ, которымъ общество не довѣряетъ никакой самостоятельной работы при проводѣ судовъ. Лоцманы этого разряда играютъ роль помощниковъ по отношенію къ лоцманамъ

первыхъ двухъ разрядовъ. Это — преимущественно не опытная еще молодежъ. Переходъ изъ третьяго разряда во второй и изъ втораго въ первый, поэтому, обусловливается пріобрѣтеніемъ опытности и навыка въ дѣлѣ молодыми лоцманами, и мало зависитъ отъ возраста.

Опытность и навыкъ дѣйствительно много значатъ въ лоцманскомъ дѣлѣ. Отъ умѣнья и личныхъ качествъ лоцмана зависятъ цѣлыя имущества разныхъ лицъ и жизнь лѣсопромышленниковъ и судорабочихъ. Вотъ какъ Павловичъ обрисовываетъ днѣпровскаго лоцмана:

«Лоцманъ — тотъ же малороссъ, но съ дѣтства привыкшій къ опасностямъ, и потому самый наружный видъ его выражаетъ отвагу и нѣкоторую гордость. Идетъ онъ быстро и держится прямо; въ немъ не замѣтно той неловкости, которую видимъ у его единоплеменниковъ, потому что онъ привыкъ къ быстротѣ движеній во время переправы черезъ пороги, гдѣ иногда отъ одного мгновенія зависитъ участь барки и жизнь людей. Онъ развязенъ и ловокъ, и на волѣ, въ своей сферѣ, принимаетъ иногда очень живописныя позы. Нравственность у лоцмановъ прекрасная и въ отношеніяхъ между собою замѣтна нѣкоторая мягкость» *).

Обыкновенно каждое судно, идущее внизъ по Днѣпру, останавливается у Лоцманской Каменки. Здѣсь лоцманы предварительно осматриваютъ судно, опредѣляютъ его крѣпость и осадку въ водѣ и затѣмъ, смотря по величинѣ судна, наряжаютъ одного или двухъ лоцмановъ: на большія суда по два, на меньшія и плоты по одному. Взявшій на свою отвѣтственность судно или плотъ, лоцманъ обязуется провести его совершенно цѣлымъ

*) Тамъ же стр. 271.

и невредимымъ чрезъ всѣ пороги за Вильный, послѣдній порогъ, включительно, за что и получаетъ извѣстную положенную плату.

Такъ какъ въ годъ чрезъ пороги проходитъ среднимъ числомъ не менѣе 1000 судовъ и барокъ, то казалось бы, что днѣпровскіе лоцманы живутъ обезпечено, тѣмъ болѣе, что, кромѣ того, они занимаются хлѣбопашествомъ. Однако, на дѣлѣ положеніе лоцмановъ, по словамъ Павловича, оказывается далеко незавиднымъ. Дѣло въ томъ, что время провода судовъ черезъ пороги совпадаетъ съ временемъ полевыхъ работъ. Земледѣльческое хозяйство лоцмановъ ведется такимъ образомъ при урывчатомъ и плохомъ участіи самыхъ хозяевъ, и поэтому, находится вообще въ упадкѣ. А между тѣмъ изъ тѣхъ денегъ, которыми оплачивается трудъ лоцмановъ, лоцманы получаютъ только часть и при томъ относительно незначительную; другая же, болѣе значительная чать заработковъ поступаетъ въ лоцманскую кассу для приращенія процентовъ и расходуется на общественныя нужды и потребности лоцманскаго общества. Одни только подарки отъ судохозяевъ составляютъ неотъемлимую собственность лоцмановъ, и эти подарки значительно поддерживаютъ экономическое положеніе лоцмановъ.

Бываютъ, впрочемъ, у нѣкоторыхъ днѣпровскихъ лоцмановъ и другія чисто лоцманскія занятія, дающія довольно существенныя выгоды. Иногда лоцманъ, пользующійся особенною популярностью и довѣріемъ между сплавщиками лѣса, вмѣстѣ съ лоцманскими обязанностями принимаетъ на себя обязанности обыкновеннаго рядчика, условливающагося за извѣстную плату доставить плотъ до лежащихъ за порогами Кичкасъ или Никополя. Это бываетъ позднимъ лѣтомъ, въ то время, когда плаваніе судовъ по причинѣ мелководія прекращается по старому,

такъ называемому, козацкому ходу и совершается по обходнымъ каналамъ. Въ такомъ случаѣ подрядившійся лоцманъ набираетъ въ качествѣ совершенно самостоятельнаго рядчика партію изъ другихъ лоцмановъ, получающихъ уже собственно отъ него условную плату, разбиваетъ большой плотъ на мелкіе — такъ называемые «тарки», и въ такомъ видѣ доставляетъ лѣсъ до условленнаго мѣста. Но не смотря на то, что эти частныя занятія оплачиваются довольно высоко, главныя выгоды остаются въ карманѣ лоцмана-рядчика; другіе же, побочные его помощники, въ сущности мало выигриваютъ, — значитъ, и экономическій бытъ большинства, лоцманской массы, хотя и не находится отъ этого въ зависимости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не улучшается особенно.

Такова-то въ общихъ чертахъ организація и положеніе общества двѣпровскихъ лоцмановъ. Собственно говоря, организація эта составляетъ нѣчто среднее между общиной и артелью. Но тотъ фактъ, что она произошла путемъ прямаго пріемственнаго развитія отъ древнихъ артельныхъ формъ Запорожья и самый современный характеръ ея ставятъ ее въ разрядъ артельныхъ формъ, организуемыхъ по типу Запорожской Сичи.

5. АРТЕЛИ ДНѢПРОВСКИХЪ РѢЧНЫХЪ РАБОЧИХЪ И МАТРОСОВЪ.

Рядомъ съ лоцманскимъ промысломъ на Днѣпрѣ существуетъ и другой рѣчной промыселъ, состоящій въ сплавкѣ разнаго рода рѣчныхъ судовъ и перевозкѣ клади и зерноваго хлѣба не только по Днѣпру, но даже и въ Одессу. Промыселъ этотъ организуется, если и не всегда,

то все-таки довольно часто на артельныхъ началахъ, и артельныя формы, положенныя въ его основаніе, при всемъ ихъ несовершенствѣ и искаженности, все-таки принадлежатъ къ одному, общему съ лоцманской организаціею, типу артелей.

По Днѣпру плаваютъ слѣдующія, между прочимъ, суда, на которыхъ можно встрѣчать артели рабочихъ, утратившія, впрочемъ, свой строго артельный характеръ: во первыхъ, баркасы, имѣющіе въ длину до 20 сажень слишкомъ и въ ширину до $17^1/_2$ саж., а въ осадкѣ отъ 2 до $2^1/_2$ аршинъ. Суда этого рода поднимаютъ до 30 тыс. пудовъ клажи, но бываютъ между ними и такія, которыя поднимаютъ всего около 15 тыс. пудовъ. Во вторыхъ, берлинки, суда, ходящія иногда на парусахъ. Берлинки бываютъ отъ 12 до 20 саж. въ длину, отъ $2^1/_2$ до $3^1/_2$ саж. въ ширину и отъ 2 до 3 аршинъ въ осадкѣ, причемъ поднимаютъ клажи отъ 4 до 7 тыс. пудовъ. Въ третьихъ, байдаки, имѣющіе отъ 15 до 20 саж. въ длину, отъ 2 до 4 саж. въ ширину, до 2 арш. въ высоту и около $1^1/_2$ арш. въ осадкѣ. Байдаки поднимаютъ до 14 тыс. пудовъ. Наконецъ, въ четвертыхъ, разнаго рода мелкія суда: полубайдаки, рѣчные дубы, поднимающіе всего отъ 700 до 2000 пудовъ клажи и т. д.

Сообразно съ величиною рѣчнаго судна на немъ бываетъ то или другое количество рабочихъ. На самыхъ мелкихъ судахъ ихъ бываетъ около трехъ только человѣкъ, но на среднихъ и большихъ, численный составъ рабочихъ значительно возрастаетъ. Такъ бываютъ суда, гдѣ количество рабочихъ доходитъ отъ 15 до 20 человѣкъ. На такихъ судахъ и можно именно встрѣчать нѣкоторое подобіе той артельной организаціи, необходимымъ членомъ которой считается батько-отаманъ.

Характеристическая черта артельной организаціи заключается въ томъ, что организація эта представляетъ одну внѣшнюю форму безъ соотвѣтствующаго внутренняго содержанія. Въ составъ ея входитъ обыкновенно лоцманъ или отаманъ, кухарь или кашеваръ и по нѣскольку человѣкъ, стоящихъ въ одномъ и томъ же положеніи рабочихъ. Между отаманомъ и остальными членами бываютъ установлены извѣстнаго рода обычныя отношенія, выражающіяся въ раздѣленіи труда и въ очередныхъ работахъ, но — и только. И отаманъ, и рабочіе — всѣ они одинаково слуги нанявшаго ихъ судохозяина, всѣ они соединены вмѣстѣ интересами совершенно сторонняго имъ лица, и если представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ рабочей артели, то только потому, что между рабочими оказываются живучими историческія традиціи малороссa о былой артельной организаціи ихъ предшественниковъ, и что примѣненіе къ дѣлу этой традиціонной организаціи во всякомъ случаѣ представляетъ несомнѣнныя выгоды обѣимъ сторонамъ — и хозяину, и рабочимъ.

Поэтому, и самое матеріальное обезпеченіе такихъ рабочихъ бываетъ различно въ одной и той же артели. Отаманъ обыкновенно получаетъ плату въ пять или шесть разъ большую, чѣмъ рядовой рабочій. Такъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ отаману судохозяева платили, напримѣръ, отъ 60 до 150 рублей за все время навигаціи, а между тѣмъ обыкновенный рабочій за то же время получалъ всего какихъ-нибудь 12 или 15 рублей.

Въ такомъ покрайней мѣрѣ положеніи были артели екатеринославскихъ рѣчныхъ рабочихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ по словамъ Павловича, изъ книги котораго «Матеріалы для географіи и статистики Россіи» мы заимствовали вышеприведенныя данныя.

Нѣсколько непохожія на предыдущія свѣдѣнія относительно рѣчныхъ рабочихъ или, вѣрнѣе, матросовъ (такъ какъ они перевозятъ зерно на судахъ и въ Одессу), Днѣпровскаго уѣзда, Таврической губерніи, передаетъ Зеленкевичъ *). Свѣдѣнія эти также относятся къ началу семидесятыхъ годовъ.

По словамъ Зеленкевича, на дубахъ и на разнаго рода судахъ, какъ-то: трамбовкахъ, шкунахъ и бригахъ, полагается обыкновенно отъ 4 до 8 человѣкъ матросовъ. Матросы бываютъ двухъ родовъ: сроковые, нинимаемые на все время навигаціи, и такъ называемые пайщики. Послѣдніе и составляютъ въ союзѣ съ хозяиномъ судна или шкиперомъ нѣчто въ родѣ артелей, напоминающихъ своею организаціею забродческія ватаги. Участіе этихъ матросовъ въ артельныхъ выгодахъ опредѣляется тѣми преимуществами, которыя они имѣютъ на своей сторонѣ предъ обыкновенными сроковыми рабочими при дѣлежѣ общей валовой выручки всего судна. Независимо отъ того, какова бываетъ величина перевозной платы въ разное время навигаціи, она обыкновенно распредѣляется такимъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на суднѣ бываютъ пайщики: одна часть общей валовой выручки идетъ на хозяина судна, который бываетъ большею частію и шкиперомъ, другая распредѣляется равномѣрно по числу душъ между всѣмъ экипажемъ. Хозяинъ въ качествѣ шкипера-работника также беретъ свою часть, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ набавляетъ на долю каждаго пайщика отъ трехъ до пяти рублей за каждый перевозный рейсъ. Такая-то доля съ хозяйскою надбавкою и называется паемъ, а получающіе ее—пайщиками. Если на суднѣ, кромѣ пайщиковъ, бы-

*) Зеленкевичъ, «Сѣверное побережье Днѣпр. уѣзда», 1863 г.

ваютъ сроковые матросы, то приходящіяся на нихъ части хозяинъ удерживаетъ у себя, а съ самыми матросами расплачивается по уговорной срочной платѣ. Ремонтировка судна производится на хозяйскій счетъ, а маклерскіе и всѣ другіе расходы падаютъ на общую валовую выручку. Наконецъ, за норму фрактовой платы бралась плата отъ Херсона до Одессы, при чемъ весенній фрахтъ оплачивался 18—25 копѣйками съ четверти или по 3 копѣйки съ пуда и осенній не выше 45 коп. съ четверти и до 6 коп. съ пуда.

Такимъ образомъ, на основаніи тѣхъ краткихъ свѣдѣній, которыя мы заимствовали у Павловича и Зеленкевича, можно заключить, что артельныя формы рѣчныхъ рабочихъ и матросовъ въ низовьяхъ Днѣпра представляли одно изъ двухъ: это были или разлагавшіяся артельныя формы, носившія въ болѣе отдаленное время и болѣе совершенный видъ, или же такія формы, которымъ предстояло еще развиться въ болѣе совершенныя впослѣдствіи. Каково положеніе этихъ формъ въ настоящее время, — намъ близко не извѣстно. Но мы тѣмъ не менѣе можемъ констатировать тотъ фактъ, что къ экипажамъ судовъ, перевозящихъ изъ днѣпровскихъ пристаней въ Одессу зерновой хлѣбъ, артельное начало примѣняется безъ всякаго сомнѣнія, и что самая артельная организація въ такихъ случаяхъ носитъ несомнѣнные слѣды того типа артелей, представителемъ котораго можно считать Запорожскую Сичь. Значитъ, можно предположить съ нѣкоторою вѣроятностію, что организація этого рода привилась здѣсь во всякомъ случаѣ чисто традиціоннымъ путемъ, путемъ обычая, имѣвшаго мѣсто въ народной жизни въ болѣе отдаленныя отъ насъ времена.

6. АРТЕЛИ МАЛОРУССКИХЪ ТОРГОВЦЕВЪ-ХОДЕБЩИКОВЪ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной Россіи до сихъ поръ еще можно встрѣчать мелкихъ скупщиковъ щетины, стараго мѣднаго лому и пр. Это потомки малорусскихъ «крамарей»-ходебщиковъ, игравшихъ въ крестьянской торговлѣ довольно важную роль въ былыя времена, потомки, большею частію совсѣмъ утратившіе обыкновеніе разносить между сельскимъ населеніемъ разнаго рода мелкіе товары, какъ дѣлаютъ это и теперь еще великорусскіе коробейники и офени. Нерѣдко нѣкоторые изъ нихъ, напр. щетинники организуются даже въ артели по обычаю своихъ предковъ. Въ чемъ состоятъ отличительныя черты такихъ артелей — намъ не извѣстно; но относительно прежнихъ «крамарей»-ходебщиковъ въ статьѣ Аксакова «Объ украинскихъ ярмаркахъ» есть нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, на основаніи которыхъ артели этихъ мелкихъ украинскихъ торгашей можно отнести къ типу артелей Запорожской Сичи. Мы заимствуемъ эти свѣдѣнія у Калачева *).

Аксаковъ описываетъ артели жителей мѣстечка Рашевки, Черниговской губерніи, организуемыя преимущественно изъ козаковъ. Въ составъ такихъ артелей входитъ отъ 6 до 10 человѣкъ. Во главѣ артели стоитъ обыкновенно выбранный артелью отаманъ, который собственно и служитъ главнымъ артельнымъ воротилою. На капиталъ, образуемый артелью въ складчину, онъ забираетъ у какого-нибудь купца извѣстное количество игольнаго товара, а иногда беретъ въ займы деньги на честное слово

*) Н. Калачевъ, «Артели въ древн. и южной Россіи», стр. 39 и 40.

безъ всякой росписки. Уплативши подати за свою и семьи своихъ сотоварищей и запасшись паспортами, отаманъ распредѣляетъ часть товара и извѣстное количество денегъ между членами артели, опредѣляетъ съ общаго согласія мѣсто, гдѣ артель должна производить распродажу товара, а также срокъ и пунктъ для сбора всей артели. Вслѣдствіе этого вся артель расходится въ разныя стороны по разнымъ дорогамъ. Обыкновенные члены артели идутъ пѣшкомъ съ котомками или коробками за плечами, а отаманъ съ остальнымъ товаромъ и деньгами отправляется въ телегѣ прямо на сборный пунктъ.

«Крамари» въ большинствѣ случаевъ мѣняютъ свои товары на разнаго рода продукты крестьянскаго хозяйства — на щетину, перья, пухъ, старый мѣдный ломъ, восчину, шкурки и пр., и весьма рѣдко продаютъ свои товары или покупаютъ крестьянское сырье на деньги. Въ назначенное время всѣ крамари сходятся на сборное мѣсто. Здѣсь каждый изъ нихъ даетъ отаману отчетъ въ деньгахъ и сдаетъ вымѣнянныя вещи отаману на руки; тутъ-же свидѣтельствуется и оставшійся въ наличности товаръ у каждаго крамаря. Смотря по количеству распроданнаго товара и другимъ обстоятельствамъ, отаманъ дѣлаетъ заключеніе о томъ, кто изъ крамарей велъ исправно дѣло и кто нѣтъ. Если кто окажется виновнымъ въ плохомъ веденіи дѣла отъ небрежности, отъ пьянства и пр., то надъ виновнымъ тутъ-же производится общій судъ и расправа. Если-же все дѣло велось съ успѣхомъ и ожидаемые барыши значительны, то общіе расчеты заканчиваются магарычемъ. Потомъ артель снова разбираетъ у отамана товаръ частями, снова назначается срокъ распродажи и сборный пунктъ и снова артель движется далѣе впередъ.

Такимъ образомъ артель доходитъ до азовскаго побережья, время отъ времени смыкаясь и снова размыкаясь,

то превращаясь въ одно цѣльное товарищество, производящее судъ и расправу надъ своими членами, то распадаясь на отдѣльныя, самостоятельно дѣйствующія лица. Но не всѣ артели путешествуютъ такъ далеко. Нѣкоторыя изъ нихъ торгутъ только въ Кіевской губерніи, другія пробираются въ Херсонскую губернію, дѣлая свои походы раза по два или по три въ годъ. Тѣ изъ артелей, которыя отправляются къ азовскому побережью, въ Черноморію и даже далѣе Черноморіи на Линію, проводятъ въ странствованіи около года.

Когда бываетъ промѣнянъ весь товаръ артели, крамари, нагрузивши телегу сырьемъ и вымѣнянными вещами, возвращаются домой. Здѣсь отаманъ сдаетъ купцу, снабдившему артель деньгами и товаромъ, все вымѣнянное артелью. Расчетъ ведется по существующимъ цѣнамъ, при чемъ купецъ вычитываетъ изъ общей цѣнности товара ту сумму, которою онъ снабдилъ раньше артель, а за остальной товаръ уплачиваетъ наличными деньгами, но за самую ссуду онъ никогда не беретъ процентовъ. Тогда производится уже распредѣленіе доходовъ между всѣми членами артели. Сдѣлавши вычетъ изъ этихъ доходовъ въ количествѣ той суммы, какая была внесена артелью въ складной капиталъ, и раздавши каждому члену столько, сколько онъ вносилъ, артель дѣлитъ всю выручку на равные паи между всѣми членами. Одинъ отаманъ представляетъ исключеніе въ этомъ отношеніи. Онъ беретъ обыкновенно два пая, но только одинъ на себя, а другой за лошадь и повозку. Въ это же время производятся съ общаго согласія артели и тѣ вычеты, которые налагаетъ артель на нерадивыхъ членовъ въ формѣ штрафа. Всѣ эти расчеты оканчиваются въ одинъ день. Въ заключеніе устраивается пирушка, и артель прекращаетъ свое существованіе.

АРТЕЛИ ПЕРЕХОДНО-СМѢШАННАГО ТИПА.

1. КРЫМСКІЯ СОЛЕПРОМЫШЛЕННЫЯ АРТЕЛИ.

Крымскій соляной промыселъ или, вѣрнѣе, собственно Перекопскія соляныя озера издавна служили мѣстомъ, откуда получали соль не только южноруссы, но даже и жители другихъ, лежащихъ въ болѣе внутреннихъ частяхъ Россіи мѣстностей. Вотъ почему самая исторія этого промысла издавна имѣла нѣкоторое отношеніе къ судьбамъ южно-русскаго племени. Съ этимъ промысломъ было тѣсно связано такое оригинальное и выдающееся явленіе въ жизни малорусскаго народа, какъ чумачество. Онъ же, этотъ промыселъ, составлялъ одинъ изъ видныхъ предметовъ въ экономической жизни Запорожскаго войска. Вполнѣ естественно, поэтому, что и къ соляному промыслу, какъ напр., къ рыбному, южноруссы съ раннихъ поръ должны были приложить артельное начало. Артельныя формы труда были необходимы не только въ интересахъ успѣшности дѣла, но и въ виду гарантіи этого дѣла отъ разныхъ чисто внѣшнихъ случайностей, какія были неизбѣжны въ тогдашнія военныя времена. Естественное влеченіе людей къ ассоціаціи съ подобными себѣ

существами и выгоды артельнаго труда служили внутренними причинами для организаціи артелей, а внѣшнія неблагопріятныя обстоятельства должны были вліять на самый характеръ этой организаціи.

Есть вполнѣ резонное основаніе предполагать, что въ то время, когда Крымъ принадлежалъ татарамъ, южнорусскіе солепромышленники не только производили свой промыселъ на артельныхъ началахъ, но и самымъ артельнымъ формамъ придавали характеръ, общій съ другими тогдашними артелями, какими были чумацкія валки или забродческія ватаги. На это именно указываетъ то обстоятельство, что промыселъ этотъ находился въ рукахъ частію запорожцевъ, а частію вообще чумаковъ. И тѣ, и другіе были людьми на столько же предпріимчивыми и промышленными, на сколько и воинственными. И тѣ, и другіе типическою формою артельной организаціи считали полувоенную артель съ отаманомъ во главѣ.

Въ исторіи есть положительныя письменныя указанія на то, что еще въ XVI и XVII стол. южно-русское козачество вело близкія торговыя сношенія съ Крымомъ и что главнымъ предметомъ вывоза изъ этого послѣдняго была соль. Запорожская Сичь играла въ этихъ сношеніяхъ довольно видную роль, а чумачество служило единственнымъ двигателемъ торговли. Запорожцы были охранителями этихъ торгово-промышленныхъ сношеній и вмѣстѣ прямыми участниками въ нихъ. Они не только посылали свои чумацкія валки и людей для добычи и привоза соли, но и служили посредниками въ торговлѣ между Крымомъ и южной Россіей вообще, пользуясь всѣми выгодами транзита. Они устраивали и содержали мосты и перевозы для польскихъ, козацкихъ и малороссійскихъ чумацкихъ ватагъ. Но, конечно, и запорожцы, и чумаки существенно важную роль по отношенію къ солепромышленности играли потому,

что непосредственно участвовали въ добычѣ соли, въ самомъ производительномъ процессѣ. А разъ это было— трудно предположить, чтобы это дѣло обошлось безъ организаціи и при томъ огранизаціи въ духѣ Запорожской Сичи. Чумацкія ватаги такъ именно и были организованы и, значитъ, онѣ добывали соль на совершенно артельныхъ началахъ, а запорожцы обыкновенно не дѣлали ни одного шагу en masse безъ того, чтобы не приложить къ дѣлу артельное начало.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на все это, тѣ артели, на которыхъ держится вся промышленность на крымскихъ соляныхъ озерахъ въ настоящее время, повидимому, имѣютъ мало общаго въ своей организаціи съ артелями типа Запорожской Сичи. Дѣло въ томъ, что крымскія солепромышленныя артели пошли путемъ историческаго прогрессивнаго развитія и видоизмѣненія, вслѣдствіе чего и стали значительно разниться съ когда-то однохарактерными съ ними формами типа Запорожской Сичи, формами отживающими.

Малорусскія артели крымскихъ солепромышленныхъ рабочихъ собираются въ концѣ іюля, передъ «спасовкой» и комплектуются непремѣнно на мѣстѣ. Самый процессъ ихъ комплектованія довольно простъ и не представляетъ ничего особеннаго. Организаторомъ артели является большею частію тотъ, кто беретъ съ собою на солепромышленныя работы лошадь и повозку. Такимъ лицемъ бываетъ обыкновенно опытный и бывалый рабочій. Въ назначенное время онъ слаживаетъ свою повозку, съ неизбежной «кибиткой», и «подговариваетъ» сотоварищей. Когда такимъ образомъ найдется потребное для артели число желающихъ отправиться «на соляні озера», общимъ своимъ рѣшеніемъ они выбираютъ изъ среды своей артельщика и «кухаря», т. е. кашевара. Первымъ въ громадномъ большинствѣ

случаевъ бываетъ самъ огранизаторъ, хозяинъ лошади и повозки; второй избирается, сообразно съ общимъ желаніемъ и репутаціею избираемаго. Но бываютъ случаи, когда рабочіе выбираютъ артельщикомъ и другаго какого-нибудь своего сочлена, по мимо того, который беретъ съ собою на озера лошадь и повозку. Какъ-бы тамъ ни было, впрочемъ, а артельщикъ и кухарь бываютъ единственными должностными лицами во всей артели.

Организовавши подобнымъ образомъ артель, рабочіе отправляются всѣ вмѣстѣ на озера. Обычай требуетъ, чтобы каждый участвующій въ артели рабочій внесъ опредѣленную плату хозяину повозки за провозъ вещей до мѣста работъ. Будетъ ли при этомъ хозяиномъ повозки артельщикъ или обыкновенный рабочій — это совершенно безразлично; плата въ обоихъ случаяхъ полагается. Такою платою, напр., для артелей Днѣпровскаго уѣзда Таврической губерніи, всегда бываетъ рубль. Но артель во время пути нельзя еще считать окончательно организовавшеюся. Въ ней еще нѣтъ общихъ работъ и не существуетъ, поэтому, никакихъ общихъ артельныхъ затратъ и нуждъ. Артель кормится пока своими домашними харчами, лошадь содержится на счетъ хозяина, и ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не существуетъ никакихъ общихъ артельныхъ счетовъ.

По прибытіи на озера артель договаривается съ тѣмъ или другимъ солепромышленникомъ относительно тѣхъ условій, на которыхъ она берется выволакивать соль. Случается, что артель идетъ прямо на готовыя условія. Въ такомъ случаѣ солепромышленникъ имѣетъ дѣло раньше съ артельщикомъ. Если при этомъ требуется сдѣлать «басины», т. е. закопы для удержанія на извѣстномъ пространствѣ солянаго раствора — «ропы», то это и составляетъ первыя, предварительныя работы артели. Но

«басины», если только онѣ бываютъ необходимы, устроиваются солепромышленниками большею частію до прихода на мѣсто работъ артелей при посредствѣ поденщиковъ. Артели являются уже на все готовое, и почти всегда немедленно приступаютъ къ выволочкѣ соли. Обычай требуетъ, поэтому, чтобы солепромышленникъ заранѣе приготовилъ всѣ необходимыя для выволочки соли орудія и матеріалы для устройства жилыхъ помѣщеній артели. Солепромышленникъ долженъ имѣть, во первыхъ, извѣстное количество досокъ, которыя обыкновенно кладутся на дно озера для возки по нимъ соли въ тачкахъ, во вторыхъ, потребное число готовыхъ тачекъ, на которыхъ вывозится изъ озера соль, въ третьихъ, такъ называемыя «чалпы», которыми ломается соль и которыя состоятъ изъ двухъ— или полутора-аршинной ручки съ тремя или четырьмя рожками на концѣ и, наконецъ, въ четвертыхъ, доски для «балагановъ», лопаты и др. болѣе мелкія принадлежности солепромышленныхъ работъ. Все это солепромышленникъ отдаетъ за счетомъ въ полнѣйшее распоряженіе артели на весь рабочій сезонъ. Доставка всѣхъ этихъ вещей и матеріаловъ на озера и обратно производится на хозяйскій счетъ, а укладки досокъ на дно озера, выволочка ихъ на сушу послѣ совершеннаго окончанія работъ и устройство балагановъ исполняется самыми артелями. Въ случаѣ поломки вещей отъ долгаго употребленія или вообще ихъ негодности, артель получаетъ отъ своего хозяина или его «вахтера», т. е. приказчика, новыя, и это не засчитывается хозяиномъ въ счетъ артели.

Артели всегда договариваются выволакивать соль отъ тысячи пудовъ, но размѣръ платы обусловливается тѣмъ пространствомъ, на разстояніи котораго приходится рабочимъ выволакивать соль изъ озера. Самое разстояніе опредѣляется длиною досокъ. Смотря потому, по какому

количеству досокъ приходится возить тачки—по 60, 80 или 100—и размѣры платы колеблются между 17 и 25 рублями сер. за тысячу пудовъ. Такимъ образомъ, полагая среднимъ числомъ по сту тачекъ выволоченной соли на человѣка, на долю каждаго артельнаго рабочаго выпадетъ отъ 1 р. 70 к. до 2 р. 50 к. сер. дневнаго заработка на своихъ харчахъ при выволочкѣ соли; но такъ какъ, кромѣ выволочки соли, существуютъ и другія работы—ломка, складка въ бугры, укладка досокъ и пр.; то поденная плата оказывается, конечно, значительно ниже вышеприведенной. Плата производится періодически, по мѣрѣ того, какъ рабочіе складываютъ соль въ такъ называемые «бугры», въ четырехъ угольныя пирамидальныя кучи. Нерѣдко организаторъ артели получаетъ извѣстное количество денегъ въ видѣ задатка отъ солепромышленника раньше, чѣмъ даже образуется артель. Разумѣется, это бываетъ большею частію въ тѣхъ случаяхъ, когда организаторомъ артели бываетъ лице, пользующееся довѣріемъ и хорошею репутаціею у солепромышленниковъ. Такіе организаторы всегда бываютъ артельщиками.

Всѣ эти взаимныя условія и обязательства между солепромышленниками и артелями вошли въ обычай и свято соблюдаются какъ первыми, такъ и въ особенности вторыми на всѣхъ крымскихъ соляныхъ озерахъ — на перекопскихъ, керченскихъ и евпаторійскихъ. На этихъ послѣднихъ, впрочемъ, артели подряжаются иногда выволакивать соль и не отъ тысячи пудовъ, а съ сажени, получая среднимъ числомъ по 30 рублей за кубическую сажень. Но такъ какъ сажень на этихъ озерахъ даетъ отъ $1^1/_2$ до 2 тыс. и болѣе пудовъ; то, понятно, что выволочка соли отъ сажени считается рабочили невыгодною или рыскованною и допускается только въ рѣдкихъ

исключительныхъ случаяхъ, при необходимости, въ безвыходномъ положеніи рабочихъ.

Наконецъ, необходимымъ условіемъ договора артелей съ солепромышленниками считается баранъ, пудъ соли, два пуда пшена и полведра или ведро водки, которые обязанъ безвозмедно, по заключеніи договора, доставить каждый хозяинъ-солепромышленникъ артели. По окончаніи солепромышленныхъ работъ хозяинъ снова даритъ артели «валашка», т. е. барана, и это также вошло въ обычай. Несоблюденіе этого обычая со стороны солепромышленника влечетъ за собою худыя послѣдствія для него на слѣдующій годъ. Рабочіе туго, съ неохотою вступаютъ въ договоры съ такими солепромышленниками.

Заключивши такимъ образомъ словесный договоръ съ солепромышленниками или ихъ «вахтерами», рабочіе окончательно устраиваютъ артель — увеличиваютъ, если бываетъ необходимость, что случается, впрочемъ, весьма рѣдко, число членовъ и строятъ балаганы. «Балаганами» называются тѣ жилища, въ которыхъ живутъ рабочіе въ теченіе всего рабочаго сезона. Каждая артель строитъ обыкновенно или одинъ большой, общій для всѣхъ членовъ артели балаганъ, или же въ замѣнъ одного — нѣсколько маленькихъ. Въ первомъ случаѣ онъ принимаетъ форму конуса или, точнѣе, обыкновеннаго малорусскаго «куреня», т. е. шалаша. Во второмъ копаются рабочими небольшія, глубиною аршина въ $1^1/_2$ или 2 ямы, покрываемыя сверху досками и потомъ землей, и окапываемыя вокругъ небольшимъ рвомъ для стока воды съ крыши балагана. Въ каждомъ такомъ балаганѣ живетъ по два рабочихъ.

Въ составъ артели входитъ обыкновенно отъ 17 до 25 человѣкъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ артели встрѣчаются въ 30 человѣкъ, но большинство ихъ состоитъ изъ 20 членовъ. Таковы, напр., артели, организуемыя въ Днѣ-

провскомъ уѣздѣ, которыя, впрочемъ, какъ и всѣ другія, въ случаѣ надобности, пополняютъ число членовъ на самомъ мѣстѣ работъ. Что-же касается возраста рабочихъ, то можно вообще принять за правило, что въ артеляхъ не встрѣчаются рабочіе моложе 20 и старѣе 45 лѣтъ. Конечно, исключенія бываютъ, но большинство артельныхъ рабочихъ составляютъ мужчины приблизительно тридцатилѣтняго возраста.

Не встрѣчаются также въ артеляхъ и женщины. Женщинъ-рабочихъ на соляныхъ озерахъ совсѣмъ нѣтъ. Только въ чисто великорусскихъ артеляхъ бываютъ иногда женщины-кухарки, но на кухаркахъ лежатъ исключительно однѣ кухонныя обязанности; въ самыхъ солепромышленныхъ работахъ онѣ не участвуютъ. Въ племенномъ отношеніи артели бываютъ великорусскія, малорусскія и татарскія; иногда въ составъ ихъ входятъ и греки. Большинство составляютъ малорусскія артели. Бываютъ также смѣшанныя артели, т. е. артели, состоящія изъ малороссовъ и великороссовъ. Это, впрочемъ, случается въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ. Племенной составъ отчасти даетъ себя чувствовать даже по мѣсту работъ. Такъ, на перекопскихъ озерахъ работаютъ главнымъ образомъ малорусскія артели, на евпаторійскихъ встрѣчается значительная примѣсь великорусскихъ, а на керченскихъ, кромѣ того, бываютъ даже татарскія и греческія артели.

Что касается мѣстожительства рабочихъ, то главную массу артелей поставляютъ слѣдующія мѣстности: Днѣпровскій и Мелитопольскій уѣзды, какъ ближайшія отъ соляныхъ озеръ, вообще губерніи Таврическая, Екатеринославская, Подольская, Полтавская и другія смежныя съ ними, а также смѣшанныя и чисто великорусскія губерніи, какъ напр. Курская, Орловская и пр. Однѣ изъ этихъ губерній поставляютъ рабочихъ на озера въ большемъ

количествѣ, другія въ меньшемъ и, разумѣется, за тѣми, которыя находятся ближе къ озерамъ, находится преимущество. Въ Верхне-днѣпровскомъ уѣздѣ, напр., мало существуетъ вообще такихъ селъ, откуда не ходили бы артели на крымскія соляныя озера, хотя въ этомъ уѣздѣ, какъ и вообще въ Малороссіи, онѣ стали появляться только въ относительно недавнее время. Такъ, напр., въ Желтянской и другихъ ближайшихъ къ ней волостяхъ, изъ которыхъ въ особенно значительномъ количествѣ начали выходить артели главнымъ образомъ съ 1871 года, въ 1873 году въ селѣ Желтомъ и другихъ смежныхъ съ ними селахъ артели вышли въ слѣдующемъ количествѣ: въ Желтомъ при двухъ тысячномъ приблизительно населеніи— три артели (въ 18, 20 и 22 человѣка каждая), изъ Мишуровой при трехъ-тысячномъ населеніи — двѣ, изъ Петровской, Красной, Каменки, Пепельнастой и Зеленой, при полуторатысячномъ приблизительно населеніи въ каждомъ селеніи, вышло по одной артели и т. д.

Таковы общія условія организаціи крымскихъ солепромышленныхъ артелей. Что касается внутренней жизни этихъ артелей, то она находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ указанными условіями. Рабочіе оказываются тѣми же тружениками-крестьянами, какими они бываютъ и на родинѣ, артель замѣняетъ имъ рабочую семью, а трудъ, какъ и всегда, служитъ отличительнымъ признакомъ этой жизни.

Солепромышленныя работы принадлежатъ къ числу труднѣйшихъ работъ южно-русскаго чернорабочаго, и эта трудность не составляетъ исключенія и для артельныхъ работъ, такъ какъ даже при нихъ почти не мыслимо такое раздѣленіе труда, которымъ могла-бы облегчаться однообразная и тяжелая работа солепромышленнаго рабочаго. Рабочіе встаютъ обыкновенно рано на зарѣ и или прямо

приступаютъ къ выволочкѣ соли, если она заготовлена, или же предварительно ломаютъ ее. Обѣ работы—одинаково трудны. Ломка соли производится «чалпами»; но тутъ же приходится дѣйствовать и руками — гдѣ «не берутъ соли чалпы, говорятъ рабочіе, тамъ «колупаешь» ее руками». Иногда же слой соли бываетъ до того толстъ, что ее ломаютъ исключительно однѣми руками, а такая работа всегда бываетъ соединена съ порѣзами и порчею рукъ; ропа заходитъ въ эти порѣзы и производитъ невиносимыя боли. Тоже бываетъ и съ ногами, такъ какъ рабочіе всегда работаютъ босыми.

Съ восходомъ солнца рабочіе завтракаютъ. Это бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первый болѣе или менѣе продолжительный отдыхъ. Въ слѣдъ за завтракомъ снова начинаются работы. Рабочіе принимаются за выволочку соли на берегъ. Это самая трудная работа, благодаря ея продолжительному однообразію. Соль приходится таскать тачками, вывозя ее каждый разъ около пяти пудовъ. Тяжесть въ сущности незначительная, благодаря тачкѣ, но самую тачку приходится везти по одной всегда скользской отъ грязы или ропы доскѣ, и нужно, поэтому, много ловкости, навыка и силы, чтобы не опрокинуться вмѣстѣ съ пятипудовой тачкой на сторону. При томъ, самый порядокъ веденія работъ таковъ, что не только не позваляетъ рабочему увильнуть или слукавить, но даже и сколько-нибудь передохнуть не въ назначенное время. Робочіе возятъ тачки обыкновенно «гуськомъ», одинъ за другимъ, одинъ другаго подгоняя и контролируя, такъ что ежеминутно существуетъ нѣчто въ родѣ общаго круговаго контроля. Чуть кто изъ рабочихъ зазѣвался, чуть кто «свихнулся» маленько или скользнулъ, проходя по доскѣ съ пятипудовою тачкою въ рукахъ, какъ и онъ самъ, и его тачка летятъ на бокъ съ доски въ невылазную грязь.

«Тю-тю-тю!» кричатъ при этомъ сотоварищи опрокинувшаго тачку рабочаго. Имъ вторятъ сотни голосовъ изъ другихъ артелей, и мгновенно по всему озеру поднимается всеобщій гвалтъ. Каждый работающій на озерѣ въ такомъ случаѣ знаетъ, что въ какой-нибудь артели рабочій опрокинулъ тачку, и этотъ всеобщій крикъ, смѣхъ и остроты служатъ довольно чувствительной карой для опростоволосившагося или неумѣлаго труженика. Рабочій поневолѣ выбивается изъ силъ, лишь-бы только поспѣть вмѣстѣ съ другими и не опрокинуть тачки, двигаясь какъ разъ заведенная машина. Правда, послѣ вывоза каждыхъ десяти тачекъ полагается привалъ, но онъ продолжается всего двѣ-три минуты, пока рабочіе не набьютъ и не закурятъ своихъ трубокъ.

Приблизительно около часу рабочіе обѣдаютъ, послѣ чего полагается отъ 1 до 2 часовъ отдыха, смотря по общему согласію всѣхъ членовъ артели. Въ это время рабочіе обыкновенно спятъ. Если-же бываетъ особенно сильная жара, то рабочіе спятъ послѣ обѣда по три и даже по четыре часа, но въ такомъ случаѣ они «надолуживаютъ» поздно вечеромъ, т. е. работаютъ лишній часъ или два съ вечера, и даже не полдничаютъ при этомъ. Полдничанье полагается обыкновенно часовъ въ пять или шесть вечера. Работы всегда оканчиваются поздно вечеромъ, послѣ чего и слѣдуетъ ужинъ.

Такимъ образомъ, каждый артельный рабочій работаетъ среднимъ числомъ по 17 часовъ въ сутки. Самыя соляныя работы крайне трудны и однообразны, и рабочіе считаютъ ихъ несравненно труднѣе косьбы и всѣхъ вообще земледѣльческихъ работъ. Всего несноснѣе при этихъ работахъ бываетъ неистерпимая жара и въ особенности ропа. Первая, и безъ того сильная вообще на югѣ Россіи, еще болѣе усиливается нагрѣваніемъ соляныхъ озеръ,

превращая воздухъ въ какую-то удушливую, забивающую дыханіе атмосферу; а вторая, заходя въ раны и порѣзы,— благодаря тому обстоятельству, что рабочіе всегда таскаютъ соль босыми и употребляютъ въ дѣло руки, производитъ мучительныя боли. Одного другаго, конечно, не лучше. Бываютъ случаи, когда рабочій принужденъ бросать работы отъ сильной боли въ ранахъ и порѣзахъ, или же буквально таки мучается въ теченіе всего рабочаго сезона. О такомъ рабочемъ обыкновенно говорятъ, что «его ропа незлюбила». Отъ сильной натуги и духоты рабочіе также часто повреждаютъ внутренніе органы, и кровохарканье считается рабочими даже спеціальною болѣзнію при солепромышленномъ трудѣ.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на такой варваски тяжелый трудъ, артели солепромышленныхъ рабочихъ представляютъ несомнѣнныя выгоды и удобства для рабочаго. Въ артели всѣ члены равны и пользуются совершенно равноправными отношеніями. Исключенія не составляетъ ни кто—ни кухарь, ни артельщикъ. Они только извѣстнаго рода спеціалисты въ предназначенной имъ дѣятельности, принимающіе на себя извѣстныя обязательства въ силу общаго согласія и обычая, и затѣмъ они—такіе же рабочіе, какъ и всѣ другіе члены артели. Поэтому, они не пользуются даже и тѣнью власти въ сферѣ своей дѣятельности. Малѣйшая неосторожность ихъ въ этомъ отношеніи грозитъ имъ позорною замѣною ихъ другими членами артели. Вообще во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ и вопросахъ, которые такъ или иначе касаются внутренней жизни и распорядковъ, артель дѣйствуетъ совершенно самостоятельно и сообразно съ обычаями и общимъ ходомъ артельнаго дѣла. Въ особенности это можно замѣтить относительно малорусскихъ артелей. Малорусская артель — это своего рода «общество», «громада», въ которой артель-

щикъ далеко не играетъ той роли, какая выпадаетъ на долю сельскаго старосты.

На артельщикѣ лежатъ обязанности чисто хозяйскаго характера. Онъ долженъ будить въ опредѣленное время рабочихъ и въ рѣдкихъ случаяхъ указывать то или другое, большею частію мелкое исполненіе работъ, но этимъ почти и ограничиваются его обязанности въ области ежедневной дѣятельности артели. Затѣмъ онъ остается исключительно приходо-расходчикомъ. Каждую субботу вечеромъ онъ уѣзжаетъ на артельной лошади въ ближайшее отъ озера поселеніе, гдѣ существуетъ базаръ, на Перекопскихъ озерахъ—въ Армянскій поселокъ, а на евпаторійскихъ—въ Евпаторію, извѣстную у рабочихъ подъ именемъ Козлова,—и здѣсь закупаетъ провизію на всю слѣдующую недѣлю. Вмѣстѣ съ артельщикомъ за покупками отправляется большею частію одинъ такъ называемый, «довѣренный», наблюдающій за тѣмъ, чтобы при покупкахъ не было плутовства со стороны артельщика. На «харчишки» за время поѣздки этимъ двумъ лицамъ артель отпускаетъ по 20 коп. сер. на каждаго. Въ теченіе всего рабочаго времени артельщихъ ведетъ обыкновенно счетъ всѣмъ артельнымъ расходамъ, въ чемъ, конечно, и отдаетъ строгую отчетность артели. Но за всѣ свои труды онъ не получаетъ никакой особой платы, а получаетъ совершенно равный денежный пай со всѣми другими членами артели, и только въ томъ случаѣ, когда пожелаетъ сама артель (по окончаніи всѣхъ солепромышленныхъ работъ), артельщику выдаютъ изъ общихъ артельныхъ суммъ рубля два или три въ видѣ награды или, какъ выражаются рабочіе, «за труды», «на сапоги», за то, что много обуви стаптываетъ, разъѣзжая изъ-за общихъ артельныхъ нуждъ въ день отдыха. Если артельщику принадлежитъ лошадь съ повозкою, то онъ получаетъ два пая — одинъ на себя и

одинъ на лошадь. Но если лошадь принадлежитъ какому-нибудь рабочему, въ такомъ случаѣ пай на лошадь получаетъ этотъ послѣдній, обязанный кормить и ухаживать за нею, хотя и ею распоряжается артельщикъ во все продолженіе работъ.

«Кухаремъ» бываетъ большею частію тотъ рабочій, который лучше другихъ умѣетъ «варить борщъ» или «кулішъ». Въ его вѣдѣніи находятся всѣ съѣстные припасы, которые поступаютъ къ нему отъ артельщика, а также и посуда. Къ восходу солнца кухарь долженъ приготовить завтракъ изъ «куліша», т. е. рѣденькой каши, и ржанаго хлѣба. На обѣдъ онъ готовитъ большею частію борщъ съ свиннымъ саломъ (въ скоромные дни) и «круту» пшенную кашу. Полдникъ бываетъ только изъ хлѣба, соли и квасу или просто воды. Наконецъ, на ужинъ кухарь всегда готовитъ «кулішъ». Такимъ образомъ въ теченіе дня кухарю приходится стряпать три раза горячую пищу. Въ рѣдкихъ случаяхъ по праздникамъ и всегда по воскресеньямъ, кухарь готовитъ пищу съ бараниной или другимъ какимъ нибудь мясомъ. Хлѣба, всегда ржанаго, онъ никогда не печетъ, такъ какъ артель покупаетъ его готовымъ. Этимъ и исчерпиваются немногосложныя кухарскія обязанности, требующія, впрочемъ, не менѣе четырехъ часовъ рабочаго времени въ день. Въ малорусскихъ артеляхъ всегда бываетъ кухарь, который и выбирается на все рабочее время, хотя и можетъ легко быть замѣненъ другимъ рабочимъ въ случаѣ неисправности или неумѣнья. Въ великорусскихъ же артеляхъ встрѣчаются иногда и кухарки.

Такимъ образомъ, въ артеляхъ крымскихъ солепромышленныхъ рабочихъ не играютъ никакой видной роли ни артельщикъ, ни тѣмъ болѣе кухарь. Первый является еще нѣсколько почетнымъ лицемъ, облеченнымъ если неособенною властію, то всеобщимъ уваженіемъ, хотя ува-

женіемъ могутъ пользоваться на ряду съ нимъ и другіе рабочіе, такъ какъ это зависитъ главнымъ образомъ отъ личныхъ качествъ уважаемаго въ артели лица. Второй, благодаря своему положенію, является даже болѣе зависимымъ и подчиненнымъ лицемъ, чѣмъ любой артельный рабочій. Платы онъ особенной не получаетъ, награды также, и если на его долю выпадаютъ кое-какія выгоды, такъ это четыре часа болѣе легкой, чѣмъ солепромышленная, кухонной работы. Но ни онъ, ни даже артельщикъ не представляютъ исключенія въ случаѣ какой либо провинности въ родѣ прогуловъ или запоекъ. Прогульный день всегда бываетъ соединенъ для виновнаго съ вычетомъ платы за этотъ день, а въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ прогула страдаютъ интересы всей артели, виновный подвергается штрафу отъ 5 до 10 коп. съ тачки, что составляетъ уже сильную кару, такъ какъ рабочій обыкновенно вывозитъ отъ 60 до 100 тачекъ въ день. Надо, впрочемъ, замѣтить къ чести артелей, что прогулы и штрафы въ нихъ бываютъ чрезвычайно рѣдко. Большею частію жизнь артелей течетъ мирно и покойно, не нарушаясь ничѣмъ экстраординарнымъ и выдающимся.

Такова-то въ общихъ чертахъ внутренняя обыденная жизнь солепромышленныхъ артелей. Все въ этихъ артеляхъ основано на взаимномъ довѣріи и словесныхъ обязательствахъ, все регулируется обычаемъ и традиціями, и это составляетъ ихъ отличительную черту, какъ чисто народныхъ формъ труда. Къ письменнымъ условіямъ и обязательствамъ никогда не прибѣгаютъ ни солепромышленники, ни артели, и это, конечно, ни мало не подрываетъ тѣхъ выгодъ, которыми пользуются обѣ стороны. Успѣшность и производительность труда, отсутствіе почти всякихъ пререканій и ссоръ, освобожденіе хозяевъ отъ всякаго контроля работъ—вотъ тѣ выгоды, которыя при-

знаютъ за артельнымъ веденіемъ дѣла хозяева. Условившись разъ на всегда въ извѣстныхъ пунктахъ или, вѣрнѣе, признавая эти пункты обычными правилами, солепромышленникамъ далѣе остается дѣлать одно — принимать отъ артелей чрезъ извѣстные сроки соль, что съ удобствомъ могутъ исполнять не только сами они, но и ихъ довѣренные—вахтера. Съ другой стороны, не смотря на то, что значительная часть выгодъ отъ артельнаго веденія дѣла всетаки выпадаетъ на долю хозяевъ, и артели находятся въ лучшемъ экономическомъ положеніи сравнительно съ положеніемъ рабочихъ одиночекъ. Та же производительность труда и успѣшность работъ, соединенныя съ сокращеніемъ расходовъ по продовольствію и въ особенности съ гарантіей членовъ въ случаѣ болѣзни, дѣлаютъ артель устойчивою и относительно выгодною формою труда и для рабочихъ. Въ силу обычая больные члены артели всегда пользуются совершенно безвозмездно артельными услугами и пищею, хотя и теряетъ при этомъ свой заработокъ за все время болѣзни; но даже, при этомъ условіи, уходъ за больнымъ со стороны другихъ членовъ артели и артельная пища составляютъ для больнаго рабочаго весьма важную гарантію, такъ какъ рабочій бываетъ оторванъ отъ семьи и родныхъ и часто совершенно лишенъ всякихъ средствъ къ жизни.

И рабочіе дѣйствительно высоко цѣнятъ эти артельныя формы труда. «Нѣтъ лучше, говорятъ они, какъ работать «гуртомъ», въ артели... И дѣло идетъ скорѣе и веселѣе работается».... Рабочіе всегда сопровождаютъ работы пѣснями, веселыми прибаутками, разсказами и остротами, и это весьма много значитъ при тяжеломъ трудѣ. «Зарею, разсказываютъ рабочіе, ажъ озеро реве, якъ заспіваютъ кругомъ въ артіляхъ, а тачки тіки — цоко-цоко-цокъ-цокъ!».

Въ воскресенье и праздничные дни рабочіе, напр., на Перекопскихъ озерахъ, уходятъ въ армянскую слободку, ближайшій отъ озеръ поселокъ, находящійся отъ нихъ въ четырехъ верстахъ и живущій на счетъ пришлаго рабочаго люда. Въ поселкѣ рабочій обыкновенно толкается по базару, глазѣетъ или балуетъ себя сѣмечками или «бубликами». Иногда баловство переходитъ въ выпивку. Но большинство рабочихъ остается въ праздничные дни «дома», на озерахъ, отдыхая и высипаясь. Здѣсь великороссы съ свойственною имъ живостію и юркостію предаются разнаго рода увеселеніямъ и играмъ: поютъ пѣсни, наигриваютъ на балалайкахъ или гармоникахъ и приплясываютъ, а иногда «и дуютъ въ три листика», т. е. играютъ въ денежную карточную игру, или же предаются излюбленной, тоже денежной, игрѣ «въ орлянку»; а малороссы, народъ болѣе расчетливый и флегматичный, занимаются разсказами, воспоминаніями, позволяющими при этомъ рабочему «вылеживаться», и играютъ въ карты «на сухую», т. е. не въ денежныя игры,—въ дурачки, «въ возка» или «въ фильку». Иногда какъ тѣ, такъ и другіе рабочіе выпѣваютъ, но чаще распѣваютъ пѣсни и балагурятъ и еще болѣе того спятъ и «вылеживаются». Тяжелый трудъ беретъ свое, и рабочій по необходимости запасается въ такіе дни новыми силами.

На самыхъ озерахъ нѣтъ ни трактировъ, ни лавочекъ. Встрѣчается, правда, нѣчто въ родѣ кабачковъ, но такъ какъ водка продается въ этихъ кабачкахъ значительно дороже, чѣмъ въ Армянскомъ поселкѣ, то рабочіе и отправляются въ этотъ послѣдній въ случаѣ кутежа. Иногда на озера заѣзжаетъ или заходитъ какой-нибудь разнощикъ съ фруктами и овощами — съ арбузами, дынями, яблоками или виноградомъ. И рабочіе съ охотою

покупаютъ плоды и овощи, притомъ, не только по праздникамъ, но и въ будни. Разумѣется, каждый покупаетъ на свои деньги, а артельные счеты тутъ остаются ни при чемъ. Вся артель «не балуетъ» себя никакими «сластями» и вообще крайне умѣрена на счетъ дороговизны и разнообразія пищевыхъ продуктовъ.

Такимъ-то образомъ течетъ жизнь артелей изо-дня-въ день, пока не наступятъ заморозки и не прекратятся окончательно солепромышленныя работы, что случается большею частію въ концѣ октября. Тогда малорусскія артели уходятъ обыкновенно по домамъ на зиму, а великорусскія остаются зимовать въ Крыму—въ Ялтахъ, Керчи, Ѳеодосіи, Севастополѣ и др. крымскихъ городахъ и мѣстахъ. Часть этихъ послѣднихъ артелей также уходитъ домой, другіе пробираются въ Одессу, иногда въ Таганрогъ и Ростовъ на Дону. Но во всѣхъ этихъ южно-русскихъ городахъ солепромышленныя артели распадаются, и рабочіе работаютъ большею частію поденно или посрочно, въ одиночку, въ разсыпную. Въ результатѣ каждый рабочій уноситъ изъ солянаго промысла среднимъ числомъ рублей пятьдесятъ заработка за $1^1/_2$ мѣсяца солепромышленыхъ работъ. Заработокъ, по мнѣнію рабочихъ, очень даже выгодный.

Сравнивая въ заключеніе только-что описанныя формы труда съ тѣми изъ малорусскихъ артелей, которыя организуются по типу Запорожской Сичи, и припоминая сказанное въ началѣ этого очерка о крымскомъ соляномъ промыслѣ, можно замѣтить, что если крымскія солепромышленныя артели произошли путемъ развитія отъ болѣе древнихъ формъ, то во всякомъ случаѣ онѣ существенно измѣнились и пріобрѣли характеръ, совершенно отличный отъ этихъ послѣднихъ. Между ними и предшествующими имъ формами нѣтъ такой близкой аналогіи, какая суще-

ствуетъ, напр., между древними чумацкими валками и новѣйшими. Онѣ утратили выдающіяся черты своей древней организаціи въ духѣ Запорожской Сичи. Тѣмъ не менѣе то обстоятельство, что южнорусское племя вообще и козачество въ частности издавна занимались солянымъ промысломъ въ Крыму, указываетъ на необходимость извѣстнаго участія со стороны малороссовъ въ артельной организаціи солепромышленнаго дѣла. Можно положительно сказать, что тамъ, гдѣ въ древности малороссъ употреблялъ въ дѣло трудъ и промышленную энергію, тамъ онъ прилагалъ къ дѣлу и свой артельный принципъ въ духѣ сичевой организаціи. Вполнѣ вѣроятно, поэтому, что строгая равноправность участниковъ въ современныхъ солепромышленныхъ артеляхъ и названіе «кухарь» и служатъ указаніемъ на связь, существующую между организаціею современныхъ артелей и прежнею ихъ организацію типа Запорожской Сичи. Это, слѣдовательно, переходныя формы.

2. КОСАРСКІЯ АРТЕЛИ.

Хожденіе на заработки сдѣлалось обыденнымъ явленіемъ южнорусской экономической жизни. Каждую весну южнорусскій рабочій, съ котомкою за плечами, съ неизмѣнной косой, молоткомъ и «бабкою», уходитъ обыкновенно «по чугункѣ», на пароходѣ или же просто на своихъ отцовскихъ за сотню верстъ отъ своей родины и здѣсь тяжелымъ трудомъ сколачиваетъ тѣ «трешники» и копѣйки, которые идутъ потомъ и на уплату податей, и на поддержку его убогаго хозяйства. Такимъ образомъ, на крайнемъ югѣ и прилегающихъ къ нему мѣстностяхъ, вплоть до средины Россіи, происходитъ постоянная ежегодная мѣна «трешника» на рабочую силу. Съ каждымъ

годомъ эта мѣна принимаетъ все большіе и большіе размѣры, и единичная сила косаря начинаетъ постепенно превращаться въ какую-то лавину. Очевидно, что въ русской экономической жизни произошелъ какой-то существенный разладъ, и рабочая сила, вслѣдствіе этого, стала искать себѣ приложенія на сторонѣ.

Трудно сказать, какіе размѣры приметъ впослѣдствіи, въ недалекомъ будущемъ, хожденіе «на косовицу», но уже при настоящихъ своихъ размѣрахъ оно представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ совершенно небывалое еще въ русской экономической жизни явленіе. Не далѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, отхожій косарскій промыселъ не имѣлъ еще того размѣра и характера, какими онъ отличается въ настоящее время. Прежде въ немъ принимали участіе только нѣкоторыя южныя мѣстности, и косарями при этомъ являлись «лишнія рабочія руки» въ хозяйствѣ, въ семьѣ. Въ настоящее же время въ косарскомъ промыслѣ принимаютъ участіе почти всѣ южныя мѣстности и косарями являются не только «лишнія рабочія руки», но и вообще рабочія руки, заставляемыя силою необходимости мѣнять свой невыгодный домашній трудъ на болѣе выгодный отхожій. Такимъ образомъ, главными и постоянными причинами постепенно возростающаго хожденія косарей на заработки оказываются недостача и невыгодность работы на мѣстѣ и сильно увеличивающіяся прорѣхи въ крестьянскомъ бюджетѣ.

Благодаря отчасти такому своему характеру, а отчасти мѣстнымъ экономическимъ особенностямъ южной Россіи, каковы: неравномѣрный въ разные годы спросъ на косарей со стороны мелкихъ хозяевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крайняго юга, обыкновенія производить извѣстныя работы то самостоятельно, то при помощи поденьщиковъ и пр., отхожій косарскій промыселъ не отличается такою

опредѣленностью и устойчивостью, какими отличаются нѣкоторые другіе промыслы, напр., крымскій солепромышленный. Между тѣмъ какъ этотъ послѣдній оказывается какою-то спеціальностію, заранѣе предполагающею извѣстную организацію рабочей силы, — отхожій промыселъ косарей является однимъ броженіемъ рабочей силы, не только плохо организованной и неспеціализирующейся, но даже зачастую совершенно лишенной работы.

Косарь идетъ «на удалую», больше дѣйствуетъ въ одиночку, въ раздробь, и чаще другихъ рабочихъ вмѣсто заработка несетъ домой разстроенное здоровье, неудовлетворенный аппетитъ, голодовки и лохмотья съ дерюгой. Тѣмъ не менѣе здѣсь, въ этой видимо неустойчивой сферѣ труда, русскій человѣкъ издавна съумѣлъ приложить свою самозащищающую и самообезпечивающую форму труда — артель. Артель тѣсно уже связана съ отхожимъ косарскимъ промысломъ и само собою понятно, что и самое будущее косарскаго промысла, на сколько оно будетъ касаться собственно рабочаго люда, въ весьма сильной степени будетъ зависѣть отъ большаго или меньшаго развитія этой формы. Увеличатся или разовьются артели — косарскій промыселъ приметъ для рабочаго люда болѣе опредѣленный и устойчивый характеръ, и, стало быть, самые косари въ большей степени будутъ застрахованы отъ разнаго рода случайностей. Пойдутъ артели регрессивнымъ путемъ—и промыселъ станетъ еще болѣе неопредѣленной ареной труда, а косарь утратитъ и тѣ немногія гарантіи, которыми онъ отчасти застрахованъ отъ разнаго рода случайностей, благодаря именно артелямъ.

Косарскія артели бываютъ двухъ родовъ: собственно артели и такъ называемые «круги». Къ первымъ мы относимъ исключительно великорусскія артели, ко вторымъ артели малорусскія. Все отличіе первыхъ артелей

отъ вторыхъ заключается такимъ образомъ прежде всего въ ихъ національномъ происхожденіи; самыя же названія артелей мы употребляемъ чисто въ условномъ видѣ. Слово артель или, согласно малорусскому произношенію, «артіль» встрѣчается также и у малороссовъ, какъ у великороссовъ, но оно, безъ всякаго сомнѣнія, заимствовано ими у этихъ послѣднихъ. Собственно въ малорусскомъ языкѣ къ названію косарской артели ближе всего подходитъ слово «кругъ», такъ какъ малорусское выраженіе «становиться на работу съ круга или кругомъ» равносильно великорусскому «становиться артелью». Въ подобномъ же смыслѣ употребляется малороссами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной Россіи фраза: «становиться или брать работу съ ланка». Но мы взяли слово кругъ, какъ болѣе подходящее и характерное для обозначенія артельныхъ формъ малорусскихъ рабочихъ, хотя оно отдѣльно отъ словъ вышеприведенной фразы, какъ сомостоятельное понятіе, и не употребляется малороссами во взятомъ нами смыслѣ.

Участіе великороссовъ на ряду съ малороссами въ отхожемъ косарскомъ промыслѣ повидимому указываетъ на то обстоятельство, что малорусскія артели произошли путемъ заимствованія, что артельная форма косарскаго труда, составляющая отличительную особенность великороссовъ, была занесена этими послѣдними на югъ Россіи и здѣсь уже перенята малороссами. Но, судя по самому характеру малорусскихъ косарскихъ артелей, подобное предположеніе положительно ошибочно. Положимъ, тотъ фактъ, что великороссы издавна славятся своими артелями, а малороссы отличаются индивидуализмомъ и изолированностью въ работахъ, и справедливъ до нѣкоторой степени. Но, во первыхъ, не смотря на свои индивидуалистическія наклонности, малороссы тѣмъ не менѣе издавна прила-

гали и прилагаютъ артельное начало къ своей экономической жизни въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. А во вторыхъ, дѣло въ томъ, что если бы, съ одной стороны, и необходимо было признать извѣстное вліяніе великороссовъ въ указанномъ направленіи, то, съ другой, особенности, свойственныя нѣкоторымъ малороссійскимъ кругамъ, прямо говорятъ въ пользу самобытнаго малорусскаго происхожденія этихъ формъ.

На самомъ дѣлѣ, происхожденіе косарскихъ круговъ имѣетъ во многихъ случаяхъ много общаго съ происхожденіемъ чумацкихъ валокъ или забродческихъ ватагъ. Въ основѣ этого происхожденія лежитъ прежде всего взаимная гарантія членовъ отъ случайностей, неразлучныхъ съ чужедальной стороной, и затѣмъ уже прямыя и непосредственныя выгоды артельнаго труда. Точно также, какъ чумацкія валки, издавна служили для чумаковъ средствомъ защиты отъ грабежа и воровства въ чужой сторонѣ, точно также, какъ забродческія ватаги, всегда были притономъ для бездомныхъ забродчиковъ, и косарскіе круги прежде всего оказываются хранителями интересовъ косаря, его защитниками отъ притѣсненій и произвола хозяевъ. Отсюда тотъ крѣпкій корпоратизмъ круговъ, который дѣлаетъ ихъ такъ устойчивыми при самозащитѣ. Малѣйшій поводъ, нарушающій права отдѣльныхъ членовъ, неудовлетворительность пищи, непосильная работа, ругатня какого нибудь приказчика или хозяина — все это вызываетъ въ средѣ малорусскихъ круговъ особенное единодушіе и солидарность, и малороссы въ большинствѣ такихъ случаевъ съ свойственнымъ ихъ характеру пассивнымъ протестомъ, бросаютъ работы безъ всякихъ словъ и разговоровъ, бросаютъ всѣ безъ исключенія, и или добываются такимъ путемъ удовлетворенія заявленныхъ нуждъ, или же ищутъ новаго хозяина. Малороссійское выраженіе «мы цёго не

хочемъ» вошли въ поговорку и сдѣлалось символомъ малорусскаго упорства и неуступчивости. Вотъ почему во многихъ мѣстахъ южной Россіи хозяева обыкновенно предпочитаютъ болѣе уступчиваго и ловкаго косаря-москаля упорному и прямодушному хохлу-косарю.

Но такая общность косарскихъ круговъ съ артелями, организуемыми по типу Запорожской Сичи, не ограничивается одними указанными выше условіями. Она до извѣстной степени касается самой организаціи этихъ артелей. Хотя косарскіе круги и не организуются прямо по одному типу съ указанными артелями, но въ ихъ организаціи тѣмъ не менѣе встрѣчаются часто черты, дѣлающія ихъ близкими этому типу. Такъ, въ малорусскихъ кругахъ, встрѣчавшихся намъ въ Кубанской области, передовой косарь зовется отаманомъ, хотя онъ и не играетъ тутъ той роли, какая выпадаетъ на долю отамана въ другихъ артеляхъ, служа часто только самымъ искуснымъ косаремъ. Въ Екатеринославской губерніи отаманами называются вообще «ведущіе передъ» косари, а въ тѣхъ случаяхъ, когда косари работаютъ «съ ланка̀», т. е. артелью, непремѣнно бываетъ настоящій артельный отаманъ. Въ Пирятинскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, также встрѣчается обычай, характерный въ этомъ отношеніи. Когда косятъ нѣсколько партій косарей въ одномъ мѣстѣ, то между ними устраиваются зачастую состязанія. Для состязанія партіями обыкновенно выбирается по лучшему косарю изъ среды своей, и каждый такой косарь носитъ названіе отамана. Тотъ, кто выкашиваетъ въ назначенное время большое количество сѣна, считается «первымъ отаманомъ» между всѣми партіями и выигриваетъ для себя и своей партіи призъ, состоящій обыкновенно изъ полъ ведра или четверти водки, которую покупаютъ проигравшіе отаманы и ихъ партіи.

Есть затѣмъ цѣлая серія другаго рода малорусскихъ косарскихъ артелей, не имѣющихъ ничего общаго въ своей организаціи съ только-что отмѣченными, но происхожденіе ихъ также малорусское, самобытное. Въ основу организаціи этого втораго рода артелей положены чисто семейныя отношенія. Не смотря на постепенное увеличеніе желѣзнодорожныхъ путей въ южной Россіи, не смотря на быстроту парохода и «пароваго жеребчика», какъ называется по малорусски локомотивъ, малороссы до настоящаго времени являются во многія мѣста южной Россіи съ своей классической повозкой «по образу пѣшаго хожденія»*), а, значитъ, о предыдущемъ времени уже нечего и говорить. Этотъ способъ хожденія держится у нихъ гораздо крѣпче, чѣмъ у великороссовъ. Повозка съ котомками, косами, молотками, «бабками» и почти всегда съ «рушницею», т. е. ружьемъ, какого-нибудь страстнаго охотника «до качокъ», т. е. утокъ, и «кулыківъ», съ ружьемъ, которое, можетъ быть, раньше бралось просто для самозащиты, служитъ для косарей словно «хатою», а «старі дядьки» и бывалые косари—почтенною «громадою». Такимъ образомъ въ этой миніатюрной походной колонійкѣ, группирующейся вокругъ повозки и старой кобылы какого-нибудь Панька, колонійкѣ, состоящей въ большинствѣ случаевъ изъ мужчинъ, женщинъ и подростковъ обоего пола, какъ бы заносится на чужую сторону нѣчто изъ домашней и общественной жизни малоросса. Тутъ, въ этой колонійкѣ трудно встрѣтить типъ истаго великорусскаго артельщика-старосты, его мѣсто занимаетъ большею частію маленькая «громада», состоящая изъ «дядьківъ». Въ числѣ членовъ

*) По послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ этотъ способъ отправки рабочихъ на заработки усилился, благодаря новому желѣзнодорожному налогу.

такой движущейся общины встрѣчается также какая-нибудь «мала Хивря» или четырнадцатилѣтній «пацанъ» Грицько. Это, слѣдовательно, своего рода семья съ ея мѣстными обычаями и традиціями, та первоначальная ячейка, которая легла въ основу большинства косарскихъ круговъ. И дѣйствительно, какъ бы въ подтвержденіе такого предположенія, косарскіе круги всегда составляются изъ односельцевъ или ближайшихъ по мѣстужительства сосѣдей.

Итакъ, слѣдовательно, и перваго, и втораго рода малорусскіе косарскіе круги—формы чисто мѣстнаго южнорусскаго происхожденія. Формы эти возникли и развивались рядомъ съ возникновеніемъ и развитіемъ косарскаго промысла и, при томъ, совершенно самобытно, въ строгой зависимости отъ особенностей и традицій малорусскаго народа.

По характеру дѣятельности и малорусскія, и великорусскія артели можно разбить на два разряда. Первый разрядъ составляютъ такія артели, которыя всего вѣрнѣе было бы назвать артельными союзами. Сами косари называютъ эти союзы партіями, а малороссы иногда и ватигами. Ко второму разряду относятся артели въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но и перваго, и втораго рода артели можно встрѣчать положительно вездѣ, гдѣ встрѣчается южно-русскій отхожій промыселъ, то есть, преимущественно въ такихъ мѣстахъ, какъ Новороссійскій край, Земля Донскаго войска, Бубанская область, Ставропольская губернія и пр.

Артели, насящія характеръ отдѣльныхъ союзовъ въ нѣсколько лицъ, представляютъ собою одно средство самозащиты въ борьбѣ съ капиталомъ и хозяевами. Въ составъ ихъ входятъ обыкновенно поденщики-рабочіе, въ большинствѣ случаевъ односельчане или, въ крайнемъ

случаѣ, земляки. Главнѣйшая цѣль, преслѣдуемая такими союзами, заключается въ поддержкѣ заработной платы на извѣстномъ уровнѣ, и затѣмъ—застраховка отдѣльныхъ рабочихъ при самой работѣ отъ различнаго рода незаконныхъ поползновеній со стороны хозяевъ. Но—и только. Каждый членъ такого союза работаетъ на себя, каждый имѣетъ дѣло непосредственно съ хозяиномъ и весьма рѣдко такой союзъ остается неразъединеннымъ во все рабочее время. Оно и понятно отчасти. Самый характеръ южно-русскихъ земледѣльческихъ и полевыхъ работъ, работъ поденныхъ и неравномѣрныхъ, способствуетъ этому въ весьма сильной степени. Рабочихъ разъединяетъ и реорганизируетъ, слѣдовательно, косарскій же промыселъ. Но тамъ, гдѣ такіе союзы имѣютъ мѣсто, они приносятъ несомнѣнную пользу рабочему.

Артельные союзы одинаково встрѣчаются и между малорусскими, и между великорусскими косарями. Отправляясь въ путь, косари-односельцы или сосѣди не только идутъ вмѣстѣ, но и харчуются большею частію изъ общаго котла, а главное ухаживаютъ и не покидаютъ на произволъ заболѣвшаго сотоварища. Случается, что на мѣстѣ работъ такіе союзы распадаются на время, но это обусловливается характеромъ работъ, тѣми случаями, когда нанимателями требуется меньше косарей, чѣмъ сколько бываетъ ихъ въ артели. Но проходитъ недѣля, двѣ — и односельцы снова собираются всѣ вмѣстѣ въ одну партію и, если представится случай, то снова идутъ работать цѣлой партіей. Точно также и на родину, послѣ окончанія работъ, косари отправляются большею частію партіями въ томъ ихъ составѣ, въ какомъ онѣ вышли изъ дому на заработки.

Что касается численнаго состава такихъ партій или союзовъ, то онъ крайне разнообразенъ и неопредѣленъ.

Нерѣдко три-четыре косаря составляютъ уже партію. Но бываютъ и болѣе многочисленные союзы, насчитывающіе до десятка и даже свыше входящихъ въ составъ ихъ членовъ. Надо замѣтить, впрочемъ, что въ томъ случаѣ, когда партія отличается многочисленностью, она зачастую въ свою очередь какъ-бы состоитъ изъ нѣсколькихъ мелкихъ товариществъ. Тѣ или другіе члены ея группируются по два, по три или по четыре человѣка, харчуются вмѣстѣ и больше держатся другъ друга въ случаѣ разсортировки партіи между отдѣльными хозяевами-нанимателями. Только при попойкахъ или отстаиваніи поденныхъ цѣнъ на базарахъ такія сложныя партіи представляютъ изъ себя болѣе единодушное и компактное цѣлое.

Большею опредѣленностью и развитіемъ отличаются собственно великорусскія артели и малорусскіе «круги» въ тѣхъ случаяхъ, когда они и самыя работы производятъ артельно на собственный свой рискъ. Въ этомъ случаѣ косари также называютъ иногда свои артели партіями, а малороссы, кромѣ того, и ватагами; но тутъ ужъ артели носятъ совершенно иной складъ и характеръ. Въ составъ ихъ входитъ обыкновенно отъ 3, 4 и 5 до 15 и болѣе человѣкъ, и притомъ малорусскіе круги, сколько намъ извѣстно, распространеннѣе великорусскихъ артелей, хотя и менѣе малочислены по своему составу. Работы, выполняемыя артелями этого рода, состоятъ въ съемкѣ и уборкѣ хлѣба и сѣна. Артели становятся обыкновенно косить сѣно съ сотни такъ называемыхъ «семи-саженныхъ копицъ», т. е. коненъ, или же «отъ стога». Такого именно рода работы и извѣстны у малороссовъ подъ именемъ работъ «съ круга» или «съ ланка», «отъ десятины». Артели всегда въ такихъ случаяхъ производятъ работы на своихъ харчахъ, покупая ихъ на базарахъ или выговаривая «въ счетъ» у хозяевъ. Косы,

«бабки», брусья, молотки также должны быть косарскіе. Но быки, возы, бочки и ведра для воды, даже грабли и вила, (а иногда брусья, бабки и молотки), всегда поставляютъ отъ себя хозяева. Такимъ образомъ, и малорусскія и великорусскія артели напоминаютъ собою въ этомъ отношеніи общій типъ кратковременныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ артелей, составляющихся изъ пришлаго люда; но между ними существуетъ тѣмъ не менѣе нѣкотораго рода организаціонное различіе.

Великорусскія артели состоятъ исключительно изъ совершенно взрослыхъ и полноправныхъ членовъ съ выборнымъ артельнымъ старостою; малорусскіе же круги, какъ мы знаемъ уже изъ предыдущаго, бываютъ двухъ родовъ: во первыхъ, артели съ нѣкоторыми признаками древне-малорусской организаціи съ отаманомъ во главѣ, и во вторыхъ, артели, организація которыхъ держится на общинно-семейныхъ отношеніяхъ. Первыя составляются исключительно изъ однихъ взрослыхъ мужскихъ членовъ, выбираютъ для заправленія своими внутренними дѣлами и распорядками «отамана» и самые ихъ участники пользуются полнѣйшею равноправностью во всемъ. Такія артели встрѣчаются, напр., въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи. Въ артеляхъ втораго рода совсѣмъ не существуетъ лица, несущаго на себѣ обязанности отамана или артельнаго старосты. Обязанности этого рода выполняются двумя или тремя лицами, въ числѣ которыхъ попадается, впрочемъ, зачастую и такъ называемый расходчикъ, т. е. лице, на обязанности котораго лежитъ закупка провизіи или покрайней мѣрѣ веденіе счетовъ по этой части. Представители эти ведутъ дѣла съ хозяевами какъ при наймѣ, такъ и при окончательныхъ расчетахъ. Кошеваромъ или «кухаремъ» также рѣдко является какое-нибудь постоянное лице; чаще обязанность этого рода

исполняется поочередно, и только тогда, когда она исполняется женщиною, обязанность эта превращается въ своего рода спеціальность, лежащую на одномъ лицѣ. Женщины въ малорусскихъ артеляхъ этого рода составляютъ довольно значительный процентъ, и на обязанности ихъ лежитъ обыкновенно «гребовица», вязка сноповъ и киданье сѣна въ стога и копны, при чемъ эти двѣ послѣднія работы производятся большею частію вмѣстѣ съ мужчинами. Такимъ образомъ, малорусскіе круги состоятъ зачастую изъ косарей-мужчинъ и гребцовъ-женщинъ. И тѣ, и другія являются полноправными членами, но вторыя, какъ гребцы, получаютъ около или немного свыше половины мужскаго заработка. Часто также въ составъ малорусскихъ артелей входятъ и дѣти или, вѣрнѣе, мальчики-подростки. Положеніе ихъ въ артели зависимѣе положенія женщинъ, хотя они и получаютъ при дѣлежѣ заработковъ большею частію пай, равный съ паемъ женщинъ. Въ такихъ случаяхъ принимается вообще въ расчетъ степень напряженности и доброкачественности труда.

Таковы-то въ общихъ чертахъ косарскіе круги и артели. Главная ихъ сила заключается во взаимной гарантіи членовъ отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Къ сожалѣнію, между этими обстоятельствами встрѣчаются и такія, противъ которыхъ положительно безсильны всякаго рода артели, отъ которыхъ страдаетъ на равнѣ съ рабочими и весь вообще экономическій строй южной Россіи. Постоянно увеличивающіеся на югѣ неурожаи и засухи, насѣкомыя разнаго рода, «прусы», «кузька», «овражки» и безобразія торговой эксплуатаціи являются именно такого рода обстоятельствами. А неравномѣрное распредѣленіе рабочихъ силъ, какъ слѣдствіе неопредѣленности самаго косарскаго промысла, представляетъ въ связи со всѣмъ вышеозначеннымъ такую общую безтолковщину въ южно-

русской экономической жизни, что косарь поневолѣ является какимъ-то Макаромъ, на котораго всѣ шишки валятся, и самая артельная организація косарскаго труда оказывается ни больше, ни меньше, какъ палліативнымъ средствомъ, плохо поддерживающимъ выгоды труженика подъ общимъ напоромъ экономическихъ неурядицъ.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ И СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ АРТЕЛИ ИЛИ ОБЩИННО-АРТЕЛЬНЫЯ ФОРМЫ.

1. Толока.

«Толока» представляетъ форму, по всей вѣроятности, довольно близкую по своему происхожденію съ обычаемъ «спрягаться». Обѣ эти формы народнаго труда видимо произошли путемъ атрофировки обычаевъ, имѣвшихъ когда то болѣе широкое примѣненіе въ жизни южно-русскаго земледѣльца, обѣ онѣ—только отжившія формы общиннаг, труда и каждая изъ нихъ въ настоящее время носит-характеръ артели.

Малорусская «толока»—то же, что и великорусскія «помочи». И толока, и помочи представляютъ собою такія формы народнаго труда, которыя производятся «гурьбой»ъ «гуртомъ», и притомъ рабочими силами различныхъ сем мействъ. Толока — дѣло извѣстнаго общества, односельцевъ, сосѣдей, но ничуть не семейная или родственная взаимопомощь, хотя, конечно, единичные случаи и не исключаютъ такого ея характера. Въ толокѣ воплощается временная, мимолетная ассоціація силъ. Толока, слѣдова-

тельно, представляетъ собою артельную форму труда, хотя и далеко не въ совершенномъ видѣ.

Отличительная черта чисто южно-русскихъ артелей состоитъ именно въ томъ, что большинство ихъ представляетъ собою или первоначальныя, зачаточныя формы, или же формы, утратившія свой прежній характеръ. Толоку, при поверхностномъ взглядѣ на нее, можно отнести разомъ къ обоимъ видоизмѣненіямъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ она, повидимому, представляетъ форму перваго рода, форму чрезвычайно простую и неразвитую. Но есть также основанія предполагать, что она составляетъ только жалкій осколокъ болѣе широкой и совершенной формы общиннаго труда, существовавшаго между малорусскимъ населеніемъ въ былыя времена. Еще и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи и Юго-западнаго края, напр., въ Ольгопольскомъ уѣздѣ Каменецъ-Подольской губерніи, между мѣстнымъ населеніемъ довольно свѣжи воспоминанія о тѣхъ временахъ, когда земля обрабатывалась всѣми наличными силами села или деревни, «вмѣстѣ», сообща, «гуртомъ». Если подобный способъ общинной обработки земли былъ въ прежнія времена, до крѣпостнаго права, въ южной Россіи болѣе или менѣе общераспространеннымъ, въ чемъ врядъ-ли можно сомнѣваться, тогда связь толоки съ этой общей ассоціаціонной формой труда, покрайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной Россіи, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и толока, слѣдовательно, представляетъ изъ себя атрофирующуюся форму общиннаго труда.

Есть и другія основанія, подтверждающія ту мысль, что на толоку нужно смотрѣть, какъ на форму общинной взаимопомощи, имѣвшей мѣсто въ южной Россіи въ отдаленныя времена въ силу нѣкоторыхъ экономическихъ и соціальныхъ условій страны. Въ этомъ именно отношеніи толока и представляетъ много общаго съ обычаемъ «спря-

гаться», становясь этимъ послѣднимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда работы исполняются въ силу общинныхъ нуждъ и потребностей. Въ пользу такого предположенія о толокѣ, какъ объ отживающей формѣ общиннаго труда, говорятъ и аналогичныя формы труда у великороссовъ — помочи. Какъ показываетъ и самое ихъ названіе, помочи устраиваются для того, чтобы помочь лицамъ почему-либо немогущимъ произвести извѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Такъ какъ и толока, и помочи устраивались прежде только для бѣдныхъ, для духовенства и вообще для общественныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ нуждъ и цѣлей и такъ какъ даже въ настоящее время онѣ во многихъ мѣстахъ не утратили еще такого характера и устраиваются большею частію въ одни и тѣ же дни ежегодно, играющіе роль народныхъ праздниковъ; то отсюда, очевидно, можно сдѣлать только одинъ выводъ, что и толока, и помочи представляютъ собою атрофирующіяся формы общиннаго труда. Но тогда какъ у великороссовъ случаи устройства помочей для бѣдняковъ еще довольно часты и распространенны, на югѣ Россіи подобнаго рода случаи чрезвычайно рѣдки. Толокой работаютъ въ южной Россіи на бѣдняковъ только въ немногихъ, исключительныхъ случаяхъ. За то и въ южной, какъ въ средней и въ особенности въ сѣверной Россіи, толока чаще устраивается для общественныхъ нуждъ и съ религіозно-нравственными цѣлями. Такъ напр., въ Сквирскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, при помощи толоки отдѣльныя селенія жнутъ со снопа у помѣщиковъ хлѣбъ, молотятъ его также толокой и вырученныя затѣмъ деньги употребляютъ на школы или на церкви.

Итакъ, слѣдовательно, толока представляетъ форму отжившаго общиннаго труда; но въ настоящее время, какъ увидимъ ниже, она носитъ характеръ артели, по

крайней мѣрѣ въ лучшихъ, менѣе искаженныхъ своихъ проявленіяхъ.

Въ настоящее время толока вошла въ обычай, эксплуатируемый, во первыхъ, духовенствомъ, то есть: священниками, дьяконами, дьячками, вдовами и сиротами духовнаго званія; во вторыхъ, сельскими и станичными властями: старшинами, старостами, отаманами, писарями, ктиторами и пр.; въ третьихъ, лицами, пользующимися вообще извѣстнымъ положеніемъ въ средѣ сельскаго населенія, какъ-то: кабатчиками, лавочниками, кулаками, знахарями, черничками, т. е. начетчицами и т. п.

Сообразно съ этими тремя категоріями лицъ, толока принимаетъ болѣе или менѣе принудительный, обязательный характеръ. Такъ, священники, старшины или отаманы смотрятъ на толоку, какъ на свою прямую и необходимую дань, и вслѣдствіе этого ни мало не стѣсняются понужденіями, приказаніями и вообще крутыми мѣрами въ случаѣ, если жители бываютъ не расположены работать на нихъ толокой. Напротивъ, кабатчики или кулаки дѣйствуютъ большею частію безъ приказаній и крутыхъ мѣръ, просто при помощи ловкаго торгашескаго или растовщицкаго опутыванія своихъ подневольныхъ жертвъ. Для этихъ господъ работы толокой являются чѣмъ-то въ родѣ неизбѣжныхъ процентовъ на капиталъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что во всѣхъ мѣстахъ южной Россіи главнымъ и преобладающимъ элементомъ, для котораго производятся работы толокой, является духовенство. Этимъ какъ будто указывается, между прочимъ, на то обстоятельство, что въ прежнія времена толока служила для духовенства средствомъ натуральнаго вознагражденія и устраивалась, главнымъ образомъ, въ виду религіозно-нравственныхъ цѣлей.

Въ силу все того же исключительнаго пользованія толокою со стороны духовенства, у малороссовъ суще-

ствуютъ даже опредѣленные разъ на всегда дни, въ которые и производятся обыкновенно работы толокой. Такъ какъ духовенство пользуется этими днями для своихъ личныхъ выгодъ, то, поэтому, и самые такіе дни у народа извѣстны подъ именемъ «попівскихъ празниківъ». Сюда относятся «Паликопъ», «Русальчинъ-великъ-день», «теплый Олекса», «Илія», «Сѐменъ» и др. чисто народно-обрядовые, полуязыческіе праздники. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Черноморіи, въ народномъ языкѣ утратилось даже самое слово толока, замѣнившись выраженіемъ «попівскі празники». Впрочемъ, работы толокой производятся не только въ одни поповскіе праздники, но и вообще въ воскресные и церковные праздничные дни. Но въ будни толока не бываетъ.

Не смотря на то, что малороссы вообще чрезвычайно щепитильны по отношенію къ работамъ въ праздники, работы толокой въ такіе дни на духовенство и другихъ лицъ считаются у нихъ ни мало не предосудительными. Въ этихъ работахъ, по мнѣнію малороссовъ, нѣтъ грѣха; ихъ позволяетъ самъ Богъ. И суевѣрный малороссъ, не работающій, напр, въ день какого-нибудь Прокофія изъ боязни, что этотъ святитель накажетъ его пожаромъ въ полѣ, отъ чего Прокофій получилъ назнаніе Паликопа,—преспокойно работаетъ толокой не только въ день того же Паликопа, но и въ другіе еще болѣе чтимые имъ праздники.

Но по мѣрѣ того, какъ количество праздниковъ у южныхъ земледѣльцевъ все убываетъ и убываетъ, а самое ихъ чествованіе теряетъ свой первоначальный строгій характеръ,—и земледѣльческій трудъ въ такіе дни пріобрѣтаетъ все большую и большую цѣнность въ глазахъ тѣхъ же земледѣльцевъ. Вслѣдствіе этого и работы толокой, какъ своего рода даровой трудъ, также постепенно сходятъ со сцены. Поэтому, и въ отношеніи къ самому географическому распредѣленію обычая работать толокою въ

южной Россіи можно замѣтить слѣдующее: чѣмъ южнѣе мѣстность, тѣмъ обыкновенно рѣже встрѣчается въ ней толока, а самый характеръ толоки болѣе обязательный, вынужденный,—и на оборотъ. Очевидно, на крайнемъ югѣ трудъ цѣнится дороже, чѣмъ въ болѣе сѣверныхъ мѣстахъ южной Россіи.

Толокой производятся вообще всякаго рода работы, входящія въ кругъ южно-русскаго хозяйства. Главнѣйшими изъ такихъ работъ можно считать съемку и перевозку хлѣба и сѣна, для какихъ работъ преимущественно и существуетъ толока. Другія работы, какъ напр., перевозка глины, скашиванье и возка камыша, бурьяну и пр., производятся толокой сравнительно рѣже, хотя и имѣютъ мѣсто положительно во всей южной Россіи. Наконецъ, распашка земли и посѣвы толокой въ однихъ мѣстахъ встрѣчаются иногда, въ другихъ совершенно вышли изъ обычая, что можно сказать главнымъ образомъ относительно крайнаго юга.

Толока — мимолетная, такъ сказать, форма труда. Работы толокой рѣдко продолжаются въ теченіе двухъ дней. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ толока ограничивается однимъ днемъ или вѣрнѣе выполненіемъ одной какой-нибудь работы. Поэтому, и самый артельный характеръ толоки въ настоящемъ ея видѣ заключается единственно въ той чертѣ ея, которая состоитъ въ общности работъ, производимыхъ нѣсколькими совершенно чуждыми другъ другу лицами, т. е., въ толокѣ какъ бы сохранилась первая часть артельной формы—совмѣстныя работы. Въ ней не существуетъ ни дѣлежа продуктовъ, ни какого бы то ни было вознагражденія, распредѣляемаго извѣстнымъ образомъ между участвующими въ ней лицами, и если бы не было случаевъ, гдѣ толока является въ болѣе чистой артельной формѣ, то существующіе въ настоящее время въ южной Россіи виды толоки нельзя

было бы даже отнести къ артельнымъ формамъ труда. Но дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной Россіи сохранились такого рода комбинаціи труда: извѣстныя работы, напр., перевозка съ поля хлѣба или сѣна, производятся обыкновенно сообща, толокой нѣсколькими домохозяевами поочередно у каждаго. Такимъ образомъ, здѣсь уже ясно сохранились обѣ части артельной формы — общія работы и общее пользованіе ихъ результатами. Такимъ же родомъ производились нѣкоторыя работы у малороссовъ и въ тѣ времена, когда еще существовала, покрайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, общинная обработка земли.

Единственное вознагражденіе, которымъ, пожалуй, пользуются работающіе толокой, заключается въ угощеніи. Обычай требуетъ, чтобы для работающихъ толокою была приготовлена не обыкновенная обыденная пища, а непремѣнно угощеніе, и чѣмъ богаче лице, для котораго собирается толока, тѣмъ больше требуется отъ него. Водка считается въ такихъ случаяхъ необходимою принадлежностью стола. Предметы рѣдкости или лакомства въ крестьянскомъ быту, какъ напр., какая-нибудь «чехонь», «таранка» или «оселедці», также нераздѣлимы съ толокой. Вообще при толокѣ южно-русскій рабочій «раскошничаетъ» и ѣстъ обыкновенно борщъ со сметаной и саломъ, баранину или рыбу, различнаго рода пироги, «кныші», «паляниці», «пампушки», «коржі» и пр. Главное время этого пиршества составляетъ обѣдъ, которымъ по обыкновенію въ большинствѣ случаевъ и заканчивается толока. Тутъ пируютъ всѣ участники толоки — «и старе, и мале», и какой-нибудь крошечный «пацанъ» (мальчикъ) тянетъ нерѣдко веселящую влагу изъ рюмки на равнѣ съ сѣдоусымъ «дядькомъ» или проворною, но сердитою «тіткою». Толока, поэтому, заканчивается зачастую разгуломъ, въ ко-

торомъ принимаютъ, конечно, участіе одни взрослые и чаще мужчины, чѣмъ женщины. Въ тѣхъ случаяхъ, когда толока имѣетъ характеръ общественной работы, напр., работы для церкви или школы, участники толоки кормятся или обыкновеннымъ образомъ, каждый своею пищею, или же въ складчину.

Само собою понятно, что участники толоки производятъ работы большею частію при посредствѣ своихъ же рабочихъ средствъ. Косы, волы, вилы, грабли, лопаты, плуги, бороны и пр., пр.—все это большею частію принадлежитъ тѣмъ лицамъ, которыя составляютъ толоку, что, разумѣется, ни мало не исключаетъ рабочихъ средствъ и самихъ хозяевъ, для которыхъ устраивается толока. Очень часто бываетъ такъ, что лица, составляющія толоку, дѣлаютъ съ своей стороны нѣчто въ родѣ складчины. Одинъ, напр., даетъ только возъ, другой—воловъ, третій идетъ самъ на работу и т. д.

Такова южно-русская толока. Не смотря на свой артельный характеръ, это въ большинствѣ случаевъ, безъ всякаго сомнѣнія, чисто вынужденная, обязательная форма народнаго труда, которая ложится на земледѣльца иногда тяжелымъ гнетомъ. Чтобы опредѣлить размѣръ этой тяжести, достаточно упомянуть, что толока существуетъ и въ Малороссіи, и въ Юго-западномъ краѣ, и въ Новороссіи, и на Кавказѣ. Обычай толоки можно найдти въ Кіевской, Волынской, Каменецъ-Подольской, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Воронежской, Екатеринославской, Херсонской, части Курской и части Таврической губерній, а также въ Донскомъ войскѣ, Кубанской области, Терскомъ войскѣ и, по всей вѣроятности, въ Бессарабіи. Такъ какъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ считается около 30 тысячъ сельскихъ поселеній, то, взявши изъ нихъ только третью часть и оцѣнивши стоимость производимыхъ то-

локою работъ для каждаго селенія, гдѣ производится ежегодно толока, minimum въ 100 рублей въ годъ,— получимъ слѣдующія цифры, въ которыхъ выразится общая стоимость производимыхъ толокою въ южной Россіи работъ: 10,000 X 100=1,000,000 рублей. Цифры, конечно, въ сущности далеко ниже дѣйствительныхъ, но тѣмъ не менѣе все таки довольно почтенныя.

2. Обычай «спрягаться».

«Спрягаться» («супрягаться» также) значитъ соединять рабочій скотъ и орудія нѣсколькихъ домохозяевъ для произведенія какой-нибудь работы вообще и вспашки земли въ тѣсномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, обычай «спрягаться» представляетъ собою несомнѣнно ассоціаціонную форму народнаго труда. Это одинъ изъ тѣхъ обычаевъ, которые бываютъ тѣсно связаны съ примитивными формами народнаго хозяйства. Въ немъ, въ этомъ обычаѣ, ясно проглядываетъ начало взаимопомощи, основанное на соединеніи рабочихъ средствъ и капитала, соединеніи, обусловливаемомъ, съ одной стороны, трудностью обработки тяжелыхъ и плохо культивированныхъ почвъ, а съ другой, недостаткомъ рабочихъ средствъ и слабымъ развитіемъ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства.

Судя по такому характеру этого обычая и по логическому значенію слова «спрягаться», надо полагать, что обычай спрягаться въ свое время имѣлъ самое близкое отношеніе къ первобытной хозяйственной общинѣ. На это есть даже прямыя фактическія указанія въ народной жизни. Бываютъ случаи, когда спрягается цѣлое селеніе для вспашки, напр., церковной земли. Очевидно, что въ такихъ случаяхъ обычай спрягаться и носитъ именно ха-

рактеръ общиннаго труда. Въ Ольгопольскомъ уѣздѣ Каменецъ-Подольской губерніи въ былыя времена, когда пользованіе у крѣпостныхъ крестьянъ отведенными имъ помѣщиками землями было общиннымъ, для вспашки земли спрягалась обыкновенно вся деревня. И въ такой формѣ этотъ обычай встрѣчается не только у малороссовъ, но даже у другихъ народностей, у которыхъ ведется первобытное натуральное хозяйство. Такъ, черкесы Кубанской области, хозяйственная община у которыхъ носитъ несомнѣнно первобытный характеръ, спрягаются цѣлыми общинами для вспашки и обработки земли. Такимъ образомъ, на малорусскій обычай спрягаться нужно смотрѣть, какъ на уцѣлѣвшую и до извѣстной степени видоизмѣнившуюся форму общиннаго труда, имѣвшаго когда-то болѣе широкое примѣненіе въ жизни малорусскаго народа.

Но, съ другой стороны, обычай спрягаться въ своемъ настоящемъ видѣ представляетъ только обыкновенную артельную форму. Имѣя повсемѣстное примѣненіе въ Малороссіи, Юго-западномъ краѣ и вообще въ южной Россіи, онъ всегда является личнымъ дѣломъ нѣсколькихъ хозяевъ и, за весьма немногими исключеніями, бываетъ дѣломъ цѣлаго селенія или общины. Слѣдовательно, рядомъ съ предположеніемъ о томъ, что обычай спрягаться служитъ уцѣлѣвшею формою общиннаго труда, существуетъ цѣлая масса фактовъ въ современной жизни, возводящихъ его какъ-бы въ самостоятельную артельную форму. Конечно, это отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторыя артели являются только слѣдствіемъ видоизмѣненія общинныхъ формъ труда и что, слѣдовательно, такою же формою является и обычай спрягаться. Впрочемъ, съ какой бы точки зрѣнія не посмотрѣть на обычай спрягаться, онъ и какъ уцѣлѣвшая форма общиннаго труда, и какъ чисто артельная форма оказывается сло-

жившимся подъ вліяніемъ совершенно однохарактерныхъ условій.

Малорусскія «спряжки» или лучше землепашскія артели представляютъ собою такія формы народнаго труда, при посредствѣ которыхъ производятся только однѣ предварительныя земледѣльческія работы—распашка земли и посѣвы. Это чрезвычайно простыя формы ассоціаціи, отличающіяся своимъ примитивнымъ, зародышевымъ характеромъ. Артельное начало примѣнено къ нимъ въ самомъ незатѣйливомъ видѣ, и малороссы, сколько мнѣ извѣстно, даже не придумали до сихъ поръ для обозначенія этихъ артелей подходящаго названія. Чтобы отличить распашку, производимую при помощи этихъ артелей, отъ другихъ способовъ обработки земли, малороссы употребляютъ обыкновенно глаголъ спрягаться. Спрягаться значитъ именно составлять описываемыя нами землепашскія артели.

Всматриваясь въ настоящія причины существованія землепашскихъ артелей, легко замѣтить, что существованіе это обусловливается, съ одной стороны, естественнымъ характеромъ южно-русскаго края, а съ другой, особымъ складомъ малорусской жизни. Когда земля южной Россіи была покрыта богатою и раскошною растительностію, земледѣльцу трудно было справиться съ такою землею, въ настоящее же время, когда истощенная почва то и дѣло посѣщается частыми засухами, и земля, по библейскому выраженію штундистовъ, сдѣлалась «мѣдяною», борьба съ природой стала для южнаго земледѣльца еще болѣе трудною и непосильною. Такимъ образомъ, и прежде, и теперь подъемъ и вспашка земли представляла и представляетъ для южно-русскаго земледѣльца существенную и затруднительную задачу его тяжелаго труда. Корнеплодная почва и глубокая вспашка всегда требовали зна-

чительныхъ силъ и тяжелыхъ земледѣльческихъ орудій. Малорусская «оранка», т. е. вспашка, земли при помощи тяжелаго и безобразнаго плуга, влекомаго четырьмя, пятью и даже шестью парами воловъ, давно служила предметомъ удивленія и даже многогрѣшнаго зубоскальства для нашихъ доморощенныхъ quasi-ученыхъ земледѣльцевъ. Съ другой стороны, постоянныя экономическія неурядицы, происходившія на югѣ Россіи отъ цѣлой массы внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, каковы: огранизація южно-русской торговли, рѣзкія колебанія на заграничныхъ рынкахъ въ спросѣ на южно-русское сырье и пр, окончательно разоряли южно-русскаго земледѣльца и лишали его и тѣхъ небогатыхъ средствъ, которыми онъ располагалъ. Южный земледѣлецъ издавна терпѣлъ недостатокъ въ земледѣльческихъ орудіяхъ и рабочемъ скотѣ, а южнорусское земледѣліе страдало отъ отсутствія капиталовъ и отъ неравномѣрнаго распредѣленія рабочихъ сихъ, блистательнѣйшимъ подтвержденіемъ чего служатъ такія явленія, какъ отхожій косарскій промыселъ южной Россіи. При такомъ положеніи дѣлъ, южному земледѣльцу естественно было искать въ затруднительныхъ случаяхъ выхода въ той формѣ труда, которую онъ окрестилъ глаголомъ «спрягаться». Примѣненіе артельнаго начала къ земледѣлію становилось прямымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ самаго положенія земледѣльца. Вотъ почему землепашскія артели малороссовъ представляютъ довольно распространенную и однообразную форму земледѣльческаго труда въ южной Россіи. Существованіе ихъ, по мимо давности, очевидно, обусловливается всеобщими и однообразными причинами, и землепашскія артели, напр., Полтавской губерніи, ничѣмъ существенно не отличаются въ силу этихъ причинъ отъ подобныхъ же артелей Кубанской области или Екатеринославской губерніи.

Другая причина, которой обусловливается существованіе землепашскихъ артелей именно между малороссами, кроется въ національномъ характерѣ малороссовъ. Это извѣстный малорусскій индивидуализмъ, на который очень многіе указываютъ обыкновенно, какъ на прямой тормозъ для развитія артелей между малороссами. Дѣло въ томъ, что въ малорусскомъ населеніи весьма сильно стремленіе къ такъ называемому «отділу», т. е. раздѣлу. Едва женится малороссъ, какъ всячески уже старается отдѣлиться отъ отцовской семьи и жить своимъ самостоятельнымъ хозяйствомъ. Малорусскія семьи, поэтому, не отличаются многочисленностью своихъ членовъ, что и составляло собственно—покрайней мѣрѣ до послѣдняго времени — ихъ отличительную черту отъ великорусскихъ семей. Вслѣдствіе этого происходитъ дробленіе хозяйствъ на мелкія части и невозможность для многихъ семействъ производить распашку земли однѣми своими наличными силами. Такія именно мелкія семейства чаще всего и «спрягаются». Поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Кубанская область. Въ составъ Кубанской области, какъ извѣстно, вошли два войска — Линейное, состоящее изъ великороссовъ, и Черноморское, образовавшееся изъ малороссовъ. Не смотря на это соединеніе двухъ войскъ въ одно, ихъ жизнь по прежнему раздѣлена рѣзкою чертою. У линейцевъ встрѣчаются, напр., довольно многочисленныя семьи и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдки случаи описываемыхъ нами землепашскихъ артелей, такъ какъ большая семья представляетъ обыкновенно сама по себѣ достаточно силъ и средствъ для подъема и распашки тяжелой почвы. У черноморцевъ, напротивъ, семьи отличаются малочисленностью членовъ и случаи образованія землепашскихъ артелей довольно часты.

Вообще по мѣрѣ того, какъ, благодаря главнымъ

образомъ частному владѣнію землей, все больше и больше усиливается обѣдненіе рабочаго класса въ нѣкоторыхъ частяхъ южной Россіи,—и типъ южно-русскаго пролетарія очерчивается все ярче и отчетливѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ ростетъ и количество такихъ семействъ, для которыхъ «спрягаться» при распашкѣ земли становится единственнымъ средствомъ поддержки ихъ убогаго хозяйства. Такимъ образомъ настоящія условія нѣкоторыхъ частей южной Россіи (преимущественно Малороссіи и Юго-западнаго края), повидимому благопріятствуютъ, если не развитію, то поддержкѣ земледѣльческихъ артелей. Но это только повидимому. На самомъ дѣлѣ эти условія таковы, что при дальнѣйшемъ своемъ развитіи онѣ окончательно подорвутъ даже разсматриваемыя нами незатѣйливыя формы артельнаго труда, и въ результатѣ дадутъ страшнѣйшее изъ золъ—земледѣльческій пролетаріатъ.

Въ настояще время землепашскія артели встрѣчаются положительно во всѣхъ частяхъ и мѣстностяхъ южной Россіи—и въ Малороссіи, и въ Новороссіи, и на Кавказѣ. Но распредѣленіе ихъ далеко неравномѣрно во всѣхъ этихъ частяхъ. Тамъ, гдѣ обѣдненіе земледѣльческаго класса значительно, и надѣлъ земли ничтоженъ, гдѣ, слѣдовательно, на ряду съ обиліемъ рабочихъ силъ существуетъ недостатокъ въ рабочихъ средствахъ—въ орудіяхъ, въ скотѣ и въ особенности въ землѣ,—тамъ, понятно, и количество землепашскихъ артелей весьма ограничено. Наоборотъ, чѣмъ больше въ извѣстной мѣстности находится въ распоряженіи земледѣльческаго класса земли и рабочихъ силъ и меньше земледѣльческихъ орудій и рабочаго скота, тѣмъ значительнѣе число существующихъ въ такихъ мѣстностяхъ землепашскихъ артелей. Надо, впрочемъ, замѣтить, что распространеніе землепашскихъ артелей идетъ какъ бы съ юга на сѣверъ, чего, конечно, въ исторической

жизни южно-русскаго края на самомъ дѣлѣ никогда не было, и тамъ, гдѣ соха замѣняетъ малороссійскій плугъ, находится черта, за которой землепашскія артели уже не встрѣчаются. Такимъ образомъ, напр., въ томъ мѣстѣ, гдѣ Полтавская губернія граничитъ съ Курской, въ малорусскомъ населеніи которой плугъ замѣненъ сохой, обычая спрягаться даже между этимъ населеніемъ не существуетъ.

Малорусскія землепашскія артели отличаются смѣшаннымъ характеромъ. Онѣ представляютъ собою соединеніе труда и капитала. «Спрягаются» въ большинствѣ случаевъ такимъ образомъ, что въ составъ артелей входятъ слѣдующіе необходимые элементы: 1) рабочія силы, т. е. такъ называемые «плугатырь», главный работникъ и заправляющій, и «погонычі», т. е. погонщики воловъ; 2) земледѣльческія орудія — плугъ, «рало» и бороны; 3) рабочій скотъ—волы и въ весьма рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ лошади. Спрягающіеся, слѣдовательно, участвуютъ въ землепашскихъ артеляхъ или трудомъ, или капиталомъ, или же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Каждый изъ этихъ элементовъ, выполняя извѣстныя функціи въ артельной распашкѣ земли, опредѣляется затѣмъ извѣстнаго рода натуральнымъ вознагражденіемъ, установленнымъ въ большинствѣ случаевъ разъ на всегда обычаемъ.

Благодаря такому смѣшанному характеру землепашскихъ артелей и въ особенности немногосложности производимыхъ ими операцій, и самая организація ихъ не отличается ни сложностью, ни особенною спеціализаціею въ выполняемыхъ артелями работахъ. Единственныя работы, требующія извѣстнаго навыка и знаній, исполняются плугатыремъ. Плугатырь долженъ умѣть слаживать плугъ, «ходить за плугомъ», сдѣлать и приладить, куда слѣдуетъ, различнаго рода клинья и клинушки (такъ называемую «жабку», «клины́ чересла̀» и «клины́ хвостовика»), и,

наконецъ, умѣть опредѣлить самую глубину вспашки. Если затѣмъ на немъ лежитъ и сѣянье, то отъ него требуется также и умѣнье разбрасывать болѣе или менѣе равномѣрно сѣмена—«густо» или «рідко». Затѣмъ всѣ остальныя работы, лежащія уже на погонычахъ, сводятся исключительно къ одному понуканію съ помощію «батога» воловъ, умѣнью впречь и выпречь ихъ и держать во время самой распашки на извѣстной линіи по бороздѣ.

Такимъ образомъ, уже по самому своему положенію, плугатырь является главою и распорядителемъ артели. Это, слѣдовательно, своего рода артельщикъ-отаманъ, и малороссы дѣйствительно нерѣдко въ шутку называютъ своихъ плугатырей отаманами. На плугатырѣ лежитъ полнѣйшая отвѣтственность за веденіе всего дѣла и цѣлость ввѣряемыхъ ему орудій и скота. Онъ, поэтому, распредѣляетъ работы, опредѣляетъ время ихъ продолжительности и отвѣчаетъ въ случаѣ пропажи скота или орудій. Самыя провинности и неисправности плугатыря всегда опредѣляются общимъ народнымъ мнѣніемъ и караются волостнымъ или станичнымъ судомъ на основаніи существующихъ на этотъ счетъ обычаевъ.

Роль погонычей чисто второстепенная и крайне незначительная. Это—непосредственные помощники и слуги плугатыря. Ихъ дѣло: точно блюсти распоряженія этого послѣдняго — и только. Во время самой распашки или «заволочки», они обыкновенно только водятъ и «поганяютъ» воловъ; но съ окончаніемъ работъ этого рода на нихъ лежитъ обязанность ухода за скотомъ—его выпаска и поеніе—подъ непосредственнымъ, разумѣется, наблюденіемъ плугатыря. Поэтому, извѣстная доля отвѣтственности за рабочій скотъ лежитъ также и на погонычахъ, впрочемъ, только взрослыхъ. Погонычи несутъ отвѣтственность не только передъ однимъ плугатыремъ въ тѣхъ

случаяхъ, когда по ихъ винѣ, напр., волы «попаряться», т. е. потрутъ шеи, или плохо будутъ накормлены, но и вообще, по существующимъ обыкновеніямъ, они отвѣтственны за всѣ тѣ случаи могущихъ произойдти несчастій со скотомъ, которые бываютъ при передачѣ скота на ихъ руки плугатыремъ и невозможности наблюденія со стороны этого послѣдняго.

Каждая землепашская артель состоитъ обыкновенно изъ одного плугатыря и двухъ или трехъ погонычей, а въ рѣдкихъ случаяхъ и просто одного. Такихъ артелей, которыя работали бы двумя или нѣсколькими плугами и количество рабочихъ силъ которыхъ, слѣдовательно, не ограничивалось бы цифрами въ три или четыре человѣка, не встрѣчается. Но въ составъ артелей входятъ вообще, какъ мужчины, такъ и женщины. Разумѣется, эти послѣднія бываютъ только погонычами, такъ какъ отъ плугатыря требуется значительная физическая сила и напряженіе въ трудѣ. Случаи, когда плугатыремъ бываетъ женщина, исключительны. Впрочемъ, и погонычами всегда почти бываютъ подростки изъ мужчинъ, и случаи взрослыхъ погонычей весьма рѣдки.

Каждый членъ артели, если онъ не одной семьи съ кѣмъ-нибудь изъ другихъ членовъ, долженъ обыкновенно кормиться своею собственною пищею, такъ что въ общей сложности артель кормится пищей при помощи складчины и непремѣнно изъ одного общаго котла. Точно такая же складчина существуетъ и по отношенію къ кормленію рабочаго скота, если только онъ кормится сѣномъ, а не подножнымъ кормомъ. Въ такомъ случаѣ каждый изъ соучастниковъ артели запасается сѣномъ въ такомъ количествѣ, какое бываетъ необходимо для прокормленія его скота. Вообще ни по отношенію къ продовольствію членовъ, ни по отношенію къ кормленію скота не существу-

етъ никакихъ строго опредѣленныхъ правилъ, а скорѣе все это лежитъ на совѣсти каждаго изъ участвующихъ въ артели. И сколько мнѣ извѣстно, въ результатѣ всегда бываетъ такъ, что раскладка предметовъ потребленія всегда какъ-то устраивается сама собою и ложится съ одинаковою равномѣрностью на всѣхъ членовъ артели.

Землепашскія артели производятъ свои работы главнымъ образомъ осенью и весною, т. е. въ тѣ времена, когда бываетъ въ южной Россіи распашка земли и посѣвы. Самая продолжительность ихъ работъ довольно непостоянна. Рѣдкія изъ артелей пашутъ во весь рабочій сезонъ. Чаще случается такъ, что артель существуетъ въ теченіе какого-нибудь одного или двухъ мѣсяцевъ или даже недѣль. Продолжительность работъ обусловливается очень многими причинами и главнѣйшей изъ нихъ—тѣмъ количествомъ земли, которымъ располагаетъ обыкновенно земледѣлецъ.

Наконецъ, самое распредѣленіе работъ, приходящихся на каждаго хозяина, участвующаго въ работѣ собственнымъ ли трудомъ, или рабочимъ скотомъ и орудіями, на основаніи существующихъ обычаевъ, бываетъ приблизительно слѣдующимъ во всѣхъ мѣстахъ южной Россіи: плугатырь получаетъ право за свои труды пахать на себя пятый день или пятую десятину, погонычъ восьмой, девятый и даже двѣнадцатый день или десятину, но самая значительная доля натуральнаго вознагражденія приходится на долю рабочаго скота. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ артель входятъ, напр., два хозяина, и когда одинъ изъ нихъ имѣетъ двѣ пары воловъ и плугъ, а другой только двѣ пары воловъ, этотъ послѣдній непремѣнно долженъ быть плугатыремъ и, значитъ, трудъ плугатыря (трудъ одного участника въ артели) будетъ уравниваться плугомъ (капиталомъ другаго участника). Само собою понятно, что

если кто участвуетъ въ артели однимъ плугомъ, то для него также распахивается пятая десятина. Въ общемъ итогѣ, слѣдовательно, выходитъ такого рода право на распредѣленіе работъ, выпадающихъ на долю участвующихъ въ артели элементовъ: на плугатыря идетъ одинъ день вспашки, на плугъ — одинъ день и на каждую изъ трехъ пару воловъ также по одному дню; затѣмъ погонычи располагаютъ седьмымъ, десятымъ и даже двѣнадцатымъ днемъ, смотря по возрасту погоныча, или же, что случается гораздо чаще, извѣстнымъ денежнымъ вознагражденіемъ, уплата котораго распредѣляется между участниками пропорціонально ихъ величинѣ участія въ артели. Чаще же всего трудъ погоныча какъ бы совершенно игнорируется, такъ какъ вообще дѣтскій трудъ или даже трудъ такъ называемыхъ «попыхачей», т. е. подростковъ, находящихся подъ рукою у взрослаго рабочаго, цѣнятся одною потребляемою ими пищею. Таковы ужъ обыкновенія у южно-русскаго земледѣльца или, вѣрнѣе, таково ужъ его бѣдственное экономическое положеніе, при которомъ кусокъ хлѣба считается достаточною платою за трудъ

3. Артели половинщиковъ и артели съ части.

Тѣ формы земледѣльческаго труда, которыя составляютъ предметъ настоящаго очерка, не носятъ, собственно говоря, въ народномъ языкѣ какого-нибудь одного опредѣленнаго названія. Для обозначенія ихъ малороссы обыкновенно употребляютъ выраженія: «становиться съ половины», «браться съ мѣрки, съ копы, снопа», «скопщина» и пр. Всѣми этими выраженіями, слѣдовательно, обозначаются однохарактерныя видовыя формы труда, относящіяся къ одному и тому же общему для всѣхъ ихъ роду.

Малороссы почему-то не находятъ нужной замѣну этихъ выраженій именами существительными, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по отношенію къ нѣкоторымъ работамъ этого рода существуютъ такія названія, какъ напр., въ Черниговской губерніи, гдѣ употребляется слово «скопщина». Поэтому, и мы взяли для ихъ обозначенія только единственно существующій въ малорусскомъ нарѣчіи народный терминъ «половинщикъ», подъ каковымъ, впрочемъ, названіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной Россіи извѣстны вообще работающіе за извѣстную часть производимыхъ ими на хозяевъ продуктовъ. Такимъ образомъ, и самыя артели, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, представляютъ изъ себя цѣлую серію совершенно однохарактерныхъ видовыхъ формъ народнаго труда.

Впрочемъ, артельная форма труда не составляетъ единственнаго и исключительнаго способа обработки земли исполу и уборки хлѣба съ копны или мѣры. Работы этого рода производятся также у малороссовъ и отдѣльными семьями или единично работающими рабочими,—и артельныя формы труда идутъ съ ними рука объ руку. Вообще обыкновенныя неартельныя работы исполу и съ части встрѣчаются чаще, чѣмъ артельныя. Вся сила заключается тутъ въ томъ, въ какихъ отношеніяхъ находится капиталъ къ труду или, вѣрнѣе, работодатели къ берущимъ работы. Чѣмъ въ большей экономической зависимости находятся рабочіе отъ работодателей и землевладѣльцевъ, тѣмъ обыкновенно сильнѣе парализуется ихъ стремленіе производить работы сообща, артелью... Очевидно, что тамъ, гдѣ кабала начинаетъ вступать въ свои права, меньше всего мыслимы какія бы то ни было артели. Артели возможны только при извѣстномъ minimum'ѣ экономической свободы, за которымъ существуетъ уже чисто кабальный, рабскій трудъ...

Трудно сказать, какъ и когда возникли артели половинщиковъ и однохарактерныя съ ними артели съ части на югѣ Россіи. Время, кажется окончательно сгладило слѣды ихъ первоначальнаго возникновенія, и самый ихъ настоящій характеръ и складъ едва ли былъ такимъ въ былыя времена. Какъ бы тамъ ни было, впрочемъ, но и возникновеніе, и самое ихъ существованіе всегда находилось въ тѣсной связи и зависимости съ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ земли, угодій и капиталовъ между различными личностями и классами южно-русскаго населенія. Естественно, поэтому, предположить, что въ тѣхъ мѣстахъ южной Россіи, гдѣ существовало крѣпостное право, артели половинщиковъ или съ части получили свое начало только съ исчезновеніемъ этого послѣдняго. Въ другихъ мѣстахъ, какъ напр., въ Черноморіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новороссійскаго края, артели этого рода существовали далеко ранѣе отмѣны крѣпостнаго права въ Россіи. Такимъ образомъ, артели половинщиковъ и артели съ части получили свое начало въ разныхъ мѣстахъ южной Россіи въ различныя времена и при различныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ.

Южно-русская сельско-хозяйственная производительность издавна страдала отъ несоотвѣтствія рабочихъ средствъ съ тѣми природными богатствами, которыя заключала въ своихъ нѣдрахъ нрирода и земля южной Россіи. Недостатокъ рабочихъ рукъ и отсутствіе интенсивнаго труда съ поконъ вѣку были ея больными мѣстами. Въ то же время различнаго рода пертурбаціи, которымъ подвергался югъ Россіи, вносили еще болѣе неурядицъ и невзгодъ въ экономическую жизнь его населенія. Сильныя военныя потрясенія, преобладающее значеніе польскаго элемента въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, крѣпостное право и въ особенности еврескій эксплуатирующій корпоратизмъ и

барышническая торговля южно-русскимъ сырьемъ—все это наложило на экономическую жизнь южно-русскаго народа трудно изгладимые слѣды и отличія. Трудъ, такимъ образомъ, былъ поставленъ, въ силу всего этого, между массою самыхъ противорѣчивыхъ и неблагопріятныхъ условій и обстоятельствъ, а земельная собственность и производительность обратились въ самыя безцеремонныя средства наживы. Въ концѣ концевъ оставались въ проигрышѣ всѣ и вся—и землевладѣльцы, и земледѣльцы, и трудъ, и капиталъ, и поземельная собственность, и производительность. И при такихъ-то условіяхъ должны были возникать и развиваться описываемыя нами земледѣльческія артели! Понятно, что постоянныя передвиженія и перетасовки южно-русской массы были часты и неизбѣжны. Но какъ только одна часть народонаселенія становилась въ экономическую зависимость отъ другой, какъ только одинъ классъ или слой общества богатѣлъ на счетъ другаго,—работы исполу и съ части, при отсутствіи капиталовъ и дороговизнѣ труда, становилась экономическою необходимостью, пораждавшей въ свою очередь артельныя формы труда.

Въ настоящее время артели половинщиковъ и артели съ части можно встрѣчать положительно во всѣхъ мѣстахъ южной Россіи, хотя и далеко не въ одной и той же формѣ и на одной и той же степени развитія. Тамъ, гдѣ существуетъ уже земледѣльческій пролетаріатъ въ своемъ первоначальномъ, зачаточномъ видѣ, артели, производящія работы исполу, встрѣчаются обыкновенно чаще, чѣмъ другія однохарактерныя съ ними формы. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ бываетъ значительное число малоземельныхъ семействъ землепашцевъ, преобладаютъ, напротивъ, артели, производящія свои работы съ снопа, съ копы или мѣры. Но и въ первомъ и во второмъ случаяхъ земледѣльческія артели

встрѣчаются тѣмъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ больше бываетъ землевладѣльцевъ и хозяевъ средней руки. Крупные землевладѣльцы производятъ обработку земли большею частію наемными поденными, сроковыми и годовыми рабочими. Съ другой стороны, кабальная зависимость земледѣльца отъ хозяина или крупнаго арендатора, отдающаго арендуемыя земли мелкими частями, подрываетъ артели въ самомъ ихъ корнѣ. Вообще же нужно сказать, что артели половинщиковъ и артели съ части представляютъ въ южной Россіи только единичныя и, пожалуй, относительно мало распространенныя формы труда на ряду съ неартельными работами исполу или съ части.

Всѣ артели разсматриваемаго нами рода можно отнести собственно къ двумъ разрядамъ. Первый разрядъ составятъ тѣ изъ нихъ, при посредствѣ которыхъ производится обработка земли исполу. Ко второму можно отнести всѣ остальныя артели, производящія уборку хлѣба или сѣна отъ мѣры, «копы» и копны. Что касается географическаго распредѣленія артелей обоихъ этихъ разрядовъ, то какъ перваго, такъ и втораго рода артели встрѣчаются вообще во всѣхъ мѣстахъ южной Россіи, хотя распредѣленіе ихъ и не отличается постепенностью или однообразіемъ. Всѣ онѣ существуютъ обыкновенно въ перемежку, и каждый ихъ видъ преобладаетъ или не преобладаетъ надъ другими лишь на столько, на сколько способствуютъ тому такія мѣстныя экономичестія условія, какъ распредѣленіе поземельной собственности, изобиліе и недостатокъ капиталовъ и рабочихъ средствъ, урожай и пр. Такимъ образомъ, по отношенію къ распредѣленію артелей на югѣ Россіи можно принять за правило слѣдующія два условія: 1) изобиліе поземельной собственности и обрабатывающихъ средствъ въ рукахъ землевладѣльцевъ и недостача того и другаго у трудящагося

земледѣльческаго класса порождаетъ артели главнымъ образомъ перваго разряда; 2) хорошій урожай и отсутствіе капиталовъ способствуютъ развитію артелей втораго разряда.

Существенное отличіе артелей перваго рода отъ артелей втораго заключается въ тѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находятся обыкновенно между собою артели и землевладѣльцы-хозяева. Въ первомъ случаѣ хозяева отдаютъ въ полнѣйшее распоряженіе артелей свою землю, земледѣльческія орудія и рабочій скотъ на цѣлый рабочій сезонъ, — это и будутъ собственно артели половинщиковъ въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Въ другихъ случаяхъ работы артелей ограничиваются только уборкой хлѣба или молотьбой,—и тогда артели работаютъ обыкновенно отъ снопа, копны или мѣры. Въ этомъ второмъ случаѣ артели пользуются или не пользуются хозяйскими орудіями и скотомъ, смотря потому, требуютъ ли этого самыя работы или нѣтъ. Такъ, съемка хлѣба отъ снопа или съ копы производится артелями единственно при посредствѣ своихъ рабочихъ средствъ и орудій, безъ всякаго участія въ этомъ отношеніи хозяевъ; напротивъ, уборка хлѣба съ мѣры, всегда соединенная съ молотьбой, непремѣнно производится при посредствѣ хозяйскихъ орудій и рабочаго скота (разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда самая молотьба производится при по средствѣ скота). Вообще въ этомъ отношеніи обычаемъ установлены разъ на всегда извѣстныя правила и отношенія. Почти никогда, напр., артели не работаютъ на хозяйскихъ харчахъ, и это правило распространяется на всѣ виды артелей безъ исключенія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда артель берется за обработку земли исполу, сѣмена для посѣва обыкновенно долженъ давать хозяинъ, и только въ весьма рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ артели употребляютъ собствен-

ныя сѣмена. Но какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаяхъ обычай требуетъ, чтобы, при окончательномъ раздѣлѣ хлѣба, засѣянныя сѣмена были возвращены сполна изъ жатвы той сторонѣ, которая затратила ихъ на посѣвъ. Тутъ все, слѣдовательно, просто и немногосложно, и отношенія капитала къ труду отличаются первобытнымъ, примитивнымъ характеромъ.

Наконецъ, самая организація и внутренніе распорядки описываемыхъ нами артелей также просты и немногосложны. Всѣ артели организуются обыкновенно по типу семьи, и взаимныя отношенія изъ членовъ служатъ почти буквальнымъ повтореніемъ семейныхъ отношеній. Въ артеляхъ этихъ никогда не бываетъ ни старостъ, ни артельщиковъ, ни отамановъ, ни вообще какихъ-нибудь распорядительныхъ должностей и обязанностей. Въ нихъ всѣ отъ мала до велика—работники и только. Каждый же отдѣльный членъ ихъ пользуется уваженіемъ и почетомъ на столько же въ артели, на сколько и внѣ ея отъ тѣхъ же самыхъ членовъ. Собственно сами по себѣ артели не даютъ на это никакихъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Видное, почетное положеніе въ нихъ обусловливается вообще лѣтами, опытностью и знаніями, какъ и въ семьѣ или въ обществѣ. Если извѣстный членъ артели считается въ внѣ ея «дядькомъ», то дядькомъ онъ будетъ и въ артели, а если къ этому прибавить еще его личныя качества — опытность, честность и знанія, то это только увеличитъ его репутацію, точно также какъ увеличило бы ее и внѣ артели, на сторонѣ.

Такимъ образомъ, благодаря такому чисто семейному характеру описываемыхъ артелей, въ составъ ихъ входятъ на ряду съ мужчинами и женщины, на ряду со взрослыми — подростки и дѣти. Бываютъ случаи, когда такія артели составляются изъ двухъ или трехъ различ-

ныхъ семей. Чаще въ составъ ихъ входятъ только нѣкоторые и при томъ взрослые члены отдѣльныхъ семействъ. Тутъ, впрочемъ, играетъ весьма важную роль то обстоятельство, гдѣ работаетъ артель. Если она находится вблизи отъ своихъ домовъ, тогда, понятно, въ ней участвуютъ почти всѣ наличные члены семей; если же мѣсто дѣйствія ея находится вдали отъ родины, тогда ея членами являются большею частію взрослые работники. Въ тѣхъ случаяхъ, когда артели половинщиковъ превращаются въ фермерскія, арендаторскія артели, обработывающія землю исполу, — въ составъ ихъ входятъ большею частію всѣ наличные члены семей, годные къ работамъ.

Вообще трудно опредѣлить количество членовъ, входящихъ въ составъ артелей половинщиковъ или артелей съ части. Между minimum'омъ и maximum'омъ членовъ существуетъ довольно значительная разница, граничащая, съ одной стороны, единицами, а съ другой — десятками. Очевидно, размѣръ рабочихъ силъ артелей находится въ прямой зависимости отъ размѣра производимыхъ ими работъ. Сообразно съ этимъ, мѣняется и самый образъ жизни артелей. Чѣмъ шире и солиднѣе производимыя ими работы, тѣмъ, понятно, крѣпче и устойчивѣе самыя артели. Работы исполу переходятъ иногда въ многолѣтнія фермерскія, арендаторскія отношенія артелей къ хозяевамъ. Тогда артели селятся обыкновенно на землѣ или водворяются на жительство въ имѣніяхъ этихъ послѣднихъ и такимъ образомъ живутъ по нѣскольку лѣтъ сряду. Уборка хлѣба съ мѣры, требующая всего какихъ-нибудь двухъ-трехъ мѣсяцевъ труда, создаетъ только временную жизнь артелей въ какихъ-нибудь шалашахъ или «куреняхъ». Еще незатѣйливѣе и неустойчивѣе жизнь артелей, работающихъ со снопа, отъ копы или копны.

Существованіе такихъ артелей обусловливается въ большинствѣ случаевъ какимъ-нибудь мѣсяцемъ, нѣсколькими недѣлями или даже днями.

Распредѣленіе и спеціализація работъ производятся въ артеляхъ точно также чисто семейнымъ образомъ. Каждый членъ артели дѣлаетъ столько, сколько позволяютъ ему силы, и притомъ тѣ работы, которыя ему знакомы ближе другихъ или сподручнѣе. Какой-нибудь «пацанъ», т. е. мальчикъ, мальчуганъ, только пасетъ воловъ, а «парубокъ», взрослый парень, и «за плугомъ ходитъ», и коситъ, и молотитъ, и вѣетъ, и т. д., и т. д. Между тѣмъ какъ на обязанностяхъ женщины лежитъ кухня и вообще болѣе мелкія и легкія работы, мужчина исполняетъ самыя трудныя операціи земледѣльческаго труда. Всѣ выгоды описываемыхъ артелей заключаются именно въ этомъ раздѣленіи и спеціализаціи труда, и рабочій людъ прекрасно это понимаетъ и цѣнитъ. Поэтому, и самый судъ надъ провинившимися членами артелей отличается также семейнымъ характеромъ. Съ виновникомъ расправляется какой-нибудь старшій членъ семьи, а члены другихъ семей выставляютъ обыкновенно только на видъ вину. Покрайней мѣрѣ обычай дальше этого не идетъ, и случаи съ противоположнымъ характеромъ составляютъ уже правонарушенія народнаго обычнаго права. Случаи распаденія артелей вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ и несогласій, кажется, крайне рѣдки и намъ, напр., положительно не извѣстны. Лѣнтяи и нерадивые члены никогда не исключаются изъ артелей, но наказываются или понуждаются къ болѣе добросовѣстному труду чисто семейнымъ образомъ и домашними средствами. Штрафы совсѣмъ не существуютъ. Они замѣняются также семейными расправами и понужденіями.

Та же печать семейственности лежитъ и на самомъ

дѣлежѣ, такъ называемомъ «дуванѣ» продуктовъ труда между отдѣльными участниками артелей. Дуванъ этотъ отличается крайнею неопредѣленностью и запутанностью. При дѣлежѣ обыкновенно берутся во вниманіе главнымъ образомъ взрослые члены артелей, при чемъ мужчина почти всегда получаетъ въ два раза больше женщины. Что же касается дѣтей и подростковъ, то ихъ доля или раньше выговаривается, или же, наконецъ, нѣсколько такихъ малолѣтнихъ работниковъ принимается за одного взрослаго. Очень часто дѣтскій трудъ совершенно не берется во вниманіе при дѣлежѣ продуктовъ на томъ основаніи, что на дѣтей идутъ харчи совершенно безвозмездно. Вообще въ этомъ отношеніи не существуетъ какихъ-нибудь установленныхъ разъ на всегда правилъ, и самый обычай скорѣе стоитъ на сторонѣ дароваго дѣтскаго труда, чѣмъ его вознагражденія.

Таковы въ общихъ чертахъ артели половинщиковъ и артели съ части, существующія въ средѣ южно-русскихъ земледѣльцевъ. Достаточно одного этого бѣглаго очерка, чтобы видѣть, что это довольно несовершенныя и неопредѣлившіяся окончательно формы артельнаго труда, кроющія свое начало въ общинныхъ привычкахъ народа. Это скорѣе какія-то отжившія отрывочныя примѣненія артельнаго начала къ земледѣльческому труду, чѣмъ вполнѣ развившіяся артельныя формы. Онѣ встрѣчаются весьма рѣдко и разъединенно, но тѣмъ не менѣе все таки оказываются болѣе или менѣе отрадными оазисами крайне тяжелаго и неблагодарнаго труда южно-русскаго землепашца. Что ожидаетъ въ будущемъ разныя формы описанныхъ нами артелей — объ этомъ, разумѣется, можно только гадать и догадываться, при ихъ невыработанности, съ одной стороны, и экономическихъ неурядицахъ южной Россіи, съ другой. Очень можетъ быть, что онѣ

и не исчезнутъ скоро, но установятся и пойдутъ дальше въ своемъ развитіи. Тотъ фактъ, что южно-русскіе землевладѣльцы постепенно приходятъ къ убѣжденію въ положительной невозможности веденія своихъ хозяйствъ при помощи вольно-наемнаго труда, и поэтому, съ каждымъ годомъ все съ большею и большею охотою уступаютъ свои хозяйства въ аренду разнаго рода «поссессіонерамъ», видимо положительно благопріятствуетъ, — по-крайней мѣрѣ въ настоящее время и въ ближайшемъ будущемъ, — развитію артелей половинщиковъ. И самыя артели этого рода, какъ вслѣдствіе этого факта, такъ и въ силу другихъ причинъ, если не ошибаемся, начинаютъ появляться на югѣ Россіи все чаще и чаще. А если такъ, то и другаго рода артели, артели съ части, какъ неразрывно связанныя съ такимъ порядкомъ дѣлъ, также должны развиваться.

4. Артели нѣженскихъ табачницъ.

Артели нѣженскихъ табачницъ отличаются между прочимъ тою особенностью, что организуются исключительно изъ однихъ женщинъ и притомъ дѣвушекъ. По складу же и характеру ихъ нужно отнести къ разряду артелей половинщиковъ. Подъ этимъ именемъ онѣ и извѣстны на мѣстѣ своего нахожденія, получивши названіе «артелей половинщицъ» отъ обыкновенія распредѣлять продукты труда «по-поламъ» между табачницами и тѣми хозяевами, у которыхъ онѣ снимаютъ табачные огороды *).

*) Очеркъ этотъ составленъ по свѣдѣніямъ Шликевича, помѣщеннымъ во второмъ выпускѣ «Сборника матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи», стр. 251—256.

Артели эти возникаютъ поздно осенью или въ началѣ зимы и самое ихъ возникновеніе происходитъ такимъ образомъ. Двѣ-три козачки или мѣщанки изъ жительницъ города Нѣжена и его окрестностей, условившись въ совмѣстной работѣ, отправляются, по принятому выраженію, искать огородовъ. Найдя подходящій огородъ, свои условія съ хозяиномъ огорода или арендаторомъ, если такой бываетъ, табачницы заносятъ обыкновенно на бумагу. Это письменное условіе и служитъ собственно, такъ сказать, актомъ возникновенія артели. Заручившись условіемъ, табачницы начинаютъ комплектовать уже самую артель. Если снятый огородъ оказывается значительнымъ по размѣру, превышаетъ, напр., десять десятинъ, то артель распадается на двѣ, на три артели — отъ 6 до 9 душъ въ каждой. При меньшемъ огородѣ артель составляется изъ меньшаго числа членовъ — изъ пяти, четырехъ и даже трехъ.

Не смотря на обычное распредѣленіе продукта пополамъ между артелями и владѣльцами плантацій, общія условія съемки артелями огородовъ въ разныхъ случаяхъ принимаютъ тѣ или другія видоизмѣненія. Обыкновенно эти условія таковы: владѣлецъ огорода долженъ имѣть, во первыхъ, извѣстное, обусловленное количество годной, т. е. огороженной и удобренной, подъ табакъ земли, во вторыхъ, сараи для сушки табаку и помѣщеніе для табачницъ и, въ третьихъ, онъ обязуется доставлять матеріалы для освѣщенія и отопленія жилыхъ помѣщеній табачницъ. Кромѣ того, онъ уступаетъ табачницамъ опредѣленный, смотря по количеству членовъ артели, участокъ огорода, который артель и обрабатываетъ для себя, засаживая его разнаго рода огородными овощами и преимущественно картофелемъ. Со стороны артели требуется прежде всего исправное выполненіе всѣхъ употребляе-

мыхъ при табаководствѣ работъ, и затѣмъ собственныя орудія труда, то есть, на каждую табачницу по заступу, мотыкѣ и по нѣсколько «глицъ», особенной формы иголокъ. Всѣ другія взаимныя условія между артелями и владѣльцами табачныхъ плантацій принимаютъ въ разныхъ случаяхъ разнаго рода видоизмѣненія. Такъ, въ иныхъ случаяхъ артель пользуется овощнымъ огородомъ совершенно безвозмездно, въ другихъ плату за него табачницы отбываютъ натурою, производя на хозяина извѣстныя работы въ теченіе извѣстнаго числа дней. То обстоятельство, что мѣста работъ половинщицъ, — лежащія по радіусамъ отъ Нѣжена и постепенно уменьшающіяся по мѣрѣ ихъ удаленія отъ этого города, такъ что за предѣлами пятидесяти верстнаго разстоянія отъ Нѣжена нельзя уже встрѣтить ни одной артели табачницъ, — также имѣетъ вліяніе на различіе условій относительно продовольствованія артелей. На самыхъ близкихъ къ Нѣжину плантаціяхъ артели работаютъ на своихъ харчахъ, въ мѣстахъ среднеудаленныхъ отъ этого города онѣ получаютъ уже половину пищевыхъ средствъ отъ владѣльцевъ плантацій и, наконецъ, на самыхъ удаленныхъ отъ города плантаціяхъ артели харчуются исключительно на счетъ хозяина плантацій. Но бываютъ случаи, когда владѣлецъ удаленной отъ города плантаціи, хорошо удобривъ ее, считаетъ невыгоднымъ продовольствовать на свой счетъ артель. Тогда артели не рѣдко соглашаются и на другія условія. Впрочемъ, неодинаковость условій относительно продовольствованія артелей, обусловливаемая близостью или удаленностью мѣстъ работъ отъ Нѣжена, объясняется вообще различіемъ общихъ экономическихъ условій. Дѣло въ томъ, что въ теченіе всего періода роста табаку, т. е. съ половины Апрѣля до половины Ноября, артели имѣютъ отъ трехъ до шести недѣль совершенно свободнаго

времени, а чѣмъ ближе плантація отъ Нѣжена, тѣмъ скорѣе артель можетъ найдти для себя сторонніи работы въ это свободное время и тѣмъ выше оплачиваются самыя работы.

Что касается внутренней организаціи артелей половинщицъ, то въ основу ея положена самая строгая солидарность и справедливость.

«Права, обязанности и вознагражденіе табачницъ, составляющихъ артель, совершенно одинаковы. Артели табачницъ построены на началахъ равнаго труда своихъ членовъ. Почему, принимая его равноцѣннымъ, артель считаетъ правильнымъ выдавать и равное вознагражденіе своимъ членамъ. Исключеній не бываетъ. Но такъ какъ при такомъ устройствѣ артели для членовъ ея было бы не выгодно принять въ свою среду работницъ недостаточно хорошихъ, то каждая вновь образующаяся артель руководится строгимъ подборомъ въ выборѣ своихъ членовъ. Плохую, неумѣлую работницу не примутъ въ артель хорошихъ, умѣлыхъ. И наоборотъ, работница опытная, прилежная не захочетъ стать членомъ артели работницъ малоопытныхъ. Артель, такимъ образомъ, составляется изъ членовъ, способныхъ доставлять, каждый въ отдѣльности, одинаковое число единицъ полезной работы».

«Затѣмъ никакихъ особыхъ должностныхъ и облеченныхъ полномочіями лицъ въ артели не бываетъ. Правда, каждая артель имѣетъ свою «старшую», но роль этой «старшой» трудно опредѣлима, а власть ея надъ остальными членами ограничивается однимъ нравственнымъ вліяніемъ».

«Общность интересовъ и взаимная связь для общаго дѣла отлично понимаются членами артели. Интересы отдѣльныхъ членовъ сливаются съ интересами цѣлой ар-

тели, и случаевъ, когда бы тѣ и другіе шли въ рознь, во все не бываетъ. Свою солидарность табачницы выражаютъ такъ: «мы, какъ овцы, куда одна—туда и всѣ».

«Разъ возникнувшая артель очень рѣдко удерживаетъ своихъ членовъ въ полномъ составѣ далѣе одного періода работъ. Для каждаго новаго періода часть прежнихъ членовъ выбываетъ и замѣщается вновь вступившими. Происходитъ это отчасти потому, что нѣкоторые изъ прежнихъ членовъ выходятъ замужъ, а съ выходомъ замужъ прекращается, по принятому обычаю, право вступленія въ артель, отчасти и потому, что подборъ предыдущаго года оказывается не вполнѣ удовлетворительнымъ и отдѣльные члены расходятся по разнымъ артелямъ».

«Въ случаяхъ, когда артель не успѣваетъ выполнять всѣхъ работъ по плантаціи одними своими членами, она прибѣгаетъ къ найму рабочихъ на сторонѣ. Размѣръ платы этимъ рабочимъ и число ихъ зависятъ единственно отъ соглашенія по этому предмету всѣхъ членовъ артели».

«Размѣръ вознагражденія, получаемый табачницами, весьма непостояненъ. До 1872 года средній заработокъ каждой работницы простирался отъ 30 до 50 рублей. Въ этомъ же году, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на табакъ, заработокъ возвысился вдвое. Очень и очень многія артели вырабатывали по 100 и даже 150 рублей на члена».

Съ дѣлежомъ заработковъ въ артели и оканчивается собственно существованіе этой послѣдней. Всякія отношенія табачницъ другъ къ другу, какъ членовъ одной и той же артели, съ этого времени совершенно прекращаются. Такъ какъ заключеніе условій между артелями и владѣльцами табачныхъ плантацій совершается обыкновенно ни какъ не позже зимы, а раздѣлъ заработковъ въ артели производится не раньше Генваря слѣдующаго го-

да., то, слѣдовательно, среднюю продолжительность существованія артели можно считать ровно въ одинъ годъ. Собственно же періодъ ея дѣятельности значительно короче. Его можно считать въ 7 мѣсяцевъ, съ половины Апрѣля до половины Ноября.

Таковы-то въ общихъ чертахъ артели нѣженскихъ табачницъ. По предположенію Шликевича, общее число членовъ во всѣхъ артеляхъ табачницъ простирается до 1000 душъ, валовой заработокъ до 50,000 рублей, а общее количество производимаго ими табаку до 80,000 пудовъ. Шликевичъ, впрочемъ, считаетъ «гадательными» эти цифры и не ручается за ихъ близость къ дѣйствительности, но полагаетъ, что онѣ все таки ниже дѣйствительныхъ. Артели табачницъ снимаютъ обыкновенно огороды у среднихъ и мелкихъ табаководовъ-хозяевъ и это, конечно, вполнѣ объясняется недостаткомъ оборотнаго капитала у этихъ послѣднихъ. Покрайней мѣрѣ совершенно аналогичные факты встрѣчаются вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ сельско-хозяйственной дѣятельности, гдѣ имѣютъ мѣсто артели половинщиковъ и артели съ части.

Наконецъ, относительно значенія артелей табачницъ, какъ экономическаго фактора, Шликевичъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

а) Затраты на десятину табачной плантаціи при обработкѣ наемными рабочими значительно больше, чѣмъ при обработкѣ половинщицами. Въ цифрахъ эта разница выражается какъ 100 : 38 для простаго и какъ 100 : 40 для американскаго табаку. Понятно, поэтому, что и стоимость производства одного пуда табаку также не одинакова при обработкѣ плантацій наемными рабочими и половинщицами. Въ первомъ случаѣ она равняется 93 коп. для простаго и $95^1/_2$ для американскаго табаку съ

пуда, а во второмъ только 72 коп. для простаго и 77 для американскаго.

б) «Хотя валовой доходъ съ одного и того же опредѣленнаго пространства при обработкѣ табаку наемными рабочими и вдвое больше сравнительно съ валовымъ доходомъ при обработкѣ половинщицами, но отношеніе затраты какъ къ валовому, такъ и къ частному доходу при обработкѣ табаку половинщицами для табаковода благопріятнѣе.

в) Съ другой стороны, такъ какъ, при указанныхъ выше результатахъ, самый способъ обработки табаку артелями требуетъ меньшаго количества рабочихъ рукъ въ силу того обстоятельства, что артельный трудъ производительнѣе единичнаго, и такъ какъ трудъ артельной работницы оплачивается вообще выше труда вольнонаемной,—то и съ этой стороны артели нѣженскихъ табачницъ заслуживаютъ предпочтенія предъ другими формами труда.

---

5. Гуртова.

«Гуртовою» въ Полтавской губерніи называются особаго рода земледѣльческія артели. Это чрезвычайно интересныя и своеобразныя формы труда. Отличительной ихъ чертой служитъ между прочимъ то, что члены такихъ артелей всегда берутъ землю въ аренду для производимыхъ ими сообща земледѣльческихъ операцій. Это, слѣдовательно, арендаторскія артели и, притомъ, артели, надо полагать, имѣющія за собою довольно далекое прошлое, такъ что какъ въ этомъ отношеніи, такъ и вообще по своему строго опредѣленному и выработанному харак-

теру онѣ представляютъ совершенно самостоятельное и оригинальное явленіе въ ряду другихъ артелей этого рода.

Собственно описываемый нами здѣсь видъ гуртовы существуетъ въ Пирятинскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Да и вообще нужно замѣтить, что, въ ряду другихъ провинцій Малороссіи, Новороссійскаго края и Кавказа, Полтавская губернія представляетъ едва ли не самую типичную и богатую народными артельными формами труда губернію. Въ ней можно въ изобиліи встрѣтить артели половинщиковъ, артели съ части, обычай «спрягаться», толоку и гуртову. Полтавскія косарскія артели также довольно многочислены и отличаются своею компактностью и устойчивостью. Въ Полтавской же губерніи и теперь можно встрѣтить чумацкія валки съ первобытною ихъ организаціею.

«Гуртомъ батька, т. е. отца, добре бить», юмористически выражаются полтавцы, «гуртомъ добре всяку роботу робыты». Отсюда и самое названіе «гуртовà», равносильное выраженію «гуртовая, совмѣстная работа», произошло отъ весьма распространенной склонности полтавцевъ къ гуртовымъ, артельнымъ работамъ. Гуртова не навѣяна извнѣ, не привита къ народной жизни искуственнымъ путемъ, подобно верещагинскимъ артельнымъ сыроварнямъ. Она создана самою жизнію народа, его прямыми и непосредственными потребностями. И уже по одному этому надо полагать, что гуртова, по всей вѣроятности, довольно старая, издавна существующая въ Полтавской губерніи форма народнаго труда. Какъ бы тамъ ни было, впрочемъ, но полтавская гуртова въ настоящемъ ея видѣ во всякомъ случаѣ представляетъ едва-ли не самую совершенную форму южно-русскихъ артелей. Въ ней существуетъ такая строгая и образцовая организація, такая

примѣрная и совершенная спеціализація и раздѣленіе труда и такой раціональный и справедливый способъ вознагражденія и дѣлежа продуктовъ и результатовъ труда, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ гуртову нужно считать достойною подражанія для всѣхъ другихъ артельныхъ формъ.

Гуртова организуется обыкновенно каждую весну, предъ началомъ полевыхъ работъ, и продалжается въ теченіе всего лѣтняго времени до молотьбы включительно. Въ составъ гуртовы входятъ большею частію хорошо знающіе другъ друга односельцы. Нерѣдко одни и тѣ же члены составляютъ гуртову въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, что бываетъ также и тогда, когда арендованье земли гуртовой производится на нѣсколько лѣтъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда аренда земли ограничивается только однимъ годомъ, постоянные члены гуртовы, организующейся въ теченіе долголѣтняго періода изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, не рѣдко замѣняютъ своихъ старыхъ, почему-либо неподходящихъ сочленовъ новыми, или же просто принимаютъ въ свои артели этихъ послѣднихъ, увеличивая такимъ образомъ артель. Рѣдко гуртова существуетъ только въ теченіе одного года или лѣтняго рабочаго періода. Еще рѣже она распадается и разлагается вслѣдствіе внутреннихъ несогласій и неурядицъ.

Самое арендованіе земли производится двумя способами—за деньги или съ части распашки извѣстнаго количества земли въ пользу землевладѣльца, и притомъ арендованіе въ обоихъ этихъ случаяхъ ограничивается годомъ или нѣсколькими годами сряду, большею частію двумя, тремя или четырьмя. Обыкновенно арендная плата земли въ Пирятинскомъ уѣздѣ (до послѣдней русско-турецкой войны) колебалась между тремя и пятью рублями въ годъ съ десятины, смотря, конечно, по качеству земли.

..зь такихъ случаяхъ распредѣляется равно-
..всѣми наличными членами гуртовы. Такъ
.. земли значительными участками всегда обхо-
..зле и соединена съ меньшими относительно
..и и издержками на писаніе условій, засвидѣтель-
..ие ихъ и пр., чѣмъ мелкихъ; то въ этомъ, оче-
.., заключается одна изъ причинъ, почему полтавцы
..почитаютъ гуртову при арендахъ земли единичнымъ
..ормамъ труда. Въ силу этой же причины, вѣроятно,
..встрѣчается чаще и аренда земли за деньги, чѣмъ аренда
..ь части при посредствѣ натуральнаго вознагражденія
землевладѣльцевъ со стороны арендаторовъ.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ аренда земли гуртовой у помѣщиковъ обусловливается обыкновенно слѣдующими, выработанными временемъ и освященными обычаемъ отношеніями сторонъ: если помѣщикъ отдаетъ подъ распашку цѣлинную землю, тотда гуртова распахиваетъ ее пополамъ, десятину за десятину; если помѣщику распахивается цѣлинная земля, а гуртовѣ мягкая, пахатная, или наоборотъ, тогда каждая десятина цѣлины идетъ за двѣ десятины «мякиша»; наконецъ, когда мягкая, пахатная земля распахивается для обѣихъ сторонъ, тогда каждыя двѣ десятины земли, распаханной для помѣщика, соотвѣтствуютъ только одной десятинѣ, распахиваемой гуртовой для себя. Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ весьма важную роль играетъ какъ неравномѣрная цѣнность цѣлинной и пахатной земли, такъ и количество затрачиваемыхъ силъ и напряженіе труда въ томъ или другомъ случаѣ. Этимъ и можно объяснить такія, повидимому, противорѣчивыя отношенія между землевладѣльцами и гуртовой, какія бываютъ при распашкѣ цѣлинной земли, съ одной стороны, и мягкой, съ другой. Но распашкой земли на помѣщиковъ и ограничивается арендная плата

гуртовы. Дальнѣйшія земледѣльческія работы помѣщики производятъ на свой счетъ, а гуртова также ведетъ свои работы совершенно самостоятельно и независимо отъ помѣщиковъ. Само собою разумѣется, что самыя аренды подобнаго рода ограничиваются однимъ только годомъ или земледѣльческимъ рабочимъ сезономъ.

Въ составъ гуртовы входятъ обыкновенно среднимъ числомъ отъ 6 до 8 человѣкъ или, вѣрнѣе, хозяевъ съ тѣми или другими ихъ домочадцами. Все это большею частію домохозяева, ведущіе свое хозяйство совершенно отдѣльно и самостоятельно. Въ силу той справедливости и равномѣрности, которыми вообще бываетъ проникнута вся организація гуртовы, каждый такой домохозяинъ старается, чтобы выставляемыя имъ рабочія силы вполнѣ соотвѣтствовали силамъ, выставляемымъ его сочленами по гуртовѣ. Поэтому, въ случаѣ малочисленности семейства какого-нибудь члена-хозяина, онъ старается пополнить недостатокъ рабочихъ силъ наемными рабочими, чтобы удержать такимъ образомъ строгую пропорціональность между всѣми членами гуртовы. Каждая изъ рабочихъ семей ведетъ обыкновенно свои работы болѣе или менѣе изолированно; всѣ же вмѣстѣ эти семьи находятся въ тѣхъ отношеніяхъ между собою, которыя обусловливаются общими правилами и обыкновеніями, выработанными исторически гуртовой.

Что касается затѣмъ рабочихъ средствъ, то есть орудій и рабочаго скота, то и въ этомъ отношеніи въ гуртовѣ существуетъ самая строгая равномѣрность. Каждый членъ обязывается нести совершенно равномѣрный, одинаковый со всѣми другими пай. Это—необходимое условіе гуртовы, безъ котораго она не мыслима. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда рабочія семейства гуртовы бываютъ на столько бѣдны, что не могутъ выставлять по плугу съ

полнымъ наличнымъ количествомъ рабочихъ силъ и скота, онѣ «спрягаются» между собою и опять таки по возможности равномѣрно. Такимъ образомъ, въ общемъ результатѣ оказывается, что въ каждой гуртовѣ работаетъ обыкновенно отъ 4 до 6 плуговъ.

Починка земледѣльческихъ орудій лежитъ обыкновенно на томъ хозяинѣ, которому они принадлежатъ, или же которымъ бываютъ попорчены, смотря по обстоятельствамъ. При кормленіи скота сѣномъ, каждый хозяинъ обязанъ брать этого послѣдняго столько, сколько требуется для его скота. Пастьба скота производится сообща и по очереди. Наконецъ, самая пища для работающихъ приготовляется каждый день по очереди рабочими семействами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда гуртова обрабатываетъ землю вдали отъ своего селенія, ея члены живутъ въ «куреняхъ», и сюда каждое рабочее семейство доставляетъ по очереди съѣстные припасы. Когда же работы бываютъ вблизи села, въ такомъ случаѣ хозяинъ зоветъ всѣхъ работающихъ гуртовой къ себѣ на домъ и здѣсь происходитъ что-то въ родѣ угощенія. Водка и лучшія кушанья составляютъ необходимую принадлежность стола въ этихъ случаяхъ, и такія угощенія продолжаются по очереди во весь періодъ земледѣльческихъ работъ, то есть, до начала молотьбы, которая производится каждымъ хозяиномъ совершенно уже отдѣльно. Каждый домохозяинъ старается при этомъ «не ударить въ грязь лицемъ» предъ другими сочленами артели. Вообще достойно замѣчанія, что гуртова, какъ и другія артельныя работы, носитъ у малороссовъ какой-то праздничный, торжественный характеръ.

Гуртова не ограничивается одною артельною распашкою земли. Нѣкоторыя дальнѣйшія работы также совершаются гуртовой. Посѣвы производятся сообща, при

чемъ каждый хозяинъ даетъ выпадающую на его долю часть необходимыхъ сѣмянъ, смотря по тому, какой хлѣбъ засѣвается. «Боронованіе», «полотье», косьба, жатва, вязка сноповъ, «гребовица», «кидка копиць» и складка сноповъ въ «полукіпки» и «стаи» — всѣ эти работы также производятся сообща, всѣми наличными силами гуртовы. При этомъ бываетъ самое строгое распредѣленіе работъ и спеціализація труда. Одни члены, напр., косятъ, другіе жнутъ, третьи гребутъ, четвертые вяжутъ снопы, пятые свозятъ или сносятъ ихъ въ «копы» и «стаи» и т. д. Въ этомъ распредѣленіи работъ и спеціализаціи труда и кроются существенныя выгоды артельной обработки земли.

Но самую своеобразную и интересную сторону въ гуртовѣ представляетъ дѣлежъ продуктовъ между членами. Въ основу этого дѣлежа положена также самая строгая справедливость. Каждый хозяинъ беретъ обыкновенно часть, совершенно равную съ частями другихъ членовъ-хозяевъ. Но чтобы тутъ не могло произойдти какого-нибудь плутовства или даже непреднамѣренной несправедливости, члены-хозяева поступаютъ слѣдующимъ оригинальнымъ и остроумнымъ образомъ: связанный въ снопы хлѣбъ складываютъ «полукіпками», изъ которыхъ каждый состоитъ изъ 30 сноповъ, въ такъ называемыя «стаи», длинные ряды полу-кіпковъ, и притомъ такъ, чтобы каждый такой рядъ состоялъ по возможности изъ разныхъ полукіпковъ. При дѣленіи хлѣба въ такомъ видѣ, каждый членъ-хозяинъ подъѣзжаетъ обыкновенно къ стаѣ съ возомъ и беретъ на возъ только одинъ полукіпокъ, потомъ подъѣзжаетъ къ другой стаѣ и тутъ также беретъ одинъ полукіпокъ и т. д., соблюдая при этомъ извѣстную очередь. Для этого всѣ хозяева, такъ сказать, нумеруются. Номеръ первый беретъ не крайній полукіпокъ изъ стаи,

а второй съ краю; номеръ второй беретъ третій полукіпокъ, номеръ третій—слѣдующій, а номеръ четвертый—первый и т. д. въ этомъ родѣ. Такимъ способомъ, очевидно, устраняется всякій выборъ хозяевами полукіпковъ, и дѣлежъ вслѣдствіе этого становится равномѣрнымъ и справедливымъ. Въ другихъ случаяхъ, какъ напр., при дѣлежѣ арбузовъ, раздѣлъ производится нѣсколько проще, хотя также по возможности равными частями. Тутъ также хозяинъ подъѣзжаетъ возомъ къ «баштану» и затѣмъ беретъ свою часть, которая измѣряется возами.

Въ гуртовѣ каждый старается работать по возможности добросовѣстнымъ и образцовымъ образомъ. Соревнованіе другъ съ другомъ служитъ отличительной чертой работы. Всѣ стараются вставать по возможности рано, начинать работы вмѣстѣ и оканчивать ихъ разомъ. Лѣнь—неизвѣстный гуртовѣ порокъ. Хитрость и плутовство—точно также. Онѣ положительно парализуются общей единодушной работой.

Вслѣдствіе всего этого отношенія между отдѣльными членами гуртовы можно назвать образцовыми, единственными въ своемъ родѣ. Споры и раздоры положительно не свойственны гуртовѣ. Взаимныя притязанія и обманъ подрываются въ самомъ корнѣ примѣрными порядками этихъ примѣрныхъ артелей. Сколько намъ извѣстно, ни одна артель этого рода не распалась еще вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ и несогласій. Во всякомъ случаѣ, если бы это и случилось, то народный судъ навѣрное бы удовлетворилъ обиженныхъ справедливымъ образомъ, потому что нѣкоторые порядки гуртовы освящены обычаемъ и глубоко таятся въ самой жизни народа. Та же самая гуртова, которая всѣ условія съ лицами, отдающими въ аренду землю, старается всячески занести на бумагу и засвидѣтельствовать въ надлежащихъ мѣстахъ, никогда

не дѣлаетъ письменныхъ условій между своими членами. Составъ, организація и взаимныя отношенія участниковъ всегда опредѣляются только на словахъ. И при этомъ обыкновенно не бываетъ ни старшихъ, ни младшихъ членовъ-хозяевъ. Всѣ члены-хозяева равны между собою по занимаемому ими положенію въ гуртовѣ, а отношенія младшихъ къ старшимъ и обратныя носятъ семейный характеръ.

6. Арендаторскія артели.

Аренды земли сообща нѣсколькими лицами довольно распространены на югѣ Россіи, но артельный характеръ такихъ арендъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ ограничивается однимъ товарищескимъ наймомъ земли. Кромѣ того, рядомъ съ чисто народными формами этого рода встрѣчаются спекулятивныя и барышническія товарищества. Такимъ образомъ, въ арендаторскихъ товариществахъ нужно различать цѣлый рядъ формъ, весьма различныхъ какъ по степени своего развитія, такъ и по самому своему характеру.

Есть прежде всего арендаторскія товарищества, составляемыя съ единственною цѣлію — нанять землю возможно дешевле и отдать потомъ ее въ аренду другимъ лицамъ возможно дороже, чему, конечно, не мало способствуетъ то обстоятельство, что «гуртомъ», оптомъ земля всегда сдается въ аренду дешевле, чѣмъ въ раздробную, мелкими участками. Это, стало быть, не народныя товарищества въ подлинномъ смыслѣ. Онѣ формируются преимущественно изъ различнаго рода кулаковъ, барышниковъ, купцевъ или даже чиновничества. Поэтому, у

малороссовъ онѣ даже носятъ спеціальное, довольно характерное для нихъ названіе «кумпаній», т. е. компаній. Такими компаніями нанимаются, напр., частныя и войсковыя земли въ Кубанской области и въ Землѣ Донскаго войска, а также вообще помѣщичьи земли на крайнемъ югѣ Россіи.

Нѣсколько видоизмѣненную форму этихъ компаній представляютъ тѣ изъ нихъ, которыя не ограничиваются однимъ товарищескимъ наймомъ земли для раздачи ее потомъ въ аренду по частямъ, но распредѣляютъ ее извѣстнымъ образомъ между собою для пастьбы скота и съемки сѣна. Такія компаніи составляютъ, напримѣръ, тавричане въ Кубанской области, Ставропольской губерніи и пр. Товарищества «тавричанъ», т. е. выходцевъ-овцеводовъ изъ Таврической губерніи, владѣющихъ многочисленными стадами овецъ—«отарами», снимаютъ обыкновенно землю подъ попасъ отаръ и сѣнокосы на нѣсколько лѣтъ, и потомъ уже сами или распредѣляютъ между собою извѣстнымъ пропорціональнымъ образомъ землю, или же каждый изъ хозяевъ, входящихъ въ компанію, вноситъ пропорціональный денежный пай, сообразно съ количествомъ принадлежащихъ ему овецъ, а выпаска и съемка сѣна производится на общій счетъ. Такимъ образомъ, и компаніи тавричанъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать народными артельными формами.

Тамъ же, на сѣверномъ склонѣ Кавказа, имѣютъ иногда мѣсто и компаніи, составляемыя мѣстными казачьими офицерами и богачами для найма войсковыхъ и «юртовыхъ», т. е. общинныхъ казачьихъ земель, подъ попасъ лошадиныхъ табуновъ и сѣнокосы. Компаніи этого рода вызываются между прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что на вольныя когда-то черноморскія и кавказскія земли явилось много претендентовъ какъ вслѣдствіе размежовки земель,

такъ и вообще благодаря увеличенію народонаселенія. Когда-то ни чѣмъ и никѣмъ не стѣсняемые владѣльцы табуновъ не находятъ теперь уже свободныхъ для выпаски и сѣнокосовъ пространствъ и принуждены искать выхода въ арендахъ. Но и эти формы, также какъ и предыдущія, совершенно чужды народной артельной подкладки. Онѣ—дѣло рукъ крупныхъ богачей.

Нѣсколько ближе къ чисто народнымъ формамъ стоятъ арендаторскія артели, встрѣчающіяся въ Кубанской области и устраиваемыя большею частію мѣщанами уѣзднаго города этой области Ейска. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ сѣверномъ углу Черноморіи у Азовскаго моря былъ основанъ городокъ Ейскъ, населенный всевозможнымъ «сбродомъ», разнаго родаИ ванами-непомнящими родства и выходцами изъ Малороссіи, Новороссіи и частію Великороссіи—и вотъ эти-то поселенцы очень часто примѣняютъ къ арендамъ земель артельный принципъ. Ейскіе мѣщане, сколько намъ извѣстно, не ограничиваются однимъ наймомъ земли сообща, но въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, большею частію рѣдкихъ случаяхъ, проводятъ артельное начало нѣсколько дальше, въ самые способы воздѣлыванія земли, напр., «спрягаются» для вспашки. Въ Кубанской области можно нерѣдко встрѣтить цѣлыя поселенія ейскихъ мѣщанъ-арендаторовъ, живущихъ на арендуемой ими землѣ у какого-нибудь пана или на земляхъ войсковыхъ. Въ составъ такихъ поселеній входитъ обыкновенно на ряду съ богатыми и состоятельными членами также и бѣдный, мало имущій людъ. Вообще же отличительная черта арендаторскихъ компаній ейскихъ мѣщанъ состоитъ въ томъ, что участники этихъ компаній, будутъ ли они вести нѣкоторыя земледѣльческія работы сообща или въ раздробную,—непремѣнно сами работаютъ, и только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, при необходимости, они

нанимаютъ въ подмогу себѣ поденныхъ или сроковыхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, даже по одному тому, что въ составъ арендаторскихъ компаній ейскихъ мѣщанъ входятъ всегда почти непосредственно сами производители, работники,—товарищества эти несомнѣнно носятъ характеръ народныхъ формъ труда. Это какъ бы переходныя формы къ другимъ болѣе совершеннымъ видамъ народнаго артельнаго труда.

Тамъ же, въ Кубанской области, а также въ Землѣ войска Донскаго и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ставропольской губерніи, встрѣчаются и настоящія крестьянскія аренды съ совмѣстными работами въ нѣкоторыхъ случаяхъ и взаимною гарантіею участниковъ. Это большею частію однолѣтнія артели, появляющіяся въ нѣкоторыя годы въ изобиліи, а въ другіе совсѣмъ исчезающія. Онѣ составляются временными выходцами изъ болѣе сѣверныхъ частей южной Россіи, напр., изъ Воронежской губерніи, и появляются только въ годы неурожая или плохихъ урожаевъ сѣна на родинѣ этихъ выходцевъ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ опредѣляется и самый ихъ характеръ. Это—не производительныя земледѣльческія артели въ тѣсномъ смыслѣ, а товарищества, организующіяся съ цѣлію найма степей или участковъ земли для прокорма скота. Когда обыкновенно бываетъ неурожай на травы въ той или другой части южной Россіи, тяготѣющей къ Дону и сѣверному Кавказу, нѣсколько хозяевъ-односельцевъ или земляковъ сговариваются идти на Донъ, на Кубань или въ Ставропольскую губернію съ скотомъ на зимовку. Съ этою цѣлію они отправляютъ въ эти мѣста изъ среды своихъ семей опредѣленное количество рабочихъ, лишь только окажутся признаки неурожая травы, и здѣсь посланные нанимаютъ степь подъ попасъ и подъ сѣнокосы, если время позволяетъ еще косить траву, и

такимъ образомъ или закупаютъ, или заготовляютъ сами на зиму сѣно. Потомъ уже пригонится на мѣсто зимовки и самый скотъ. Арендаторы живутъ вмѣстѣ и часто проводятъ артельное начало въ мельчайшіе свои отношенія при уходѣ за скотомъ. Какъ только минуетъ бѣда на родинѣ, они снова возвращаются домой.

Но самыя оригинальныя арендаторскія артели встрѣчаются собственно въ центрѣ южнаго края и между прочимъ въ Малороссіи. Въ газетахъ изрѣдка попадаются отрывочныя извѣстія на этотъ счетъ, указывающія между прочимъ на то обстоятельство, что съ каждымъ годомъ аренды этого рода появляются все чаще и чаще въ народной жизни. Очень многія изъ такого рода арендъ носятъ характеръ не только артельный, но и общинный вмѣстѣ. Часто цѣлыя общества арендуютъ земли на артельныхъ началахъ, а иногда прилагаютъ къ такимъ арендамъ и общую артельную обработку земли, общинный трудъ и работы. Мы приведемъ здѣсь выдержку изъ статьи Варзера «Евреи-арендаторы въ Черниговской губерніи», характеризующую нѣкоторые виды крестьянскихъ артельныхъ арендъ въ Черниговскомъ уѣздѣ:

«Примѣровъ артельныхъ арендъ въ Черниговскомъ уѣздѣ найдено достаточное количество и, судя по собраннымъ фактамъ, можно даже сказать, что артельный видъ аренды земель преобладаетъ среди казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ уѣзда. Между казаками, говорится въ «Матеріалахъ» земскаго бюро, предпочитаетъ арендовать имѣніе каждый домо-хозяинъ себѣ отдѣльно, такъ что изъ 13 случаевъ казачьихъ арендъ, лишь въ трехъ случаяхъ встрѣтилась компанейская аренда двухъ, трехъ лицъ вмѣстѣ, да и то находящихся обыкновенно въ родствѣ между собою. Крестьяне дѣйствуютъ иначе; у нихъ рѣже встрѣчаются слишкомъ «заможные» домо-хозяева,

поэтому, они чаще арендуютъ значительныя имѣнія, но товариществами изъ многихъ лицъ и даже цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ. Изъ 18 случаевъ крестьянскихъ арендъ около 10 случаевъ представляютъ «себринныя» (товарищескія, артельныя) аренды».

«Относительно внутреннихъ распорядковъ въ этихъ крестьянскихъ артеляхъ г. Русовъ въ «Описаніи Довжинской волости Черниговскаго уѣзда» разсказываетъ слѣдующее: способъ аренды ихъ состоитъ въ томъ, что сначала нѣсколько хозяевъ берутъ цѣлое имѣніе въ 200, 300, 500 десятинъ всякой земли у владѣльца съ условіемъ охранять лѣсъ и унаваживать извѣстнымъ количествомъ возовъ (навоза?) пахать; по большей части эти арендаторы принимаютъ къ себѣ въ компанію еще нѣсколько лицъ для большей гарантіи своевременнаго взноса арендной платы. Такимъ образомъ одна артель въ Кувѣчичахъ состоитъ изъ 40 домо-хозяевъ, другая—изъ 15, въ Гученѣ же—только изъ 5 лицъ, подписавшихся подъ условіемъ съ землевладѣльцемъ. Затѣмъ каждый хозяинъ смотритъ на артель, какъ на лице, дающее ему землю на обычныхъ условіяхъ возврата половины части урожая; всякій поэтому отдаетъ половину урожая на снятой имъ землѣ въ компанейскую клуню и отъ распродажи этой половины артель выручаетъ сумму для взнесенія въ срокъ арендной платы; другая половина урожая остается артельщикамъ каждому порознь, какъ заработокъ отъ его операціи. Такимъ образомъ, въ этихъ артеляхъ нѣтъ принципа общественной запашки и раздѣла урожая, а есть только раздѣлъ арендуемой земли на «урѣзы», при чемъ каждый распоряжается взятымъ на себя урѣзомъ по своему усмотрѣнію и сѣетъ на немъ, что хочетъ, обязавшись только возвратить въ артель половину собраннаго урожая».

«Есть, впрочемъ, подобныя крестьянскія аренды и съ иными внутренними распорядками, еще болѣе странными для Малороссіи. Описаніе одного подобнаго случая, встрѣченнаго мною въ д. Грековкѣ, я привожу цѣликомъ: «Арендуемое имѣніе принадлежитъ г. К. и взято по условію цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ х. Грековки (15 домохозяевъ); въ имѣніи находится старая усадьба, мельница и до ста десятинъ сѣнокоса и пашни. Снявши землю обществомъ, члены артели нашли, что такъ какъ качество пашни крайне разнообразно и было бы трудно раздѣлить ее точно и справедливо («да и что тамъ дѣлить?»—на Круглицѣ, единственномъ урочищѣ съ удобной для гречихи почвой, у нихъ всего нѣсколько десятковъ десятинъ), и такъ какъ даже раздѣливши, они никогда не уравняютъ интересы, («потому оттуда гора, а ему выпавъ низъ, будутъ цей годъ дощи—у его травою поросте, а мени Богъ хлибъ дастъ, отъ ему и обида!»), словомъ, порѣшивши, что дѣлежъ земли по домо-хозяевамъ крайне невыгоденъ по мѣстнымъ условіямъ, они ввели общественныя запашки, совмѣстный сжонъ, обмолотъ и дѣлежъ готовымъ зерномъ и соломой. Также они поступаютъ и съ сѣнокосами. До 1877 года у нихъ уже прошелъ годъ съ соблюденіемъ членами артели указанныхъ условій. Практика нисколько не охладила членовъ, и они находятъ свою систему и справедливой, и удобной. По обыкновенію совмѣстный трудъ запашки и скоса не только не представилъ никакихъ недоразумѣній, но даже показался и веселымъ и удобнымъ: «якъ выйшли въ поле та закурили въ десять сохъ, ставши въ рядъ, только дымъ пошовъ; люде девуються, а мы за день же одмахали». И даже дѣлежъ вымолоченнаго зерна и скошеннаго сѣна, этотъ слабый пунктъ во всѣхъ совмѣстныхъ предпріятіяхъ, у

поселянъ малороссовъ («гуртове-чортове»), даже эта операція не вызвала никакихъ пререканій».

«Вся остальная обстановка этихъ крестьянскихъ арендъ мало походитъ на еврейскія. Въ большинствѣ случаевъ, о которыхъ была рѣчь, сдѣлка заключена «словесно, на совѣсть», и, не смотря на это, крестьяне добросовѣстнѣйшимъ образомъ выполняютъ условія. Я не слыхалъ ни о порубкахъ лѣсовъ, ни о разореніи усадьбъ и хозяйственныхъ заведеній; напротивъ, крестьяне тщательно, согласно договору, унаваживаютъ пашню, сберегаютъ и ремонтируютъ усадьбы, сады, мельницы; гребли. Деньги всегда уплачиваются вполнѣ и къ сроку; отдаются безъ всякихъ росписокъ большими и ни о какихъ неудовольствіяхъ, враждѣ, поджогахъ и помину нѣтъ. Все ведется «честно, по совѣсти» *).

Недавно въ газетахъ было передано извѣстіе, что и землевладѣльцы, и крестьяне-арендаторы Бахмутскаго уѣзда Екатеринославской губерніи пришли къ убѣжденію въ чрезвычайной выгодности общественныхъ арендъ, соединенныхъ съ общинною обработкою земли. «Наши землевладѣльцы, говорится въ корреспонденціи «Голоса» изъ Бахмута, послѣ многолѣтнихъ опытовъ, пришли, наконецъ, къ заключенію, что гораздо выгоднѣе отдавать въ аренду свои имѣнія не отдѣльнымъ личностямъ, а цѣлымъ обществамъ крестьянъ. При отдачѣ имъ имѣній, помѣщики, въ началѣ, сильно опасались за аккуратность платежа арендной суммы, въ виду того, что у крестьянина обыкновенно нѣтъ ничего, кромѣ пары воловъ, двухъ-трехъ штукъ какого-нибудь другого скота и кое-какихъ земледѣльческихъ орудій. Дѣйствительно, въ первые два-три года, крестьянамъ, при ихъ незначительныхъ средствахъ, было

*) «Отеч. Зап.» за 1878 г., Окт., стр. 203—205

почти не возможно сдѣлать запашку, сообразную съ количествомъ арендуемой земли, но такъ какъ въ это же время, за уплатою аренды, весь доходъ шелъ въ руки производителей крестьянъ, въ ихъ общую кассу, то мало-по-малу образовался хотя и незначительный, но достаточный для ихъ цѣли капиталъ, который далъ возможность обрабатывать всю арендную землю. Въ самомъ обществѣ крестьянъ-арендаторовъ, первое время происходили нѣкоторыя недоразумѣнія, но вскорѣ они поняли обоюдную выгоду дѣйствовать сообща и добровольно подчинились одному изъ своихъ выборныхъ, на опытность и знанія котораго они вполнѣ положились. Нѣкоторыя сельскія общества дѣйствовали иначе: взявъ какое-нибудь имѣніе въ аренду, они сейчасъ же дробили его на участки и потомъ раздавали участникамъ въ арендѣ, сообразуясь съ количествомъ платежа каждаго. Хотя и здѣсь успѣхъ оправдалъ ожиданія, но все же не въ той мѣрѣ, какъ въ первомъ случаѣ. Здѣсь каждый долженъ былъ заботиться о себѣ и самъ удовлетворять своимъ потребностямъ, тогда какъ въ первомъ случаѣ все дѣлалось сообща, и тотъ убытокъ, который, пожалуй, разорилъ бы арендатора-одиночника, былъ почти ничтоженъ для общества, чтобы такъ или иначе повліять на его дѣятельность. Въ виду этого успѣха и другіе землевладѣльцы въ настоящее время нашли выгодное помѣщеніе для своихъ капиталовъ, ссужая ими крестьянскія общества, въ тѣхъ видахъ, чтобы они, съ перваго же года, могли вести правильное хозяйство» *).

Такимъ образомъ, основываясь на нѣкоторыхъ отрывочныхъ данныхъ, можно придти къ тому заключенію, что арендаторскія артели встрѣчаются въ южной Россіи въ

*) «Русская Правда», № 13-й за 1879 годъ.

самыхъ разнообразныхъ формахъ и что высшія формы этихъ артелей бываютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда аренды производятся цѣлыми обществами и въ особенности когда къ такимъ арендамъ прилагается общій артельный трудъ. Тогда получаются обыкновенно чисто народныя общинно-артельныя формы труда, держащіяся на общественныхъ обычаяхъ и привычкахъ народа и на его вѣковомъ тяготѣніи къ ассоціаціонному началу, какъ лучшему выраженію справедливыхъ человѣческихъ отношеній.

7. Новѣйшія земледѣльческія артеле-общинныя формы.

Въ послѣднее время въ средѣ южно-русскаго населенія все чаще и чаще начинаетъ проявляться стремленіе къ ассоціаціоннымъ формамъ труда для урегулированія съ помощію этихъ формъ своихъ взаимныхъ отношеній, и притомъ къ формамъ, отличающимся своею новизною и несомнѣнными совершенствами. Народная мысль видимо работаетъ въ такомъ направленіи, которое отличается характеромъ общественности и высшей экономической справедливости. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, напр., какъ было заявлено въ газетахъ*), сельскія общества сами совершенно самостоятельно и добровольно, стремятся къ тому, что бы замѣнить участковое подворное землевладѣніе общиннымъ. Это уже весьма характерный для нашего времени фактъ. У южно-русскихъ сектантовъ подобные факты носятъ болѣе яркіе оттѣнки.

*) «Новое Время» за 1876 г. отъ 14 декабря.

Такъ, штундисты возводятъ чуть ли не въ догматъ мысль о братской земледѣльческой общинѣ, развивая эту мысль теоритически до мельчайшихъ тонкостей и разумѣя подъ земледѣльческой общиной не только общинное владѣніе землей, но и общее совмѣстное пользованіе ею на началахъ общаго братскаго труда. Даже евреи, эти исконные торгаши и барышники, и тѣ пытаются серьезнѣе относиться къ земледѣльческимъ колоніямъ и артелямъ. Въ провинціальныхъ газетахъ («Кіевскомъ Телеграфѣ» и «Одесскомъ Вѣстникѣ») было между прочимъ напечатано о двухъ, не лишенныхъ интереса случаяхъ примѣненія артельнаго начала къ земледѣлію евреями. Артели эти, по словамъ корреспондентовъ, возникли на началахъ строгой равноправности членовъ и специализаціи труда. Капиталъ играетъ при этомъ чисто второстепенную, подчиненную роль, роль обыкновеннаго средства въ производствѣ безъ всякаго эксплуатирующаго вліянія этого средства на трудъ. На первомъ планѣ, поэтому, въ этихъ артеляхъ стоитъ трудъ и, какъ неизбѣжное слѣдствіе такой постановки всего дѣла, возможно равномѣрное и справедливое распредѣленіе результатовъ труда между членами. Самые члены одной изъ двухъ этихъ артелей живутъ вмѣстѣ, одною общею производительною семьею, такъ что, слѣдовательно, артель имѣетъ характеръ артеле-общинной формы.

Нѣкоторыя земледѣльческія артеле-общинныя формы, возникшія въ послѣднее время собственно между малорусскимъ населеніемъ, также отличаются своею новизною. Онѣ имѣютъ мало общаго съ другими болѣе древними и распространенными артеле-общинными формами, каковы обычай «спрягаться» или «толока», хотя вліяніе этихъ послѣднихъ на нихъ въ извѣстномъ отношеніи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ такомъ смыслѣ ихъ и мож-

но назвать новѣйшими.. Это, слѣдовательно, совершенно новый въ современной жизни народа типъ артеле-общинныхъ формъ. Мы опишемъ здѣсь двѣ формы этого рода. Каждая изъ нихъ состоитъ изъ всѣхъ жителей цѣлаго села. Одна изъ нихъ возникла при содѣйствіи помѣщика. Мысль о другой явилась у крестьянъ совершенно самобытно, безъ всякаго вліянія и иниціативы со стороны. Первая возникла въ Бессарабіи, вторая — въ Полтавской губерніи.

Еще въ 1863 году въ одномъ изъ селъ Сорокскаго уѣзда образовалось нѣсколько крестьянскихъ кружковъ, примѣнившихъ начало взаимопомощи къ обработкѣ земли. Изъ этихъ-то кружковъ и возникла впослѣдствіи одна общая производительная ассоціація*). Организаторомъ ея явился помѣщикъ. Сначала онъ дѣйствовалъ на крестьянъ путемъ убѣжденія и логическихъ доказательствъ, но потомъ, когда крестьяне порѣшили на сходкѣ образовать изъ всѣхъ жителей села одну общую земледѣльческую ассоціацію, онъ помогъ на первыхъ порахъ и матеріальными средствами, давши крестьянамъ въ заемъ сѣмянъ на посѣвъ.

Прежде чѣмъ приступить къ работамъ, крестьяне порѣшили на сходѣ сдѣлать три посѣва: ранній, средній и поздній. Это было сдѣлано для огражденія себя на случай неурожая позднихъ или раннихъ посѣвовъ. Когда настала потомъ весна, поле было обработано всѣмъ населеніемъ поголовно. Работами при этомъ заправлялъ особый выборный, знатокъ дѣла. Посѣвъ былъ сдѣланъ до половины Апрѣля и вообще всѣ работы были исполнены артелью превосходно и, притомъ, вдвое скорѣе обыкновенныхъ единичныхъ работъ. Послѣ жатвы хлѣбъ свезенъ

*) «Землед. арт.» 1876 г. Кіевъ.

былъ на одно общее гумно, устроенное вблизи села. Здѣсь потомъ и была произведена молотьба хлѣба всѣми наличными силами села. Самое зерно, во всей массѣ, было ссыпано въ общественный магазинъ и въ помѣщенія, отведенныя помѣщикомъ и крестьянами.

Когда настало время раздѣла зерна, крестьяне не рѣшились раздѣлить хлѣбъ поровну между всѣми семьями. Такой раздѣлъ они нашли несправедливымъ. Въ замѣнъ его было предложено распредѣленіе зерна по числу рабочихъ рукъ, включая сюда женщинъ и дѣтей. Такимъ образомъ, каждая семья получила только столько, сколько было въ ней рабочихъ членовъ. Но при раздѣлѣ хлѣба крестьяне оставили нераздѣленною нѣкоторую его часть. Хлѣбъ этотъ былъ предназначенъ частію на посѣвъ въ будущемъ году, а частію на продажу, но продажа предположена была только въ томъ случаѣ, если бы оказалось, что распредѣленнаго между всѣми крестьянами хлѣба было совершенно достаточно для годичнаго прокормленія всѣхъ семей.

Слѣдующій затѣмъ годъ былъ настолько благопріятенъ по урожаю для ассоціаціи, что, за исключеніемъ распредѣленнаго на каждую семью для потребленія хлѣба и оставленнаго на посѣвъ, у крестьянъ осталось еще 125 четвертей разнаго рода хлѣба. Остатокъ этотъ далъ впослѣдствіи около 560 рублей чистаго дохода. На одну часть этихъ денегъ было арендовано нѣсколько десятинъ земли. Другая, въ количествѣ 150 руб., пошла на устройство мелочной лавочки съ предметами сельскаго потребленія, какъ-то: соли, дегтю, веревокъ, ремней, чаю, сахару, табаку и пр. Этой лавочкой крестьяне гарантировали себя отъ обирательства и злоупотребленій мелкихъ торгашей. Въ концѣ года она дала имъ около 70 р. чистой прибыли.

Затѣмъ крестьяне открыли также на общій счетъ общественный кабакъ и совершенно устранили изъ села частныхъ кабатчиковъ. Слѣдующій затѣмъ урожай, не смотря на свою относительную неудачу, далъ все таки въ результатѣ, благодаря арендованной землѣ, въ формѣ чистаго дохода 300 четвертей хлѣба или около тысячи рублей деньгами. На эти деньги крестьяне открыли училище, ассигновавъ 200 рублей на жалованье учителю и 100 руб. на педагогическія средства. Помѣщеніе для школы было отведено въ одной изъ деревенскихъ избъ, оказавшейся нежилою. Въ этомъ же году была устроена общественная вѣтряная мельница и уплачены за нѣкоторыхъ изъ членовъ ассоціаціи недоимки по поземельнымъ налогамъ.

Въ послѣдствіи, по словамъ очевидца, ассоціація эта «завелась общимъ для скота дворомъ съ цѣлію накопленія изверженій (экскрементовъ) для удобренія плохихъ участковъ земли и огородовъ; учреждена ссудная касса, въ которой заложено неподвижнаго капитала около 2000 р. сер.; выигранное время вслѣдствіе сочетанія труда дало возможность членамъ артели дѣлать заработки у сосѣднихъ помѣщиковъ, что позволило обзавестись многимъ изъ нихъ (то есть, членамъ артели) даже предметами роскоши въ крестьянскомъ быту, каковы: лишнія жилыя комнаты, хорошія одежды и даже экипажи; кромѣ того, пріобрѣтены нѣкоторыя земледѣльческія орудія, которыя дали возможность еще болѣе увеличить производительность артели и вмѣстѣ съ тѣмъ поднять благосостояніе ея членовъ *)».

Однимъ словомъ, въ концѣ концовъ бессарабская

*) Тамъ же, стр. 24 и 25.

ассоціація земледѣльцевъ видимо дала самые счастливые результаты, если только она сама въ свою очередь не явилась крупнымъ корпоративнымъ эксплуататоромъ ближайшаго крестьянскаго населенія, и если, вмѣсто воспитующаго вліянія на это населеніе, не стала опаснымъ конкуррентомъ въ его экономической жизни. Къ сожалѣнію, авторъ, у котораго мы заимствовали вышеприведенныя свѣдѣнія о бессарабской земледѣльческой ассоціаціи, не далъ въ своей брошюрѣ никакихъ указаній на этотъ счетъ.

Нѣсколько инымъ характеромъ отличается отъ только-что описанной ассоціаціи бессарабскихъ землевладѣльцевъ ассоціація, возникшая въ Полтавской губерніи. И по замыслу, и по выполняемымъ ею функціямъ она не такъ сложна, какъ ассоціація бессарабскихъ земледѣльцевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она чисто самобытное проявленіе народнаго ума и потребностей. Мы передаемъ здѣсь свѣдѣнія объ этой формѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ были уже разъ напечатаны нами въ 67 номерѣ «Кіевскаго Телеграфа» за 1876 годъ, такъ какъ, къ крайнему нашему сожалѣнію, обстоятельства не позволили намъ пополнить эти краткія свѣдѣнія.

Въ глухомъ, небогатомъ, но довольно населенномъ селеніи Полтавской губерніи у нѣкоторыхъ изъ крестьянъ земледѣльцевъ возникла мысль обрабатывать землю сообща. Къ своему небогатому надѣлу земледѣльцы присовокупили нѣсколько десятинъ земли, нанятой на общій счетъ согласившихся. Составившійся такимъ образомъ одинъ общій участокъ они обработали сообща, при помощи тѣхъ орудій, силъ и скота, которыми располагало каждое изъ семействъ, составившихъ артель. Полученные затѣмъ продукты земледѣльцы раздѣлили по количеству рабочихъ рукъ и нашли, что какъ такой способъ возна-

гражденія за трудъ, такъ и самая форма труда крайне выгодны, раціональны и справедливы.

Примѣръ этотъ не остался бесслѣднымъ для цѣлаго селенія. На слѣдующій годъ новаторы предложили остальнымъ своимъ односельчанамъ вступить въ общую компанію, и цѣлое селеніе, вслѣдствіе этого, образовало такимъ образомъ изъ себя одну общую земледѣльческую ассоціацію. Къ землѣ, полученной селянами въ надѣлъ, было уже присовокуплено двѣсти десятинъ земли, нанятой у ближайшаго землевладѣльца. Вся эта земля была обработана сообща, точно такимъ образомъ, какъ была она обработана въ предыдущемъ году первыми участниками ассоціаціи. Но когда коснулось дѣло дѣлежа, то между членами ассоціаціи произошли нѣкоторыя недоразумѣнія. Болѣе богатые изъ селянъ предложили измѣнить прежній дѣлежъ продуктовъ по количеству рабочихъ рукъ такимъ образомъ, чтобы каждый домохозяинъ получалъ продуктовъ столько, сколько онъ можетъ обработать при помощи своихъ силъ, орудій и вообще капитала. Большинство воспротивилось этому предложенію, и прежняя форма дѣлежа продуктовъ осталась въ полной силѣ.

Послѣ этого втораго опыта, ассоціація задалась цѣлію купить арендуемый ею участокъ земли. И такъ какъ, кромѣ того, ассоціація нашла невыгодною обработку земли при помощи своихъ устарѣлыхъ и несовершенныхъ земледѣльческихъ орудій, то она вознамѣрилась также обзавестись на общій счетъ болѣе усовершенствованными орудіями.

Ассоціація производитъ только одни земледѣльческія работы сообща; единичныя же хозяйства ея членовъ находятся въ независимомъ ихъ распоряженіи.

Таковъ въ общихъ чертахъ опытъ земледѣльческой ассоціаціи, произведенный полтавцами. Нельзя сказать,

чтобы первые два года этого опыта оставили особенно замѣтные слѣды на общемъ экономическомъ положеніи сельскаго населенія. Да оно и понятно. Чтобы слѣды эти сдѣлались болѣе замѣтными, — для этого необходимо, во первыхъ, времени по больше, а во вторыхъ и средства по солиднѣе тѣхъ, какими располагало на первыхъ порахъ далеко необезпеченное въ матеріальномъ отношеніи село. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя микроскопическія приращенія въ хозяйствахъ отдѣльныхъ домохозяевъ были уже довольно явственны и послѣ первыхъ двухъ лѣтъ опыта. Самое будущее ассоціаціи, на основаніи этого опыта, можно было считать вполнѣ уже застрахованнымъ. Не смотря на то, что въ средѣ самыхъ односельчанъ было нѣсколько стариковъ съ явными замашками обыкновенныхъ сельскихъ кулаковъ, молодежъ и вообще значительное большинство селянъ представляло изъ себя такой элементъ, который можно было считать лучшею гарантіею дальнѣйшихъ успѣховъ ассоціаціи. На сторонѣ этого большинства былъ и здравый смыслъ, и лучшее сознательное пониманіе тѣхъ несомнѣнныхъ практическихъ выгодъ, которыя представляло ихъ предпріятіе.

Глядя на эту ассоціацію, начали поговаривать объ ея несомнѣнныхъ выгодахъ жители и другихъ окрестныхъ селъ. Къ сожалѣнію, образованіе въ этихъ селахъ земледѣльческихъ ассоціацій соединено на первыхъ порахъ почти съ непреодолимыми препятствіями. Дѣло въ томъ, что тогда какъ село, устроившее земледѣльческую ассоціацію, имѣетъ подъ бокомъ помѣщика, у котораго оно можетъ и арендовать землю, и даже купить ее, слѣдовательно, имѣетъ всѣ шансы для того, чтобы дѣло пошло самымъ успѣшнымъ образомъ, другія, близь лежащія села при весьма незначительномъ надѣлѣ въ $2^1/_2$ десятины земли на ревизскую душу, имѣютъ у себя подъ бокомъ такихъ

непривлекательныхъ сосѣдей, какъ евреи, арендующіе крупными участками землю. Завладѣвъ de facto помѣщичьей землей, евреи наровятъ потомъ отдавать эту землю въ аренду небольшими участками, такъ какъ этотъ способъ аренды даетъ имъ возможность извлекать большія выгоды, чѣмъ отдача земли въ аренду всей массой, большими участками, и поэтому всячески противятся этому второму виду аренды со стороны рабочаго люда; но, главное, евреи никогда не допустятъ продажу земли крестьянамъ, такъ какъ это лишило бы прямыхъ ихъ выгодъ, возможности ни за что ни прочто выжимать послѣдніе соки изъ крестьянъ. Въ такихъ случаяхъ нужна, конечно, помощь крестьянамъ со стороны, и, притомъ, помощь главнымъ образомъ чисто матеріальная. Такъ по крайней мѣрѣ смотрятъ на это сами крестьяне, какъ это можно, между прочимъ, заключить изъ опыта описанной нами ассоціаціи.

Когда послѣ первой счастливой попытки нѣсколькихъ сельчанъ, люди изъ привиллегированной среды попытались было убѣдить и другихъ сельчанъ послѣдовать примѣру своихъ односельцевъ, — попытка оказалась совершенно недостигшею своей цѣли. Крестьяне не поняли привиллегированныхъ пророковъ и отнеслись къ ихъ словамъ съ крайнимъ скептицизмомъ, требуя вмѣсто словъ матеріальной поддержки. Когда же за пропаганду новой идеи взялись сами крестьяне, дѣло, какъ мы видѣли выше, во второй годъ пошло на ладъ. Старая истина, видимо, начинаетъ колебаться, и родные пророки находятъ мѣсто въ своемъ собственномъ отечествѣ. Земледѣльческая ассоціація возникла такимъ образомъ сама собою, безъ всякихъ внѣшнихъ вліяній на крестьянъ со стороны. И къ мысли о ней, и къ практическому осуществленію этой мысли крестьяне пришли своимъ собственнымъ самобытнымъ путемъ.

Подводя итогъ всему сказанному о новѣйшихъ ассоціаціонныхъ формахъ народнаго труда, въ пользу которыхъ замѣтно несомнѣнное движеніе въ средѣ южно-русскаго населенія, — легко замѣтить совершенную однохарактерность во всѣхъ указанныхъ нами случаяхъ. И бессарабская земледѣльческая ассоціація, и ассоціація полтавскихъ земледѣльцевъ, и еврейскія артели, и стремленіе кіевскихъ и полтавскихъ крестьянъ къ замѣнѣ участковаго землевладѣнія общиннымъ, и, наконецъ, своеобразныя воззрѣнія южно-русскихъ сектантовъ на земледѣльческую общину— все это такіе факты, которые имѣютъ въ своемъ основаніи одинъ общій мотивъ: — поставить экономическую жизнь труженика-земледѣльца въ возможно лучшія и выгодныя условія. Ассоціаціонное начало является тутъ только средствомъ, подходящей формой для осуществленія болѣе широкой и великой мысли, мысли о болѣе справедливыхъ человѣческихъ отношеніяхъ и экономической обезпеченности южно-русскаго труженика.

Приравнивая затѣмъ описанныя двѣ формы земледѣльческихъ товариществъ къ обычнымъ народнымъ формамъ этого рода, приходится сказать, что онѣ, если и не существенно, то все-таки значительно разнятся отъ этихъ послѣднихъ. Онѣ не могутъ быть причислены ни къ разряду чисто общинныхъ формъ, ни къ категоріи собственно артелей, хотя заключаютъ въ себѣ, безъ всякаго сомнѣнія, примѣненіе и общиннаго, и артельнаго началъ вмѣстѣ. Разница тутъ оказывается чисто формальная, обусловливаемая, такъ сказать, отсутствіемъ долголѣтней практики этихъ формъ. Короче, онѣ — тѣ же общинно-артельныя формы, но только позднѣйшаго, новѣйшаго склада и характера.

8. Артели чередниковъ.

Единственными уцѣлѣвшими отъ времени пастушескими артелями изъ числа существовавшихъ издавна въ южной Россіи можно назвать артели такъ называемыхъ «чередниковъ». Чередниками милороссы называютъ вообще пастуховъ общественныхъ стадъ рогатаго скота, и притомъ, исключительно только такихъ стадъ. Стада эти извѣстны подъ именемъ «чѐредъ» и состоятъ изъ того сорта рогатаго скота, который содержится большею частію для домашнихъ надобностей, т. е. преимущественно изъ дойныхъ коровъ, рѣже изъ «бузівківъ» (подростковъ) и воловъ. Но чéредами называются также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, напр., въ Полтавской губерніи, и общественныя стада овецъ, извѣстныя въ другихъ мѣстахъ подъ именемъ «кущанокъ» общественные гурты рабочихъ воловъ и даже свиней. Пастухи такихъ стадъ въ Полтавской губерніи также изрѣдка составляютъ изъ себя артели, хотя и не называются уже чередниками, а «вівчарями», «свинарями», «коровниками» или «воловниками», смотря по тѣмъ животнымъ, которыхъ они пасутъ. «Черідками» называются также во всѣхъ мѣстахъ южной Россіи стада телятъ, а самые пастухи «телятниками». Телятниками бываютъ большею частію дѣти и подростки, которыхъ выставляютъ вмѣсто себя взрослые пастухи, что, впрочемъ, не препятствуетъ образованію артелей и изъ телятниковъ, хотя и значительно рѣже, чѣмъ въ другихъ случаяхъ.

Самымъ характернымъ мѣстомъ описываемыхъ нами пастушескихъ артелей можно считать, кажется, Черноморію, сѣверо-западную часть нынѣшней Кубанской области. Здѣсь еще и теперь можно найдти явственные слѣды когда-то существовавшихъ артелей «табунщиковъ», т. е. пастуховъ лошадиныхъ табуновъ, и артелей «чабановъ»,

пасущихъ «отары», т. е. овечьи стада. Здѣсь самое слово чередникъ имѣетъ исключительное, спеціальное значеніе, какъ названіе пастуха общественнаго стада, а въ противоположность этому названію для всѣхъ прочихъ пастуховъ, пасущихъ необщественныя стада рогатаго скота, существуетъ названіе «товарчій», происходящее отъ слова «товаръ» или «товаряка», какъ называется обыкновенно въ Черноморіи рогатый скотъ. Поэтому, въ настоящемъ очеркѣ мы будемъ держаться главнымъ образомъ артелей черноморскихъ чередниковъ.

Трудно сказать, какъ и когда появились въ Черноморіи эти артели въ настоящемъ ихъ видѣ. По всей вѣроятности, подобнаго рода артели существовали издавна въ Малороссіи, на что указываетъ ихъ настоящее существованіе въ Полтавской губерніи, и, вмѣстѣ съ заселеніемъ Черноморіи выходцами изъ Малороссіи, были занесены и въ этотъ край этими послѣдними. Во всякомъ случаѣ, артели черноморскихъ чередниковъ никакъ нельзя отнести къ новѣйшимъ артельнымъ формамъ. Самъ народъ считаетъ ихъ искони существовавшими.

Можно вообще предполагать, что первоначально артели чередниковъ возникли самымъ естественнымъ образомъ. Онѣ явились слѣдствіемъ экономическихъ усложненій и спеціализаціи разныхъ родовъ дѣятельности. Ихъ теперешняя связь и зависимость отъ цѣлыхъ общинъ говоритъ, конечно, въ пользу того предположенія, что общинамъ всегда было выгоднѣе пасти свой скотъ гуртами, «въ сбираниці», чѣмъ отдѣльно каждому домохозяину. А разъ подобныя условія были ясны для общины, выгоды этихъ условій еще болѣе увеличивались отъ того, чтопастьба скота производилась сообща нѣсколькими лицами, связанными между собою взаимностью интересовъ и отвѣтственности. Отсюда возможность и самаго существованія артелей.

Настоящее существованіе артелей черноморскихъ чередниковъ находится въ прямой зависимотии отъ двухъ причинъ: отъ количества скота и количества населенія станицы. Не смотря на нѣкоторыя существенныя измѣненія въ экономическомъ строѣ Черноморіи, происшедшія въ послѣднее время, она и въ настоящее время можетъ похвалиться относительнымъ обиліемъ всякаго рода скота предъ другими мѣстностями южной Россіи. Ея станицы также отличаются населенностью. Въ рѣдкихъ изъ нихъ населеніе измѣряется сотнями; большею же частію черноморскія станицы имѣютъ отъ тысячи до четырехъ, пяти даже шести тысячъ душъ населенія. Такая скученность черноморскаго населенія, при изобиліи земли и скота, служитъ въ настоящее время причиною того обстоятельства, что въ каждой черноморской станицѣ существуетъ обыкновенно довольно большое количество всевозможныхъ стадъ и между ними всегда рѣзко выдѣляется но нѣскольку общественныхъ чередъ.

Въ большинствѣ станицъ существуетъ по двѣ, по три и даже по четыре череды, очевидно, распавшихся изъ одной раньше существовавшей для цѣлой станицы череды или замѣнившихъ одну такую череду, благодаря приросту населенія и увеличенію скота,—и каждая такая череда состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ и даже болѣе тысячи головъ рогатаго скота.

Череды собираются обыкновенно раннею весною, приблизительно около Благовѣщенія. Въ это же время договариваются и чередники съ обществомъ или извѣстною его частію, скотъ которой они подряжаются пасти. Самая пастьба скота чередъ продолжается въ теченіе всей весны, лѣта и до самой глубокой осени, когда начнутся заморозки и пастьба оказывается невозможной. Во все это время чередники рано утромъ, часа въ четыре или пять «ру-

шають череду», то есть, трогаютъ ее съ мѣста и гонятъ въ такъ называемую «толоку», на общественный выгонъ. Въ полдень, въ самый разгаръ жары, они пригоняютъ череду обратно также на избранное мѣсто—«на тырло», мѣсто для отдыха и водопоя скота. Здѣсь череда остается до тѣхъ поръ, пока не спадетъ дневная жара, и потомъ чередники снова ее «рушають» и гонятъ на толоку, откуда она возвращается уже поздно вечеромъ и расходится по дворамъ.

По своему составу артели чередниковъ представляютъ ту особенность, что въ составъ ихъ входитъ нѣсколько, отъ двухъ до трехъ семействъ, или покрайней мѣрѣ по нѣскольку членовъ изъ разныхъ семей. Не рѣдки случаи, когда эти семьи бываютъ связаны между собою взаимнымъ родствомъ; случается также и противное. Но и въ первомъ, и во второмъ случаяхъ въ составъ чередницкихъ артелей входятъ и мужчины, и женщины, и взрослые, и дѣти. Каждая семья поставляетъ условное, по возможности равное съ прочими семьями, число лицъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ семьѣ оказывается недостача такихъ лицъ, она запасается наемными членами, подобно тому, какъ дѣлается это въ гуртовѣ Полтавской губерніи. Сообразно съ этимъ и взаимныя отношенія вступившихъ въ товарищество чередниковъ отличаются своею простотою и немногосложностью и вообще чисто семейнымъ характеромъ. Артели чередниковъ не только организуются по типу семьи, а прямо-таки составляются изъ семей или разныхъ ихъ членовъ. Поэтому, въ нихъ нѣтъ ни отамановъ, ни осауловъ, ни старостъ, а есть только старшіе и младшіе по возрасту члены, какъ въ семьѣ, — «батьки» для однихъ и «дядьки» для другихъ.

Но при всей своей численной незначительности по составу и незатѣйливости въ организаціи, артели черед-

никовъ представляютъ, между прочимъ, ту особенность, что всегда имѣютъ дѣло съ цѣлымъ обществомъ станицы, «съ громадою», и, поэтому, всегда находятся въ извѣстной зависимости и подчиненіи у общины. Не всякій можетъ быть чередникомъ, но только тотъ, кто пользуется довѣріемъ у общества. Будетъ ли это свой братъ односельчанинъ, или же извѣстный обществу «городовикъ», т. е. иногородній — это все единственно, лишь бы онъ пользовался въ околодкѣ репутаціею честнаго, исправнаго и расторопнаго человѣка. Самый выборъ чередниковъ производится на общественномъ сходѣ въ пользу тѣхъ или другихъ лицъ, смотря по тому, на какой сторонѣ бываетъ большинство голосовъ. Впрочемъ, такое голосованіе бываетъ весьма рѣдко, такъ какъ претендентами на пастьбу череды бываютъ большею частью лица, занимающіяся этимъ дѣломъ изъ года въ годъ, а такихъ лицъ бываетъ въ станицахъ мало. Само собою разумѣется также, что такъ какъ въ каждой станицѣ бываетъ по нѣскольку чередъ, то пастухи каждой череды вступаютъ въ договоръ только съ извѣстною, соотвѣтственною частію общества. Еще чаще и выборъ чередниковъ, и договоры съ ними складываются подъ вліяніемъ обычая, какъ-то само собою, по иниціативѣ того или другаго домохозяина. «Возьмете на себя череду?» спрашиваетъ кто-нибудь изъ хозяевъ чередниковъ. — «Возьмемъ». — Рѣшеніе это или, вѣрнѣе, разговоръ сообщается другимъ сосѣднимъ домохозяевамъ. Этимъ и оканчивается дѣло. Чередники начинаютъ пасти череду, а самая ихъ организація и условія съ односельчанами подразумѣваются, какъ обычныя, какъ разъ вошедшія въ жизнь.

Такимъ образомъ, чередники во всякомъ случаѣ оказываются служащими у общества по найму лицами. Это пастухи общественнаго скота, на которыхъ лежатъ из-

вѣстныя обязанности какъ по отношенію ко всему обществу или части его, такъ и по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ того же общества. На обязанностяхъ чередниковъ лежитъ прежде всего хорошій и добросовѣстный уходъ за скотомъ, какъ-то: достаточная выпаска скота, своевременный водопой и пр.,—и въ этомъ отношеніи они отвѣтственны предъ цѣлой общиной, которая, въ случаяхъ провинностей чередниковъ, налагаетъ на нихъ штрафы въ пользу общественныхъ суммъ. Чередники же отвѣчаютъ,—при извѣстныхъ, разумѣется, условіяхъ,—за пропажу изъ череды скота, за потравы чередой хлѣба, травы и проч. Тутъ уже вѣдаются съ ними частныя лица, потерпѣвшія убытки, при посредствѣ простаго соглашенія или приговора станичнаго суда.

Жизнь и практика выработали, впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ отношеніи нѣкоторыя общія правила и обыкновенія, и главнѣйшія провинности чередниковъ считаются общеизвѣстными. Чередникъ заранѣе знаетъ, что если по его винѣ останется на тырлѣ скотъ изъ его череды въ то время, когда вся череда находится на степи, то общество имѣетъ полнѣйшее право оштрафовать его; что если во время пастьбы «отобьется», напр., телка и потомъ совершенно пропадетъ, то и это считается его виною, отвѣтственность за которую должна падать исключительно на него; что вообще во всѣхъ подобныхъ случаяхъ онъ отвѣчаетъ или одинъ лично, смотря по сопровождающимъ вину обстоятельствамъ, или же вмѣстѣ съ другими своими сотоварищами вслѣдствіе общей круговой поруки.

Та же жизнь и практика выроботали и самые способы вознагражденія чередниковъ. Вознагражденіе это производится въ большинствѣ случаевъ натурою, т. е. каждый домохозяинъ, скотъ котораго ходилъ въ чередѣ,

обязанъ, въ силу обычая, вознаградить осенью чередника извѣстною мѣрою какого-нибудь зерна. Такой способъ вознагражденія называется «отдачею мѣрокъ» и разлагается извѣстнымъ образомъ на всѣхъ домохозяевъ, смотря по количеству принадлежащаго каждому хозяину скота. Почти всегда къ этому натуральному вознагражденію присоединяется, кромѣ того, незначительная, въ нѣсколько копѣекъ со штуки скота, денежная плата. Вотъ, между прочимъ, нѣкоторыя цифры денежнаго и натуральнаго вознагражденія, существующія въ Пирятинскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи какъ для чередниковъ, такъ и для другаго рода общественныхъ пастуховъ: за корову — мѣра ржи и 10 коп. сер. деньгами, за пару воловъ — полъ копы, т. е. 30 сноповъ, жита (ржи) и 10 коп. деньгами, за овцу—корякъ (около двухъ гарнцевъ) жита и 3 коп. деньгами, за свинью или підсвинка, т. е. подростка,— корякъ жита и 10 коп. деньгами, и пр., пр. Только пастьба телятъ оплачивается однѣми деньгами, при чемъ плата бываетъ отъ 10 до 15 или 20 коп. сер. со штуки. Въ Черноморіи, также какъ и въ Полтавской губерніи, за пастьбу телятъ платятъ однѣми деньгами безъ всякаго натуральнаго вознагражденія.

Мѣрки, «коряки» и деньги чередники собираютъ сами лично, расхаживая по обыкновенію со двора на дворъ, въ родѣ того, какъ собираетъ духовенство новину. Даже время этого сбора всегда совпадаетъ съ временемъ хожденія духовенства за новиной, что бываетъ обыкновенно поздно осенью. Собранныя такимъ образомъ деньги и «зерно» чередники распредѣляютъ потомъ между собою на столько частей, сколько семей участвовало въ артели. Семья, слѣдовательно, или представитель ея съ своими помощниками, «попыхачами», и представляетъ въ такихъ случаяхъ коллективнаго члена артели.

Таковы въ общихъ чертахъ артели чередниковъ. Зависимость этихъ артелей отъ цѣлыхъ общинъ указываетъ, конечно, на то, что и самый обычай собирать череды и нанимать общественныхъ пастуховъ несомнѣнно общинный обычай. Такъ какъ череды состоятъ большею частію изъ коровъ, то на каждую череду обыкновенно полагается одинъ или два «бугая», то есть, самца для оплодотворенія. Самцы эти покупаются и содержатся обыкновенно обществомъ или частью его на общій счетъ всей общины или той части ея, которой принадлежитъ череда. Значитъ, и съ этой стороны обыкновеніе держать череды всей общиной или частями ея является чисто общиннымъ обычаемъ.

9. Почтовыя артели.

Содержаніе почтъ на артельныхъ началахъ довольно распространено по всей Россіи и особенно въ сѣверной и сѣверо-восточной частяхъ ея. На сколько распространенъ этотъ способъ содержанія почтъ собственно въ южной Россіи — намъ не извѣстно. Но въ Кубанской области, гдѣ до послѣдняго времени сохранились еще натуральные способы отбыванія почтовой повинности, почтовыя артели составляютъ довольно обычное явленіе и сохранились, такъ сказать, въ своемъ чистомъ, первоначальномъ видѣ.

Существующія здѣсь почтовыя артели представляютъ прямое слѣдствіе чисто общинныхъ отношеній. Тогда какъ у великороссовъ, напр., примѣненіе артельнаго начала къ содержанію почтъ есть совершенно добровольное дѣло желающихъ и самыя артели устраиваются по контрактамъ «съ казной» или съ земствами,—въ Кубан-

ской области почтовыя артели составляются по приговору общества и въ извѣстномъ порядкѣ для отдѣльныхъ домохозяевъ общины, такъ что артели здѣсь являются дѣломъ чисто общественнымъ, дѣломъ «громады»*), общества.

Такъ какъ каждая станица составляетъ съ принадлежащими ей хуторами совершенно отдѣльную самостоятельную общину, то въ числѣ разнаго рода другихъ повинностей на каждой станицѣ лежитъ обязанность содержанія почтъ для разъѣздовъ начальствующихъ лицъ. Смотря по величинѣ станицъ и по ихъ положенію, въ нихъ бываетъ большее или меньшее количество троекъ, но какъ minimum для каждой станицы полагается обыкновенно три тройки. И вотъ къ содержанію этихъ троекъ и прилагается козаками артельное начало.

На одномъ изъ общественныхъ сходовъ предъ Новымъ годомъ, когда назначаются обыкновенно очередныя лица на разные посты станичной службы — «правленскими дідами», «летюками» и пр., въ числѣ прочихъ выбираются и домохозяева для содержанія почтъ. Это бываютъ большею частію болѣе или менѣе состоятельныя лица, такъ какъ содержаніе почты требуетъ довольно значительныхъ для козака затратъ. На долю бѣдняковъ выпадаютъ другія, болѣе соотвѣтствующія ихъ экономическому положенію повинности. Такимъ образомъ, общественнымъ сходомъ назначается собственно общее количество лицъ, которыя въ теченіе года или двухъ, смотря по существующимъ общиннымъ порядкамъ и условіямъ, должны «гонять почту». Затѣмъ отдѣльные домохозаева сами собою уже вступаютъ въ артельныя отношенія другъ съ другомъ для содержанія троекъ.

---

*) Мы говоримъ здѣсь преимущественно о почтовыхъ артеляхъ Черноморіи, т. е. объ артеляхъ малорусскаго населенія.

На каждую тройку приходится обыкновенно отъ 3 до 4 домохозяевъ. Если въ артель входитъ четыре хозяина, тогда три изъ нихъ содержатъ обыкновенно по лошади, а четвертый повозку; ямщикъ нанимается и содержится въ такомъ случаѣ на общій счетъ, но на долю четвертаго домохозяина при этомъ выпадаетъ, по согласію, болѣе значительный въ этомъ отношеніи сравнительно съ другими пай. Но чаще бываетъ такъ, что въ составъ артели входитъ три только домохозяева. Въ такомъ случаѣ каждый участникъ выставляетъ по одной лошади, а повозка и ямщикъ содержатся на общій счетъ артели.

Ямщиками бываютъ почти всегда наемныя лица изъ своихъ же односельцевъ-козаковъ или изъ живущихъ въ станицѣ иногороднихъ лицъ — «городовиковъ». Въ каждой станицѣ бываютъ такіе особенные спеціалисты своего дѣла—«почтарі», т. е. ямщики, за которыми, благодаря ихъ профессіи, часто навсегда остается это нарицательное названіе, какъ кличка, какъ «уличное прозвище». Тѣ условія, на которыхъ почтари нанимаются содержателями почтъ, вошли можно сказать, въ обычай. Почтарямъ платятъ отъ 70 до 100 р. и болѣе въ годъ, кромѣ сапогъ или какого-нибудь платья, которые даются по уговору. Иногда ямщикъ выговариваетъ прогоны въ свою пользу. Въ такомъ случаѣ годовая плата нѣсколько понижается. На рукахъ почтаря находится всегда вся тройка со всѣми необходимыми принадлежностями, которую онъ и держитъ большею частію при станичномъ правленіи. Сѣно, овесъ и деготь онъ обыкновенно беретъ равными пропорціями у каждаго участника почтовой артели и затѣмъ распоряжается всѣмъ этимъ по собственному своему усмотрѣнію, хотя, конечно, и подъ контролемъ хозяевъ. Харчуется онъ также понедѣльно у каждаго хозяина. Но иногда онъ просто перекочивываетъ каждую недѣлю

со всей своей тройкой и принадлежностями отъ одного хозяина къ другому.

Такимъ образомъ, эти почтари переходятъ изъ года въ годъ отъ однихъ содержателей троекъ къ другимъ. Мѣняются обыкновенно тройки, чередуются ихъ содержатели, а ямщики зачастую остаются въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ одни и тѣ же. Поэтому, хорошій ямщикъ бываетъ нерѣдко лицомъ, около котораго группируется самая артель. Хозяйскій уходъ за лошадями и умѣнье ловко править тройкой—условія далеко небезразличныя для содержателей троекъ, и только тотъ ямщикъ цѣнится артелью, который пользуется заслуженной репутаціею въ этомъ отношеніи.

И нужно отдать полную справедливость козачьимъ станичнымъ почтовымъ тройкамъ. Такія лихія тройки можно найдти въ немногихъ мѣстахъ Россіи. Отъ того ли, что къ содержанію этихъ троекъ приложено артельное начало, потому ли, что козакъ привыкъ выполнять «всякую службу» съ строгой дисциплинарной точностью,—но только станичныя тройки представляютъ лучшихъ почтовыхъ лошадей въ Россіи. Самый артельный способъ для содержанія троекъ является, конечно, только болѣе практичнымъ способомъ для выполненія одной изъ натуральныхъ повинностей и, какъ выраженіе общинной жизни козака, служитъ несомнѣнно общинно-артельною формою.

АРТЕЛИ ВЕЛИКОРУССКАГО ТИПА.

1. Артель севастопольскихъ лодочниковъ.

Кому случалось быть въ Севастополѣ и ѣздить по его превосходной бухтѣ, тотъ навѣрное имѣлъ дѣло съ

севастопольскими лодочниками. Это бравый и здоровый на видъ народъ, съ спокойными и солидными пріемами и съ фигурами истыхъ моряковъ. Пара здоровыхъ мозолистыхъ рукъ или, въ случаѣ попутнаго вѣтра, незатѣйливый парусъ мчатъ васъ на лодкѣ по темносиней поверхности знаменитой бухты съ скоростью, ни въ чемъ неуступающей паровой. Это, однимъ словомъ, настоящіе представители своей стихіи — ловкіе, спокойные и находчивые. Но ихъ загорѣлыя, смуглыя и въ большинствѣ случаевъ съ бритыми бородами лица, ихъ полу-европейскіе и полу-матросскіе костюмы мало напоминаютъ настоящихъ, заправскихъ «москалей» или даже спокойно сосредоточенныхъ «хохловъ». А между тѣмъ къ ихъ трудовой жизни вполнѣ привилась одна изъ характернѣйшихъ чертъ русскаго народа — артельное начало. Всѣ лодочники, живущіе на такъ называемой Сѣверной Сторонѣ Севастополя, составляютъ изъ себя одну общую артель, не лишенную нѣкоторой своеобразности какъ по ея происхожденію, такъ и по личному составу.

Разсказываютъ, что, въ приснопамятное время крымской кампаніи, было предложено между прочимъ въ числѣ другихъ и севастопольскимъ арестантамъ стать въ ряды защитниковъ отечества. Въ награду за эту службу арестантамъ была обѣщана по окончаніи войны полная амнистія. Арестанты, разумѣется, съ охотою приняли это предложеніе, и хотя часть ихъ разбѣжалась, но другая часть дѣйствительно стала въ ряды защитниковъ Севастополя и своею мужественною и самоотверженною защитою геройски пріобрѣла себѣ впослѣдствіи и амнистію, и свободу.

По окончаніи крымской кампаніи, вылѣчившіеся отъ ранъ и вообще оставшіеся въ живыхъ арестанты были поселены на такъ называемой Сѣверной Сторонѣ Сева-

стополя. Тутъ же вмѣстѣ съ ними поселились и другіе защитники Севастополя — отставные солдаты, моряки и пр. Впослѣдствіи къ нимъ стали присоединяться вообще всякіе малорусскіе и великорусскіе пришлецы, хотя, впрочемъ, и въ весьма незначительномъ числѣ. Такимъ образомъ, была заселена Сѣверная Сторона севастопольской бухты, состоящая въ настоящее время изъ трехъ небольшихъ поселковъ или предмѣстій, извѣстныхъ въ просторѣчіи подъ именами: «Сухой Балки», «Куриной Балки» и «Базара». Поселенцы обзавелись, разумѣется, семействами и хозяйствами, а своею спеціальною дѣятельностію избрали: лѣтомъ — извозный лодочный промыселъ, а зимою — рыбную ловлю, и зажили себѣ припѣваючи.

Но пронырливый умъ капиталиста, подмѣтившій для себя наживу, не замедлилъ потревожить спокойную жизнь этихъ бывшихъ защитниковъ Севастополя и ихъ дѣтей. Въ бухтѣ явился небольшой пароходикъ, принадлежащій частному лицу и назначенный спеціально для тѣхъ работъ и услугъ, которыя исполнялись до того лодочниками. Лодочникамъ пришлось сначала плохо. Конкурренція съ пароходикомъ оказалась для нихъ на первыхъ порахъ положительно непосильной. Лодочники жаловались, ругались и, говорятъ, готовы были даже сцѣпиться не на животъ, а на смерть съ своимъ конкуррентомъ. Пароходикъ обратился въ ненавистнаго врага. Но, разумѣется, ни жалобы, ни брань, ни косые взгляды лодочниковъ не помогли имъ выдти изъ затруднительнаго положенія. Тогда лодочники обратились къ помощи артельнаго начала и образовали одну общую артель лодочниковъ.

Дѣло приняло другой оборотъ. До образованія артели лодочники вели свой промыселъ слѣдующимъ образомъ: останавливаясь у пристаней — городской, сѣверной и корабельной — они соблюдали только очередь при

перевозкѣ пассажировъ съ одного берега на другой; но каждый лодочникъ работалъ исключительно на себя. При значительномъ количествѣ промышлявшихъ лодочнымъ извозомъ лицъ, очередные лодочники старались каждый разъ набирать возможно больше пассажировъ, иначе они рисковали остаться съ 20 и 40 коп. суточнаго заработка, тогда какъ другіе, благодаря случайному приливу пассажировъ, могли расчитывать на 2, на 3 и болѣе рублей. А пароходикъ между тѣмъ не соблюдалъ никакой очереди и былъ одинъ. Понятно, что, при такихъ порядкахъ, часть лодочниковъ всегда оставалась въ накладѣ и большинство пассажировъ ѣздило на пароходикѣ. Съ возникновеніемъ артели дѣла приняли сразу совершенно другой оборотъ. Во первыхъ, лодочники положили содержать на каждыхъ двухъ хозяевъ по одному только ялику. Этимъ способомъ они па половину сократили расходы не только по содержанію лодокъ, но и по взносу въ севастопольскую думу за право извоза, а это уже дало имъ нѣкоторые шансы на успѣхъ конкурренціи съ пароходикомъ. Во вторыхъ, лодочники порѣшили возить съ одного берега на другой даже по одному пассажиру, лишь бы только была свободная лодка. Тогда, наоборотъ, пароходикъ сталъ чаще оставаться безъ пассажировъ, такъ какъ съ однимъ или двумя пассажирами ему невыгодно было совершать свой рейсъ съ одного берега на другой, а пассажиры въ свою очередь охотно пользовались услугами лодочниковъ во избѣжаніе промедленій и выжиданій. Такимъ образомъ, выгоды конкурренціи начали постепенно переходить на сторону лодочниковъ, сила артельнаго начала оказалась очевидной, артель быстро привилась и упрочилась.

Въ настоящее время (въ 1876 г.) въ составъ артели входитъ около 40 лодочниковъ. Всѣ они—частію бывшіе защитники Севостополя, а частію ихъ дѣти. Въ національ-

номъ отношеніи артель представляетъ смѣшанную группу. Въ нее вошли и малороссы, и великороссы, но первые въ значительно большемъ количествѣ, чѣмъ вторые. Стало быть, наклонности и предрасположеніе малороссовъ къ индивидуализму и строгой изолированности въ извѣстныхъ случаяхъ нисколько не помѣшали осуществиться артели, носящей великорусскій характеръ. Этого мало. На образованіе артели и успѣшный ходъ ея дѣлъ не повліяла даже такая разнокалиберность ея членовъ по профессіи, какую представляютъ изъ себя отставные солдаты, отвыкшіе отъ крестьянской жизни, матросы, ихъ дѣти, прощенные арестанты и заходящіе на заработки рабочіе. Выгоды дѣла оказались достаточно убѣдительными и осязательными, и личныя наклонности и привычки членовъ артели въ весьма малой степени вліяли на складъ и характеръ артели.

По своему внутреннему составу и устройству, артель севастопольскихъ лодочниковъ представляетъ изъ себя общину совершенно равноправныхъ членовъ. Изъ среды этихъ членовъ избирается обыкновенно всѣми членами артели артельный староста. На его обязанности лежитъ веденіе нѣкоторыхъ общихъ распорядковъ. Онъ ведетъ всѣ дѣла артели, касающіяся ея отношеній къ стороннимъ лицамъ. Онъ имѣетъ дѣло съ севастопольской думой, дѣлаетъ въ нее взносы за право содержанія лодокъ, получаетъ квитанціи, ярлыки и пр.; онъ же—строгій блюститель установленныхъ въ артели порядковъ, и слѣдитъ, поэтому, за штрафованными и провинившимися. Но ни въ артельную сумму, ни въ какіе счеты и расчеты, касающіеся денежныхъ выручекъ артели, староста не вмѣшивается. Тутъ онъ обыкновенный членъ артели и только.

Для завѣдыванія денежными заработками въ артели существуетъ извѣстная очередь между всѣми членами.

Каждый ея членъ въ теченіе одного дня несетъ поочередно обязанность временнаго кассира. Ему взносятъ всѣ члены артели свои дневные заработки, по мѣрѣ выручки денегъ за извозъ и возможности сдавать ихъ на руки. Каждый такой взносъ записывается обыкновенно немедленно въ установленную для этого книгу, особымъ писаремъ, находящимся неотлучно при кассирѣ, при чемъ самый заработокъ всегда сдается на руки только кассира. Кассиръ же вмѣстѣ съ писаремъ наблюдаетъ за очередью, по которой лодочники должны перевозить пассажировъ, вещи и пр. Впрочемъ, очередь устанавливается всегда какъ-то сама собою и лодочники сами являются превосходными блюстителями ея.

Вечеромъ, послѣ окончанія работъ, вся артель производитъ учетъ временному кассиру и писарю. Сосчитывается обыкновенно общая сумма выручки, свѣряются записи взносовъ по книгѣ съ словесными показаніями членовъ, и тутъ же, какъ члены, такъ и въ особенности кассиръ съ писаремъ, строго слѣдятъ затѣмъ, чтобы кто-нибудь изъ членовъ не утаилъ части изъ своей выручки. Затѣмъ деньги дѣлятся по количеству участвовавшихъ въ дневномъ заработкѣ лицъ и сейчасъ же всѣмъ выдаются на руки. Излишка никто не получаетъ ни кассиръ, ни писарь, ни даже самъ староста. Каждый изъ этихъ трехъ лицъ выполняетъ свои обязанности совершенно безвозмездно. Такимъ образомъ, случается, что каждый членъ артели зарабатываетъ ежедневно отъ 40 и 60 коп. до 1 р. 20 коп. и даже до 2 руб. сер. Тѣ же изъ членовъ артели, которые не принимали никакого участія въ извозѣ въ теченіе дня, не получаютъ и никакого вознагражденія изъ общей дневной выручки своихъ товарищей. Эта мѣра,— выгодная въ томъ отношеніи, что не даетъ возможности членамъ артели, зарабатывающимъ какими-нибудь другими

способами на сторонѣ, брать пай или часть его изъ денегъ, вырученныхъ трудомъ ихъ товарищей по артели,—представляетъ, очевидно, значительную невыгоду для больныхъ и вообще подвергающихся разнымъ случайностямъ членовъ артели. Тѣмъ не менѣе артельщики видимо вполнѣ довольны ею.

Что касается нарушеній артельныхъ порядковъ, то за нихъ существуетъ три рода наказаній: выговоръ товарищества, штрафы и совершенное исключеніе изъ числа членовъ артели. Впрочемъ, существенную роль играютъ въ артели одни штрафы, хотя они и весьма рѣдки. Штрафы налагаются на провинившихся едвали не за одну утайку денегъ изъ дневной выручки и никогда не бываютъ денежными. Обыкновенно провинившимся артельщикамъ товарищество запрещаетъ заниматься лодочнымъ промысломъ въ теченіе дня, двухъ или трехъ, и эта мѣра, по словамъ лодочниковъ, оказывается вполнѣ дѣйствительной, чтобы удержать недобросовѣстныхъ членовъ артели отъ различнаго рода утаекъ и мошенническихъ продѣлокъ на счетъ товарищества.

Артель, кромѣ перевоза пассажировъ, занимается перевозкою провизіи, различнаго рода домашнихъ вещей, мебели, дровъ, муки, пшеницы, камней и пр. Главное время работъ артели начинается съ средины весны и продолжается до глубокой осени. Въ остальное время года артельщики занимаются рыбною ловлею. Вообще артельщики имѣютъ общимъ дѣломъ одинъ лодочный извозный промыселъ. Въ частной жизни они живутъ отдѣльными хозяйствами, независимо другъ отъ друга. Только одна угрожающая конкурренція извѣстнаго уже намъ пароходика заставила лодочниковъ сѣверной стороны соединиться во едино. Къ сожалѣнію, ихъ частная жизнь течетъ далеко не блистательнымъ образомъ. Жалобы на отсутствіе

сколько-нибудь удовлетворительныхъ постоянныхъ заработковъ, на плохія времена и въ Севастополѣ, какъ вообще въ южныхъ городахъ Россіи, довольно обыкновенны, и севастопольскіе лодочники, разумѣется, не представляютъ въ этомъ отношеніи замѣтнаго исключенія.

2. Артели бендюжниковъ или дрогалей.

Отпускъ за границу южно-русскаго сырья и преимущественно хлѣба создалъ на югѣ Россіи особый разрядъ рабочихъ, извѣстныхъ подъ именемъ бендюжниковъ или «дрогалей», по малорусскому выговору. Рабочихъ этого рода, какъ совершенно спеціализировавшихся и обособившихся тружениковъ, можно встрѣчать положительно во всѣхъ южно-русскихъ портахъ — въ Одессѣ, Николаевѣ, Херсонѣ, Севастополѣ, Керчи, Бердянскѣ, Ейскѣ, Маріуполѣ, Таганрогѣ и Растовѣ-на-Дону. И вездѣ спеціальныя ихъ работы заключаются главнымъ образомъ въ перевозкѣ хлѣба изъ магазиновъ въ магазины и на суда или обратно.

Они же доставляютъ изъ судовъ въ городъ каменный уголь, желѣзо, фрукты и пр. и перевозятъ разнаго рода тяжести и мебель по городу. Такимъ образомъ, рабочій-бендюжникъ не мыслимъ безъ лошади и повозки или дрогъ.

Бендюжники бываютъ двухъ родовъ: постоянно занимающіеся своимъ промысломъ и наѣзжіе, занимающіеся этимъ промысломъ только въ опредѣленное время года— весною или осенью, когда идетъ особенно усиленная и дѣятельная нагрузка или разгрузка судовъ. Первые живутъ большею частію въ предѣлахъ городовъ, какъ напр., на Мельницахъ въ Одессѣ, перебиваясь во времена безработицы и зимой сторонними работами или перевозкою по

городу тяжестей и разнаго рода клади. Вторые наѣзжаютъ въ порты изъ окрестныхъ селеній въ разгаръ дѣятельности на гаваняхъ и пристаняхъ. Впрочемъ, бендюжниками, въ строгомъ смыслѣ этого слова, можно назвать рабочихъ перваго рода. Вторые даже рѣдко бываютъ извѣстны подъ этимъ именемъ, и если носятъ названіе бендюжниковъ, то только временно, благодаря единственно случайному прикосновенію къ дѣлу. Это большею частію мелкіе хозяева-землевладѣльцы, урывающіе время отъ сельскохозяйственныхъ занятій для работъ внѣ хозяйства, на сторонѣ. Но занимаются ли бендюжники постоянно своимъ промысломъ или только временемъ, урывками,—въ обоихъ случаяхъ они производятъ свои работы не иначе, какъ артельнымъ трудомъ. Артель служитъ основною формою ихъ промысла и, притомъ, формою крайне разнообразною и мѣняющеюся, смотря по тому или другому экономическому положенію этого рабочаго люда.

Въ самомъ простомъ и, такъ сказать, случайномъ видѣ артельное начало прилагается къ дѣлу наѣзжими бендюжниками. У нихъ оно носитъ такой же временный и неустойчивый характеръ, какъ и самыя ихъ занятія бендюжнымъ промысломъ.

Когда обыкновенно пригородній бендюжникъ узнаетъ о нагрузкѣ и разгрузкѣ судовъ въ портѣ, то снаряжаетъ свою повозку и, захвативши одну или двѣ вязанки сѣна и извѣстное количество овса для лошади, отправляется въ сообществѣ односельцевъ или знакомыхъ ему сотоварищей въ конторы или на гавань отыскивать работы. Такъ какъ хлѣботорговцы и судо-хозяева всегда предпочитаютъ, въ силу большей успѣшности дѣла, имѣть дѣло съ цѣлыми партіями, съ артелями бендюжниковъ, а не съ одиночными возчиками, то такимъ образомъ уже одно это обстоятельство служитъ связующей причиной для такихъ

партій односельцевъ или знакомыхъ сотоварищей. Партія не только подряжается перевозить извѣстный товаръ, зерно или тяжести гуртомъ у одного хозяина, но и самыя работы производитъ сообща. Бендюжныя работы всегда носятъ такой характеръ, что производить одиночно, а не сообща, положительно не выгодно, а иногда и просто не возможно. Таскать пятипудовые чувалы или кули одному рабочему почти не мыслимо или если и мыслимо, то съ такими неудобствами, проволочками и тратами времени и силъ, что работа врядъ ли могла бы окупаться по своей дѣйствительной стоимости. Значитъ, такъ или иначе наѣзжимъ бендюжникамъ приходится группироваться въ партіи и прилагать къ дѣлу артельный трудъ.

Есть и другаго рода обстоятельство, заставляющее бендюжниковъ группироваться въ артели и зависящее также отъ самаго характера важнѣйшихъ бендюжныхъ работъ. Дѣло въ томъ, что такія работы, какъ нагрузка судовъ или даже просто возка тяжестей въ гавани и изъ гаваней, при значительномъ скопленіи рабочаго люда, что само собою обусловливается ограниченностью пространства для работъ къ гаваняхъ и при судахъ, возможны только при соблюденіи извѣстнаго порядка и очередей со стороны самихъ рабочихъ. Но такія именно порядки меньше всего мыслимы тамъ, гдѣ на тѣсномъ пространствѣ толкутся десятки и сотни повозокъ и рабочихъ. Не смотря на заведенные порядки и очереди, между рабочими здѣсь то и дѣло бываютъ столкновенія. Каждому желательно поскорѣе сдать свою кладу или получить новую, каждый спѣшитъ поскорѣе пробраться къ пароходу или въ гавань, и, вслѣдствіе этого, брань и споры, а нерѣдко нахальство сильнаго и взаимныя потасовки бываютъ довольно частыми явленіями въ средѣ рабочаго люда. Кто бывалъ, напр., на одесскихъ гаваняхъ во времена усиленной или даже обык-

новенной ихъ дѣятельности при нагрузкѣ и разгрузкѣ судовъ, тотъ навѣрное былъ очевидцемъ массы сценъ подобнаго рода. Тутъ нерѣдко беретъ тотъ верхъ, и, слѣдовательно, больше зарабатываетъ, кто сильнѣе, а такъ какъ сила всегда оказывается на сторонѣ артели, то одинокій рабочій, при такомъ порядкѣ дѣлъ, оказывается положительно безсильнымъ. Стало быть, артель, какъ форма взаимно гарантирующая отдѣльныхъ рабочихъ при отстаиваніи ими очередей и возможности скораго исполненія работъ, является прямой необходимостью и съ этой стороны.

Такимъ образомъ, артельное начало обнаруживается въ описываемыхъ формахъ прежде всего въ двухъ отношеніяхъ—по отношенію къ общей совмѣстной работѣ и по отношенію къ взаимной гарантіи и отстаиванію другъ друга при работахъ, когда въ одномъ и томъ же мѣстѣ работаетъ значительное количество рабочаго люда. Этимъ, впрочемъ, и исчерпывается примѣненіе артельнаго начала къ дѣлу. Далѣе этого артели не идутъ. Каждый членъ артели ведетъ совершенно самостоятельно свою жизнь, траты и расчеты. Сегодня онъ членъ одной артели, а завтра можетъ быть членомъ совершенно другой. Сегодня онъ работаетъ въ городѣ на гавани, а чрезъ день онъ станетъ пахать пашни у себя на дому. Лошадь свою онъ кормитъ на свой счетъ и независимо отъ другихъ. Точно также харчуется и самъ. И только изрѣдка, при случаѣ, онъ участвуетъ въ общей товарищеской складчинѣ на выпивку или пьетъ компаніей для сокращенія издержекъ чай въ трактирѣ, что случается очень даже часто, но что, впрочемъ, не всегда находится въ полномъ соотвѣтствіи съ приложеніемъ артельнаго начала къ дѣлу, такъ что пить чай вмѣстѣ могутъ лица совершенно различныхъ артелей или только нѣсколько лицъ изъ одной артели.

Въ артели не бываетъ также никакихъ соподчиненныхъ отношеній между членами, и только при уговорѣ и расчетахъ съ хозяевами артель выставляетъ изъ среды своей того или другаго члена, какъ представителя артели. Разумѣется, это бываетъ большею частію опытный, знающій и грамотный членъ. Онъ ведетъ обыкновенно счетъ количеству пудовъ или четвертей перевозимаго товара, получаетъ по этому счету квитанціи отъ хозяевъ и уплату, и такимъ образомъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ артельнаго старосты. Самый дѣлежъ заработковъ производится пропорціонально или количеству пудовъ, перевезенныхъ каждымъ членомъ артели, или же количеству рабочихъ силъ и повозокъ, смотря по предварительному или обычному соглашенію.

Нѣсколько совершеннѣе артели у постоянныхъ бендюжниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ чаще бываютъ случаи, когда артель служитъ только средствомъ эксплуатаціи рабочаго люда въ рукахъ какого-нибудь ловкаго афериста. Дѣло въ томъ, что въ такихъ большихъ городахъ, какъ Одесса или Севастополь, существуетъ цѣлый классъ чернорабочихъ, работающихъ спеціально въ гаваняхъ и неимѣющихъ ничего, кромѣ пары здоровыхъ мозолистыхъ рукъ. Обладая превосходными практическими знаніями и снаровкою при работахъ, рабочіе эти не имѣютъ въ своемъ распоряженіи самаго главнаго — лошадей, для того, чтобы производить работы самостоятельно. И вотъ этимъ-то послѣднимъ обстоятельствомъ и пользуются разнаго рода мелкіе и крупные посредники, содержащіе бендюжныхъ лошадей. Они нанимаютъ обыкновенно поденно или помѣсячно чернорабочихъ, прилагаютъ къ дѣлу готовую форму народнаго артельнаго труда и снимаютъ работы у хозяевъ или у конторъ, кладя себѣ въ карманы всѣ тѣ выгоды, какія выпадаютъ на долю артельнаго веденія дѣла.

Но въ тѣхъ случаяхъ, когда артели состоятъ изъ совершенно самостоятельныхъ рабочихъ, имѣющихъ своихъ собственныхъ лошадей, онѣ представляютъ болѣе совершенныя и устойчивыя формы труда въ ряду другихъ описанныхъ нами артельныхъ формъ. Въ такихъ артеляхъ обыкновенно каждый членъ участвуетъ трудомъ и капиталомъ, т. е. каждый рабочій участвуетъ самъ непосредственно въ снимаемыхъ артелью работахъ и имѣетъ одну или нѣсколько лошадей и повозокъ. Живутъ эти артели иногда вмѣстѣ, на одной квартирѣ, харчуются изъ одного общаго котла, но даже въ такихъ случаяхъ почти всегда каждый членъ артели содержитъ свою лошадь на свой собственный счетъ независимо отъ другихъ. Работы также производятся гуртомъ, сообща всей артелью, а въ тѣхъ случаяхъ, когда одному или нѣсколькимъ членамъ приходится работать отдѣльно, общій поденный заработокъ считается общею артельною выручкою, такъ что дѣлежъ заработковъ производится большею частію пропорціонально количеству рабочихъ рукъ или повозокъ. Сообразно съ этимъ и самыя артели составляются такъ, чтобы было по возможности равное участіе труда и капитала со стороны каждаго члена. Для заправленія общимъ ходомъ дѣлъ артель выбираетъ артельнаго старосту, который и ведетъ артельные расчеты съ хозяевами, не получая, впрочемъ, никакого вознагражденія за это. Затѣмъ всѣ остальные члены—совершенно равноправные участники артели. Самая продолжительность существованія артели всегда бываетъ значительнѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ видовъ артелей этого рода, и не носитъ такого случайнаго характера, какъ въ артеляхъ наѣзжихъ бендюжниковъ.

Таковы въ общихъ чертахъ разные виды артелей бендюжниковъ или «дрогалей». Какъ чисто практическія формы труда, онѣ во всякомъ случаѣ представляютъ не-

маловажныя выгоды какъ для рабочихъ, такъ и для хозяевъ. Безъ этихъ формъ во многихъ случаяхъ не мыслимо самое веденіе дѣла, а тамъ, гдѣ оно возможно, оно было бы далеко неудобнѣе и непроизводительнѣе безъ нихъ, чѣмъ при посредствѣ ихъ. Конечно, въ разныхъ случаяхъ артельное веденіе дѣла даетъ совершенно различные результаты, но это уже обусловливается степенью пригодности и совершенства той или другой артельной формы. Очень можетъ быть, что энергія труда, а слѣдовательно, и величина заработка въ артеляхъ самостоятельныхъ или наѣзжихъ бендюжниковъ значительнѣе, чѣмъ въ артеляхъ эксплуатируемыхъ. Точно также приложеніе артельнаго начала къ дѣлу, а вслѣдствіе этого и разнаго рода сбереженія, сокращеніе расходовъ и вообще артельныя выгоды въ артеляхъ постоянныхъ бендюжниковъ шире, чѣмъ въ артеляхъ наѣзжихъ. Но въ общемъ итогѣ артели во всякомъ случаѣ составляютъ неизбѣжную принадлежность бендюжнаго промысла, независимо отъ той или другой ихъ формы. Самое слово артель вошло во всеобщее употребленіе при бендюжныхъ работахъ, и имъ безразлично называютъ и собственно артели, и просто три-четыре или десятокъ рабочихъ, возящихъ тяжести у одного хозяина или изъ одного мѣста въ продолженіе дня, полудня или даже часа. Сообразно съ понятіемъ артели приспособлена перевозка и опредѣленіе количества тяжестей. То или другое зерно сдается обыкновенно «по артельно», и изъ каждой артели или группы (большею частію двухъ, трехъ мелкихъ артелей) берутся такъ называемые пробные чувалы, взвѣшиваются, и потомъ, на основаніи ихъ вѣса, высчитывается общее количество пудовъ хлѣба по чувалам.

Поэтому, не смотря на тѣ или другія видовыя особенности артелей бендюжниковъ, всѣ онѣ представляютъ

въ существенныхъ чертахъ много общаго между собою. Такъ, существенныя черты ихъ организаціи, какъ мы видѣли уже выше, носятъ одинаковые, безразличные признаки. Ихъ численный составъ всегда большею частію колеблется между четырьмя и десятью повозками, и ни мало не обусловливается тѣмъ или другимъ видоизмѣненіемъ артельной формы. Колебаніе состава въ ту или другую сторону опредѣляется тутъ тѣмъ или другимъ количествомъ принадлежащихъ одному рабочему повозокъ. Если рабочіе имѣютъ по одной повозкѣ, артель бываетъ малочисленна, если же больше, то и артель оказывается болѣе многочисленною. Количество рабочихъ рукъ выбирается вообще такое, при которомъ возможна наибольшая экономія работы. Точно также та или другая видовая форма артели не имѣетъ никакого вліянія и на составъ артелей въ ихъ національномъ отношеніи. Всѣ описанныя нами формы одинаково встрѣчаются у всѣхъ тѣхъ національностей, которыя занимаются бендюжнымъ извозомъ.

Большинство бендюжныхъ артелей формируется обыкновенно изъ малорусскаго населенія, но въ разныхъ мѣстахъ южной Россіи къ нимъ бываютъ причастны разнаго рода національности. Такъ, въ Одессѣ, кромѣ малорусскихъ артелей, встрѣчаются нѣмецкія, молдаванскія и еврейскія, въ Ростовѣ-на-Дону—малорусскія и армянскія, въ Ейскѣ—малорусскія и нѣмецкія, и т. д., и т. д. Иногда встрѣчаются артели смѣшаннаго характера, въ составъ которыхъ входятъ и малороссы, и великороссы, и даже евреи или нѣмцы. Однимъ словомъ, артельное начало одинаково прилагается къ дѣлу у всѣхъ, кто-бы не занимался бендюжнымъ промысломъ, и та или другая форма его обнаруженія ни мало не обусловливается національностью тѣхъ или другихъ участниковъ въ ней. Въ этомъ отношеніи бываетъ существенно важно собственно только

то или другое экономическое положеніе рабочаго люда, его обезпеченность и необезпеченность, его зависимость или независимость отъ извѣстнаго рода занятій.

Наконецъ, та или другая форма артели не имѣетъ также вліянія и на рабочую плату или на цѣны за перевозку тяжестей. Каждая артель работаетъ обыкновенно по существующимъ цѣнамъ, а возвышеніе или паденіе цѣнъ обусловливается не только спросомъ и предложеніемъ, но и нѣкоторыми другими условіями. Чѣмъ меньше артелей и больше работы, тѣмъ выше, конечно, цѣны за работы, и наоборотъ. Но цѣны во всякомъ случаѣ бываютъ высоки въ періоды особенно усиленной нагрузки и отправки изъ портовъ хлѣба весною или осенью, и низки по миновеніи этихъ условій, въ другія времена, такъ что колебаніе ихъ въ этомъ отношеніи достигаетъ невѣроятныхъ крайностей. Такъ, напр., въ Одессѣ случается, что за перевозку четверти хлѣба на одномъ и томъ же пространствѣ изъ города въ гавани, но въ разныя времена, платится отъ 7 коп. до рубля, и не рѣдки, поэтому, случаи, когда дневной заработокъ бендюжника съ одной повозкой и парой лошадей равняется десяти, пятнадцати и даже болѣе рублей въ одно время года и двадцати или пятидесяти копѣекъ въ другое. Въ этомъ отношеніи бендюжный промыселъ, а слѣдовательно, и самыя артели бендюжниковъ подвержены большимъ крайностямъ и колебаніямъ, отражающимся зачастую самымъ неблагопріятнымъ образомъ на положеніи рабочаго люда.

---

3. Артели плотниковъ и каменьщиковъ.

Артели плотниковъ и каменьщиковъ составляются преимущественно изъ великороссовъ, и въ такомъ видѣ

извѣстны въ южной Россіи подъ именемъ «захожихъ» артелей. Работая здѣсь изъ года въ годъ, артели эти-какъ опредѣленныя формы труда, имѣющія за собою обычай и долголѣтнюю практику, оказываютъ нѣкоторое вліяніе и на трудовую жизнь малорусскаго народа. Такимъ образомъ, бываютъ, напр., хотя и весьма рѣдкіе случаи, когда въ составъ этихъ артелей, кромѣ великороссовъ, попадаютъ и малороссы, когда даже онѣ цѣликомъ комплектуются изъ одного малорусскаго населенія. На этомъ основаніи мы и помѣщаемъ здѣсь краткое описаніе ихъ на ряду съ чисто южно-русскими формами. Если онѣ и не представляютъ собою смѣшанныхъ южно-русскихъ формъ, то во всякомъ случаѣ оставляютъ извѣстные слѣды въ самой экономической жизни южно-русскаго населенія.

По своему характеру и строенію артели плотниковъ и каменьщиковъ отличаются полнѣйшею аналогіею между собою. Это—артели чисто великорусскаго типа, состоящія изъ совершенно самостоятельныхъ и равноправныхъ рабочихъ, равномѣрно распредѣляющихъ между собою какъ трудъ, такъ и заработки. Но въ этомъ чистомъ видѣ онѣ составляютъ только относительно незначительное меньшинство. Рядомъ съ ними существуютъ и другаго рода формы, уклонившіяся отъ своего чисто артельнаго характера и представляющія, такъ сказать, одну внѣшнюю артельную оболочку безъ всякаго внутренняго содержанія. Въ такомъ видѣ эти формы служатъ только средствомъ для наживы разнаго рода кулаковъ и рядчиковъ. Трудъ въ нихъ является совершенно соподчиненнымъ началомъ и многія изъ тѣхъ выгодъ, которыя вообще не разлучны съ артельнымъ трудомъ, выпадаютъ на долю эксплуатирующаго элемента.

Итакъ, слѣдовательно, артели плотниковъ и каменьщиковъ встрѣчаются въ южной Россіи въ двухъ видахъ—

въ чисто артельномъ видѣ и въ видѣ разлагающихся артельныхъ формъ.

Въ существующихъ экономическихъ условіяхъ южной Россіи есть одна общая точка соприкосновенія, ставящая въ одинаково невыгодное положеніе оба эти вида артельныхъ формъ. Дѣло въ томъ, что большинство описываемыхъ артелей ютится главнымъ образомъ въ городахъ, какъ напр., въ Одессѣ, Николаевѣ, Севастополѣ, Харьковѣ, Таганрогѣ, Ростовѣ-на-Дону, Екатеринодарѣ, Керчи и пр., пр., а городскія работы отдаются большею частію съ подряда. Подрядчикъ въ такихъ случаяхъ, какъ лице извѣстное и могущее представить залогъ при постройкахъ, является неизбѣжнымъ посредникомъ между рабочимъ людомъ и нанимателями, и многія изъ тѣхъ выгодъ, которыя пришлись бы при другихъ условіяхъ на долю артелей, становятся такимъ образомъ достояніемъ этого посредствующаго лица.

Существуетъ собственно два рода подрядчиковъ: мелкіе и крупные. Первые и есть непосредственные эксплуататоры артельнаго труда. Они составляютъ и содержатъ по найму артели въ качествѣ такъ называемыхъ «хозяевъ». Вторые, ведущіе дѣла въ болѣе широкихъ размѣрахъ, одинаково берутъ свою дань какъ съ артелей, содержимыхъ мелкими рядчиками-хозяевами, такъ и съ артелей въ совершенно чистомъ ихъ видѣ. Значитъ, существенно важное вліяніе на артели должны оказывать только перваго рода подрядчики.

Организуя свои артели, мелкіе рядчики-хозяева стоятъ на чисто обычной почвѣ народной жизни. Они такіе же труженики, какъ и тѣ рабочіе, которыхъ они избираютъ въ артели, и во многихъ случаяхъ даже превосходятъ искуствомъ этихъ послѣднихъ. Они живутъ обыкновенною жизнію рабочаго — вмѣстѣ съ своими рабочими помѣща-

ются, вмѣстѣ ѣдятъ и пр. Однимъ словомъ, это тѣ же рабочіе, только стоящіе въ хозяйскихъ отношеніяхъ къ другимъ рабочимъ. И эта-то близость ихъ къ положенію рабочаго люда и дѣлаетъ ихъ особенно опасными эксплуататорами труда. Они знаютъ всю подноготную въ жизни рабочаго и, поэтому, часто пожинаютъ свои барыши тамъ, гдѣ другой и не подумалъ бы.

Самыя артели рядчики составляютъ или на мѣстѣ работъ, или же отправляются нарочито съ этою цѣлію на мѣста жительства и скопленія рабочаго люда. Но гдѣ бы не составлялись артели, причины, заставляющія рабочаго попадать въ эту наемную кабалу, одни и тѣ же. Рабочій нанимается въ силу необходимости: ему или нужны деньги на уплату податей и пр., которыя онъ беретъ «впередъ» у рядчика, нанимаясь къ нему на извѣстный срокъ за извѣстную условленную плату, или же онъ просто нуждается въ работѣ, которую приходится доставать большею частію только чрезъ посредство рядчика.

Общія черты построенія всѣхъ этихъ разлагающихся артельныхъ формъ совершенно одинаковы. Въ нихъ именно остается только одно внѣшнее выраженіе артельнаго начала, т. е. соединеніе рабочихъ въ группы для достиженія возможно лучшихъ результатовъ труда. Рядчикъ нанимаетъ рабочихъ помѣсячно, посрочно или погодно. Рабочій живетъ большею частію въ артели, ѣстъ изъ общаго артельнаго котла, работаетъ также въ большинствѣ случаевъ въ артели. Но за этими внѣшними артельными чертами кроется далеко неартельное содержаніе. Рядчикъ, какъ хозяинъ, является полнѣйшимъ и неограниченнымъ распорядителемъ всѣхъ дѣйствій рабочаго, какъ нанятаго имъ работника. Онъ совершенно по произволу можетъ ставить его на ту или другую работу, можетъ разбивать для выполненія разнаго рода работъ артель на

части, можетъ заставлять рабочихъ работать одиночно и т. д., и т. д. Его прямая цѣль заключается въ одномъ— получить возможно больше выгодъ сверхъ тѣхъ издержекъ, которыя онъ тратитъ на содержаніе рабочихъ. Такимъ образомъ, рабочій въ такой искуственной артели является мало того, что лицемъ въ значительной степени обсчитаннымъ и обобраннымъ, но еще и несамостоятельнымъ, подневольнымъ.

Чтобы показать, каково положеніе рабочаго въ этомъ послѣднемъ отношеніи, мы приведемъ здѣсь небольшой расчетъ плотничьей артели, существовавшей въ г. Екатеринодарѣ. Артель рядчика состояла изъ восьми человѣкъ. Рабочіе наняты были по разнымъ цѣнамъ. Общее содержаніе ихъ въ годъ стоило приблизительно около 1,440 рублей, квартирные расходы равнялись 30 рублямъ въ годъ и расходы на пищу—400 р., или въ общемъ итогѣ годовое содержаніе артели въ восемь человѣкъ стоило рядчику 1,870 руб. сер. Между тѣмъ валовая выручка отъ труда восьми рабочихъ равнялась приблизительно 2,880 рублей въ годъ. Значитъ, рядчикъ-хозяинъ ни за что ни прочто клалъ въ свои карманы цѣлую тысячу рублей изъ трудовыхъ денегъ его рабочихъ въ годъ.

Итакъ, слѣдовательно, рабочія артели, составляемыя рядчиками-предпринимателями, представляютъ собою въ сущности удобнѣйшія формы для эксплуатаціи труда рабочихъ рядчикомъ. Всѣ тѣ выгоды, которыя не разлучны съ артельнымъ веденіемъ дѣла, какъ сбереженія по продовольствію, найму квартиры, закупкѣ матеріаловъ для работъ и прямыя выгоды отъ большей производительности артельнаго труда сравнительно съ трудомъ взраздробную, принадлежатъ исключительно хозяину. И, такимъ образомъ, самыя формы теряютъ характеръ настоящихъ артельныхъ формъ, хотя и извѣстны у рабочихъ подъ именемъ арте-

лей. Это, стало-быть, разлагающіяся формы артельнаго труда, формы, образовавшіяся только вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій для артельнаго начала. Тамъ, гдѣ эти условія не существуютъ или покрайней мѣрѣ вліяніе ихъ на трудъ болѣе слабо, артели являются въ своемъ чистомъ видѣ.

Существенное различіе собственно артелей отъ разлагающихся артельныхъ формъ заключается, конечно, въ томъ, что въ составъ ихъ входятъ совершенно равноправныя во всѣхъ отношеніяхъ лица. Каждый — только работникъ, соединяющій свой трудъ и расходы по содержанію съ трудомъ и расходами такихъ же, какъ и онъ, тружениковъ, и никто не играетъ тутъ роли полновластнаго хозяина или строгозависимаго наемника. Отсюда — каждый членъ артели одинаково съ другими участвуетъ какъ въ выгодахъ артели, такъ и въ убыткахъ ея. Артельный староста только избранный исполнитель воли большинства. Власть его также ограничена, какъ и обыкновенныхъ членовъ артели, и если онъ дѣйствуетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ повидимому совершенно самостоятельно и независимо отъ воли большинства, то самые эти предѣлы опредѣляются тѣмъ же большинствомъ и существующими на этотъ счетъ обычаями. Староста не получаетъ, поэтому, за свои труды, какъ распорядителя артели, никакого особеннаго вознагражденія. Его положеніе — дѣло почета и довѣрія, и на такое положеніе имѣетъ право всякій участникъ артели. Такимъ образомъ, артель въ этомъ случаѣ является гарантіею труда и рабочаго отъ эксплуатаціи разнаго рода мелкими посредниками. Тотъ же самый плотникъ, который получаетъ у мелкаго рядчика какіе-нибудь 8, 10 или 12 руб. въ мѣсяцъ, въ артели вырабатываетъ 20 и 25 рублей также въ мѣсяцъ.

Что касается затѣмъ вліянія артелей въ томъ или другомъ ихъ видѣ собственно на южно-русское рабочее населеніе, то это населеніе, понятно, также должно принаравливаться къ тѣмъ или другимъ мѣстнымъ условіямъ, прилагая къ дѣлу артельное начало. Въ большихъ городахъ, какъ напр., въ Одессѣ,—гдѣ положеніе отдѣльныхъ рабочихъ подверженно большимъ случайностямъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, — чаще, чѣмъ гдѣ либо, можно встрѣтить случаи, когда южно-русскій житель попадаетъ въ артельную кабалу какого-нибудь мелкаго рядчика-каменьщика. И, наоборотъ, въ глухихъ мѣстахъ, какъ въ станицахъ Кубанской области, гдѣ, напр., плотникъ всегда можетъ найдти себѣ ту или другую мелкую работу и гдѣ, слѣдовательно, онъ меньше подверженъ случайностямъ и зависимости отъ рядчиковъ, скорѣе можно найдти и примѣненіе артельнаго начала хотя бы и мѣстнымъ рабочимъ людомъ. Намъ случалось, напр., встрѣчать въ Кубанской области плотничьи артели, существующія въ теченіе только выполненія той или другой значительной работы, какъ постройки вѣтряныхъ мельницъ, церковныхъ оградъ, домовъ и пр., и состоящія изъ самыхъ разнокалиберныхъ элементовъ—изъ козаковъ, солдатъ, великороссовъ и малороссовъ. Стало быть, и для мѣстнаго южно-русскаго населенія та или другая форма артели является дѣломъ случая и извѣстнаго экономическаго положенія самаго труженика. Если же эти формы вообще туго прививаются къ жизни южно-русскаго рабочаго, то это, разумѣется зависитъ отъ того, что и самыя плотничьи и каменьщичьи работы мало распространены на югѣ Россіи.

РАЗНЫЯ АРТЕЛИ.

1. Батальонныя артели.

Въ щербиновской, кущовской, екатеринодарской, брюховецкой и другихъ черноморскихъ ярмаркахъ, на такъ называемыхъ «тічкахъ», гдѣ продается обыкновенно рогатый скотъ, можно иногда встрѣтить случаи, когда одну пару воловъ торгуетъ цѣлый десятокъ или даже нѣсколько десятковъ козаковъ вмѣстѣ. Ни одинъ, кажется, покупатель не осматриваетъ съ такимъ тщаніемъ воловъ, какъ эти козаки-покупщики. Они буквально таки «перещупаютъ» всѣ суставчики животныхъ, лазятъ подъ брюхомъ, пробуютъ за рога и пр. Сторговавъ воловъ, они берутъ ихъ на пробу, запрягаютъ въ возъ и, взгромоздившись на него въ такомъ количествѣ, какое только можетъ помѣститься, съ криками и гикомъ «проѣзжаютъ» быковъ. Это покупаютъ черноморцы-пѣхотинцы такъ называемыхъ «артельныхъ воловъ».

Дѣло въ томъ, что въ средѣ кубанскаго козачества остались еще въ ихъ военной организаціи кое-какіе слабые слѣды ихъ былыхъ свободныхъ порядковъ, основанныхъ на историческихъ традиціяхъ. Такъ напр., въ каждомъ батальонѣ «пѣхотинцевъ», т. е. пѣшихъ козаковъ, козакамъ позволяется имѣть то или другое количество своихъ подводъ для перевозки вещей. Содержаніе этихъ подводъ представляетъ прежде всего совершенно свободное дѣло самихъ козаковъ, и въ этомъ-то случаѣ козаки и прилагаютъ къ дѣлу артельное начало.

Въ каждомъ батальонѣ существуетъ обыкновенно нѣсколько артельныхъ подводъ. Количество ихъ обусловливается тѣмъ или другимъ распредѣленіемъ пѣхотинцевъ

по станицамъ и зависитъ отъ доброй воли и матеріальныхъ рессурсовъ козаковъ. Если станица достаточно населена и, слѣдовательно, имѣетъ достаточное число пѣхотинцевъ для содержанія своей собственной артельной подводы, то одностаничники содержатъ сами собою такую подводу; въ противномъ случаѣ они соединяются съ пѣхотинцами другой, преимущественно ближайшей станицы, что случается, впрочемъ, сравнительно рѣдко. Но сколько бы ни было пѣхотинцевъ въ станицѣ, они всегда вольны содержать и сами собою подводу, лишь бы хватило на это средствъ.

Такимъ образомъ, каждая группа пѣхотинцевъ-козаковъ, содержащая свою собственную подводу, представляетъ собою артель. Подвода «снаряжается» на общій счетъ этой артели и служитъ ея общимъ артельнымъ достояніемъ. Каждый участникъ вноситъ на расходы по этому предмету совершенно равный со всѣми другими денежный пай и вмѣстѣ съ этимъ имѣетъ право на пользованіе подводой только въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ пользуются ею всѣ другіе участники.

Для ухода за волами и подводой артель выбираетъ изъ среды своей одного возчика, который и называется «артельщикомъ». Артельщикъ не избавляется отъ взноса пая на содержаніе подводы. Его избраніе—дѣло чести и довѣрія. Имъ бываетъ только болѣе честное, толковое и уважаемое лице. Онъ, слѣдовательно, авляется лицемъ выборнымъ, общественнымъ, и такъ какъ избавляется при этомъ отъ несенія разнаго рода другихъ служебныхъ по батальону обязанностей, то, значитъ, достаточно вознаграждается уже однимъ занимаемымъ имъ положеніемъ за тѣ труды, которые выпадаютъ на его долю, какъ артельщика.

Разъ артельщикъ избранъ, онъ получаетъ въ свое полнѣйшее распоряженіе артельную подводу. Подвода оди-

наково находится на его рукахъ и въ обыкновенное, не служебное время, и во время отправленія козаками службы. Но разница тутъ заключается только въ томъ, на чей счетъ производится содержаніе быковъ въ то или другое время. Если козаки находятся по домамъ, въ станицахъ, въ такомъ случаѣ артельщикъ содержитъ артельныхъ воловъ на собственный свой счетъ, и въ вознагражденіе за это пользуется ими, какъ рабочей силой, лишь бы только онъ доставилъ ихъ артели ко времени отправленія на службу въ надлежащемъ видѣ, т. е. достаточно откормленными, неиспорченными и проч. Въ служебное время, наоборотъ, хотя артельные быки и подвода находятся и на рукахъ артельщика, но содержаніе ихъ падаетъ равномѣрно на всѣхъ участниковъ артели.

Такимъ хозяйственно-артельнымъ способомъ козаки-пѣхотинцы устраиваютъ себѣ возможность возить за собою на службу тѣ вещи, какія не возможно носить съ собою пѣшему козаку, какъ напр.: сухари, сало, излишнюю одежду и пр. Смотря по необходимости, они избираютъ то или другое лицо въ свои артельщики, продаютъ худые волы и покупаютъ въ замѣнъ ихъ лучшіе, перемѣняютъ старый возъ на новый и т. д. Если случается полная распродажа артельнаго имущества, въ такомъ случаѣ каждый изъ участниковъ получаетъ изъ общей выручки совершенно равную съ другими долю. Но случаи такой полной ликвидаціи дѣлъ бываютъ не всегда. Иногда дѣло ведется и такимъ образомъ, что артель существуетъ изъ года въ годъ, но въ ней мѣняются только участники: выходятъ старые, выслужившіеся козаки и на мѣсто ихъ поступаютъ новые, начинающіе службу «малолітки», выплачивающіе пай вышедшимъ изъ артели козакамъ.

2. Артели нищихъ.

О малорусскихъ артеляхъ нищихъ упоминаетъ Максимовъ въ своей «Бродячей Руси». Артели этого рода дѣйствительно встрѣчаются во многихъ мѣстахъ южной Россіи, т. е. вообще тамъ, гдѣ живетъ исключительно малорусское населеніе или значительный процентъ его. Кто бывалъ на малорусскихъ ярмаркахъ и базарахъ, тотъ навѣрное встрѣчалъ на нихъ группы нищихъ, сидящихъ гдѣ-нибудь на бойкомъ, видномъ мѣстѣ и поющихъ какого-нибудь «Лазаря», акомпанируя пѣніе звуками «кобзы» или «рели». Можно положительно сказать, что группы эти представляютъ большею частію именно малорусскія артели нищихъ, артели хотя бы въ самой простой и незатѣйливой ихъ формѣ. Вслушайтесь, въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ возгласъ, которымъ нищіе заключаютъ свое пѣніе— и вы замѣтите, что форма этого возгласа есть форма артельной, коллективной просьбы. «Подайте нищимъ калікамъ ради Христа!» восклицаютъ обыкновенно нищіе, какъ бы выражая этимъ одну общую свою просьбу. Но найдите другую группу нищихъ, сошедшихся вмѣстѣ случайно, и вы здѣсь уже услышите, какъ каждый изъ этой группы восклицаетъ: «подайте нищому каліці ради Христа! Подайте убогому! Подайте сліпенькому!» давая этой формой обращенія какъ бы невольно знать, что въ подаяніи заинтересованъ каждый просящій единолично. Признакъ, конечно, далеко не постоянный, но во всякомъ случаѣ выражающій большею частію то, что нужно на самомъ дѣлѣ разумѣть.

Но эти, повидимому, такъ обыкновенныя и такъ легко бросающіяся въ глаза артели въ сущности представляютъ много темнаго и таинственнаго. Дѣло въ томъ, что нищіе содержатъ въ строжайшей тайнѣ свои взаимныя отношенія.

Расчетъ со стороны нищенствующей братіи очень простой. Нищенство во всякомъ случаѣ носитъ характеръ ремесла, и выдавать, поэтому, нѣкоторыя непривлекательныя тайны этого ремесла значило бы причинять ему существенный вредъ. Такимъ образомъ, уже одно это обстоятельство ясно указываетъ на то, что самое существованіе нищенскихъ артелей есть дѣло выгоды. Разъ нищіе хранятъ свои артельныя тайны изъ-за расчетовъ, значитъ, имъ это выгодно.

Въ самомъ дѣлѣ, ближайшія причины, которыми обусловливается существованіе артелей нищихъ, кроются совсѣмъ не въ братскихъ чувствахъ этой «немощной братіи». Нѣтъ, стремленіе нищихъ въ этомъ отношеніи скорѣе эгоистичны и грѣховны, чѣмъ гуманны и возвышенны. Дѣло просто сводится къ тому, что на ярмаркахъ, рынкахъ и вообще въ мѣстахъ людныхъ нищіе «добываютъ» артелью больше, чѣмъ въ одиночку. Малороссъ большой охотникъ до пѣнія, но когда онъ слушаетъ пѣніе нищей братіи, то любитъ, чтобы въ этомъ пѣніи и басъ гудѣлъ, и дискантъ пищалъ, и «реля грала», — любитъ, однимъ словомъ общее хоровое пѣніе и предпочитаетъ его пѣнію одиночнаго пѣвца. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ больше участвуетъ нищихъ въ пѣніи, тамъ попреимуществу собирается и большее число слушателей, а, слѣдовательно, и большее количество копѣекъ и «трюшниковъ» сыплется въ чашечки нищихъ. Точно такихъ же результатовъ достигаютъ нищіе и обыкновеннымъ выпрашиваніемъ милостыни, составляя для этой цѣли свои артели изъ разнаго рода калѣкъ, производящихъ самыя разнообразныя впечатлѣнія на даятелей. Значитъ, для нищихъ прямой расчетъ состоитъ въ томъ, чтобы пѣть и просить въ людныхъ мѣстахъ артелью, а не въ одиночку. Такъ они и поступаютъ. Часто достаточно нѣсколькимъ, хотя бы и не со-

стоящимъ въ одной артели, нищимъ сойдтись на какомъ-нибудь многолюдномъ пунктѣ вмѣстѣ, чтобы составилась артель, какъ обычное явленіе.

Сообразно съ этимъ и самыя формы нищенскихъ артелей носятъ двоякій характеръ—постоянный и случайный, временный. Бываютъ такія артели, которыя ведутъ свое дѣло постоянно и на всякомъ мѣстѣ. Бываютъ и такія, которыя возникаютъ въ одномъ только случаѣ или покрайней мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ и на извѣстное, относительно незначительно время.

Такъ какъ способъ выпрашиванія милостыни артелью для извѣстныхъ случаевъ вошелъ въ обычное явленіе между нищими, то артель можно считать во всякомъ случаѣ существующею, разъ на одномъ и томъ же мѣстѣ сидитъ нѣсколько человѣкъ нищихъ. Если сошедшіеся такимъ образомъ нищіе и не станутъ впослѣдствіи дѣлится пожертвованной имъ милостыней, какъ общей артельной добычей, то они несомнѣнно прибѣгаютъ къ артельному началу для того, чтобы привлечь вниманіе большаго числа даятелей большимъ числомъ пѣвцовъ или болѣе крикливымъ и разнообразнымъ выпрашиваніемъ милостыни. Случается, поэтому, что въ такія мимолетныя, артельныя отношенія вступаютъ нищіе, совершенно чуждые другъ другу. Бываютъ также и такого рода случаи, когда въ составъ одной группы-артели входятъ на время двѣ-три совершенно самостоятельно дѣйствующихъ артели. Но если въ одномъ и томъ же мѣстѣ, напр., у церковной ограды, у монастыря и пр., поетъ и выпрашиваетъ нѣсколько группъ отдѣльно, то это значитъ, что всѣ эти артели конкурируютъ между собою, что одни артели находятъ почему-либо невыгоднымъ пѣть и просить вмѣстѣ съ другими, такъ напр., одна артель располагаетъ какимъ-нибудь особенно рѣдкостнымъ пѣвцомъ-ревуномъ, другая выстав-

ляетъ на показъ какой-нибудь импонирующій экземпляръ калѣки, а третья просто потому проситъ отдѣльно, что ее не принимаютъ въ товарищество другія, какъ не представляющую никакихъ преимуществъ чисто въ техническомъ смыслѣ. Къ этому присоединяются также удобства мѣста для выпрашиванія милостыни, какъ напр., вблизи паперти, главнаго хода и пр., причемъ самымъ мѣстомъ нищіе пользуются или по праву перваго захвата на каждый разъ, или отвоевываютъ его силою у своихъ конкурентовъ, или же, наконецъ, для удержанія за собою мѣста прибѣгаютъ къ помощи людей, власть имущихъ, каковы церковные старожа и пр.

Но существенно важными изъ всѣхъ нищенскихъ артелей нужно признать собственно тѣ изъ нихъ, которыя мы называемъ постоянными. Къ нимъ приложено артельное начало въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ къ другимъ. Онѣ существуютъ въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго періода времени и вообще, надо полагать, имѣютъ за собою извѣстнаго рода обычаи и традиціи.

По своему составу артели этого рода, какъ и всѣ другія, состоятъ изъ двухъ элементовъ: собствеено нищихъ, «старцівъ», и такъ называемыхъ «поводатырей». Первый элементъ—нищіе по профессіи, второй — только слуги, наемники нищихъ. Поэтому, и самое положеніе въ артели тѣхъ и другихъ весьма различно.

Одиночные нищіе безъ «поводатырей» встрѣчаются довольно часто, такъ какъ только слѣпцы не могутъ обойтись безъ нихъ; но артели безъ поводатырей вообще рѣдки. Помимо того, что рѣдкая артель бываетъ безъ слѣпца, который, прося въ одиночку, нуждается въ поводатырѣ,—поводатырь въ большинствѣ случаевъ представляетъ необходимаго члена артели въ качествѣ исполнителя разнаго рода услугъ. Самый составъ поводатырей попол-

няется большею частію изъ стороннихъ нищимъ лицъ. Поводатырями обыкновенно бываютъ всегда дѣти, отдаваемыя бѣдняками въ услугу нищимъ «за кусокъ хлѣба», т. е. по просту на прокормленіе, или за извѣстное вознагражденіе деньгами, одеждой и хлѣбомъ, смотря по условію. Въ рѣдкихъ случаяхъ поводатырями бываютъ дѣти самихъ нищихъ. Иногда бываетъ и такъ, что слѣпые и видящіе нищіе «просятъ» вмѣстѣ, помогая другъ другу. Собственно поводатыри только водятъ слѣпыхъ или возятъ въ тачкахъ калѣкъ, хотя они также и просятъ. За то въ домашней жизни нищихъ поводатыри играютъ роль положительно слугъ и рабовъ нищей братіи, исполняя всѣ неприхотливыя и прихотливыя ея желанія, начиная съ подачи ковша воды и оканчивая побѣгушками въ кабакъ или шпіонскимъ высматриваніемъ добычи. Такимъ образомъ, изъ этихъ несчастныхъ дѣтей часто съ самой ранней дѣтской поры начинаетъ вырабатываться тотъ сортъ нищихъ-притворщиковъ, который обращаетъ нищенство въ ремесло и который прибѣгаетъ съ этою цѣлію даже къ умышленному калѣченію себя или своихъ и чужихъ дѣтей.

Что касается состава другаго элемента, собственно нищихъ, то онъ въ каждой артели бываетъ болѣе или менѣе разнообразенъ. Большинство артелей на этомъ именно разнообразіи и держится. Въ составъ ихъ входятъ въ буквальномъ смыслѣ «и слѣпые, и хромые, и немощные, и болящіе». Прямая цѣль каждой артели состоитъ въ привлеченіи вниманія даятелей тѣмъ или другимъ способомъ. Если артель попреимуществу поющая, то само собою понятно, что она обращаетъ особенное вниманіе на удачный подборъ пѣвцовъ и знатоковъ нищенскаго пѣнія, но это нисколько не мѣшаетъ ей прибѣгать и къ другимъ способамъ приманки, напр., къ привлеченію въ артель

уродливыхъ калѣкъ. Если артель попреимуществу просящая, то она заботится главнымъ образомъ о самомъ разнокалиберномъ составѣ калѣкъ, начиная съ обыкновенныхъ калѣкъ и оканчивая уродами, придавая такимъ образомъ своему внѣшнему виду раздирающій душу и сердце характеръ.

Самое выпрашиваніе милостыни артели производятъ двоякимъ образомъ—всей артелью и враздробную. Каждый способъ соотвѣтствуетъ извѣстнымъ, спеціальнымъ случаямъ примѣненія. Въ мѣстахъ людныхъ—на ярмаркахъ, базарахъ, у храмовъ и монастырей, артели выпрашиваютъ милостыню всѣмъ составомъ своихъ членовъ вмѣстѣ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ каждый членъ артели дѣйствуетъ большею частію одиночно. Вообще же артели представляютъ передвигающіяся группы нищихъ. Сегодня онѣ просятъ въ одномъ мѣстѣ, а завтра въ другомъ. Онѣ переѣзжаютъ съ ярмарки на ярмарку, изъ монастыря въ монастырь, изъ поселенія въ поселеніе. Поэтому, и самое географическое ихъ распредѣленіе трудно уловимо.

Наконецъ, самые способы распредѣленія добытыхъ артелью подаяній остаются большею частію тайною нищей братіи. Такъ какъ въ артеляхъ существуютъ болѣе и менѣе вліятельные члены, старшіе и младшіе, то, надо полагать, что и самое распредѣленіе добычи между ними совершается неравномѣрно: главный пѣвецъ или воротила, вѣроятно, получаетъ больше какого-нибудь второстепеннаго нищаго. Покрайней мѣрѣ ходячія понятія на этотъ счетъ приблизительно таковы. Жадность нищихъ и безконечные споры при дѣлежахъ вошли въ поговорку. «Не поділяться, якъ старці», говорятъ обыкновенно малороссы о всякомъ спорномъ дѣлежѣ.

Еще большею таинственностью покрыты всѣ другія болѣе интимныя отношенія нищихъ въ артеляхъ. Видимо

ихъ частная жизнь ничѣмъ не отличается отъ жизни обыкновенныхъ смертныхъ, если только не болѣе некрасива. Нищіе часто женятся и родятъ дѣтей. Имъ не чужды веселье и развратъ. Они напиваются пьяны и воруютъ. За одни и тѣ же деньги они не постѣсняются при случаѣ пропѣть и какую-нибудь духовную «псальму», и самую скабрезную пѣсню. Вообще относительно всего этого можно слышать отъ людей, сколько-нибудь присматривавшихся къ жизни нищей братіи, массу самыхъ непривлекательныхъ разсказовъ. И таково большинство нищей братіи. Знатоки историческихъ думъ и пѣсней между ними— рѣдкость, и личности, подобныя Остапу Вересаю, встрѣчающіяся, какъ счастливое исключеніе, большею частію непричастны артелямъ. Однимъ словомъ, нищій, какъ народный пѣвецъ, какъ хранитель народныхъ думъ и пѣсень, измельчалъ, превратился въ попрошайку и притворщика, и артель служитъ для него только средствомъ достиженія часто самыхъ низкихъ цѣлей.

ПРИЛОЖЕНІЯ

(ОТЪ-АРТЕЛЬНЫЯ ФОРМЫ).

1. Рождественскія складки.

Типическая форма древней козацкой организаціи, представляющая собою соединеніе нѣсколькихъ совершенно равноправныхъ личностей въ одну солидную группу съ отаманомъ во главѣ, пустила довольно глубокіе корни въ жизни южно-русскаго населенія. Слѣды этой формы можно найдти не въ однихъ общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ, но и въ бытовыхъ. Она примѣнена малороссами не только къ различнаго рода валкамъ, ватагамъ и другимъ чисто экономическимъ проявленіямъ народной жизни, но и къ народнымъ увеселеніямъ и игрищамъ. Къ такого именно рода формамъ относятся и такъ называемыя «складки».

Малорусскія складки—не одно и то же, что складчины. Складчина представляетъ собою общее понятіе и имѣетъ мѣсто во всѣхъ почти жизненныхъ случаяхъ малоросса—и «на радощахъ», и въ горѣ. Складки — дѣло молодежи, главнымъ образомъ «парубківъ» и «дівчатъ» и только частію женатыхъ и замужнихъ лицъ, разумѣется, также довольно молодаго возраста. Складки устраиваются въ дни большихъ праздниковъ, святокъ, масляниницы и заговѣньевъ. Прямое ихъ назначаніе состоитъ въ томъ, чтобы повеселиться, поѣсть всласть, наплясаться вдоволь, пожалуй, кутнуть и покуражить.... на счетъ тѣхъ средствъ и продуктовъ, которые несутъ равномѣрно между собою всѣ участвующія въ нихъ личности.

Въ ряду этихъ народныхъ увеселеній, организующихся на началѣ общаго равномѣрнаго взноса денегъ и продуктовъ, «різдвяні», т. е. рождественскія складки, представляютъ, безъ сомнѣнія, самыя интересныя и оригинальныя проявленія народной жизни. Складки эти продолжаются въ теченіе всѣхъ рождественскихъ святокъ, начиная съ 27 декабря и оканчивая днемъ Новаго года. Уже въ этомъ заключается ихъ особенность, такъ какъ большинство другихъ складокъ ограничивается всего однимъ днемъ или, вѣрнѣе, вечеромъ и ночью, и только во время масляницы увеселенія и игрища, устраиваемыя при посредствѣ складокъ, продолжаются по нѣскольку дней сряду. Сообразно съ этимъ рождественскія складки отличаются особою роскошью, изобиліемъ и разнообразіемъ угощенія, а также и болѣе широкимъ и всеобщимъ разгуломъ.

Но отличительная черта рождественскихъ складокъ заключается собственно въ томъ, что въ нихъ цѣликомъ вылилась вольная, по образцу козачества, организація съ отаманомъ и осауломъ во главѣ. Впрочемъ, не смотря на повсемѣстность складокъ во всей вообще южной Россіи, эта организація свято хранится и поддерживается только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи *), и притомъ не только «парубками», молодежью мужскаго пола, но и «дівчатами», женскимъ поломъ. Здѣсь, въ этихъ мѣстахъ Малороссіи, даже люди почтенные и старики съ рѣдкою любовью и снисходительностью покровительствуютъ этому роду увеселеній съ ихъ своеобразною организаціею и традиціонными обрядностями. Рождественскія складки, поэтому, тѣсно связьны съ такъ называемыми «колядками» и «щедрівками». Въ нихъ, слѣдовательно, разомъ выражается и бытовая, и исторически традиціонная жизнь народа. Обычай и традиціи составляютъ необходимѣйшія условія ихъ существованія.

Еще на «зимняго Николу», т. е. 6 декабря, «хлопці» и «дівчата» ведутъ уже толки о томъ, гдѣ и какъ они

*) Для настоящаго очерка образцомъ взяты складки Пирятинскаго уѣзда Полтавской губерніи. Существуютъ ли складки въ подобномъ видѣ въ другихъ губерніяхъ южной Россіи—намъ не извѣстно.

будутъ проводить святки и какъ лучше устроить игрища. Въ этотъ день происходитъ обыкновенно организація всей партіи и дѣлаются необходимыя постановленія относительно способовъ и средствъ приведенія въ исполненіе заранѣе обдуманнаго плана. Предварительно выбираются «отаманъ», «осаулъ», «світельщикъ» и «казначей» или «касіръ». Тутъ же назначаются и со стороны дівчатъ двѣ «старшихъ», нѣчто въ родѣ отамана и осаула женскаго пола. Наконецъ, въ этотъ день производятся также и уговоры съ такъ называемыми «досвітчатыми батькомъ» или «матерью» и съ «музыками».

Отаманомъ всегда бываетъ вожакъ той или другой группы или партіи деревенской молодежи. Отаманъ — въ громадномъ большинствѣ случаевъ краса парубковъ, лучшіи изъ всей молодежи. Онъ долженъ быть физически силенъ и отличаться отъ другихъ сотоварищей сравнительно большею расторопностью, сметливостью и вообще нравственными и всякими другими качествами и преимуществами. Это — необходимыя условія годности избираемаго, требуемыя отъ отамана въ силу уже налагаемыхъ на него, какъ на главу и заправителя всего общества, обязанностей. Ни богатство, ни знатное положеніе, ни родовитость не играютъ при этомъ такой важной роли, какъ личныя качества и достоинства. И надо правду сказать, зеленая молодежъ поступаетъ въ этомъ отношеніи съ своими представителями часто несравненно строже, справедливѣе и разборчивѣе, чѣмъ даже сѣдая старость и зрѣлый возрастъ въ болѣе важныхъ жизненныхъ случаяхъ. Она не даетъ въ своей средѣ почетныхъ мѣстъ и важныхъ назначеній выскочкамъ, плутамъ, прислужникамъ и прихлѣбателямъ.... Она отдаетъ предпочтеніе однимъ только дѣйствительнымъ качествамъ и неоспоримымъ достоинствамъ своихъ сочленовъ.

Самое избраніе отамана производится общимъ голосованіемъ, при чемъ парубки почти всегда дѣлятся на нѣсколько отдѣльныхъ партій. Каждая изъ такихъ партій имѣетъ обыкновенно кандидата на отамана въ лицѣ своего коновода. При голосованіи, разумѣется, одерживаетъ верхъ

та изъ нихъ, на сторонѣ которой оказывается физическая сила и большинство голосовъ. Поэтому, выборы отамана нерѣдко бываютъ соединены съ спорами, пререканіями и другими болѣе ощутительными избирательными неурядицами, чего не встрѣчается у дѣвушекъ, у которыхъ выборы старшихъ производятся тихо, чинно, и результаты ихъ большею частію заранѣе бываютъ намѣчены и извѣстны. Встрѣчаются, впрочемъ, какъ у дѣвушекъ, такъ и у парней и такіе «старши» и отаманы, которые несутъ свои обязанности по нѣскольку лѣтъ сряду, пользуются въ этомъ отношеніи безукоризненною репутаціею и избираются, поэтому, единогласно и безприкословно.

Отаманъ—глава всей молодежи, принимающей участіе въ складкѣ. Подъ его непосредстеннымъ вѣдѣніемъ, наблюденіемъ и распорядительностью ведется вся подготовка къ игрищамъ и затѣмъ совершаются самыя игрища. Поэтому, ему въ одинаковой мѣрѣ подчиняются какъ парубки, такъ и дівчата. Онъ устраняетъ и разрѣшаетъ всѣ возникающіе споры и несогласія, миритъ, наказываетъ, укрощаетъ. Такимъ образомъ, отаманъ занимаетъ, такъ сказать, положеніе верховнаго блюстителя порядковъ, и права на такое положеніе онъ получаетъ сей часъ по своемъ избраніи. Какъ только собраніе молодежи покончитъ съ избраніемъ всѣхъ своихъ должностныхъ лицъ, новоизбранный отаманъ, согласно обычаю, держитъ обыкновенно предъ собраніемъ приблизительно въ такомъ родѣ рѣчь: «глядіть же, братці, що бъ у насъ було все добре, що бъ не жалувались на насъ добрі люде и не сказали чого-нибудь худого про насъ на стороні... Не напивайтесь на святкахъ; не лайтесь, не быйтесь про межъ собою»... и пр., пр. въ этомъ родѣ.

Старши дѣвушекъ играютъ болѣе второстепенную роль. Ихъ обязанности чисто домохозяйскаго характера. Это—хозяйки въ обыкновенномъ, деревенскомъ смыслѣ. На старшихъ лежатъ обязанности по стряпкѣ, по приготовленію различнаго рода «млынцівъ», яичницъ, «жареного», вареннаго, «варены» и пр. Но имъ тѣмъ не менѣе въ сферѣ ихъ дѣятельности безпрекословно повинуются всѣ

остальныя дѣвушки. Стряпня и приготовленіе яствъ производятся обыкновенно всегда гуртомъ, подъ непосредственнымъ завѣдываньемъ старшихъ, при чемъ иногда сами парубки являются только исполнителями воли и предначертаній прекраснаго пола.

Вторымъ послѣ отамана лицемъ является осаулъ. Это собственно отаманскій помощникъ, вице-отаманъ, лице, заступающее отамана въ случаѣ, если этотъ послѣдній заболѣетъ или черезъ-чуръ ужъ напьется во время самыхъ увеселеній, богатыхъ вообще попойками. Но осаулъ раздѣляетъ также обязанности отамана во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требуется его помощь. Онъ миритъ, урезониваетъ, разнимаетъ и вяжетъ вмѣстѣ съ отаманомъ забіякъ и буяновъ, оскорбителей прекраснаго пола и нарушителей общественной тишины. Отъ него, поэтому, какъ и отъ отамана, требуется извѣстнаго рода твердость и умѣренность при самыхъ увеселеніяхъ. Наконецъ, осаулъ съ отаманомъ являются отвѣтственными лицами за всю компанію предъ сельскимъ судомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Что касается избранія осаула, то оно производится одновременно съ избраніемъ отамана, и осаулъ въ большинствѣ случаевъ оказывается только менѣе счастливымъ соперникомъ этого послѣдняго.

Слѣдующее затѣмъ выборное лице — «світельщикъ», играетъ совершенно второстепенную уже роль. Такъ какъ рождественскія увеселенія происходятъ главнымъ образомъ во время длинныхъ зимнихъ ночей, то, понятно, при этомъ требуется освѣщеніе. Съ этою цѣлію и выбирается світельщикъ, получающій самое свое названіе отъ слова «світло», т. е. матеріалъ для освѣщенія. Світельщикъ долженъ заранѣе, до наступленія праздниковъ, позаботиться заготовленіемъ «світла», то есть: сальныхъ свѣчей, керосину, «оліі» (растительнаго масла), «лою» (бараньяго сала) и «смальцю» (гусинаго жиру). Замѣчательно, что доставка всѣхъ этихъ матеріаловъ лежитъ исключительно на однихъ дѣвушкахъ, отъ которыхъ світельщикъ или прямо получаетъ тотъ или другой горючій матеріалъ, или же чрезъ побужденіе нерадивыхъ, расхаживая съ этою цѣлію по

ихъ домамъ. Собранные такимъ образомъ матеріалы онъ хранитъ у себя на дому и расходуетъ потомъ во время святокъ. Въ этомъ и заключаются всѣ обязанности світельщика.

Гораздо сложнѣе и важнѣе обязанности «казначея» или «кàсира». Какъ и когда попали въ народный лексиконъ слова казначей и кассиръ—не извѣстно, но для обозначенія лицъ, несущихъ обязанности этого рода, молодежъ не употребляетъ древняго малорусскаго названія «подскарбій»; названіе это едвали даже ей извѣстно. Казначей долженъ быть непременно граматнымъ и отличаться безукоризненною честностью. Только при удовлетвореніи этимъ двумъ условіямъ, тотъ или другой парубокъ можетъ расчитывать на избраніе казначеемъ.

Казначей во многихъ случаяхъ—личность совершенно самостоятельная. Онъ дѣйствуетъ иногда независимо отъ отамана или осаула, хотя, разумѣется, и подъ постояннымъ контролемъ какъ этихъ двухъ лицъ, такъ и всей остальной молодежи. Казначей принимаетъ денежные взносы или выручки за проданные съѣстные припасы, собираемые при посредствѣ «колядокъ» и «щедривокъ», записываетъ ихъ въ свою «книжечку» или просто на клочкахъ бумаги и вообще собираетъ и хранитъ деньги и ведетъ приходо-расходную часть. Деньги онъ расходуетъ или самъ непосредственно, или же выдаетъ другимъ лицамъ, смотря, конечно, по обстоятельствамъ. Но деньги, собранныя и вырученныя дівчатами, находятся въ полнѣйшемъ ихъ распоряженіи, и казначей или даже отаманъ положительно не касаются этихъ денегъ. Онѣ находятся на рукахъ старшихъ и ими же или при посредствѣ ихъ расходуются.

Когда такимъ образомъ бываютъ избранны всѣ должностныя лица, парубки тутъ же производятъ складчину для покупки магарыча, который и является заключительнымъ финаломъ избранія и организаціи. Съ этого времени молодежъ уже дѣйствуетъ, какъ артель, какъ общество. Первымъ дѣломъ такого общества бываетъ уговоръ съ «досвітчатымъ» батькомъ или матерью и наемъ музыкантовъ.

Нужно отличать тѣхъ «досвітчатыхъ батьківъ и матерей», у которыхъ устраиваются рождественскія складки, отъ тѣхъ, у которыхъ молодежъ собирается «на досвітки». Повсемѣстно, по всей южной Россіи, гдѣ только живутъ малороссы, въ средѣ этого населенія существуютъ такъ называемые «досвітки». Они представляютъ то же, что и великорусскія посидѣлки, бываютъ также какъ и эти послѣднія только зимой и состоятъ въ томъ, что каждый вечеръ молодежъ обоего пола собирается въ нарочито избранныхъ для этого хатахъ. Здѣсь въ будни дѣвушки занимаются пряденіемъ конопли, льна и шерсти или другими какими-нибудь домашними работами, а парни въ большинствѣ случаевъ балагурятъ, поютъ и проказничаютъ, проводя совершенно праздно время... По воскресеньямъ и праздникамъ бываютъ общія игрища съ музыкою, а иногда и съ угощеніями. Каждый вечеръ,—будетъ ли онъ праздничнымъ или будничнымъ, — въ назначенные часы, приблизительно часовъ въ 12 ночи, часть молодежи расходится по домамъ, но большинство остается «ночувать на досвіткахъ», при чемъ обыкновенно парни ложатся спать попарно съ дѣвушками и такія пары впослѣдствіи всегда почти обвѣнчиваются. Хозяева и хозяйки тѣхъ хатъ, въ которыхъ молодежъ собирается на досвітки, называются «досвітчатыми батьками и матерями». Такой «батько» или «мати» получаетъ обыкновенно извѣстное натуральное вознагражденіе отъ молодежи, но при этомъ они сами не играютъ почти никакой существенной роли въ игрищахъ и затѣяхъ молодыхъ людей.

Во время рождественскихъ складокъ также бываетъ батько или мати. Это—тѣ лица, у которыхъ устраиваются игрища. Иногда такими лицами являются тѣ же самые хозяева, у которыхъ собирается молодежъ и на досвітки. Но большею частію ими бываютъ совершенно новыя лица. Дѣло въ томъ, что въ обыкновенное время года деревенская молодежъ дѣлится на нѣсколько относительно небольшихъ группъ, и сообразно съ этимъ въ селеніи является нѣсколько мѣстъ для сборищъ «на досвітки». Такимъ образомъ, въ одномъ и томъ же селеніи, если оно много-

людно, можетъ являться нѣсколько «досвітчатыхъ» батекъ и матерей одновременно. Батьками и матерями бываютъ въ большинствѣ случаевъ вдовы, солдатки, такъ называемыя «покрытки», бобыли и вообще бѣдняки. Степенный и зажиточный хозяинъ никогда не позволитъ собираться на его дому «на досвітки». Но во время рождественскихъ святокъ молодежъ группируется большею частію въ одну или двѣ общихъ «юрбы». Какъ это обстоятельство, такъ и самая продолжительность и ширина разгула молодежи во время рождественскихъ складокъ требуютъ болѣе удобнаго и обширнаго помѣщенія, чѣмъ въ обыкновенное время, чего ужъ никакъ нельзя найдти у бѣдняковъ. Такимъ образомъ, волею-не-волею, молодежи приходится въ такихъ случаяхъ прибѣгать къ посредству людей почтенныхъ и зажиточныхъ. Съ своей стороны и эти послѣдніе смотрятъ на «різдвяні складки», какъ на неизбѣжную необходимость, освященную обычаемъ, и вслѣдствіе этого нерѣдко совершенно охотно вступаютъ съ молодежью въ соглашеніе на счетъ устройства въ ихъ домахъ рождественскихъ игрищъ. Этому способствуетъ и размѣръ вознагражденія хозяевъ, всегда почти довольно значительный и заманчивый для крестьянина.

Уговоръ съ батькомъ и матерью молодежъ производитъ гуртомъ. Для этого, все въ тотъ же день зимняго Николы, парубки всей юрбой отправляются въ намѣченный ими заранѣе домъ. Дѣло всегда начинается просьбою со стороны хозяевъ. Таковы ужъ народныя обыкновенія. По ходу дѣла бываетъ видно, приметъ ли хозяинъ или хозяйка предложеніе молодежи, или нѣтъ. Если хозяева отказываются рѣшительно съ первыхъ же словъ, — значитъ, молодежъ должна отправляться дальше. Если же хозяева упираютъ на какія-нибудь стороннія обстоятельства,—значитъ, дѣло сладится. Просьбы учащаются, молодежъ приводитъ съ своей стороны резоны и доводы, гвалтъ усиливается, отнѣкиванія ослабѣваютъ и, наконецъ, хозяева даютъ согласіе. Далѣе слѣдуетъ неизбѣжный магарычъ...

Самыя условія молодежи съ «досвітчатымъ» батькомъ или матерью носятъ характеръ постоянныхъ, разъ уста-

новленныхъ обычаемъ правилъ. Въ случаѣ, напр., какихъ нибудь убытковъ въ имуществѣ хозяина — разбитыхъ оконъ, разломанныхъ столовъ, дверей и пр., само собою разумѣется, что отаманъ вознаградитъ батька и матерь на свой счетъ, а самъ потомъ раздѣлается съ молодежью. Самое вознагражденіе никогда не бываетъ денежнымъ. Отаманъ просто-на-просто нанимаетъ стекольщика, плотника или другаго какого-нибудь ремесленника, ведетъ его на домъ къ батькѣ или матери и заставляетъ произвести починку, согласно желаніямъ послѣднихъ. Это вошло въ обыкновеніе и служитъ прецедентомъ даже на судѣ.

Уговоръ съ музыкантами производится или всей «юрбой» парубковъ, или же ихъ выборными, смотря по тому, живутъ ли музыканты близко или далеко отъ того села, гдѣ устраиваются складки: — если близко, парубки уговариваются съ ними всѣ вмѣстѣ; въ противномъ же случаѣ посылаютъ выборныхъ. Парубки платятъ музыкантамъ деньги, дѣвушки — продуктами. Необходимыя для этого деньги парни распредѣляютъ равномѣрно между собою. Дѣвушки доставляютъ отъ себя музыкантамъ по «поляниці» (по хлѣбу), по куску свинаго сала и отъ 3 до 7 «жмень» (горстей) конопли. Музыканты, кромѣ того, находятся на особомъ попеченіи молодежи. Со дня открытія игрищъ они живутъ большею частію на квартирѣ у «досвітчатаго» батька или матери, куда дѣвушки и носятъ имъ по очередно «сніданья» (завтракъ) и «полудень» (полдникъ). Обѣдаютъ музыканты у парубковъ, для чего каждый изъ парубковъ и приглашаетъ ихъ къ себѣ на домъ, угощая обыкновенно, кромѣ обѣда, и неизбѣжною водкою. Въ этомъ отношеніи между парубками также существуетъ «чѐрга», т. е. очередь.

Наконецъ, наступаетъ самый день Рождества Христова. Вечеромъ въ этотъ день молодежъ отправляется «колядовать». Это вполнѣ своеобразный у малороссовъ вечеръ. «Колядки» начинаютъ обыкновенно дѣти еще до захода солнца; съ заходомъ солнца къ нимъ присоединяются подростки, далѣе «парубки» и «дівчата» и, наконецъ, мужчины и женщины. Поднимается всеобщее самое разно-

голосое пѣніе, сопровождаемое криками, остротами, шумомъ и нерѣдко плачемъ и борьбой... Вездѣ снуютъ отдѣльныя группы, женскія и мужскія. Но между всѣми этими группами, конечно, рѣзче всѣхъ выдаются группы организованной молодежи. Это самыя многочисленныя группы. Нерѣдко человѣкъ двадцать или тридцать дюжихъ парубковъ колядуютъ вмѣстѣ. Ввалившись такою ватагою въ хату, эти молодцы гудятъ и выкрикиваютъ свои колядки съ такимъ рвеніемъ, что стекла даже дребежжатъ въ окнахъ. Каждая изъ колядующихъ группъ имѣетъ особенное лице, извѣстное подъ именемъ «міхоноши» (отъ слова «міхъ», мѣшокъ, и носить), которое носитъ въ мѣшкѣ различнаго рода продукты, получаемые за колядки молодежью, какъ-то: хлѣбъ, свинное сало, колбасы и пр. «Міхоноша» парубковъ нерѣдко возитъ за собою цѣлыя сани такихъ продуктовъ. Вообще молодежи, т. е. парнямъ и дѣвушкамъ, всегда хозяйки даютъ больше за колядки, чѣмъ подросткамъ или даже женатымъ, и при этомъ, вѣроятно дающіе имѣютъ въ виду обычай «складокъ», составляющій какъ бы законную привиллегію молодежи. Колядки продолжаются въ теченіе всей ночи, вплоть до утра слѣдующаго дня.

Что касается самаго содержанія «колядокъ», то оно цѣликомъ сводится къ далекому прошлому. Колядки, какъ извѣстно, представляютъ остатки народныхъ языческихъ обычаевъ. Время сохранило колядки и связало ихъ съ бытовою жизнью народа, а самый основный смыслъ колядокъ остался почти совершенно темнымъ для народа. «Парубки», представляя изъ себя оригинальную организацію, постепенно сходящую со сцены, совершенно безсознательно поютъ въ своихъ колядкахъ о тѣхъ временахъ, когда ихъ предки также организовывались въ группы, называвшіяся тогда «дружинами» *). Въ нѣкоторыхъ колядкахъ передаются напр., подробности о томъ, какъ дружина когда-то дѣлила добычу между своими членами. Но все это не имѣетъ никакого существеннаго интереса для молодежи.

*) По изслѣдованіямъ Антоновича и Драгоманова.

Многое въ колядкахъ ей совершенно непонятно, и молодежь смотритъ на колядки только какъ на средство запастись продуктами для устраиваемыхъ ею рождественскихъ игрищъ.

Послѣднимъ подготовительнымъ актомъ для рождественскихъ игрищъ служатъ «щедрівки». «Щедрівки» уже на половину соединены съ самыми увеселеніями, по крайней мѣрѣ у «парубковъ». Онѣ бываютъ почти въ концѣ святокъ, подъ новый годъ. «Щедруютъ» *) точно также, какъ и «колядуютъ», отдѣльными группами, и всѣ эти группы, начиная съ малолѣтнихъ и оканчивая совершенно взрослыми, строго разграничиваются по поламъ Но настоящими героями «щедрівокъ» являются «парубки»; они не только «щедруютъ», но и «водятъ козу».

Обычай «водить козу» существуетъ повсемѣстно между малорусскимъ населеніемъ, даже и тамъ, гдѣ лица мужскаго пола не имѣютъ обыкновенія «щедровать». Это — чрезвычайно оригинальный обычай, носящій въ настоящее время характеръ народнаго потѣшнаго зрѣлища. Щедрующіе порубки выбираютъ обыкновенно изъ среды своей по возможности невысокаго и шустраго парня, надѣваютъ ему на голову искусственную маску козла, иногда деревянную, а иногда просто изъ полотна, къ которому бываетъ прикрѣплена съ одной стороны борода, а съ другой соломенные рога. Это и есть *коза*. Кромѣ того, парубки выбираютъ изъ своей среды «поводатыря», т. е. вожака козы, который при случаѣ называется также и «міхоношей». Поводатырь долженъ быть живой и веселый, «штукарь», какъ говорятъ обыкновенно «парубки», потому что на немъ лежитъ обязанность увеселять публику и своими комическими «штуками» усиливать эффектъ, производимый козою.

Хожденіе съ козою составляетъ въ селѣ настоящее событіе. Парубки водятъ обыкновенно козу съ музыкою.

---

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Черноморіи, «щедруютъ» и «колядуютъ» только лица женскаго пола. Мужчины только бываютъ иногда «міхоношами», и то для того, чтобы могли при случаѣ отстоять собранное добро отъ хищническихъ покушеній «парубковъ».

Пѣсни, пляски козы, «штуки» «поводатыря», музыка — все это собираетъ вокругъ «парубковъ» толпы любопытныхъ, начиная съ семилѣтнихъ дѣтей и оканчивая народомъ взрослымъ и даже стариками. Любопытные сопровождаютъ обыкновенно козу отъ двора до двора, лѣзутъ въ самую хату, и такимъ образомъ къ общей картинѣ пляшущей козы, поющихъ «парубковъ», играющихъ музыкантовъ и выкрикивающаго свои «штуки поводатыря» присовокупляется крикъ, восклицанія, а иногда драки и плачъ сопровождающей публики. «Поводатырь» водитъ обыкновенно козу на веревкѣ. Введя въ хату козу, парубки сначала «щедруютъ», и потомъ начинаютъ пѣть, акомпанируемые музыкой. Въ это время коза то танцуетъ, то выдѣлываетъ различнаго рода «штуки», сообразно съ тѣмъ, какія слова при этомъ поетъ компанія. Такъ, при словахъ: «де коза ходе», коза дѣйствительно старается ходить, при словахъ: «тупъ-тупъ!» коза тупаетъ, при словахъ: «пуць коза впала», она падаетъ и становится «неживой» при словахъ: «не жива стала». Почти также и «поводатырь» выдѣлываатъ тѣ или другіе пріемы, смотря по тому, нужно ли козу воскресить или заставить умереть... Онъ бьетъ ее шапкою подъ брюхомъ, дергаетъ за веревку, отпускаетъ при этомъ всевозможныя поговорки и прибаутки и на счетъ козы, и на счетъ присутствующей публики, при чемъ публика съ своей стороны не остается въ долгу. Однимъ словомъ, веселье выходитъ всеобщее, и народный юморъ обнаруживается вполнѣ.

За такое увеселеніе молодежь получаетъ отъ домохозяевъ въ вознагражденіе съѣстные припасы и деньги. Припасы сдаются на руки «міхоноши», а деньги «отаману», который и передаетъ ихъ потомъ казначею. Защедрованные продукты, также какъ и собранные при помощи колядокъ, никогда не идутъ на угощенія молодежи при самыхъ увеселеніяхъ. И царни, и дѣвушки продаютъ собранные ими продукты послѣ того, какъ ихъ соберутъ, лавочникамъ, кабатчикамъ или еще чаще своимъ же односельцамъ. Вырученныя такимъ образомъ деньги идутъ на покупку водки и разнаго рода «ласощей» — пряниковъ,

рожковъ, орѣховъ, и пр. Изъ этихъ же денегъ парубки выдѣляютъ извѣстную сумму, на которую потомъ они покупаютъ хоругвь или икону для мѣстной церкви...

Въ «різдвяныхъ складкахъ» нерѣдко участвуетъ до 20 человѣкъ парубковъ и такое же количество «дівчатъ». Такимъ образомъ, въ общемъ итогѣ выходитъ довольно многочисленная и разнообразная компанія, связанная воедино однимъ общимъ желаніемъ — повеселиться. Самыя увеселенія начинаются съ третьяго дня праздниковъ, т. е. съ того времени, когда молодежь успѣетъ уже продать продукты, собранные колядованіемъ. Въ первые дни рождественскихъ святокъ, а также и вообще въ дни праздничные и воскресенье, увеселенія начинаются съ полудня и продолжаются вплоть до утра. Въ другіе дни молодежь сходится къ «досвітчатому батьку» или «матері» вечеромъ послѣ окончанія извѣстныхъ домашнихъ работъ.

Нельзя сказать, чтобы эти увеселенія отличались однѣми привлекательными особенностями. Къ основному ихъ характеру, какъ невинныхъ народныхъ увеселеній, примѣшивается много такого, что никакъ уже не говоритъ въ пользу малорусской молодежи, и что, впрочемъ, составляетъ отличительную черту малорусскаго «парубка». Малорусская дѣвушка — существо болѣе пассивное и болѣе симпатичное, чѣмъ парубокъ. Парубокъ — буянъ и гуляка, и въ то время, когда, во время рождественскихъ увеселеній, вся тяжесть приготовленій ежедневно лежитъ исключительно на дѣвушкахъ, парубки только проказничаютъ и «лодырничаютъ». Дѣвушки жарятъ и варятъ всевозможныя «варены» (водку съ медомъ, вишнями и пр.), «меды», «млынці», яичницы, «оладки», пирожки, вареники, «пшонаныки», «орішкі» и пр., и пр. Парубки преспокойно выжидаютъ въ это время окончанія всѣхъ этихъ приготовленій и въ рѣдкихъ случаяхъ помогаютъ дѣвушкамъ. Угощенія идутъ въ перемежку съ пѣснями и плясками, и при такомъ своемъ характерѣ ничего, конечно, не имѣютъ предосудительнаго. Но дѣло въ томъ, что водка зачастую приноситъ много хлопотъ. Нѣкоторые изъ парубковъ напиваются, и буяны начинаютъ нарушать мирный харак-

теръ увеселеній. Особенно непривлекательныя сцены бываютъ въ томъ случаѣ, когда «парубки» одной «складки» почему либо вздумаютъ посѣтить другую компанію молодежи въ томъ же селѣ или въ другомъ. Результатомъ такихъ посѣщеній почти всегда бываютъ драки.

Впрочемъ, всѣ эти темныя стороны сравнительно рѣдки и совершенно стушевываются передъ общимъ единодушнымъ весельемъ. Къ тому же, вся компанія постоянно находится подъ бдительнымъ надзоромъ «отамана» и «осаула», которые не даютъ воли буянамъ и караютъ ихъ при малѣйшей попыткѣ съ ихъ стороны нарушить обыкновенный ходъ увеселеній. Организація приноситъ свои благодѣтельныя послѣдствія, служа какъ сильнымъ связующимъ звеномъ между самыми разнохарактерными личностями, такъ и лучшей гарантіей общаго настроенія.

По окончаніи рождественскихъ увеселеній, должностныя лица молодежи отдаютъ обыкновенно отчетъ всей компаніи въ своихъ дѣйствіяхъ; впрочемъ, главнымъ отчетчикомъ является собственно казначей. Онъ даетъ подробный отчетъ относительно всѣхъ поступавшихъ въ его распоряженіе денегъ и расходовъ, представляя при этомъ и свои записки. Тутъ же бываетъ уплата израсходованныхъ «отаманомъ» денегъ на вознагражденія за убытки, причиненные кому либо молодежью. Уплата эта производится или сообща, равномѣрно всѣми парубками, въ силу круговой поруки, или же одними виновниками, смотря, конечно, по обстоятельствамъ. Бываютъ и такіе случаи, что съ виновниками вѣдается непосредственно самъ «отаманъ». Вообще чего-нибудь строгаго въ этомъ отношеніи между молодежью не существуетъ.

Народъ смотритъ на «складки», какъ на необходимое, неизбѣжное явленіе своей жизни, и самыя его понятія на этотъ счетъ отличаются своего рода своеобразностью. Онъ смотритъ крайне снисходительно на многія изъ такихъ продѣлокъ молодежи, которыя въ другихъ случаяхъ строго караетъ, какъ предосудительныя и безнравственныя. Отцы и матери, напр., сами стараются снабжать своихъ дѣтей съѣстными продуктами и деньгами, необходимыми для

«складки», чтобы такимъ образомъ не ударить предъ другими односельцами въ грязь лицемъ. Но молодежь почти никогда не довольствуется этими подачками, а беретъ что ей нужно, такъ какъ у себя на дому, и даже воруетъ у другихъ своихъ односельцевъ, и воруетъ такіе предметы, какъ дрова, птицъ и даже поросятъ. И не смотря на это, малороссы относятся крайне снисходительно къ этимъ продѣлкамъ. Это, по понятіямъ народа, даже не воровство въ строгомъ смыслѣ слова. Это — то, что называется «взять безъ спросу». Случаи, когда бываютъ жалобы на молодежь за это воровство, весьма рѣдки, и самый народный судъ смотритъ на такіе случаи поверхностно и снисходительно. Виновныхъ заставляютъ обыкновенно только пополнить причиненные убытки и очень рѣдко ихъ наказываютъ.

2. Слѣды артельной организаціи чабановъ

«Чабанами» въ южной Россіи называются пастухи овечьихъ стадъ. Самыя стада овецъ бываютъ двухъ видовъ: «отары» и «кущанки». Разница между ними прежде всего чисто количественная. Отары — это большія стада, числомъ отъ нѣсколькихъ сотъ до нѣсколькихъ тысячъ головъ. Кущанки, напротивъ, ограничиваются десятками и весьма рѣдко сотнею головъ. Отара затѣмъ всегда бываетъ достояніемъ только одного лица, одного хозяина, и только въ нѣкорыхъ исключительныхъ случаяхъ она принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ. Кущанка, наоборотъ, всегда составляетъ собственность нѣсколькихъ лицъ, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ одного хозяина. Съ отарою бываютъ связаны большею частію хуторъ и «кошъ». Кущанка по преимуществу достояніе станицы или села. Наконецъ, существованіе отары не ограничивается тѣмъ или другимъ, заранѣе опредѣленнымъ періодомъ времени; она можетъ исчезнуть только съ измѣненіемъ системы хозяйства ея владѣльца. Существованіе кущанки обусловливается исключительно тѣмъ временемъ, пока бываетъ въ степи трава и возможна

пастьба. Зимою хозяева «разбираютъ» кущанки по домамъ и кущанки распадаются на мелкія части, принадлежащія отдѣльнымъ хозяевамъ.

Сообразно со всѣмъ этимъ, и слѣды артельной организаціи, при уходѣ за овечьими стадами, различны и разныхъ видовъ стадъ. Въ основу образованія кущанокъ повидимому положено чисто артельное начало, но самый уходъ не имѣетъ никакой артельной организаціи потому уже, что и чабанъ бываетъ большею частію только одинъ при кущанкѣ. Наоборотъ, слѣды артельной организаціи у чабоновъ довольно явственны при каждой отарѣ, хотя въ основу образованія отары почти никогда не кладется артельное начало.

Однимъ изъ способовъ составленія кущанокъ и ухода за ними состоитъ въ слѣдующемъ: какой-нибудь хозяинъ просто-на-просто набираетъ у другихъ хозяевъ на извѣстный сезонъ (приблизительно съ мая по октябрь), овецъ въ одно стадо. Это называется «драть въ пріймы» овецъ. Каждая «сгрійманька» овца оплачивается при этомъ извѣстною платою, напр. 10 или 20 коп. за лѣто. Чабаномъ бываетъ часто самъ хозяинъ и еще чаще кто-нибудь изъ его семьи; но бываютъ также въ такихъ случаяхъ и наемные чабаны. Очевидно, что въ этомъ способѣ составленія кущанокъ нѣтъ и тѣни чего нибудь артельнаго. Другой, болѣе распространенный, способъ составленія кущанокъ состоитъ въ томъ, что нѣсколько хозяевъ сговариваются обыкновенно пасти овцы вмѣстѣ, нанимаютъ для этого чабана, плата которому распредѣляется между ними пропорціонально количеству овецъ каждаго хозяина, такъ что каждая голова или десятокъ головъ оплачивается извѣстной цѣной. Подобнымъ же образомъ ведутся и всѣ остальные расходы. Такъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда кущанка приходитъ ночевать на домъ, чабана кормятъ хозяева большею частію поочередно. Само собою понятно, что чабаномъ можетъ быть также и членъ какой-нибудь семьи, участвующей въ составленіи кущанки. Но суть дѣла отъ этого не измѣняется, и примѣненіе артельнаго начала къ нему во всякомъ случаѣ остается явственнымъ,

хотя само примѣненіе и сводится главнымъ образомъ къ простой складчинѣ.

Уходъ за отарою оказывается несравненно сложнѣе, чѣмъ за кущанками. При отарѣ требуется, вопервыхъ, большее количество лицъ для ухода и, вовторыхъ, болѣе сложная, спеціализація и раздѣленіе труда, — вслѣдствіе этого получается и самая организація чабановъ. Въ общихъ чертахъ эта организація требуетъ слѣдующихъ условій: чабановъ при отарѣ всегда должно быть нѣсколько человѣкъ; между ними долженъ быть старшій чабанъ, заправляющій всѣмъ дѣломъ, и младшіе, подчиненные старшему; во всѣ времена года—весною, лѣтомъ, осенью и зимою — каждый изъ чабановъ несетъ только свои спеціальныя обязанности; наконецъ, каждый изъ чабановъ носитъ свое особое названіе сообразно съ тою ролью, которую онъ выполняетъ. Такимъ образомъ, этой организаціи принадлежитъ, повидимому, черта чисто дисциплинарной соподчиненности и зависимости членовъ другъ отъ друга, подобно тому, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ малорусскихъ артеляхъ, построенныхъ по типу Запорожской Сичи.

Старшій изъ чабановъ извѣстенъ подъ именемъ «лычмана». Лычманъ — это тотъ же отаманъ, ватажокъ, это — глава и распорядитель всей ватаги, это вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственное лице. Лычманомъ можетъ быть только человѣкъ опытный въ своемъ дѣлѣ, пользующійся репутаціею въ этомъ отношеніи и имѣющій въ большинствѣ случаевъ и имущественный цензъ въ формѣ его собственныхъ овецъ, какъ обезпеченіе добросовѣстнаго ухода за отарой. Сообразно съ этимъ лычманъ получаетъ самое большое сравнительно съ другими чабанами вознагражденіе, простирающееся отъ 100 до 200 руб. и больше въ годъ, при чемъ самое вознагражденіе онъ получаетъ или деньгами, или натурою, овцами, или же и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Затѣмъ всѣ остальные чабаны представляютъ собою только помощниковъ лычмана. Общее нарицательное ихъ названіе — «підпасычи». Ихъ бываетъ обыкновенно отъ

2 до 3 человѣкъ, смотря по величинѣ отары. Между підпасычами всегда бываетъ «гарбачій» и одинъ главный помощникъ лычмана. «Гарбачій» получаетъ свое названіе отъ слова «гарба», т. е. арба, такъ какъ всѣ обязанности его заключаются въ томъ, что онъ «варитъ» пищу для чабановъ и «дерть», нѣчто въ родѣ каши изъ просяной или другой муки, для собакъ, и поэтому исключительно находится при арбѣ, на которой находится все походное имущество чабановъ и съѣстные припасы. Главный підпасычъ занимаетъ мѣсто лычмана въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ послѣдній почему-либо находится въ отсутствіи. Помощникъ этотъ получаетъ также большее сравнительно съ другими чабанами вознагражденіе; но цыфры этого вознагражденія чрезвычайно разнообразны и непостоянны какъ для него, такъ въ особенности для остальныхъ чабановъ, смотря по возрасту и опытности каждаго изъ нихъ. При томъ же денежное вознагражденіе почти всегда бываетъ соединено съ натуральнымъ, съ платою овцами. Бываютъ также случаи, когда чабаны пасутъ отару исключительно за однихъ овецъ.

Такова въ общихъ чертахъ организація чабановъ при уходѣ за отарами. Въ этомъ видѣ она существуетъ въ Черноморіи, въ сѣверной части Таврической губерніи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Екатеринославской, въ войскѣ Донскомъ, бывшемъ Линейномъ, въ Ставропольской губерніи и, по всей вѣроятности, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ южной Россіи. Но во всѣхъ этихъ мѣстахъ она представляетъ чрезвычайно мало случаевъ дѣйствительнаго примѣненія артельнаго начала къ дѣлу, той организаціи, которая, надо полагать, была на югѣ Россіи въ былыя времена. Теперь организація чабановъ есть только снимокъ съ этой былой организаціи безъ всякаго внутренняго содержанія. Это — только слѣды артельной организаціи. Нынѣшніе южно-русскіе овцеводы воспользовались по наслѣдству этой формой и примѣнили ее къ своимъ единичнымъ хозяйствамъ. Необыкновенный ростъ и обособленіе скотоводческихъ хозяйствъ южно-русскихъ пановъ и богачей въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія и были

именно причинами окончательнаго исчезновенія артельной организаціи чабановъ съ ея прежнимъ содержаніемъ.

Въ настоящее время уже чрезвычайно рѣдки — чтобы не сказать не существующіе — случаи, когда нѣсколько хозяевъ соединяютъ свои стада вмѣстѣ и пасутъ ихъ сообща, исполняя каждый самолично обязанности чабана. Чаще бываетъ такъ, что хозяинъ входитъ въ «компанейскія» отношенія съ какимъ-нибудь лычманомъ, владѣльцемъ довольно значительнаго въ численномъ отношеніи стада. Затѣмъ, содержаніе другихъ чабановъ, наемъ земли для пастьбы и сѣнокоса, производство самого сѣнокошенія и проч. — все это ведется на общій счетъ и расходы распредѣляются на основаніи тѣхъ предварительныхъ условій, на которыхъ хозяинъ и лычманъ вступаютъ въ компанію. Но въ этихъ случаяхъ хотя одинъ изъ членовъ компаніи все-таки бываетъ и самъ чабаномъ. Гораздо распространеннѣе тѣ случаи, когда отдѣльные хозяева вступаютъ въ компанію съ цѣлію только аренды земли сообща подъ попасъ и сѣнокосъ, при чемъ каждый хозяинъ содержитъ свою отару независимо отъ другаго. Еще чаще бываютъ случаи, когда отдѣльные хозяева отаръ содержатъ вмѣстѣ «барановъ», т. е. только оплодотворяющихъ самцовъ, ежегодно въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ такихъ случаяхъ они содержатъ арбу и чабановъ на общій счетъ, при чемъ самое стадо барановъ составляютъ такимъ же образомъ, такъ составляются кущанки.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на все это, лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ въ такихъ мѣстахъ, какъ Черноморія, встрѣчались артели чабановъ въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова. По крайней мѣрѣ въ народныхъ сказаніяхъ этого края еще свѣжи воспоминанія о фактахъ, говорящихъ въ пользу существованія такого рода артелей. Такъ въ сказаніи о знаменитомъ когда-то въ Черноморіи народномъ разбойникѣ Яблуковѣ повѣствуется, между прочимъ, что въ послѣдній разъ этого разбойника поймала и передала въ руки начальства артель чабановъ. Артель эта состояла изъ тридцати человѣкъ и пасла нѣсколько отаръ вмѣстѣ. Все это были большею частію хозяева-ча-

баны. Во главѣ ихъ былъ одинъ главный чабанъ — «чабанскій отаманъ».

Если подобнаго рода артели или союзы артелей существовали въ это время, то существованіе ихъ, конечно, обусловливалось необходимостію особеннаго усиленнаго надзора и ухода за отарами, что въ свою очередь обусловливалось разбойничьими покушеніями со стороны черкесъ и обиліемъ въ странѣ волковъ. Въ этихъ же обстоятельствахъ надо, по всей вѣроятности, искать и причину строго дисциплинированнаго, почти военнаго характера чабанской организаціи, если только такой характеръ не есть продуктъ болѣе отдаленнаго прошедшаго, когда его носили всѣ артели, построенныя по типу Запорожской Сичи.

3. Организація конокрадовъ и скотокрадовъ въ Кубанской Области.

Конокрадство и скотокрадство составляетъ довольно распространенное и вопіющее зло въ Кубанской Области, какъ и вообще почти по всей Россіи; но за исключеніемъ, можетъ быть, калмыцкихъ и киргизскихъ степей, прилегающихъ къ юго-восточной Россіи, едва-ли найдется во всемъ нашемъ отечествѣ другое мѣсто, которое могло бы поспорить въ этомъ отношеніи съ Кубанской Областью. Зло это возросло и укрѣпилось здѣсь чисто на исторической почвѣ и чисто историческимъ путемъ. Ему споконъ вѣку способствовало обиліе скота въ краѣ и обширныя пустынныя степи, на которыхъ всегда можно было съ одинаковыми удобствами и ростить, и воровать, и скрывать рогатый скотъ и лошадей. Право собственности зачастую переходило здѣсь въ права захвата, и на оборотъ. Козачьи паны, пользуясь правомъ сильнаго, не брезгали отниманіемъ и присваиваніемъ «товара», т. е. рогатаго скота, и лошадей у обыкновенныхъ козаковъ, воры и конокрады наказывали въ свою очередь пановъ, черкесы и горскія племена угоняли скотъ вообще у козачьяго на-

селенія, а козаки съ своей стороны платили тѣмъ же черкесамъ. Однимъ словомъ, лошади и рогатый скотъ издавна служили въ Кубанской Области самымъ подвижнымъ и неустойчивымъ видомъ собственности. Можно даже сказать болѣе этого. Большая часть кореннаго населенія нынѣшней Кубанской Области — черноморцы, какъ прямые наслѣдники Запорожья, перенесли съ собою изъ этой своеобразной военной общины и обычное воззрѣніе запорожцевъ на захватъ скота и лошадей у враждебныхъ и чуждыхъ народностей, какъ на право пріобрѣтенія собственности, и этотъ взглядъ потомъ практически выражали въ самой жизни, примѣняя его нерѣдко даже къ собственности своего же собрата-козака.

Истыми, заправскими конокрадами въ Кубанской Области всегда считались «табунщики», всѣ остальные воры, даже «воры-товарчіи», т. е. пастухи рогатаго скота, сравнительно съ табунщиками — мелкота. Табунщикъ — лицо, такъ сказать, историческое; табунщики были въ Запорожьѣ, табунщики же оказались потомъ и въ Черноморіи. Но между тѣмъ какъ запорожскіе табунщики были вмѣстѣ съ тѣмъ и превосходными вояками, истыми «низовыми лыцарями», бывшими пастухами большею частію только періодически, временно, — Черноморскіе табунщики съ самаго возникновенія Черноморіи, т. е. съ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій, спеціализировали свою профессію. Сначала ими были только одни черноморцы-козаки, попавшіе въ кабалу и зависимость отъ вновь народившагося Черноморскаго панства, замѣнившаго собою запорожскую «Старшину». Панство, это, пользуясь своею властію и положеніемъ, вмѣсто того, чтобы держать нѣкоторыхъ расторопныхъ и ловкихъ козаковъ въ строю, «на кордонной линіи», брало ихъ къ себѣ въ услуги, приставляло ихъ къ своему хозяйству, къ табунамъ лошадей или стадамъ рогатаго скота, и заставляло ихъ «служить» здѣсь въ теченіе всей ихъ службы по войску, все то время, пока козакъ считался годнымъ для войсковой службы. Изъ этихъ-то спеціалистовъ-табунщиковъ и выработались впослѣдствіи отчаянные конокрады и ско

токрады. Уходъ за скотомъ и эти двѣ воровскія профессіи слились вмѣстѣ и стали неразъединимы.

Скоро къ этимъ кореннымъ табунщикамъ присоединились новые, пришлые. Это были разнаго рода бѣглецы изъ Россіи, «Иваны, непомящіе родства», и лица, приходившія въ Черноморію на заработки и извѣстныя здѣсь подъ именемъ «городовыківъ». Вмѣстѣ съ этимъ черноморскіе паны и богачи стали брать въ услуженіе изъ Ставропольской и Астраханской губерній и Земли войска Донскаго калмыковъ, самыхъ надежныхъ и принаровившихся пастуховъ и самыхъ завзятыхъ конокрадовъ и скотокрадовъ. Такимъ образомъ, лѣтъ двадцать или тридцать тому назадъ въ Черноморіи существовала уже цѣлая корпорація пастуховъ лошадей и рогатаго скота, состоявшая изъ разнаго рода проходимцемъ — изъ коренныхъ жителей, городовиковъ и калмыковъ, и промышлявшая помимо своихъ прямыхъ занятій воровствомъ лошадей и рогатаго скота. Такъ было прежде, такъ дѣлается и теперь, съ тѣмъ только различіемъ, что къ числу конокрадовъ прибавился новый элементъ — горцы, черкесы, и что самая организація конокрадовъ разрослась до громаднѣйшихъ размѣровъ и широко раскинула свои сѣти по всей Кубанской области и даже далеко за предѣлами ея.

Итакъ, душею организаціи кубанскихъ конокрадовъ, служатъ собственно табунщики. Я никогда не встрѣчалъ въ средѣ гулящаго и рабочаго люда лицъ типичнѣе табунщиковъ. Табунщики — крайне грубый, невоздержный и безнравственный народъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это смѣтливые, умные; удалые и отчаянные проходимцы и наѣздники. Тогда какъ вообще другіе пастухи — «чабаны» и «товарчіи» — отличаются ограниченностью и невѣжествомъ, табунщики составляютъ какъ бы исключеніе изъ общаго правила. Это своего рода «лыцари», прямые наслѣдники гайдамачества. Ихъ даже народъ нерѣдко называетъ гайдамаками; и дѣйствительно, если гдѣ сохранилось еще гайдамачество, такъ въ профессіи кубанскаго табунщика, хотя, конечно, и въ иномъ уже совершенно видѣ. Нужно посмотрѣть на табунщика, когда онъ одинъ-

одиношенекъ гдѣ-нибудь въ глухой степи съ одного маху накидываетъ любую лошадь въ табунѣ, будь она самая бѣшенная изъ бѣшенныхъ, ловко запутываетъ ее, треножитъ, сѣдлаетъ, садится и летитъ, сколько хватитъ силъ у лошади, не смотря на то, что лошадь «бьетъ задомъ и передомъ», становится на дыбы, а иногда и совсѣмъ опрокидывается съ всадникомъ, который всегда успѣетъ во время вытащить ногу изъ стремени съ ловкостью акробата, — нужно посмотрѣть на этого отчаяннаго наѣздника, чтобы во очію убѣдиться въ отвагѣ ловкости, смѣлости и неустрашимости лицъ этого рода. Въ степи табунщикъ — полный властелинъ, вселяющій своимъ видомъ и арканомъ далеко недружелюбныя чувства въ путникѣ. Въ темную ночь онъ — самый опасный врагъ собственности въ формѣ рогатаго скота и лошадей; въ праздникъ въ станицѣ — онъ первѣйшій кутила и буянъ; на базарѣ и ярмаркѣ онъ — нѣсколько странный рабочій. Вотъ, напримѣръ, къ пьющему водку или виноградное на ярмаркѣ въ «яткѣ» *) табунщику подходитъ козакъ и проситъ его объѣздить «неука», т. е. непріученную къ ѣздѣ лошадь. Табунщикъ пьянъ, еле держится на ногахъ, но тѣмъ не менѣе соглашается на предложеніе козака за извѣстную плату. Пьянаго и шатающагося табунщика торжественно ведутъ къ «неуку», усаживаютъ на него, — и этотъ пьяница какъ будто вдругъ преображается и стремглавъ летитъ на бѣшенно лошади куда-нибудь по дальше отъ жилищъ и людей въ степь, на просторъ. Часто въ такихъ случаяхъ бываютъ несчастія, часто пьяный табунщикъ платится ушибами колѣченьемъ или даже смертью за несвоевременное геройство. Разъ на ярмаркѣ въ Екатеринодарѣ я былъ свидѣтелемъ глубоко-трагическаго случая. Молодая, неприрученная еще лошадь, бѣснуясь, опрокинулась на степу вмѣстѣ съ сидѣвшимъ на ней и черезъ-чуръ выпившимъ табунщикомъ и убила его наповалъ, такъ какъ онъ не успѣлъ во время вытащить ногу изъ стремени и передняя лука

*) Палатка, какія устраиваются обыкновенно на южно-русскихъ ярмаркахъ для продажи вина.

сѣдла распорола ему животъ. Но такіе случаи все-таки бываютъ единичные, и не смотря на нихъ, табунщики занимаются объѣздкою неприрученныхъ лошадей, какъ излюбленнымъ ремесломъ, доступнымъ имъ открыто. И вотъ эти-то отчаянные наѣздники и плохіе поклонники чужой собственности въ формѣ скота и лошадей и составляютъ собственно основной элементъ въ организаціи кубанскихъ конокрадовъ и скотокрадовъ.

Существенныя черты этой организаціи заключаются въ слѣдующемъ: всю Кубанскую область можно разбить на отдѣльныя мѣстности или районы, лежащіе въ тѣхъ или другихъ естественныхъ или топографическихъ границахъ, такъ что въ одномъ районѣ можетъ, напримѣръ, находиться станица и прилежащіе къ ней хутора, въ другомъ нѣсколько станицъ и т. д. Каждому такому району будетъ соотвѣтствовать извѣстное количество живущихъ къ немъ конокрадовъ и скотокрадовъ, предводимымъ самою опытною въ воровствѣ и энергичною рукою, что всегда почти выпадаетъ на долю какого-нибудь табунщика. Каждая такая группа воровъ занимается воровствомъ главнымъ образомъ въ предѣлахъ своего района; другія, ближайшія и отдаленныя группы только помогаютъ ей, «способствуютъ», укрываютъ украденное, передаютъ съ рукъ на руки, сбываютъ и пр. Такимъ образомъ между всѣми группами существуетъ нѣчто въ родѣ общей взаимопомощи, въ родѣ взаимной гарантіи и ассоціаціонной связи.

Разумѣется, это общее изображеніе организаціи кубанскихъ конокрадовъ въ дѣйствительности не носитъ такого строго отчетливаго характера. Отдѣльныя лица въ группахъ часто преступаютъ предѣлы своихъ районовъ, воруя и въ другихъ мѣстахъ. Въ важныхъ случаяхъ всегда бываетъ такъ, что на воровство отправляются самые закаленные и изощренные въ дѣлѣ воры изъ разныхъ мѣстностей и районовъ. Но этотъ фактъ, что каждая мѣстность или районъ имѣетъ своихъ собственныхъ, такъ сказать, исключительно ея принадлежащихъ по мѣсту жительства воровъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и во всякомъ случаѣ играетъ весьма существенную роль въ

общей организаціи воровъ. Въ дѣйствительности онъ хорошо извѣстенъ повсемѣстно Кубанской области и въ особенности въ той части ея, которая составляла прежде Черноморію. Въ любой станицѣ жители перечтутъ вамъ по именамъ мѣстныхъ воровъ и назовутъ главныхъ ихъ коноводовъ — какого-нибудь Олексу Шкареду или Онухрія Гарбуза.

Но этимъ собственно и ограничиваются общія свѣдѣнія о разныхъ группахъ воровъ въ организаціи кубанскихъ конокрадовъ и скотоградовъ. Дальше трудно и почти невозможно стороннему человѣку проникнуть въ тайны этихъ исторически выработавшихся мошенниковъ. Внутреннія, интимныя стороны и отношенія воровъ въ разныхъ группахъ мало извѣстны. Объ этихъ сторонахъ и отношеніяхъ можно судить только гадательно на основаніи единичныхъ фактовъ.

Тѣмъ не менѣе все-таки можно отмѣтить три общія черты, характеризующія взаимныя отношенія разныхъ членовъ въ общей организаціи конокрадовъ и скотокрадовъ. Можно, напримѣръ, сказать положительно, что воры преслѣдуютъ и караютъ пошатнувшихся и выдавшихъ своихъ сотоварищей членовъ. Положительно достовѣрно также и то, что въ случаѣ неудачи и поимки воровъ, въ особенности ихъ коноводовъ, сотоварищи стараются выручить изъ бѣды попавшихся выставленіемъ ложныхъ свидѣтелей, подкупомъ властей, взятіемъ на поручительство и проч. Наконецъ, самое положеніе разнаго рода воровъ въ организаціи различно, смотря по вороватости того или другаго члена. Чѣмъ искуснѣе и рьянѣе обыкновенно воръ, тѣмъ большимъ вліяніемъ, а слѣдовательно, и болѣе виднымъ положеніемъ, пользуется онъ въ средѣ товарищества. По крайней мѣрѣ это можно легко подмѣтить въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Когда воры кутятъ, напримѣръ, въ кабакѣ, то коноводы заправляютъ обыкновенно даже кутежемъ, играя роль *настоящихъ царьковъ* между своими младшими сотоварищами. Въ силу такого различія въ положеніи, не всѣ воры, по всей вѣроятности, одинаково посвящены въ тайны организаціи. Главныя нити организаціи находятся

въ рукахъ воротилъ, при чемъ воротилами, заправителями дѣла, являются только самые испытанные изъ нихъ, а всѣ прочіе играютъ ту или другую второстепенную роль, дѣйствуютъ по указанію, въ извѣстныхъ границахъ и по извѣстному, предначертанному другими плану. По крайней мѣрѣ тотъ фактъ, что попавшіеся въ руки властей мелкіе воры, выдавая своихъ сотоварищей, не могутъ все-таки, при всемъ своемъ желаніи, выдать болѣе существенныхъ тайнъ организаціи, видимо говоритъ за это.

Такимъ образомъ, касательно отношеній разныхъ членовъ организаціи, непосредственно участвующихъ въ воровствѣ, можно сказать, одно, что по положенію они дѣлятся по крайней мѣрѣ на двѣ группы — на старшихъ и младшихъ, или на коноводомъ и руководимыхъ, зависимыхъ. Первая группа, конечно, значительно меньше второй по своему составу. Ее составляютъ главнымъ образомъ такія лица, какъ табунщики И это само собою понятно. Табунщикъ располагаетъ для воровской профессіи большими средствами, чѣмъ другіе воры: онъ всегда имѣетъ подъ руками достаточное количество лошадей, чтобы сѣсть на любую изъ нихъ и въ одну ночь изъѣздить сотню верстъ въ окружности и «вынюхать», т. е. разузнать, гдѣ и что «плохо лежитъ», а при случаѣ и прихватить это «плохо лежащее». Въ составъ второй группы, кромѣ разнаго рода табунщиковъ, «поварчіевъ» и «чабановъ» (весьма рѣдко, впрочемъ, ворующихъ, по чаще посвященныхъ въ воровскія тайны потому уже, что имъ, постоянно живущимъ въ степи, часто приходится быть невольными свидѣтелями воровства лошадей и рогатаго скота), входятъ и вообще мелкіе станичные воришки, не брезгающіе ни «діжечкой сала», ни «оклункомъ борошна», ни «новымъ лентваревымъ кожухомъ.

На извѣстное положеніе вора въ организаціи не имѣетъ никакого вліянія то или другое положеніе его въ жизни или принадлежность его къ извѣстной національности. Конокрады вообще космополиты своего рода. Коноводами одинаково бываютъ у нихъ и мѣстные жители-козаки, и пришлый иногородній людъ — «городовики», и

русскіе, и калмыки. Существенно важными въ этомъ отношеніи считаются опытность, ловкость и энергія вора, независимо отъ его національнаго происхожденія или извѣстнаго положенія въ обыкновенной жизни. Тутъ, слѣдовательно, играетъ главную роль своего рода естественный подборъ, и лишь тотъ занимаетъ въ силу этого подбора видное и главенствующее положеніе въ организаціи, кто оказывается болѣе пригоднымъ въ дѣлѣ, болѣе вліятельнымъ и практичнымъ при выполненіи его.

Но помимо лицъ, непосредственно участвующихъ въ воровствѣ, къ общей воровской организаціи принадлежатъ еще лица другаго сорта, не воры по профессіи, а только косвенные пособники воровъ. Это, во первыхъ, укрыватели или передержатели и, во вторыхъ, знахари и знахарки. На обязанности первыхъ лежитъ временное укрывательство украденныхъ лошадей и скота до тѣхъ поръ, пока не имѣетъ опасность быть открытымъ воровству и не представится случая продать украденное. Вторые способствуютъ яко-бы возвращенію украденныхъ лошадей или скота самимъ хозяевамъ, за извѣстное, разумѣется, вознагражденіе. Первыми бываютъ люди всевозможныхъ положеній и профессій, начиная съ пановъ и кончая какими-нибудь бѣдняками-хуторянами и бывшими ворами, перемѣнившими свою рискованную профессію на болѣе спокойное и выгодное занятіе укрывателей. Впрочемъ, укрывательство само по себѣ составляетъ прямую обязанность каждаго конокрада и скотоградa. Вторыми бываютъ только нѣкоторыя исключительныя личности изъ разнаго рода знахарей и знахарокъ, «ворожеекъ» и лекарокъ. Это большею частію отъявленно-дурныя личности, отличающіяся иногда ханженствомъ и quasi-богоугодною жизнію. Такимъ образомъ, къ категоріи косвенныхъ участниковъ въ организаціи конокрадовъ и скотокрадовъ, относятся не только мужчины, но и женщины, хотя и въ очень маломъ количествѣ, особенность, не встрѣчающаяся въ составѣ непосредственныхъ участниковъ воровской организаціи.

Собственно говоря, строгаго разграниченія между про-

фессіей укрывателей и профессіей знахарей, отгадывающихъ яко-бы, гдѣ находится украденное, не существуетъ. Въ общемъ воровскомъ дѣлѣ существенно важными оказываются только первые. Они составляютъ громадное большинство сравнительно съ участниками-знахарями; да и эти послѣдніе служатъ большею частію передержателями. Но разница заключается въ самомъ характерѣ профессій: первые все таки тайные участники воровскихъ дѣлъ; знахари же являются открытыми и безцеремонными представителями организаціи конокрадовъ и скотокрадовъ и играютъ въ этомъ отношеніи роль, при всей ея своеобразности, завѣдомо мошенническую, указывая мѣста и способы для отысканія украденнаго рогатаго скота или лошадей.

Вообще типъ знахаря или знахарки, какъ пособниковъ воровства, не лишенъ извѣстной доли оригинальности. Такими лицами бываютъ или нажившіеся старики-знахари, не пренебрегающіе никакими средствами для наживы, или жены воровъ, или же, наконецъ, жены разныхъ укрывателей и пособниковъ воровства. Это несомнѣнно умныя и ловкія личности съ выдержаннымъ характеромъ и умѣньемъ искусно разыгрывать свою роль. Пріобрѣтя славу искусныхъ отгадывателей, обладающихъ даромъ безошибочно указывать способы для отысканія украденнаго скота, знахари и знахарки самымъ безсовѣстнымъ образомъ эксплуатируютъ легкомысліе невѣжественнаго люда. Самые способы отгадыванія довольно разнообразны. Одни знахари и знахарки прямо, съ перваго слова просящаго указать, гдѣ находится уворованный скотъ, или даже только завидя просителя, начинаютъ прорицать, изображая изъ себя своего рода Пифій. «Знаю, говоритъ, напримѣръ, старикъ-знахарь пришедшему къ нему козаку, у котораго въ предыдущую ночь укрыли его «строеваго коня»,—знаю, зачѣмъ ты, сыну, ко мнѣ пришелъ. Ты ищешь своего буланаго... Лихіе люди... Видѣлъ... Знаю... буланый былъ въ сараѣ... Потомъ.... чрезъ греблю (плотину)... Найдына подына... Ясени.... Ищи своего буланаго за ясенями по балкамъ»! Козакъ благодаритъ знахаря, отправляется за Ясени и дѣйствительно за этою рѣкою въ степныхъ оврагахъ находитъ свою про-

павшую лошадь. Иныя, женщины большею частію, ворожатъ на картахъ и также, или прямо указываютъ мѣсто, гдѣ можно найдти пропавшее, или же называютъ лицъ, къ которымъ долженъ обратиться пострадавшій для отысканія пропавшей лошади или коровы и которымъ яко бы ворожея «поспособствуетъ» своими магическими нашептываніями. Такія посредствующія лица, если къ нимъ обращаются, дѣйствительно ѣздятъ день или два гдѣ-нибудь въ глухихъ мѣстахъ и «находятъ» пропавшій скотъ. Третьи даже собственныхъ своихъ дѣтей употребляютъ для ворожбы, напр., на водѣ. Это дѣлается такимъ образомъ. Въ комнатѣ ставятъ обыкновенно кадушку чистой, «непочатой», т. е. въ первый разъ утромъ изъ колодца взятой, воды, и съ разсвѣтомъ заставляютъ ребенка смотрѣть въ эту кадку. Это дѣлается обыкновенно въ то время, когда предметы начинаютъ слабо отражаться въ водѣ. Тутъ же присутствуютъ пострадавшій и ворожея, старающаяся настроить извѣстнымъ образомъ воображеніе ребенка, если онъ заранѣе не подъученъ, что ему надо говорить. «Смотри гарненько, Иване, говоритъ ворожея сыну, чи не видно въ воді сіраго быка»? Утренняя тишина, таинственная обстановка, чуть замѣтныя отраженія предметовъ въ водѣ — все это настраиваетъ такимъ образомъ ребенка, что ему дѣйствительно кажется, будто онъ видитъ въ водѣ «сіраго быка».— «Бачу! (вижу) бачу»! восклицаетъ ребенокъ. «Вілъ! (быкъ) вілъ!...» «А гляди-жъ, куда вінъ пішовъ? продолжаетъ ворожея, чи не туда, де Мегута?»—«Прямо!.. На право! на право!.. на Мегуту пішовъ»! восклицаетъ ребенокъ. «Одинъ? снова спрашиваетъ ворожея, чи може хто его повівъ?..» «Чоловікъ! восклицаетъ ребенокъ, чоловікъ»! И рядомъ такихъ нехитростныхъ вопросовъ ворожея указываетъ мѣсто, гдѣ можно отыскать пропавшаго быка.

За свои отгадыванья знахари и знахарки получаютъ вознагражденіе двоякимъ образомъ: одни—сколько дадутъ кліенты, другіе—по уговору. Въ первомъ случаѣ всегда обыкновенно бываетъ извѣстно, съ какимъ «гостинцемъ», т. е. падаркомъ, и въ какомъ случаѣ нужно идти къ знахарю или къ знахаркѣ. Если же «гостинецъ» окажется

неудовлетворительнымъ, то знахарь просто вынудитъ повторить приношеніе, скажетъ, напримѣръ: «поищи своего добра тамъ-то, а если не найдешь—приходи снова ко мнѣ... Богъ дастъ твое добро отыщется»! Проситель, не найдя своего добра на указанномъ мѣстѣ, снова идетъ съ «гостинцемъ» къ знахарю, который и указываетъ ему новое мѣсто. Но бываютъ также случаи прямаго уговора о размѣрѣ вознагражденія знахаря за его указанія. Въ одной изъ приекатеринодарскихъ, напр., станицъ жилъ старикъ-знахарь, который прямо назначалъ плату за свои услуги. Такъ, напр., у одного простака пана пропали двѣ пары ѣзжалыхъ быковъ ночью во время выпаски ихъ въ пути. Пану совѣтуютъ обратиться за помощію къ старику-знахарю. Невѣжественный панъ отправляется къ знахарю. «Здравствуй, ваше благородіе»! встрѣчаетъ его этотъ послѣдній, первый разъ видящій въ глаза. «Знаю, чего тебѣ отъ меня надо... У тебя двѣ пары воловъ пропало. Что-жь? Можно поворожить... Богъ дастъ, узнаемъ, гдѣ они»? Панъ проситъ узнать. Знахарь безъ церемоніи заводитъ рѣчь о вознагражденіи. «Сколько жъ тебѣ»? спрашиваетъ панъ. «Пятьдесятъ карбованцівъ», т. е. рублей, категорически заявляетъ знахарь. «Много, діду»! замѣчаетъ панъ. «А волы твои еще дороже стоятъ, возражаетъ ему на это всезнающій знахарь. На проводахъ въ Щербиновской ярмаркѣ тебѣ давали по сту карбованцевъ за каждую пару, а найдешь, Богъ дастъ, еще больше возмешь»! Панъ почесываетъ затылокъ и отдаетъ пятьдесятъ карбованцевъ. За то онъ дѣйствительно отыскиваетъ своихъ быковъ. Они были привязаны къ колу въ глубокой балкѣ за Керпильцами, въ юртѣ станицы Медвѣдовской,—точь въ точь какъ предсказалъ «дідъ». «Поробивъ, мабудь, дідъ такъ, що самъ злодій (воръ) привязавъ къ наколу моіхъ волівъ», — объяснялъ впослѣдствіи это совпаденіе обстоятельствъ простодушный панъ.

Такова-то въ общихъ чертахъ организація кубанскихъ конокрадовъ и скотокрадовъ, раскинувшая свои сѣти не только въ предѣлахъ области на разстояніи десятковъ и сотенъ верстъ, но имѣющая несомнѣнно связи съ раз-

наго рода темнымъ людомъ и за предѣлами ея. Въ разныхъ мѣстахъ Кубанской Области она имѣетъ десятки своихъ членовъ и живетъ видимо извѣстнаго рода обычаями и традиціями, постепенно расширяясь и расширяясь. Такъ, въ послѣднее время она втянула въ свое дѣло совершенно новыхъ лицъ, каковы, напр., черкесы.

Какъ самобытное явленіе, организація эта имѣетъ свои спеціальные пути для сбыта краденнаго, «шляхи», по которымъ ея члены гонятъ украденный скотъ, имѣетъ своихъ агентовъ и покупателей. Рѣка Кубань дѣлитъ въ настоящее время на двѣ главныя области воровскую дѣятельность этой организаціи—на «закубанскую» и «при-ейскую». Украденный скотъ въ ейской и при-ейской мѣстностяхъ сбывается за Кубань, и наоборотъ: украденные лошади и скотъ въ закубанскихъ мѣстахъ «идутъ, по мѣстному выраженію, на ейску». Есть кромѣ того и другіе мелкіе пути для сбыта краденнаго скота—«на Тамань и на Керчь», «на Линію», «на Донъ» и проч. Воры, разумѣется, прекрасно знаютъ всѣ эти пути и съ удивительною быстротою сбываютъ по нимъ украденныхъ лошадей и скотъ. Случается, напр., что въ одну ночь они угоняютъ украденное за сто верстъ отъ мѣста покражи, угоняютъ скрыто, тайно вдали отъ жилищъ и поселеній, глухими тропками, плавнями и оврагами. Я знаю, напр., случаи, когда пятьнадцать лошадей, украденныхъ въ районѣ станицы Новодеревянковской, черезъ двое сутокъ были проданы и отправлены чрезъ Таманскій проливъ въ Керчь, т. е. за двѣсти слишкомъ верстъ отъ мѣста покражи. И такіе случаи совершаются почти открыто, съ явною дерзостью и нахальствомъ, а зачастую даже съ ухарскою передачею подробностей воровства самими ворами. Что это за странная нестѣсняемость? Чѣмъ она обусловливается? — Просто тѣмъ, что зло возросло и укрѣпилось здѣсь исторически, что воры имѣютъ открытую поддержку, и если не пользуются почетомъ, то вселяютъ въ окружающихъ какой-то почтительный страхъ. Ихъ боятся, имъ потакаютъ, у нихъ заискиваютъ... Въ качествѣ табунщиковъ и «товарчіевъ», воры считаются вѣрнѣйшими слугами

у пановъ и богачей. «Не будь своего вора, открыто разсуждаютъ здѣшніе паны и богачи, чужіе воры все добро растащутъ... Лучше-жъ имѣть своего вора. По крайней мѣрѣ спокоенъ будешь, что ничто ужъ у тебя не пропадетъ, а если и пропадетъ, то свой (т. е. воръ) чрезъ своихъ (т. е. другихъ воровъ) всегда найдетъ. И паны, и богачи дѣйствительно всегда гарантируютъ этимъ, далеко непохвальнымъ способомъ «свое добро» отъ расхищенія, предоставляя тѣмъ самымъ полнѣйшую потачку ворамъ и показывая на дѣлѣ, что среди ихъ не умерли еще старыя традиціи, позволявшія ихъ предкамъ не стѣсняться по отношенію къ увеличенію своей движимой собственности. Чуть ли не съ помощію открытыхъ грабежей. Но за то еще съ большею тяжестью конокрадство и скотокрадство ложится на беззащитный, мелкій и бѣдный людъ: бѣднякъ платится послѣднею лошаденькою или коровою, охраняя такимъ косвеннымъ образомъ отъ расхищенія «добро» людей чиновныхъ и богатыхъ.

Оглавленіе.

стр.

Южно-русскія артели и общинно-артельныя формы . . . 1

Артели типа Запорожской Сичи:

1) Чумацкія валки и ватаги 129
2) Забродческія ватаги 176
3) Артели запорожскихъ охотниковъ 196
4) Общество днѣпровскихъ лоцмановъ 199
5) Артели днѣпровскихъ рѣчныхъ рабочихъ и матросовъ . 207
6) Артели малорусскихъ торговцевъ-ходебщиковъ. . . . 212

Артели переходнаго и смѣшаннаго типовъ:

1) Крымскія солепромышленныя артели. 215
2) Косарскія артели 233

Земледѣльческія и сельско-хозяйственныя артели или общинно-артельныя формы:

1) Толока 245
2) Обычай «спрягаться» 253
3) Артели половинщиковъ и артели съ части. . . . 263
4) Артели нѣженскихъ табачницъ 273
5) Гуртова 279
6) Арендаторскія артели. 287
7) Новѣйшія земледѣльческія артеле-общинныя формы . . 296
8) Артели чередниковъ 306
9) Почтовыя артели 313

Артели великорусскаго типа:

1) Артель севастопольскихъ лодочниковъ 316

стр.

2) Артели бендюжниковъ или «дрогалей» 323
3) Артели плотниковъ и каменьщиковъ 331

Разныя артели:

1) Батальонныя артели 338
2) Артели нищихъ 341

Приложенія (отъ-артельныя формы):

1) Рождественскія складки 348
2) Слѣды артельной организаціи чабановъ 362
3) Организація конокрадовъ и скотокрадовъ въ Кубанской области 367

Цѣна 2 руб.

Acme
Co., Inc.

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

WIDENER
SEP 2 4 1997
CANCELLED

JAN 2 - 1979 ILL

CANCELLED

SEP 3 1987 ILL

CANCELLED

2077635

WIDENER
SEP 2 4 1997
CANCELLED

STALL-STUDY
CHARGE

WIDENER
SEP 2 4 1997
CANCELLED

SEP 10 1997

BOOK DUE

WIDENER
MAY 0 1 2002
CANCELLED

WIDENER
JAN 3 1 2000
CANCELLED

BOOK DUE

WIDENER
MAY 0 1 2002
CANCELLED

NOV 18 1999

BOOK DUE

2000

BOOK DUE